

Заслуженный профессоръ Д-ръ Н. Н. ГЛУБОКОВСКІЙ.

Св. Апостоль Лука, Евангелистъ и Дѣписатель.

Явися благодать Божія,
спасительная всѣмъ чело-
вѣкомъ.

Тим. II, 11.

СОФІЯ (БОЛГАРІЯ).

1 9 3 2.

Во славу
„святой Академіи“ С.-Петер-
бургской, обеспечившей мнѣ
научное „служеніе Слову“,
признательный сочленъ

Внутренняя историографическая связь третьяго Евангелія и книги Дѣяній.

Бываютъ блестящія идеи, которыя быстро тускнѣютъ при своемъ осуществленіи и становятся даже мрачнымъ или зловѣщими. Каждый знаетъ и множество теорій, обѣщающихъ обновленіе, созиданіе и прогрессъ, а при своемъ приложеніи оказавшихся мертвящими и разрушительными. Еще болѣе такихъ „практическихъ“ проектовъ, которые манятъ творческою активностію, на дѣлѣ же получается, что это—вздорныя фантазіи, вносящія хаосъ и ужасъ. И безконечно количество этихъ страшныхъ и мучительныхъ контрастовъ, терзающихъ и калѣчащихъ всю человѣческую исторію. Только сама жизнь даетъ истинную, этически-фактическую цѣнность нашимъ замысленіямъ, которыя оправдываются ею и въ свою очередь сообщаютъ всякой феноменальной реальности внутреннюю устойчивость и принципиальное достоинство.

Объ эти стороны необходимы объективно, почему обязательно соображать ихъ и при разсмотрѣніи всякаго важнаго историческаго явленія, чтобы выяснить Его подлинную природу и надлежащее мѣсто въ преемственномъ развитіи мірового процесса. Именно этимъ рѣшающимъ масштабомъ св. Лука соизмѣряетъ христіанство, показывая намъ послѣднее и въ собственномъ исповѣданіи и въ фактическомъ утвержденіи соотвѣтственно своему ученію, когда они должны были взаимно гармонировать и другъ друга обеспечивать по бытію и вліянію. Это есть безусловно гениальная концепція, свидѣтельствующая объ исключительной ученой проницательности великаго мастера историографіи, но она же говоритъ и о безмѣрной вѣрѣ вдохновеннаго христіанина, который не побоялся повергнуть свой идеалъ на судъ исторіи и въ такомъ видѣ завѣщать всѣмъ будущимъ вѣкамъ, какъ неугасаемый и спасительный свѣтильникъ всякой разумной жизни, гдѣ онъ засіялъ чудотворною зизидательностію съ самаго начала своего возникновенія и практическаго примѣненія.

Въ этихъ отношеніяхъ третье Евангеліе и книга Дѣяній эссенціально неразрывны между собою и направляютъ къ совмѣстному разсмотрѣнію, открывая намъ всѣ удобства постигнуть исторіографическую концепцію во всей идейной и реалистической глубинѣ и всецѣло понявъ самое явленіе христіанства по его существу и значенію.

Но какое фактическое касательство имѣлъ къ нему авторъ? Съ какими особенностями выступаетъ онъ на страницахъ своего труда?

Писатель третьяго Евангелія и книги Дѣяній по указаніямъ ихъ.

Здѣсь имѣется нѣсколько опорныхъ пунктовъ, которые должны обезпечить прочные результаты, если мы не будемъ напередъ отказывать въ историческомъ довѣріи къ наличнымъ каноническимъ документамъ. Въ нихъ прежде всего съ полною рѣшительностію выражается, что третье Евангеліе и книга Дѣяній принадлежатъ одному автору ¹⁾. Затѣмъ съ достаточною убѣдительностію можно теперь утверждать, что вторая обязана тому же лицу, что и отрывки ея, гдѣ выступаетъ самъ повѣствователь подъ формою „мы“ въ качествѣ непосредственнаго спутника эллинскаго благовѣстника ²⁾, а изъ всѣхъ близкихъ сотрудниковъ его наиболѣе отвѣчаетъ всѣмъ отмѣченнымъ условіямъ Апостоль Лука.

Значитъ, оба писанія мы должны относить именно къ послѣднему, при чемъ — кромѣ тѣсныхъ связей со св. Павломъ — характернымъ для него будетъ, что онъ былъ врачъ (Кол. IV, 14) и посему обладалъ общею культурно-

¹⁾ Ср. и J. Friedrich, Das Lucasevangelium und die Apostelgeschichte Werke desselben Verfassers, Halle a. S. 1880, гдѣ основной тезисъ аргументируется вполне убѣдительно, хотя статистика разныхъ сближеній не всегда исправна. Сомнѣнія по сему предмету патентованныхъ критиковъ (напр., J. H. Scholten'a) отвергаетъ и Prof. Ad. Jülicher (Einleitung in das N. T., Freiburg i. Br. und Leipzig 1894, S. 261).

²⁾ Лишь по предвзятому пристрастію Prof. Ad. Jülicher категорически утверждаетъ (Einleitung, S. 1262), что авторъ книги Дѣяній — не ученикъ и не спутникъ Апостола Павла. Наоборотъ, Sir. John Hawkins свидѣтельствуетъ (Horae Synopticae, Oxford 1899, p. 154), что писатель отдѣловъ „мы“ тождественъ съ „главнымъ авторомъ“ третьяго Евангелія и книги Дѣяній.

стію и спеціальною образованностію тогдaшняго интеллигентнаго челоуѣка, въ частности и исторіографическою ¹⁾).

Въ результатѣ выходитъ, что возможнымъ писателемъ для третьяго Евангелія и книги Дѣяній является св. Лука, но — въ случаѣ несомнѣнности этой мысли — самыя произведенія должны отличаться двумя особенностями: — 1) тѣсною близостію къ Апостолу Павлу и 2) безспорной „ученой“ интеллигентностію автора.

Находятъ ли эти черты потребное соотвѣтствіе въ теперешнемъ текстѣ?

1) По первому признаку мы должны заключать, что, будучи въ постоянномъ общеніи со своимъ великимъ учителемъ, Лука неизбѣжно проникался его настроеніемъ и воззрѣніями, носящими павлинистическій характеръ. Разумѣется, это должно было оставить и на писаніяхъ типическій слѣдъ, для котораго обязательно прямое вліяніе или косвенное преломленіе благовѣствующей личности св. Павла. Но здѣсь только псевдо-Дорошей и одинъ Московскій манускриптъ ²⁾ говорятъ о зависимости Луки отъ Петра, а всѣ прочіе авторитеты древности отсылаютъ къ Апостолу языковъ. Такъ, уже Мураторіевъ фрагментъ констатируетъ у Луки отраженіе мнѣній Павловыхъ (ex opinione, sc. ejus — beati Pauli, conscripsit) и Ириней утверждаетъ, что „послѣдователь Павла изложилъ проповѣданное имъ ученіе“ (Contra haer. III, 1: Migne gr. VII, col. 845). Поэтому въ опроверженіе Маркіонитовъ и другихъ лжеучителей, навязывавшихъ эллинскому благовѣстнику свои доктрины, Ліонскій епископъ — ересеологъ смѣло апеллируетъ къ ограждающему покровительству Луки, ибо онъ вѣрно сохранилъ проповѣдь Павлову (III, 14: Migne gr. VII, 914). Тертулліанъ не менѣе рѣшительно называетъ Апостола Павла „озарителемъ Луки“ (illuminator Lucae), категорически заявляя, что во всѣхъ церквахъ апостольскихъ Lucae digestum Paulo adscribere solere (Adv. Marc. IV, 2, 5: Migne lat. II, 364, 367). Сходнымъ образомъ мыслилъ и Климентъ ал. (Strom. I, 21: M. gr. VIII, 885), Оригенъ даже допускалъ (in Matth. tom. I: M. gr. XIII, 829; snf. Eus. h. e. VI, 25: 6), что третье Евангеліе было

¹⁾ Лукіанъ Самосатскій (III в. по р. Хр.) сообщаетъ (Quomodo historia sit scribenda, 16), что врачъ Каллиморфъ въ предисловіи къ исторіи Парѣянъ рѣшительно утверждаетъ: οἰκεῖον εἶναι ἱατρὸς ἱστορίαν συγγραφεῖν.

²⁾ Christ. Frid. Matthaei, Evangelium secundum Lucam graece et latine, Rigae 1786, p. 4—5. Архим. В л а д и м і р ъ, Систематическое описаніе рукописей Московской Синодальной (патріаршей) бібліотеки, ч. I (Москва 1894), стр. 15—16, № 14, что это есть греческое Четвероевангеліе X вѣка.

одобрено Павломъ (τὸ τρίτον τὸ κατὰ Λουκᾶν, τὸ ὑπὸ Παύλου, ἐπαινούμενον εὐαγγέλιον), при чемъ въ словахъ послѣдняго о своемъ благовѣствованіи (Рим. II, 16, 25. 1 Кор. XV, 5. 2 Кор. VIII, 18) — вмѣстѣ съ Іоанномъ Златоустомъ (in Act. Apost. hom. I, 1: M. gr. LX, 15; cnp. in Matth. hom. IV, 1: M. gr. LVII, 40) — видитъ (in Luc. hom. I: M. gr. XIII, 1804) ясное указаніе на письменное произведеніе своего спутника (ср. Eus. h. e. III, 4 и Hieron. De viris ill. 7). Амвросій Медиоланскій былъ не чуждъ такого пониманія (Expos. Evang. sec. Lucam I, 11: denique etiam a sancto apostolo Paulo testimonium meruit diligentiae. Sic etiam laudat Lucam въ 2 Кор. VIII, 18), которое Евсевій приводитъ въ качествѣ распространеннаго преданія (h. e. III, 4: 8: полагають — φασὶ δέ, что о его — Луки — Евангеліи упоминаетъ Павелъ — μνημονεύειν δὲ Παῦλος εἰσθεὶς, когда, будто о какомъ то собственномъ, говорить: „по благовѣствованію моему“), а блаж. Іеронимъ сообщаетъ это, какъ догадку другихъ (De viris ill. 7 ap. M. lat. XXIII, 621: quidam suspicantur, quotiescunque in epistolis suis Paulus dicit „juxta Evangelium meum“, de Lucae significare volumine). Въ „Синописѣ“ псевдо Аѳанасія (п. 76: M. gr. XXVII, 433) выражено съ рѣшительностію, что третье Евангеліе „продиктовано Апостоломъ Павломъ, записано же и издано блаж. Лукой, Апостоломъ и врачомъ“.

Безспорно, что въ этихъ свидѣтельствахъ многое преувеличено, а другое и совсѣмъ сомнительно¹⁾, но для насъ важно только основное положеніе, что вся древность находила у третьяго синоптика живые и типическіе отголоски проповѣди Павловой. При этихъ предвареніяхъ непрерывнаго и твердаго историческаго преданія получаютъ особенную силу пункты сходства между обоими писателями съ формальной стороны и по содержанію. Въ лексическомъ отношеніи языкъ третьяго Евангелія и книги Дѣяній весьма близокъ къ вокабуляру писаній Павловыхъ²⁾ и даже настолько, что Евангеліе Луки и подлинныя Павловы посланія имѣютъ общихъ между собою 83 слова, какихъ нѣтъ въ другихъ Евангеліяхъ; изъ нихъ 32 встрѣчаются въ книгѣ Дѣяній, гдѣ еще около 65 общихъ съ Павломъ³⁾. И замѣчательно, что подобныя совпаденія не рѣдко захватываютъ цѣлыя выраженія, по самому строенію фразъ, при идейной родственности (см. у Rev. A. Plummer, p. XLIV—XLV, гдѣ

¹⁾ См. A Critical and Exegetical Commentary on the Gospel according S. Luke by the Rev. Alfred Plummer, Edinburgh 1896, p. XLV.

²⁾ См. таблицы у Rev. A. Plummer, p. LIV—LIX.

³⁾ См. и Prof. Ad. Harnack, Die Apostelgeschichte: Untersuchungen (Leipzig 1908), S. 205.

отмѣчаются параллели Лк. IV, 32 и 1 Кор. II, 4; Лк. VI, 36 и 2 Кор. I, 3; Лк. VI, 39 и Рим. II, 19; Лк. VI, 48 и 1 Кор. III, 10; Лк. VII, 8 и Рим. XIII, 1; Лк. VIII, 12 и 1 Кор. I, 21. Рим. I, 16; Лк. VIII, 13 и 1 Θесс. I, 8; Лк. X, 7 и 1 Тим. V, 18; Лк. X, 8 и 1 Кор. X, 27; Лк. X, 16 и 1 Θесс. IV, 8; Лк. X, 20 и Филипп. IV, 3 = Псал. LXIX, 28; Лк. XI, 7 и Гал. VI, 17; Лк. XI, 29 и 1 Кор. I, 22; Лк. XI, 41 и Тит. I, 15; Лк. XII, 35 и Еф. VI, 14 = Иса. XI, 5; Лк. XII, 42 и 1 Кор. IV, 2; Лк. XIII, 27 и 2 Тим. II, 19; Лк. XVIII, 1 и Кол. I, 3. 1 Θесс. I, 11, равно Гал. VI, 9; Лк. XX, 16 и Рим. IX, 14, XI, 11. Гал. III, 21; Лк. XX, 22, 25 и Рим. XIII, 7. Лк. XX, 35 и 2 Θесс. I, 5; Лк. XX, 38 и Рим. VI, 11. Гал. II, 19. Лк. XXI, 23 и 1 Θесс. II, 16; Лк. XXI, 24 и Рим. XI, 25; Лк. XXI, 34 и 1 Θесс. V, 3—5; Лк. XXI, 36 и Еф. VI, 18; Лк. XXII, 53 и Кол. I, 13). Въ общемъ, у обоихъ проглядываетъ одинаковая заботливость въ старательномъ отѣненіи всѣхъ моментовъ мысли, чтобы она „рисовалась“ читателю съ возможною выпуклостію и наглядностію ¹⁾. Если и не преувеличивать аналогій въ рефератахъ касательно установленія таинства евхаристіи (Лк. XXII, 19—20 и 1 Кор. XI, 24—25), ибо теперешній текстъ третьяго Евангелія не отличается совершенною прочностію ²⁾, то во всякомъ случаѣ остается фактъ, что лишь Лука (XXIV, 34—36) и св. Павелъ (1 Кор. XV, 3—5) упоминаютъ о явленіи воскресшаго Господа Петру, какъ они же сохранили изреченіе Спасителя „достойнъ (есть) дѣлатель мзды своя“ въ тождественной редакціи (Лк. X, 7: *ἄξιός [γάρ] ὁ ἐργάτης τοῦ μισθοῦ αὐτοῦ [ἐστί]* и 1 Тим. 5, 18: *ἄξιος ὁ ἐργάτης τοῦ μισθοῦ αὐτοῦ*), между тѣмъ у Матѳея она читается нѣсколько иначе (X, 10: *ἄξιός [γάρ] ὁ ἐργάτης τῆς τροφῆς αὐτοῦ [ἐστί]*). Не менѣе значительно, что при сличеніи съ Апостоломъ языковъ наиболѣе удовлетворительно выясняются нѣкоторыя особенности концепцій и фразеологій третьяго синоптика. Напр., изъ рѣчи Христа противъ книжниковъ и фарисеевъ онъ одинъ приводитъ (X, 49) выраженіе „Премудрость Божія рече: послю въ нихъ пророки“, когда у Матѳея читается (XXIII, 34): „се Азъ послю къ вамъ пророки“. Такое наименованіе Искупителя понятнѣе всего со стороны ученика Павлова, поскольку эллинскій благовѣстникъ всегда проповѣдывалъ Христа, какъ „Божію силу и Божію премудрость“ (1 Кор. I, 24).

¹⁾ Ср. еще Rev. A. Plummer, p. 56, 322. Prof. Paul Schanz, *Commentar über das Evangelium des heiligen Lucas* (Tübingen 1883), S. 22—23. Rud. Cornely S. J., *Introductio specialis in singulos N. T. libros*, p. 130—131.

²⁾ См. о семъ и Prof. Th. Zahn, *Einleitung in das N. T.*, Bd. II³, S. 363 ff. 382. Prof. Ernst von Dobschütz въ „*Studien und Kritiken*“ 1905, I, S. 15₂.

По всѣмъ отмѣченнымъ даннымъ мы должны согласиться, что совпаденія двухъ писателей достаточно обильны и весьма характерны, а потому и не могутъ быть случайными. Внушительность этихъ наблюденій даже послужила основою для гипотезы, будто авторомъ третьяго Евангелія и книги Дѣяній былъ самъ св. Павелъ ¹⁾. Эта смѣлая догадка не оправдывается фактами сродства ни внутренняго или предметнаго ²⁾, ни языкового ³⁾, но и отсюда слѣдуетъ, что разсматриваемыя произведенія предполагаютъ въ составителѣ спутника Павлова ⁴⁾, чѣмъ хорошо подтверждается всеобщее преданіе, что это былъ Лука.

2) Тогда третье Евангеліе должно отличаться и несомнѣнными литературными преимуществами, ибо этотъ сотрудникъ Павловъ характеризуется въ качествахъ нарочито образованнаго чловѣка ⁵⁾, о которомъ блаж. Іеронимъ прямо говоритъ, что „онъ былъ весьма свѣдущъ въ медицинскомъ искусствѣ и гораздо лучше владѣлъ погречески, чѣмъ поеврейски; потому и рѣчь его какъ въ Евангеліи, такъ и въ Дѣянїяхъ Апостольскихъ легче и изящнѣе и запечатлѣна свѣтскимъ краснорѣчіемъ“. Все это въ достаточной мѣрѣ оправдывается самими писаніями. По согласному сужденію компетентныхъ специалистовъ, оба разсматриваемыя творенія отчетливо выдѣляются среди всѣхъ другихъ новозавѣтныхъ книгъ высокими литературными качествами, и въ этомъ отношеніи наряду съ ними можетъ быть поставлено развѣ только посланіе къ Евреямъ. Языкъ Луки отличается безспорными литературными достоинствами ⁶⁾, почему даже по масштабу классической рѣчи многое у него встрѣчаетъ одобреніе ⁷⁾. Подмѣнено ⁸⁾, что онъ избѣгаетъ не

¹⁾ См. Howard Heber Evans, St. Paul the Author of Acts of the Apostles and of the Third Gospel, London 1884.

²⁾ Rev. A. Plummer, p. XX.

³⁾ Theodor Vogel, Zur Charakteristik des Lukas nach Sprache und Stil, 1. Auflage, Leipzig 1897, S. 15, 17.

⁴⁾ См. Hieron. ad Damas. epist. XX, 4: M. lat. XXII, 378. Euseb. Quaest. ad Marin. 4: M. gr. XXIV, 961.

⁵⁾ In Isa. VI, 7: M. lat. XXIV, 98.

⁶⁾ См. о семъ Th. Vogel, Zur Charakteristik..., Leipzig 1897; 2 te Aufl. ibid. 1889. Rev. A. Plummer, p. XLVIII—LXVII. Prof. Fr. Blass въ „Neue Kirchliche Zeitschrift“ IX (1893), 7, S. 513—527.

⁷⁾ См. Prof. Eduard Norden, Die antike Kunstprosa II (Leipzig 1898), S. 485 ff. Cp. и Fr. Blass, Acta apostolorum (Göttingen 1895), p. 14 sqq.

⁸⁾ Prof. Albert Thumб, Die griechische Sprache im Zeitalter des Hellenismus (Strassburg 1901), S. 184.

только арамейских и латинских словъ (напр., *βαβελ*, *αγγαρεῖω*, *ἀμήν*, замѣняемое черезъ *ἀληθῶς*, и *κοδραντῆς*, передаваемое черезъ *λεπτόν*), но и эллинистическихъ выражений, которые отвергались аттиками (напр., *ἐσθίω* вм. *τρώω*, *ἀπό τοῦ νῦν* вм. *ἀπ' ἄρτι*, *σῶμα* вм. *πτῶμα*, *σπεῖρω* вм. *διασκορπίζω*), предпочитая эллинистическимъ формамъ болѣе соответствующія аттической грамматикѣ (напр., *ἐκάθισεν* по сравненію съ *κέκαθισεν*, *τίς* по сравненію съ *εἷς*, *ἐαυτοῦ* противъ *ἑδῖος*, *ἐπὶ λίτῃ* въ замѣну *ἐπὶ λίθου*; ср. въ Дѣян. *ἴσασιν* вм. эллинистическаго *οἶδασι(ν)*, *βούλομαι* вм. *θέλω* и др.). Вокабуляръ — очень богатый: въ обоихъ писаніяхъ исключительно ихъ собственностію во всемъ Новомъ Завѣтѣ является отъ 750 до 851 словъ, изъ коихъ 26 находимъ въ цитатахъ изъ LXX-ти; свойственныхъ только третьему Евангелію имѣются до 312 вмѣстѣ съ 11-ю въ ветхозавѣтныхъ выдержкахъ, и здѣсь немало терминовъ, встрѣчающихся въ классической литературѣ¹⁾. При этомъ свобода и разнообразіе конструкцій говорятъ о господствѣ автора надъ языковыми средствами, разъ классическія сочетанія употребляются у него наряду съ евраистическими, какъ ясно, напр., по примѣненію *ἐγένετο* (I, 8, 9. VI, 1), иногда прямо евраистическому (Дѣян. IX, 3. XXI, 1), а „описательныя времена“, или соединенія субстантивнаго глагола съ причастіями *ργαες* или *ργεῖ* вмѣсто простыхъ глагольных формъ давали просторъ для множества комбинацій. Правда, и вообще у Луки усматривается достаточно качествъ и элементовъ евраистическихъ; но а) все это находится по преимуществу въ отдѣлахъ репродуктивныхъ, воспроизводящихъ слова и рѣчи другихъ лицъ, и потому удостоверяетъ лишь точность передачи оригиналовъ (устныхъ или письменныхъ), напр., въ началѣ обоихъ произведеній; б) по современнымъ филологическимъ разысканіямъ (Alb. Thumb, Ad. Deissmann и др.), многое въ новозавѣтныхъ книгахъ (и у LXX-ти) напрасно считается евраистическимъ по происхожденію у того или дру-

¹⁾ См. Prof. C. F. G. Nösgen въ „Studien und Kritiken“ 1877, S. 468 ff., но точнѣ эти соотношенія раскрываются у Th. Vogel'я (по второму изданію) въ такомъ видѣ: общихъ съ греческимъ Ветхимъ Завѣтомъ (и каноническими книгами) — до 450 словъ, а съ писателями отъ Гомера до II—III в. по Р. Хр. — до 230 (изъ коихъ большинство раньше Филона и Иосифа Флавія: S. 12—13, 56—57), — при близкомъ соприкосновеніи съ прозаиками (ср. S. 19) въ родѣ Поливія, Діоскорида, Иосифа Флавія, хотя прямое знакомство съ ними не доказано (S. 13); наряду съ этимъ имѣется до 50-ти словъ, совсѣмъ неизвѣстныхъ ранѣе (въ другихъ памятникахъ) и встрѣчающихся уже у позднѣйшихъ авторовъ (S. 12, 55). Отсюда и богатство и классическій колоритъ вокабуляра Луки.

гого автора, ибо было принадлежностью всего „эллинистического“ языка, и в) даже эти отрывки получают у синоптика — Дѣеписателя такую литературную обработку, что значительно утрачивают свои евраистическія особенности и оказываются несравненно болѣе литературными по сравненію съ параллельными редакціями Маттея и Марка ¹⁾. Мы всюду видимъ стиль мастера слова (ein Sprachkünstler) ²⁾, достигающій иногда классическаго изящества, какое всѣми принимается въ евангельскомъ „прологѣ“ ³⁾, напоминающѣмъ свѣтскаго историка ⁴⁾.

Въ общемъ, всѣмъ этимъ для писателя третьяго Евангелія и книги Дѣяній удостовѣряется высокая литературная образованность ⁵⁾ тонкаго грека ⁶⁾, а это именно и требуется для признанія въ немъ историческаго Луки. Но этотъ спутникъ Павловъ былъ еще „врачемъ“, и здѣсь желательны конкретныя подтвержденія въ данномъ смыслѣ. По этому предмету имѣются поучительные факты, которые изобильно собраны и отчетливо сгруппированы у Dr'a W. K. Hobart'a ⁷⁾. Конечно, тутъ не обошлось безъ преувеличеній, но авторитетные ученые вполне соглашаются, что медицинская компетентность писателя аргументирована съ солидною убѣдительною ⁸⁾ и не можетъ быть отрицаема ⁹⁾. Специальная

¹⁾ Примѣры см. въ сопоставленіяхъ у Rev. A. Plummer, p. LXVI—LXVII.

²⁾ См. и у Prof. Ad. Harnack, *Lukas der Arzt der Verfasser des dritten Evangeliums und der Apostelgeschichte* (Leipzig 1906), S. 10, 80, 102, 146 („feiner Stilist Lukas“).

³⁾ Ср. и Prof. Fr. Godet, *Commentar zu dem Evangelium des Lucas*, zw. Aufl., Hannover 1890, S. 2.

⁴⁾ Th. Vogel, *Zur Charakteristik...*, S. 28—9.

⁵⁾ Th. Vogel, S. 21, 22, 27.

⁶⁾ Th. Vogel, S. 25, 31.

⁷⁾ *The Medical Language of St. Luke and Proof from Internal Evidence, that the Gospel according to St. Luke and the Acts of the Apostles were written by the same Person, and that the Wrighter was a Medical Man*, Dublin 1882.

⁸⁾ Prof. Th. Zahn, *Einleitung in das N. T.*, II¹, S. 427—428; II³ (Leipzig 1907), S. 433—434, 442—444. Rev. A. Plummer въ „*The Critical Review*“ XII, 6 (November, 1902), p. 490—492, и въ *A Commentary*, p. LXIII sqq. Prof. Ad. Harnack, *Lukas der Arzt*, S. 122—137. Prof. James Moffatt, *An Introduction to the Literature of the New Testament* (Oxford 1927), p. 298—300.

⁹⁾ Такую отрицательную позицію занимаетъ, напр., H. J. Cadbury, *The Style and Literary Method of Luke* въ „*Harvard Theological Studies*“ (Cambridge 1920, Harvard University Press).

точность и профессиональная окраска терминологии замѣтны во многомъ: ἀχλὺς о тѣмѣ, поразившей Елиму волхва (Дѣян. XIII, 11), не встрѣчающееся нигдѣ болѣе въ Н. З. и у LXX-ти, употребляется у Галена для особой болѣзни глазъ, а столь же единичное κραίπαλη (Лк. XXI, 34) примѣняется въ медицинскихъ трудахъ для тошноты, сопутствующей опьяненію; равно и unicum ὀδρωπικὸς (Лк. XIV, 2), повидимому, медицинского происхожденія. Въ сообщеніяхъ медицинского характера Лука гораздо обстоятельнѣе и пунктуальнѣе: горячку тещи Симоновой, не опредѣляемую другими синоптиками по степени (Мѡ. VIII, 14 и Мрк. I, 30 πυρέσσουσα), онъ квалифицируетъ чрезъ πυρετὸν μεγάλην (Лк. IV, 38), ибо тогда различались горячка большая и малая; въ отличіе отъ простаго λεπρός Мрк. I, 30 называется у Лк. V, 12 πλήρης λέπρας для констатированія высшей степени проказы; въ Дѣян. XXVIII, 8 терминами πυρετοῖς καὶ δυσεντερίῳ συνεχόμενος авторъ ясно описываетъ страждущаго гастрическою лихорадкой. Бросается въ глаза и то, что простонародныя выраженія своихъ предшественниковъ: κακῶς ἔχοντας (Мѡ. VIII, 16. Мрк. I, 32) и ἰσχύοντας (Мѡ. IX, 12. Мрк. II, 17) третій синоптикъ замѣняетъ технически корректными ἀσθενοῦντας (Лк. IV, 40) и ὑγιαίνοντας (Лк. V, 31), слишкомъ общія обозначенія ἀρρώστους (Мѡ. XIV, 14) и ἰάθη ὁ παῖς (Мѡ. VIII, 13) поправляетъ болѣе наглядными χρεῖαν ἔχοντας ἡεραπείας (Лк. IX, 11) и εὖρον τὸν ἀσθενοῦντα δοῦλον ὑγιαίνοντα (Лк. VII, 10). Одинъ Лука передаетъ о „врачебномъ чудѣ“ исцѣленія уха у Малаха (Лк. XXII, 51), отличаетъ демоническія одержанія отъ собственно болѣзней (Лк. VI, 18. XIII, 32. Дѣян. XIX, 12), упоминаетъ о продолжительности страданій (Лк. XIII, 11. Дѣян. IX, 33) и о возрастѣ исцѣленныхъ (Лк. VIII, 42. Дѣян. IV, 22) и онъ же удерживаетъ (Лк. IV, 23) „медицинскую пословицу“: врачу, исцѣлился самъ! вопреки прямому ходу рѣчи и — значитъ — какъ бы по привычкѣ, а книгу Дѣяній почти обрываетъ на цитатѣ Павловой (XXVIII, 26 — 27) изъ пророка Исаи (VI, 9 — 10), кончающейся словами: καὶ ἰάσομαι αὐτούς. Въ другихъ случаяхъ тоже сказывается медикъ, разъ Матѳеєво δακτύλῳ κινήσ ι (XXIII, 4) измѣняется у Луки (XI, 46) въ δακτύλῳ προσ!άβειν — съ глаголомъ явно медицинского оттѣнка, вмѣсто Маркова διὰ τρυμαλιᾶς τῆς ῥήιδος (X, 25) говорится διὰ τρήματος βελόνης (XVIII, 25) совершенно хирургически принятому языку¹⁾; для ὀθόνην

¹⁾ По W. K. Hobart'y, p. 60 sq., у Галена τοῖ κατὰ τὴν βελόνην τρήματος или τοῦ δια ῥήματος τῆς βελόνης нужно понимать такъ, что βελόνη есть игла для хирургическихъ цѣлей, а τρήμα — просверленная врачомъ дыра, между тѣмъ ῥαφίς обозначаетъ обыкновенную иглу.

τέσσαρσιν ἀρχαῖς καθιέμενον (Дѣян. X, 11 и ср. ст. 5) полезно припомнить Галеновское употребленіе ἀρχαὶ для концовъ — „краевъ“ (πέρατα) перевязей (οἱ ἐπιδεσμοί, часто и ὀθόνια, ὀθόνη). Существуетъ даже нѣкоторое литературное соприкосновение съ разными медицинско-фармацевтическими трудами ¹⁾, напр., современнаго Павлу Діоскорида Педакія (I в.), уроженца города Аназарва, лежавшаго верстахъ въ 70 — 80 отъ Тарса ²⁾, и его трактатъ Περὶ ὕλης ἱατρικῆς своимъ началомъ (Πολλῶν οὐ μὴ νον ἀρχαίων ἀλλὰ καὶ νέων συνταξαμένων περὶ τῆς τῶν φαρμάκων σκευασίας τε καὶ δυνάμεως καὶ δοκιμασίας, φίλτατε Ἄρειε, πειράζομα' σσι παραστήσαι μὴ κενὴν μηδὲ ἄλογον ὁρμὴν με πρὸς τήνδε τὴν πρῆγματεῖαν ἐσχηκέναι διὰ τὸ τοὺς μὲν αὐτῶν μὴ τετελειωκέναι, τοὺς δὲ ἐξ ἱστορίας τὰ πλεῖστα ἀναγράαι) немало сближается по самому строенію съ Евангельскимъ „прологомъ“, который въ этомъ отношеніи аналогиченъ и вступленію (Ὁ δὲ οὐ ἐπεχείρησαν περὶ ἱατρικῆς λέγειν ἢ γράφειν κτλ.) къ сочиненію Иппократа (между 460 — 350 г. г. до Р. Хр.) Περὶ ἀρχαίης ἱατρικῆς. Созвучіе тутъ безспорное ³⁾, хотя его и нельзя объяснять прямымъ литературнымъ пользованіемъ ⁴⁾, а тогда это будетъ опять же отраженіемъ профессиональных писательскихъ навыковъ.

По всему сказанному безспорна нѣкоторая медицинская компетентность синоптика — Дѣеписателя ⁵⁾, — и съ этой стороны онъ достаточно соотѣтствуетъ личности св. Луки, съ которымъ непринудительно отождествляется по своей образованности и по близости къ Апостолу Павлу. Въ связи съ этимъ приобретаетъ особенную силу голосъ преданія, всегда и согласно ⁶⁾ называвшаго третьимъ Евангелистомъ именно Луку, сотрудника Павлова. Его прямо указываетъ Мураторіевъ каталогъ отъ II в., а Ириней Ліонскій заявляетъ (Contra haer. III, 1: M. gr. VII, 845; cnpf. Eus. h. e. V. 10: 3), что „Лука, спутникъ Павла, изложилъ проповѣданное имъ Евангеліе“ (cnpf. I, 27: 2; III, 14: 1 — 3), которое Тертуллианъ ограждаетъ авторитетомъ церковей апостольскихъ противъ искаженій православнаго его типа (Adv. Marc. IV, 5: lat. II,

¹⁾ Ср. Prof. James Moffatt, An Introduction, p. 263-264.

²⁾ См. Th. Vogel. S. ¹¹⁷ и ср. во второмъ изданіи S. 8, 13. 61. Prof. Friedrich Blass, Philology of the Gospels (London 1898), p. 2—3, 5.

³⁾ См. у Rev. A. Plummer, p. 5—6.

⁴⁾ См. о семъ у Prof. Alb. Thumb, Die griechische Sprache im Zeitalter des Hellenismus, S. 225—226.

⁵⁾ Ср. и Th. Vogel, S. 27—8, 9

⁶⁾ Конечно, не въ счетъ замѣтка св. Іоанна Златоуста и Фотія о разногласіяхъ касательно автора книги Дѣяній (по однимъ—Климентъ Р., по другимъ — Варнава или Лука), о чемъ будетъ сказано при обзорѣ ній послѣдней.

366), Оригенъ считаетъ въ числѣ четырехъ Евангелій, безспорно принимаемыхъ повсюду (in Matth. tom. I: M. gr. XIII, 829; cnf. Eus. h. e. VI, 25: 4, 6), и Климентъ ал. ссылается на него (напр., Strom. I, 21: M. gr. VIII, 885). Въ этой ассоціаціи необходимо принять, что Іустинъ М. зналъ третье Евангеліе въ ряду Евангелійскихъ воспоминаній одного изъ учениковъ апостольскихъ (Dial. с. Tryph. 103). Конечно, Папій совсѣмъ не говоритъ о Лукѣ, но 1) для сего у него не было специально принудительныхъ поводовъ, какіе представлялись въ первоначальномъ языкѣ Евангелія Маттеева и въ „неупорядоченности“ Маркова изложенія, между тѣмъ третій синоптикъ достаточно рекомендуетъ себя въ самомъ своемъ „прологѣ“; при томъ же 2) отъ іеропольскаго епископа теперь мы имѣемъ лишь немногіе фрагменты, почему возможно исковое упоминаніе въ цѣломъ подлинникѣ, какъ по Анастасію Синаиту и дѣйствительно выходитъ, что третье Евангеліе было извѣстно Папію ¹⁾). По контрасту съ этимъ особенно важно, что имя св. Луки въ апостольскій вѣкъ не было настолько громкимъ и славнымъ, чтобы фальсификаторъ могъ воспользоваться его авторитетомъ для своего подлога или для анонимнаго сочиненія, ввести въ обманъ все преданіе и создать прочное и повсюдное церковное мнѣніе. Въ этомъ и Ренанъ видитъ большую историко-критическую загадку, не имѣющую удовлетворительнаго разрѣшенія ²⁾), а тогда послѣднее необходимо искать и признавать въ фактической несомнѣнности столь твердаго и всеобщаго убѣжденія, какъ основывающагося на подлинной истинѣ. И разъ подобное заключеніе достаточно подкрѣпляется содержаніемъ разсматриваемыхъ новозавѣтныхъ писаній, то здѣсь мы почерпаемъ законное научное право отправляться въ дальнѣйшихъ разысканіяхъ отъ того тезиса ³⁾), что

Св. Лука — писатель третьяго Евангелія и книги Дѣяній.

Личностію автора во многомъ освѣщается „природа“ и судьба его писаній, но въ данномъ случаѣ наши свѣдѣнія, къ сожалѣнію, весьма не обильны и далеко не вполне отчетливы. Три раза Апостоль Павелъ поименно упоминаетъ въ числѣ своихъ сотрудниковъ нѣкоего Луку и однажды въ такой связи, которая можетъ намекать на его происхождение

¹⁾ См. Вр. J. B. Lightfoot, Essays on the Work Entitled „Supernatural Religion“, p. 186, 200, и ср. Rev. A. Plummer въ „The Critical Review“ XII, 6 (November, 1902), p. 487.

²⁾ Les Évangiles (Paris 1877), p. 252; Les Apôtres, p. XVII.

³⁾ Ср. и Rev. A. Plummer въ „The Critical Review“ XII, 6 (November, 1902), p. 498.

ніе, ибо объ немъ и Димасъ говорится (въ Кол. IV, 14) послѣ предшествующаго замѣчанія (IV, 11), что разумѣмая прежде лица — „изъ обрѣзанія“, а этимъ косвенно подчеркивается, что прочіе — не таковы. Отсюда позволительно догадываться, что Лука былъ не еврейской крови, въ пользу чего основательно ссылаются ¹⁾ на Дѣян. XXVIII, 2, 4, гдѣ писатель противопоставляетъ себя „варварамъ“, а это было возможно лишь въ отношеніи грековъ и только по контрасту съ ними. И уже Оригенъ, несправедливо сопоставляя третьяго Евангелиста съ Лукіемъ (Дѣян. XII, 1), допускалъ, что Лука — слово не еврейскаго корня (ad Rom. XVI, 21: M. gr. XIV, 1288). Вѣроятно думать, что греч. Λουκᾶς явилось по сокращенію изъ Lucanus, употребляемаго въ древне латинскихъ кодексахъ (напр., Corbejensis и Vercellensis) а оно было обычно у жителей южной Италіи по мѣстности Lucania, между Кампаніей, Апуліей и Бруттиемъ (Ног. II, 1, 38). Это наблюденіе тоже подсказываетъ мысль о нееврейской національности Луки, поелику другого — еврейскаго — имени у него нигдѣ не предполагается. Достаточное подтвержденіе сему находится и въ томъ, что для Дѣписателя еврейская (арамейская) рѣчь оказывается какъ будто чужою, ибо воззваніе Петра при избраніи Матвія онъ передаетъ въ такой редакціи (I, 19): „земля та (купленная за 30 іудиныхъ сребрениковъ) на отечественномъ ихъ (іудеевъ) нарѣчїи (τῇ ἰδίᾳ διαλέκτῳ αὐτῶν) названа Акелдама“. Едва ли эта редакція принадлежит оригиналу, поскольку для самого оратора не могло быть подобной взаимной противности съ іудействомъ (даже въ іоанновскомъ смыслѣ), а тогда это мы должны усвоить уже редактору ради читателей по одинаково нееврейскому родству съ ними. Наряду съ этимъ припоминаютъ филологическое свидѣтельство (Lobeck'a Phrynichus), будто въ латинскихъ nomina propria окончанія на -as чаще всего встрѣчаются между рабами и либертами, служа сокращеніемъ болѣе пространныхъ формъ на — ius и — ilius, при чемъ среди этихъ классовъ константируется распространенность врачебнаго искусства (Suet., Cal. 8. Senec., De benef. III, 24. Quint. VII, 2, 26) ²⁾. Однако необходимо отмѣтить, что наше Lucas вышло не изъ Lucilius, и конечное — as, заключаясь въ самомъ Lucanus, не будетъ сословною характеристикой его носителя.

¹⁾ Prof. Ad. Harnack, Lukas der Arzt, S. 9.

²⁾ Согласно сему Hugo Grotius считалъ Луку вольноотпущенникомъ изъ дома Луциліевъ, предполагая, что въ Римѣ онъ научился врачебному искусству, а послѣ вериулся къ себѣ на родину — въ Антиохію.

³⁾ См. Prof. Th. Zahn, Einleitung in das N. T. II, S. 1336; 4; S. 1339: 4.

Но нашъ Лука, несомнѣнно, былъ врачомъ (Кол. IV, 14), и это профессиональное отличіе бросаетъ извѣстный свѣтъ на его личность. Медицина особенно культивировалась въ Римѣ среди рабовъ и вольноотпущенниковъ; изъ второго класса были и лейбъ-медики Юлія Цезаря и Августа Antistius и Antonius Musa. Тѣмъ не менѣе эта отрасль знанія достаточно развивалась и поддерживалась Римомъ. Такъ, уже при императорахъ здѣсь существовало высшее медицинское учрежденіе — Collegium archiatrorum — съ медицинско-полицейскимъ персоналомъ чиновниковъ, обязанныхъ контролировать практикующихъ врачей, которые начинали свою профессію подъ руководствомъ старшихъ и въ дальнѣйшей дѣятельности подлежали официальному надзору и подвергались взысканіямъ за свои ошибки ¹⁾. Если, при всемъ этомъ поощреніи медицинскихъ занятій, преимущественными двигателями ихъ были люди низкаго соціального состоянія, рабы и либерты, то — значитъ — они доставляли тогда наиболѣе интеллигентныхъ профессионаловъ. Въ силу этого по врачебному достоинству Луки мы заключаемъ, что онъ былъ человѣкъ образованный, и уже блаж. Иеронимъ писалъ: Lucas inter omnes Evangelistas graeci sermonis eruditissimus fuit, qui p r e u t m e d i c u s (ad Damas. epist. XX, 4: M. lat. XXII, 378). Но намъ извѣстно, что третій Евангелистъ обладалъ чуть ли не спеціальною свѣдомленностію въ соотвѣтствующей литературѣ, а это говоритъ о систематическомъ образованіи, которое получалось, конечно, въ языческой школѣ. Отправляясь отъ этого факта, проф. William M. Ramsay обращаетъ вниманіе на неожиданность привхожденія Луки въ свиту приближенныхъ спутниковъ и сотрудниковъ Павла. Разумѣется, фактически не могло быть подобной внезапности, а должно предполагать раннѣйшую связь непосредственнаго взаимообщенія. Но характеристика Кол. IV, 14: Λοῦκᾱς ὁ ἰατρός ὁ ἀγαπητός — распредѣленіемъ терминовъ фразы и повтореніемъ члена — ясно выражаетъ мысль Апостола, что это былъ свой для него врачъ ²⁾, возлюбленный ему по самому врачебному искусству ³⁾. Дальше выводится, что на почвѣ этой спеціальности создалось и окрѣпло тѣсное, дружеское знакомство данныхъ лицъ, откуда проектируется, что они были коллегами и товарищески сблизились по Тарсійскому Университету, гдѣ Павелъ изучалъ исторію и литературу, а Лука — медицину. Въ этой возможной гипотезѣ много увлекательнаго, но столько же и фантастич-

¹⁾ См. Prof. A. Tholück, Glaubwürdigkeit der evangelischen Geschichte, S. 129. Prof. Fr. Godet, Commentar, S. XVII.

²⁾ Prof. Ad. Harnack, Lukas der Arzt, S. 2, 3.

³⁾ Prof. Ad. Harnack, Die Apostelgeschichte, S. 34.

наго, чего нельзя ни оправдать, ни обосновать запросами фактических извѣстій, чтобы они непремѣнно требовали подобныхъ гаданій. Посему осторожнѣе будетъ ограничиться констатированіемъ крайне малой вѣроятности, чтобы до такихъ медицинскихъ утонченностей проходилъ спеціальныи факультетъ природный еврей, чѣмъ тоже подтверждается, что Лука не былъ іудеемъ. Это — скорѣе — язычникъ высокой культурности¹⁾, совершенно несомнѣнной по его писаніямъ, стилистически весьма литературнымъ и прагматически научно устроеннымъ.

Обращеніе эллиски просвѣщеннаго врача въ столь раннюю эпоху было великою побѣдой христіанства. Оно является слишкомъ чудеснымъ безъ подготовительныхъ предвареній, и уже изъ древности нѣкоторые допускали, что Лука былъ въ сонмѣ LXX-ти Апостоловъ (PS.—Origen., *De recta in Deum fide* I: M. gr. XI, 1721), Епифаній его — вмѣстѣ съ Маркомъ — причисляетъ къ ученикамъ, покинувшимъ Господа послѣ рѣчи о хлѣбѣ животномъ (In. VI, 66), усвояя позднѣйшій возвратъ вліянію св. Павла (*Contra haer.* LI, 11: M. gr. XLI, 908), другіе (Greg. M. *Moralia praef.* I, 3: M. lat. LXXV, 715. Theophil. in Luc. 24: M. gr. CXXIII, 1113; cnf. Simeon. *Metaphr.*, *Vita Lucae*: M. gr. CXV, 1136. Nicepph. *Call. h. e.* II, 43: M. gr. CXLV, 876) усматриваютъ въ немъ одного изъ Еммаусскихъ путниковъ. Всѣмъ этимъ указаніямъ и мѣчтаніямъ сильно противорѣчитъ собственное самосвидѣтельство третьяго Евангелиста, который относитъ себя къ позднѣйшей генераціи, смѣнившей „самовидцевъ“ Христовыхъ, какъ это принимали и древніе авторитеты (Murat. fragm.: „S. Lucam Dominum in carne non vidisse“. Hieron. *De viris illustr.* VII: „cum Domino in carne non versatum esse“). О томъ же говоритъ и „язычество“ Луки. Для ослабленія этого неудобства иногда допускали, что онъ былъ прозелитомъ (см. Hieron. *Quaest. in Genes.* XLVI, 26 ap. M. lat. XXIV, 98: „plerique tradunt Lucam Evangelistam, ut proselytum, hebraeas litteras ignorasse“), но это не требуется принудительно хорошею освѣдомленностью насчетъ религіозности іудейской и какъ будто прямо исключается упоминаніемъ Павла, клонящимся въ ту сторону, что, не бывъ „отъ обрѣзанія“, Лука и потомъ не подчинился обрѣзанности чрезъ прозелитство²⁾. Последнее было слишкомъ важно по религіозному значенію, если намѣренно подчеркивается у „діакона“ Николая Антиохійскаго (Дѣян. VI, 5), а потому нашло бы отчетливое от-

¹⁾ Th. Vogel, S. 27, 8, 9, 13, 19, 34, 35, 36.

²⁾ Prof. Th. Zahn, *Einleitung in das N. T.* I, S. 1318: 4.
³ 321: 4; II, S. 1335:2. 1338:2. Prof. Paul Ewald въ *Realen-cyklopädie* XI³ (Leipzig 1901), S. 690.

раженіе въ собственныхъ писаніяхъ и не было бы представлено столь спутанно въ позднѣйшемъ преданіи, отрицающемъ безспорный фактъ эллинской литературности Луки. Владѣніе арамейскимъ языкомъ понятно у Антіохійскаго уроженца и многолѣтняго спутника Павлова ¹⁾, виртуозное же знаніе греческой Библии могло быть приобрѣтено въ христіанствѣ ²⁾. Есть и другія косвенныя соображенія въ данномъ смыслѣ. Напр., авторъ книги Дѣяній выступаетъ на ея страницахъ подѣ формою „мы“ лишь съ момента отправления Павла на европейскій материкъ (XVI, 10), а фраза не очень позволяетъ думать, что онъ примкнулъ къ благовѣстнику именно здѣсь; отсюда открывается мѣсто догадки, что Лука сопутствовалъ ранѣе по Малой Азіи просто въ качествѣ личнаго врача Павлова, не выдѣляясь активно своимъ миссіонерскимъ участіемъ, а единственная причина тому могла быть только въ предубѣжденіяхъ, ради которыхъ былъ обрѣзанъ Тимоѳеемъ (XVI, 3) и который отгѣсняли Луку на второй планъ, какъ необрѣзаннаго. Впрочемъ, если присоединеніе и совершилось уже въ Троядѣ, — во всякомъ случаѣ этимъ свидѣтельствуется, что, выдвигаясь въ первые ряды, Лука почитался пригоднымъ для Македонскаго эллинизма, а это всего скорѣе достигалось культурно-національнымъ сродствомъ съ нимъ безъ іудейскаго отчужденія, ибо самъ св. Павелъ находилъ послѣднее неудобнымъ для миссіонерскихъ цѣлей, разъ выбралъ себѣ въ лицѣ Тимоѳея чловека смѣшанной крови, не склоннаго къ іудейству, коль скоро онъ сознательно оставался необрѣзаннымъ. Однимъ словомъ, прозелитизмъ Луки сомнителенъ, почти невѣроятенъ. Болѣе возможно и гипотетически одобряется комментаторами ³⁾, что онъ былъ среди эллиновъ, пожелавшихъ видѣть Господа на пасхѣ послѣ входа въ Іерусалимъ (Ін. XII, 20 сл.). Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ нималѣйшихъ подтвержденій сему, а намѣренное стремленіе позднѣйшихъ церковниковъ привести своихъ просвѣтителей въ непосредственную связь со Христомъ больше говоритъ о тенденціозномъ возникновеніи подобнаго гаданія и въ отношеніи Луки.

Исторія застаетъ его уже христіаниномъ въ Антіохіи Сирійской, поскольку въ Дѣян. XI, 27—28 по Д. Августину (*Sermo dom.* 2) и многимъ латинскимъ текстуальнымъ свидѣтельствамъ писатель оказывается въ рядахъ Антіохійскихъ учениковъ Христовыхъ, ибо тамъ говорится: *ἦν δὲ*

¹⁾ Prof. Ad. Harnack, *Lukas der Arzt*, S. 84, 3. Prof. James Moffatt, *An Introduction*, p. 267.

²⁾ Prof. Ad. Harnack, *Lucas der Arzt*, S. 9, 2.

³⁾ См. Rev. A. Plummer, p. XIX.

(или καὶ ἦν) ποτὶ ἀγαλλίσεις συνεστραμμένων δὲ ἡμῶν ἔφη εἰς ξ αὐτῶν ὀνόματι Ἀγαβος συμβαίνων διὰ τοῦ πνεύματος κτλ.. Это прежде всего убеждает насъ въ Антиохійской осѣдлости Луки, котораго издавна называли Антиохійцемъ (Eus. h. e. III, 4: 7. Comment. in Luc. у Mai I, 149, Hieron. De viris ill. VII и др.). Иные перетолковываютъ эти данныя въ томъ смыслѣ, что лишь родъ Луки былъ изъ Антиохіи, а самъ онъ происходилъ не изъ нея и жилъ въ другомъ мѣстѣ, какъ иногда думаютъ даже при согласіи съ редакціей D для Дѣян. XI, 28 ¹⁾). Но эта интерпретація, идущая противъ давней традиціи, — не самая ближайшая: она нарушаетъ естественную энергію соотвѣтствующихъ фразъ и дискредитируетъ себя соподчиненностію разнымъ частнымъ мнѣніямъ въ родѣ того, будто явившійся Павлу въ Троадѣ Македонянинъ (Дѣян. XVI, 9) совпадаетъ съ Дѣписателемъ, который поэтому оказывается Филиппійцемъ ²⁾, хотя другіе ученые рѣшительно утверждаютъ, что онъ не могъ бытъ и не былъ Македонцемъ ³⁾. Напротивъ, Антиохійское происхожденіе достаточно оправдывается апостольскою исторіографіей ⁴⁾, мирится со всѣми прочными фактами и даетъ ключъ къ ихъ уразумѣнію. Первое и главное — то, что авторъ обнаруживаетъ самое живое участіе къ Антиохіи и старается выдвинуть ее при всякомъ случаѣ, когда, напр., ни одного „діакона“ не указываетъ по топографической родственности и называетъ только Νικόλαον προσήλυτον Ἀντιοχέα (Дѣян. VI, 5), но эта прибавка, отсутствующая у другихъ болѣе видныхъ коллегъ Николаевыхъ, фактически не нужна и понятна лишь въ смыслѣ произвольной отмѣтки, что это — Антиохіецъ, нашъ. Повсюду мы видимъ близкую заинтересованность Дѣписателя судьбами Антиохіи до отгѣненія исключительной роли ея въ развитіи новой религіи, которой она дала имя и была исходнымъ пунктомъ миссіонерскаго возвѣщенія, ставши для христіанства какъ бы вторымъ Іерусалимомъ ⁵⁾.

Съ этой стороны данное преданіе объ Антиохійскомъ происхожденіи Луки является вполне надежнымъ ⁶⁾ и объ-

¹⁾ См., напр., Prof. Paul Ewald въ Realencyklopädie XI ³, S. 691, 693.

²⁾ Prof. W. M. Ramsay, St. Paul the Traveller, p. 202.

³⁾ Prof. Ad. Harnack, Lukas der Arzt, S. 31, 27, 12.

⁴⁾ Prof. Ad. Harnack, Geschichte der altchristlichen Litteratur II, 1 (Leipzig 1897), S. 623.

⁵⁾ Prof. Ad. Harnack, Lucas der Arzt, S. 15—17.

⁶⁾ Prof. Ad. Harnack, Neue Untersuchungen zur Apostelgeschichte und zur Abfassungszeit der synoptischen Evangelien (Leipzig, 1911), S. 21: „Lukas stammte nach einer guten Tradition aus einer antiochenischen Familie“.

ясняетъ многое. Антиохія издавна была разноплеменнымъ городомъ; въ немъ и во всей соприкосновенной Сирийской области іудейскій элементъ былъ столь силенъ (см. Jos. Fl. Antiqu. XII, 3: 1. XIV, 2, 6 и др.), что въ извѣстныхъ отношеніяхъ (напр., касательно „чистоты“ и дозволенности къ употребленію разныхъ питательныхъ продуктовъ) раввинизмъ не считалъ Сицію языческою территоріей и склоненъ былъ уступать ей долю священности, свойственной лишь Палестинѣ. Здѣсь сталкивались и боролись два міра, вліяніе которыхъ должно было своеобразно отражаться на жителяхъ. Послѣдніе при постоянныхъ сношеніяхъ, естественно, вынуждались ко взаимному пониманію и ознакомленію. Это незамѣтно вело къ тому, что многіе Антиохійцы хорошо владѣли разными языками, въ томъ числѣ и арамейскимъ, знаніе котораго предполагается у Луки¹⁾. Но іудейство всегда выдвигало религіозную сторону и, конечно, пріобрѣло достаточно прозелитовъ, чрезъ коихъ еще глубже и шире распространялись истины монотеизма въ языческомъ обществѣ. Въ свою очередь и эллинизмъ старался торжествовать просвѣщенностію и развитіемъ научной культурности, однако на Востокѣ немало ориентализировался и въ синкретизмъ воспринималъ семитическія стихіи. При такихъ условіяхъ легко объясняется, что, имѣя съ дѣтства открытый доступъ къ іудаизму, Лука еще до обращенія въ христіанство близко соприкасался съ нимъ²⁾ и располагалъ нѣкоторыми свѣдѣніями въ іудейской догматикѣ и обрядовой практикѣ; съ годами же, когда стала обнаруживаться осмысленная религіозная пытливость, для него были всѣ резоны и удобства проникнуть въ самый источникъ вѣры Израилевой чрезъ посредство греческой Библии. Позднѣйшее съ неотразимостію убѣждаетъ, что религіозные запросы волновали душу молодого Луки, и онъ былъ чуждъ обычнаго языческаго индифферентизма или скептицизма. Впрочемъ, на первыхъ порахъ родовыя склонности политеиста невольно брали верхъ и заставляли его хвататься за науку, гдѣ были сила и блескъ язычества, а особенно—эллинизма. Уже Евсевій Кесарійскій писалъ по этому предмету, что „Лука былъ родомъ изъ знаменитой Антиохіи, въ которой славятся всякіе мудрецы. (ὁ πάντες λογιστάς), ибо тамъ потомки іонійцевъ; но онъ еще больше преуспѣлъ сверхъ обычнаго у тамошнихъ гражданъ эллинизма, поелику былъ опытнымъ въ медицинскомъ искусствѣ“ (Quaest. ad Mar. 4: M. gr. XXII, 961). Однако мѣстные способы едва ли были вполне достаточны для сего. Хотя блаж. Іеронимъ сказалъ слишкомъ

¹⁾ Cp. Prof. A. d. Harnack, Lukas der Arzt, S. 84, 1.

²⁾ Prof. A. d. Harnack, Die Apostelgeschichte, S 34.

много (in Isa. VI, 9: M. lat. XXIV, 98), что Лука *medicinae artis fuisse peritissimum (scientissimum)*, тѣмъ не менѣе его медицинская компетентность предполагаетъ специальную медицинскую школу въ какомъ-либо изъ тогдашнихъ научныхъ центровъ. Нѣкоторые литературныя данныя сближаютъ писателя Луку съ медицинскими авторами изъ Киликіи, главный городъ которой обладалъ въ это время высокою научно-просвѣтительною репутаціею счастливаго соперника Аѳинъ и Александріи, при широкой научной пытливости Киликійцевъ. Въ такой связи вполне мыслимо, что Лука встрѣчался (и былъ знакомъ) съ Павломъ уже въ Тарсѣ и, яко бы, именно имъ обращенъ въ христіанство¹), о чемъ догадываются и по намекамъ у Тертулліана²). Второе не столь вѣроятно и допускаетъ участіе Варнавы, прежде другихъ и съ успѣхомъ подвизавшагося въ Антиохіи, куда христіанство проникло вскоре по убіеніи Стефана (Дѣян. XI, 19 сл.). Во всякомъ случаѣ св. Павелъ долженъ былъ склонить окончательно, такъ какъ онъ служилъ живымъ свидѣтелемъ недостаточности номизма и искреннія іудейскія симпатіи неотразимо направлялъ въ сторону христіанства, для котораго является яркимъ олицетвореніемъ и побѣдной покоряющей мощи и спасительно-врачующей благодати. Тутъ естественно шли навстрѣчу и медицинскіе запросы Луки, который въ качествѣ врача тѣлеснаго становился въ христіанствѣ духовнымъ врачевателемъ по благодати³) и потому самого Христа понималъ и рисовалъ, какъ божественно-сверхъестественнаго цѣлителя⁴).

Отсюда ничуть не удивительно, что уже рано мы находимъ Луку среди Антиохійскихъ христіанъ, но затѣмъ онъ на нѣсколько лѣтъ исчезаетъ изъ нашего взора, и мы встрѣчаемъ его лишь во второе благовѣстническое путешествіе Павлово среди миссіонеровъ, отправившихся изъ Троады въ Европу (Дѣян. XVI, 10). По многому несомнѣнно, что Апостолъ заботливо подготовлялся къ этому путешествію и старался обезпечить себя во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ. А разъ на языческой почвѣ онъ долженъ былъ выступать въ качествѣ Римскаго гражданина и ради сего окончательно принялъ свойственное собственному имя Павла (Дѣян. XIII, 9), — тамъ ему былъ особенно необходимъ человѣкъ, эллински безупречный и компетентный въ разныхъ сферахъ. Тутъ Лука вездѣ былъ прекраснымъ по-

¹) См. Th. Vogel, Zur Charakteristik, S. 113.

²) Rev. A. Plummer, p. XX—XXI.

³) Prof. Ad. Harnack, Lukas der Arzt, S. 104.

⁴) См. о семъ весьма преувеличенно у Prof. Ad. Harnack; Lukas der Arzt, S. 100; Die Apostelgeschichte, S. 111

мощникомъ, готовымъ служить своими связями и познаніями, между прочимъ, и для литературной работы прямымъ участіемъ ¹⁾ и каллиграфическою опытностію ²⁾. При этомъ медицинское искусство могло открывать ему широкій доступъ во всѣхъ классахъ и въ этомъ смыслѣ служило несравненно лучше, чѣмъ скинотворческое ремесло Павлово (Дѣян. XVIII, 3). Во всякомъ случаѣ врачебное достоинство тоже располагало Апостола въ пользу Луки. По крайней мѣрѣ, своею фразою о немъ (Кол. IV, 14) *ὁ ἰατρός ὁ ἀγαπῶν* (вмѣсто ожидаемыхъ *Λοῦκᾶς ὁ ἰατρός ἀγαπῶν μου*, но ср. Еф. VI, 21. Кол. I, 7. IV, 7, 9. 2 Тим. I, 2 или *Λοῦκᾶς ὁ ἰατρός ἀγαπῶν μου*) чрезъ выдѣленіе прилагательнаго помѣщеніемъ его при членѣ за именемъ (ср. Рим. XVI, 12: *Περσίδῃ τῇ ἀγαπῶν*) св. Павелъ какъ будто подчеркиваетъ, что Лука былъ ему возлюбленнымъ (и) въ качествѣ врача, ибо онъ врачъ, снискавшій любовь именно и своимъ врачевствомъ ³⁾. И понятно, что болѣзненный по природѣ Павелъ, стараясь предусмотрѣть и предупредить всѣ случайности и трудности на своемъ миссіонерскомъ пути, позаботился привлечь опытнаго знакомаго медика, а этотъ жертвовалъ для него всѣмъ своимъ искусствомъ въ борьбѣ съ пакостникомъ плоти въ немощи Павловой (2 Кор. XII, 7 сл.) и удостоился активнаго соучастія въ апостольскомъ подвигѣ, гдѣ онъ былъ не простымъ только спутникомъ, но сталъ и благовѣстническимъ „сотрудникомъ“ въ ряду другихъ (Филим. 24: *οἱ συνεργοί μου*). Достигнувъ Неаполя, миссіонеры утвердились потомъ въ Филиппахъ. Тутъ Лука, кажется, и задержался или посланъ былъ въ другое мѣсто со специальнымъ порученіемъ, ибо прежнее „мы“ смѣняется чрезъ „они“ (Дѣян. XVI, 19 и 40) при разсказѣ объ удаленіи проповѣдниковъ изъ этого города и снова употребляется уже за періодъ третьяго путешествія въ рѣчи объ отправленіи въ Малую Азію обратнымъ путемъ (Дѣян. XX, 5 — 6). Значитъ, на нѣсколько лѣтъ Лука оставался, одинъ и, конечно, ради продолженія благовѣстническаго служенія (вѣроятно, въ предѣлахъ именно Македоніи). Это громко свидѣтельствуетъ, какимъ рѣдкимъ и высокимъ довѣріемъ пользовался Лука, если ему единолично возложено было такое отвѣтственное дѣло ⁴⁾. Отсюда

¹⁾ Ср. Th. Vogel, Zur Charakteristik, S. 28.

²⁾ Есть предположеніе, что Лука могъ обладать искусствомъ скорописанія, приобрѣвъ его по связи съ изученіемъ медицины, о чемъ см. Prof. Fred. Henry Chase, The Credibility of the Book of the Acts of the Apostles (London 1902), p. 112 and note.

³⁾ Ср. еще и Prof. Paul Ewald въ Realencyklopädie XI, S. 690

⁴⁾ Данное обстоятельство тоже не благоприятствуетъ гипотезѣ (и

обязательно заключать, что его христианство началось давно и успѣло развиться до законченной полноты, а по содержанию оно строго соответствовало духу Павловаученія о все-сильномъ и всеобъемлющемъ вліяніи благодати Христовой. Что до результатовъ миссіи Луки въ „греческихъ“ европейскихъ областяхъ, то здѣсь достаточно сослаться на посланіе къ Филиппійцамъ, которое неотразимо убѣждаетъ, что эта церковь была предметомъ неизмѣнной и самой свѣтлой радости Апостола Павла.

Ученикъ вполне оправдалъ благоволенные надежды своего учителя, и неудивительно, что послѣдній снова взялъ его съ собою при крестномъ шествіи своемъ въ Іерусалимъ (Дѣян. XX, 5 сл. XXI, 1 сл. 17 сл.), а Лука, разумѣется, былъ по близости даже въ періодъ Кесарійскихъ уязъ, раздѣлялъ всѣ превратности путешествія въ Римъ (Дѣян. XXVII, 1 сл.) и былъ тамъ въ теченіе не менѣе двухъ лѣтъ (Дѣян. XXVIII, 16, 30). Касательно этого періода безспорно развѣ то, что, не будучи (— подобно Аристарху и Епафрасу: Кол. IV, 10 Филим. 23) — „соузникомъ“, онъ усердно помогалъ великому благовѣстнику, почему лестно похваляется предъ Колоссянами (IV, 14) и прямо уточняется въ числѣ „сотрудниковъ“ (Филим 23), подвизавшихся за истину Евангельскую въ столицѣ міра. Но въ письмѣ къ Филиппійцамъ нѣтъ ни имени, ни привѣтствія его, и мы должны думать, что къ этому моменту онъ уже покинулъ Римъ. Съ другой стороны, говорится о возможномъ посольствѣ въ Филиппы Тимофея (Филипп. II, 19), между тѣмъ всего естественнѣе было бы завернуть туда Лукѣ, еслибы послѣдній отправлялся на Востокъ. Въ этомъ обстоятельствѣ получаетъ вѣроятность сообщеніе Епифанія, что Лука благовѣствовалъ въ Галліи, Италіи, Далматіи и Македоніи, какъ и вполне понятно, что Апостоль, намѣревавшійся пройти на западъ до Испаніи (Рим. XV, 24, 28), послалъ напередъ своего учени-

у Prof. Paul Ewald въ Realencyklopädie XI³, S. 691), яко бы именно Лука разумѣется въ 2 Кор. VIII, 18 подъ „братомъ, во всѣхъ церквахъ похваляемымъ за благовѣствованіе“, если даже и не относить послѣднее къ несуществовавшему тогда письменному третьему Евангелію, какъ иногда допускалось въ древности (Orig. in Luc. hom. 1: M. gr. XIII, 1804. J. Chrys. in Acta Apost. hom. I, 1: M. gr. LX, 15; cnf. in Matth. hom. IV, 1: M. gr. LVII, 40. Hier. De viris ill. VII, Pelag. у Ps.-Hier. in 2 Cor. VIII: M. lat. XXX, 783; ср. въ пространной редакціи Игнатіевыхъ посланій ad Ephes. 15: Funk II, 193); при сужденіи объ этой догадкѣ нужно взвѣснить еще и то, что едва ли столь вліятельный человекъ могъ быть въ соподчиненной роли при молodomъ Титѣ, служившемъ въ качествѣ посредника при сношеніяхъ св. Павла съ Коринѳянами.

ка, который потомъ по указанному маршруту переправился въ „Грецію“. Можетъ быть, къ этому же періоду относятся извѣстія Симеона Метафраста и Никифора Каллиста о пребываніи его въ Египтѣ и Ливіи, при чемъ „Постановленія Апостольскія“ говорятъ (VII, 46), что въ Александріи первый рукоположенъ (во епископа) Маркомъ Евангелистомъ Анніанъ, а второй Авилій — Лукой, также Евангелистомъ“ (M. gr. I, 1052; cnp. XVI, 17). Во всѣхъ этихъ данныхъ много спутаннаго, — и напр., Александрія допускаетъ даже отождествленіе съ Троадой у Эгейскаго моря на югъ отъ Трои (Ἀχαιοὶ τῆς Ἰτρύδος)¹⁾; а Θиваида не безъ удобства сближается въ Беотіей, ибо трактуется о Θивахъ „семивратныхъ“ Θιβραὶ ἐπ' ἄπ' οἰ, но Египетскія издавна величались „стовратными“ (Θιβραὶ ἐκχτὸς πύλοι).

Во всякомъ случаѣ сношенія съ Апостоломъ Павломъ не прерывались, и его „врачъ возлюбленный“ поспѣшилъ къ нему въ Римъ, гдѣ готъ снова подвергся особой опасности. Въ своемъ предсмертномъ (второмъ) посланіи къ Тимофею св. Павелъ съ грустью отмѣчаетъ (IV, 10) свое одиночество, потому что Димасъ оставилъ его, возлюбивъ нынѣшній вѣкъ, и пошелъ въ Θεσσαλονικυ, Крискентъ — въ Γαλατίου (Галлію), Титъ — въ Далматію; при такомъ положеніи крайне знаменательно и лестно нарочитое упоминаніе, что „Лука единъ со мною“ (Λουκᾶς ἔστιν μόνος μετ' ἐμοῦ). Благовѣстникъ какъ будто не хотѣлъ отпустить отъ себя своего ученика, и этотъ замѣнялъ ему всѣхъ въ самыя тягостныя минуты, когда уста львовы уже были готовы поглотить великаго миссіонера. Естественно, что Лука старался всѣми средствами помогать въ огражденіи Апостола и въ устраненіи роковой катастрофы. Въ этой комбинаціи всего умѣстнѣе привлекается именно сюда темное извѣстіе Мураторіева фрагмента о третьемъ Евангелистѣ: post ascensum Christi cum eum (Lucan) Paulus quasi ut juris studiosum secundum adsumsisset. Фраза эта настолько загадочна, что нѣкоторые²⁾ предлагаютъ читать: quasi itineris studiosum secundum³⁾, но трудно согласиться, чтобы въ своемъ краткомъ перечнѣ авторъ специально отмѣтилъ подобную самопонятную тривиальность, не разъяснивъ, что значитъ и къ чему относится „secundum“⁴⁾? Иные находятъ въ цитованныхъ словахъ на

¹⁾ См. Prof. Paul Schanz, Commentar, S. 4.

²⁾ См. у Prof. Th. Zahn, Grundriss der Geschichte des neutestamentlichen Kanons (Leipzig 1901), S. 77, 79.

³⁾ Ср. конъектуру Bunsen'a ὡς ἀν φιλαπόδημον у Prot. Th. Zahn. Geschichte des neutestamentlichen Kanons II, S. 24 ff.

⁴⁾ Тоже имѣетъ силу и въ отношеніи гипотезы E. Klostermann'a

мекъ на приверженность Луки къ закону, приравнивая *juris* къ *legis* ¹⁾, а другіе ради этого въ *jus* видятъ *Scriptura* ²⁾. Это толкованіе почти прямо противорѣчитъ всѣмъ біографическимъ свидѣтельствамъ и, пожалуй, больше исключается, чѣмъ поддерживается контекстомъ всего выраженія. Въ немъ неоспоримъ юридическій колоритъ, и потому мы охотнѣе примыкаемъ къ толкованію проф. Ад. Гильгенфельда ³⁾, что *juris studiosum secundum* не точно воспроизводитъ греч. *δευτερχωνιστής* какимъ терминомъ обозначался адвокатъ, игравшій на судѣ вторую роль (Демосф. Пері т. *πράττ.*, р. 344), выступавшій со своимъ словомъ уже послѣ другихъ ⁴⁾. Тогда справедливо будетъ допустить два разбирательства дѣла Павлова въ Римѣ. „При первомъ отвѣтѣ (на судѣ) никого не было при Апостолѣ, но всѣ его оставили“ (2 Тим. IV, 16), и только къ слѣдующей защитѣ явился Лука и взялъ на себя роль какъ бы (*quasi ut*) второго (— послѣ самого Павла —) адвоката, или девергагониста, хотя онъ и былъ по профессіи медикъ. Если такъ, то и здѣсь Евангелистъ былъ *inseparabilis a Paulo* (Iren. Contra haer. III, 141: M. gr. VII, 916).

Принявъ его послѣдній вздохъ, Лука, конечно, не могъ продолжать своего пребыванія въ столицѣ и покинулъ этотъ городъ. Мы равно ничего прочнаго не знаемъ о дальнѣйшей судьбѣ. Передается только, что онъ всегда былъ дѣвственникомъ (по „*Aragumentum evangelii secundum Lucam*“ не позднѣ начала III в. въ „*Texte und Untersuchungen*“ XV, 1, S. 7 — 8) и дожилъ до преклоннаго возраста — 74 лѣтъ (*ibid.* и Седулій), 80 (Никифоръ Калл.), 84 (по неподлинному добавленію къ Hieron. De viris ill. VII). Мѣстомъ его кончи-

(Zum Muratorischen Fragment въ „*Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft*“ 1922, S. 308 — 309) яко бы нужно читать *quasi melioris (altioris) studiosum*.

¹⁾ Rud. Cornely, S. I., *Introductio specialis in singulos libros Novi Testamenti*, p. 126.

²⁾ Fr. Herm Hesse, *Das Muratorische Fragment* (Giesen 1873), S. 75.

³⁾ Einleitung in das Neue Testament, S. 95; „*Zeitschrift für wissenschaftliche Theologie*“ 1878, S. 29; 1881, S. 139, 2.

⁴⁾ Въ греческой трагедіи различались *πρωταγωνιστής*, (*actor primarum partium*) — главный исполнитель роли, гдѣ особенно воплощалась мысль автора, — и *δευτερχωνιστής* (*actor secundarium partium*), являвшійся контрастомъ первому, служившій для него ограниченіемъ и противовѣсомъ. См. G. Bernhardt, *Grundriss der griechischen Litteratur*, dritte Bearbeitung, II, 2 (Halle 1872), S. 107.

ны называютъ Виванію ¹⁾, Ефесъ, Патары въ Ахаіи (куда въ Argumentum относится и составленіе Евангелія), каковыя свѣдѣнія должны имѣть извѣстныя фактическія основанія ²⁾. Григорій Богословъ первымъ сообщаетъ (Contra Julian. or. I, 69: М. гр. XXV, 589), что Лука претерпѣлъ мученичество, и затѣмъ лишь одинъ Симеонъ Метафрастъ (с. 8) говоритъ, что онъ умеръ ἐν εἰρήνῃ, а Никифоръ Каллистъ утверждаетъ, будто этого восьмидесятилѣтняго старца повѣсили на маслинѣ. Въ двадцатомъ году правленія Констанція (т. е. въ 357 г.) останки его были перенесены изъ Ахаіи въ Константинополь ³⁾.

Довольно скудны наши біографическія свѣдѣнія о Евангелистѣ Лукѣ, но и они важны въ томъ отношеніи, что достаточно оправдываютъ съ его стороны появленіе христіанскихъ писаній. Видный эллинъ,—онъ отъ всего отрекся ради Христа и для всецѣлаго служенія Ему. Ясно, что „премудрость премудрыхъ“ не удовлетворяла религіозно пытливую душу, и это разочарованіе вселяло такое отчаяніе, которое могло расчитывать на спасеніе лишь изъ сферъ высшечеловѣческой интеллгентности, или исключительно отъ благодати Божіей. Здѣсь въ проповѣди Павловой Лука нашелъ наилучшее удовлетвореніе, какъ и самъ Апостолъ видѣлъ въ немъ яркое оправданіе божественной спасительности Христовой. Эти люди дополняли другъ друга, и отсюда ихъ тѣсная связь въ благовѣстническомъ подвигѣ. Его несъ Лука именно потому, что благовѣстіе Павлово было основою всего духовнаго существованія, сообщало ему смыслъ и разумъ, безъ чего жить частію невозможно и частію не стоить. Естественно, что Лука старался усвоить полностью это живительное Евангеліе, распространить и утвердить его сре-

¹⁾ Ср. Prologus y Wordsworth-White, Novum Testamentum I, p. 269, 271: nam neque umquam habens neque filios (h octoginta) septuaginta et quattuor annorum obiit in Bithynia plenus spiritu sancto.

²⁾ Ср. Prof. Ad. Harnack, Lukas der Arzt, S. 106 ff.: „Schwerlich ist er (Lucas) auch in Rom geblieben (auch das scheint durch die Apostelgeschichte zwar nicht geradezu ausgeschlossen, aber nicht wahrscheinlich). Also haben wir ihn wohl in Achaja (so die früheste Tradition) oder in Asien zu suchen“... „In Ephesus oder irgendwo in Asien oder in Achaja hat er um Jahr 80 sein Geschichtswerk für den vornehmen Theophilus verfasst“.

³⁾ Hieron. De viris ill. VII (M. lat. XXIII, 619), но здѣсь слова de Achaia и vixit octoginta et quattuor annos, uxorem non habens считаются неподлинными (см. Rev. A. Plummer, p. XXI, not. 2), хотя и безъ особо убѣдительныхъ основаній. Ср. Acta Sanctorum, October VIII, p. 294 sqq.

ди людей съ равною благотворностію. Въ такомъ случаѣ совершенно понятно, что онъ поспѣшилъ закрѣпить въ письмени благодатную истину Христову, когда живой голосъ ея устнаго возглашенія готовился умолкнуть. Посему натурально и нормально, что Лука издалъ Евангеліе павлинистическаго характера и иллюстрировалъ его спасительное вліяніе историческими фактами въ Дѣяніяхъ апостольскихъ. Въ этомъ же было и счастливое употребленіе прежнихъ достояній науки и практики, когда Лука — врачъ, „перенявъ отъ Апостоловъ искусство врачевать души, оставилъ намъ доказательства этого въ (своихъ) боговдохновенныхъ книгахъ“ (Eus. h. e. III, 4: 7). Тутъ было какъ бы продолженіе и приспособленіе медицинской цѣлительности, но только уже при христіанскомъ озареніи и для высокихъ духовно-врачующихъ цѣлей Человѣческія способности и научныя знанія непринужденно получали благовѣстническое примѣненіе. „Какъ Апостолы изъ рыбаей сдѣлались ловцами человѣковъ; такъ, — по словамъ блаж. Іеронима (in Philem. 24: M. lat. XXVI, 618), — и цѣлитель тѣлъ превратился во врачевателя душъ, и его твореніе, будучи читаемо въ церквахъ, всякій разъ проявляетъ свое цѣлительное вліяніе“. Ясно, насколько естественно, что представитель челоѣколюбивѣйшей профессіи, сдѣлавшись ученикомъ св. Павла, потомъ письменно изложилъ Павлинистическое Евангеліе.

* * *

Евангеліе св. Апостола Луки.

Но, раскрывъ эту сторону, біографическія указанія мотивируютъ только побужденія къ писанію и не оправдываютъ самого осуществленія. Скорѣе — послѣднее будетъ крайне затруднительнымъ, разъ Лука отдаляется отъ непосредственныхъ спутниковъ Господа и чрезъ это лишается средствъ для точной фактической освѣдомленности въ Евангельской исторіи. Поэтому намъ необходимо перейти къ детальному анализу синоптического памятника, чтобы отыскать и резсмотрѣть

источники и условія происхожденія третьяго Евангелія

для оцѣнки его достоинствъ въ качествѣ литературнаго труда. Къ счастью, самъ писатель оставилъ по этому предмету категорическія заявленія въ своемъ „прологѣ“. Хотя данное мѣсто оказывается однимъ изъ темнѣйшихъ и труднѣйшихъ во всемъ Новомъ Завѣтѣ¹⁾, но случилось это главнымъ образомъ потому, что къ нему искусственно привязываются и изъ него насильственно извлекаютъ разныя произвольныя и тенденціозныя теоріи, которыя, естественно, окутываютъ все поле своею туманною примрачностью. Нужно взглянуть на дѣло безъ всякой предзанятости, — и тогда все существенное будетъ достаточно ясно.

Авторъ старается оправдать свое литературное замышленіе ссылкой на примѣръ многихъ другихъ, которые уже взяли на себя эту задачу. Поелику они начали „чинити повѣсть“, то заблагоразсудилось и мнѣ (ἐδοξε μοι): — говоря такъ, Евангелистъ прямо ставитъ себя въ рядъ этихъ лицъ и усвояетъ себѣ одинаковыя цѣли при сходныхъ средствахъ. Онъ будетъ работать и по примѣру ихъ и подобно имъ, почему относящееся къ предшественникамъ является характернымъ и для него. А тамъ предметомъ

¹⁾ См. у Prof. Paul Schanz, Commentar, S. 46.

разказа служили τὰ πράγματα, или нѣчто содѣянное, которое бываетъ осязательнымъ эмпирическимъ фактомъ. Разумѣется, это касается событій исключительно христіанскихъ. Свойство послѣднихъ ближе характеризуется названіемъ ихъ *πεπληροφρημένα*. Этотъ глаголъ значитъ „до-водить до законченности“ = *πλήρος φέρειν* (2 Тим. IV, 5, 17. Дѣян. XII, 25), убѣждать (патр. Фотій въ „Библіотекѣ“) или убѣждаться (Рим. IV, 21. XIV, 5. Кол. IV, 12. 1 Клим. XLII, 3. Игнатія къ Магnez. VIII, 2). Всѣ эти оттѣнки находятся по внутренней связности и съ логическою естественностію вытекаютъ изъ основного понятія. Таковымъ тутъ является полнота осуществленія идеи въ вещи ¹⁾, когда своимъ точнымъ воплощеніемъ вторая сообщаетъ ей неотразимую объективную убѣдительность, а эта фактически бываетъ активно убѣждающею и вызываетъ въ созерцающихъ субъективную убѣжденность. Эти побочныя, отраженныя вліянія неизбѣжны и кроются въ самомъ принципѣ, который по самой природѣ убѣдителенъ и натурально порождаетъ убѣжденность въ немъ, но все это бываетъ доступнымъ собственно лишь при конкретной реализаціи идеальнаго въ реальномъ. Потому и въ цитованныхъ словахъ прежде всего разумѣется завершенность факческаго раскрытія обсуждаемыхъ истинъ въ вещахъ, выполнѣ имъ соотвѣтствующихъ. А это случилось ἐν ἡμῖν — у насъ христіанъ, бывшихъ естественною средой даннаго процесса. Понятно теперь, что у Евангелиста рѣчь идетъ о христіанскихъ началахъ, на которыхъ создается въ самомъ своемъ бытіи „наше“ общество и именно христіанское. Только эти начала берутся уже въ неразрывности отъ своего исторически-факческаго продолженія, гдѣ они постепенно реализуются въ свойственной типичности и чрезъ это „совершенство“ (ср. Дѣян. XIX, 21) пріобрѣтаютъ убѣждающую энергію для всякаго зрячаго искренняго человѣка. Тутъ фактъ не просто констатируется, но и оцѣнивается по своему неотлучному дѣйствию въ качествѣ оправданія для производящей причины, ибо — по слову св. Амвросія мелиоланскаго — *cum fidei effectus adstruat, exitus probat*. Въ этомъ смыслѣ и для христіанства позднѣйшее бываетъ раскрытіемъ и подтвержденіемъ раннѣйшаго (ср. 1 Кор. IX, 2), какъ исполненіе пророчества служитъ и его наглядною рекомендаціей, удостовѣряетъ его принципіальную истинность. Для сего мало, чтобы событіе совершилось; — сверхъ этого надобно, чтобы оно доказало свою устойчивость и достаточнымъ рядомъ моментовъ засвидѣтельствовало продуктивную жизненность своей производящей причины. Лишь тогда насту-

¹⁾Ср. о *πληροφρεῖν* у Rev. Prof. James Hope Moulton: Notes from the Papyri въ „The Expositor“ 1903, II, p. 118 119; XII, p. 436; The Vocabulary of the Greek Testament, p. 519—520.

пить полнота исполненія и убѣдительности. Ясно, что Евангелистъ вышелъ за горизонтъ собственно Евангельской исторіи и видитъ ее какъ бы позади себя въ послѣдующемъ развитіи апостольскаго созиданія Церкви Христовой, которая бываетъ историческою носителемъ и фактическою удосто- вѣрительницей Евангельскихъ основоположеній. Лука разсматриваетъ Евангельскія данныя при свѣтѣ ихъ реалистическаго закрѣпленія въ условіяхъ апостольской эпохи, откуда нѣкоторые толкователи не безъ права простираютъ свидѣтельства „пролога“ и на книгу Дѣяній, а другіе даже допускаютъ, что вторая была въ священнописательскомъ планѣ вмѣстѣ и одновременно съ Евангеліемъ¹⁾.

Послѣднее не столь несомнѣнно²⁾, а безспорнымъ будетъ пока то, что предметомъ письменнаго изображенія называются Евангельскія событія, какъ дошедшія до полноты обнаруженія своего спасительнаго содержанія въ историческомъ процессѣ. Здѣсь писатель пріобрѣтаетъ сильнѣйшую опору для убѣжденія другихъ и для привлеченія ихъ на свою сторону, но, отодвигаясь отъ первоисточника, онъ возбуждаетъ подозрѣніе насчетъ своей объективной достовѣрности. Этимъ вызывается вопросъ о способахъ его освѣдомленія, и на это намъ отвѣчаютъ слова: *καὶ οὗ παρῥόδωσαν ἡμῖν οἱ ἀπ' ἀρχῆς αὐτόπται καὶ ὑπηρέται γενομένοι τοῦ λόγου*.

„Многіе“ рассказывали, въ строжайшемъ соотвѣтствіи съ сообщеніями поручителей, которые служатъ гарантіею истинности самыхъ рефератовъ. Это суть лица, обладающія двумя свойствами, но такъ, что послѣднія были совместно въ каждомъ изъ нихъ, ибо одинъ членъ простирается на оба эпитета и связываетъ ихъ въ единствѣ приложенія къ даннымъ субъектамъ. Они и *αὐτόπται* и *ὑπ.ῥεταί*, — и тутъ вовсе не два класса³⁾. Первый терминъ вполне понятенъ для всѣхъ и отмѣчаетъ „самовидцевъ“, которые сами непосредственно наблюдали разумѣмая событія, т. е. конечно, христіанскія. Но они берутся у Евангелиста уже въ неразрывности отъ позднѣйшаго историческаго осуществленія, а потому не ясно, съ какого фактическаго момента идетъ „самовидчество“ и на какой промежутокъ распространяется. Сила наблюденій будетъ весьма поколеблена, если ими захватывается только позднѣйшій періодъ, а къ самому возникновенію мы возводимъ лишь косвеннымъ путемъ умозаклученій отъ слѣдствій къ причинамъ. Въ устра-

1) Prof. Th. Zahn, *Einleitung in das N. T.* II¹, S. 366 — 368; II³, S. 372—374.

2) См. о семъ и Rev. A. Plummer въ „The Critical Review“ XII, 6 (November, 1902), p. 500; Prof. Paul Ewald въ *Realencyklopädie* XI³, S. 695.

3) Cp. Prof. Fr. H. Chase, *The Credibility of the Book of the Acts of the Apostles*, p. 17, 1.

неніе подобныхъ недоумѣній и подчеркивается специально, что *αὐτόπται* были таковыми *ἅπ' ἀρχῆς* по противоположенію съ возможностью существованія людей, которые тоже были „самовидцами“ Евангельскихъ событій, но уже не изначальными ¹⁾). Въ данной комбинаціи неотразимо, что это нарѣчное сочетание отсылаетъ къ „началу“ зарожденія „извѣствованныхъ вещей“, которыя эти *αὐτόπται* самолично наблюдали съ появленія ихъ на исторической сценѣ. Это — моментъ давно минувшаго, но у этихъ авторитетовъ онъ былъ и остается неотъемлемымъ преимуществомъ. Тутъ *γὰρ μὲν*, констатируя случившееся исчезновеніе въ прошломъ, относится собственно къ событію, какъ прекратившемуся съ этой стороны, а возсе не къ бытію или достоинству удостовѣряющихъ его лицъ. Посему энергія *γὰρ μὲν*ο: всецѣло исчерпывается въ *ἅπ' ἀρχῆς* ничуть и не внушаетъ, что сами „самовидцы и слуги“ являются теперь уже „бывшими“ ¹⁾), когда писатель отдаляется отъ нихъ, лишаясь компетентныхъ источниковъ для своего фактического освѣдомленія. Это противорѣчило бы всей тенденціи „пролога“, желающаго убѣдить въ реальной безупречности матеріала. Для того и подчеркивается, что поручители были „самовидцами изъ начала“ или одновременно съ тѣмъ, какъ начали быть изображаемыя *π. ἀρχὴν* тх. Въ этомъ случаѣ по самому своему соотношенію съ послѣдними *αὐτόπται* не нуждаются въ дальнѣйшихъ опредѣленіяхъ, ибо для всѣхъ понятно, что они непосредственно созерцали изначальныя стадіи христіанской исторіи. Въ виду сего и возможное грамматически сочетание этого термина съ *τοῦ λόγου* фактически скорѣе устраняется, причемъ у насъ будетъ не слово личное во Христѣ Исусѣ, а слово проповѣданія о Немъ. Конечно, нельзя теоретически отрицать допустимость перваго воззрѣнія у Луки, и это отвергается лишь по тенденціозному предубѣжденію, будто вся „логологія“—позднѣйшаго происхожденія и выросла на Филоновско-философской почвѣ по самому своему содержанию. Но, съ другой стороны, не усматри-

¹⁾ Во 1-хъ, это толкованіе (принимасмое и у Prof. Th. Zahn, *Einleitung in das N. T.* II¹, S. 362; II³, S. 368—369) гораздо естественнѣе, чѣмъ предположеніе контраста съ язычниками, когда исключаются изъ рѣчи событія и апостольской исторіи (Prof. Joh. Evang. Belser, *Einleitung in das Neue Testament*, Freiburg im Breisgau ²1905, S. 235—136), во 2-хъ, этимъ оправдывается отнесеніе Евангельскаго „пролога“ и къ книгѣ Дѣяній, что отвергаютъ (J. Belser *ibid.*, S. 165) нѣкоторые (Prof. Ad. Jülicher, *Einleitung in das Neue Testament*, S. 362. Prof. Ad. Harnack, *Geschichte der altchristlichen Litteratur* II, 1, S. 250.3) не безъ того побужденія, чтобы не связать себя въ своей позиціи противъ апостольской историографіи.

вается основательного резона и усвоить третьему Евангелисту специально Иоанновскія концепціи, которыя у него ограничивалась бы единичнымъ намекомъ и висѣли бы на слишкомъ тонкой паутинкѣ. Въ этомъ преувеличеніи нѣтъ ни малѣйшей надобности, ибо легко представить, что αὐτόπτης скоро и необходимо сдѣлалось самопонятнымъ terminus technicus для „самовидцевъ“ именно жизни Господа, а у насъ это вполне разъяснится изъ связи съ τὰ πρῶτα, для которыхъ были непосредственными зрителями ихъ съ самаго начала эти лица. Но они не сокрыли въ себѣ этихъ свѣдѣній, отрывая доступъ къ нимъ для грядущихъ поколѣній. Напротивъ, αὐτόπται были вмѣстѣ и διέρεται τοῦ λόγου, т. е. служителями въ словѣ или посредствомъ слова (gen. obj.) и при томъ слова опредѣленнаго. Значить, это есть слово Евангельскаго проповѣдыванія (ср. Дѣян. VI, 2. X, 44. XI, 19. XIV, 25. XVI, 6. XVII, 11) о Евангельскихъ событіяхъ. Тутъ второе фактическое отличіе описываемыхъ людей, но оно важно и для цѣлей авторскихъ наравнѣ съ первымъ. Если αὐτόπται является гарантіею доброкачественности матеріала, то διέρεται обезпечиваетъ его пользование со стороны другихъ людей. Отсюда естественно и παρὶς αὐτῶν, ибо „самовидцы“ имѣли обязательно „службой“ дѣлиться своими достовѣрными знаніями и распространять ихъ ¹⁾). Наряду съ этимъ здѣсь отмѣчается и самый характеръ „преданія“ именно „словеснымъ“ путемъ. Хотя настоящій глаголъ иногда прилагается къ письменнымъ сообщеніямъ, но лишь метонимически и съ предполагаемымъ дополненіемъ ὑπόμνημα, а основнымъ элементомъ въ немъ всегда было понятіе устного ознакомленія кого-либо съ извѣстными предметами и событіями (ср. 1 Кор. XI, 2, 23. XV, 3. 2 Петр. II, 21. Іуд. 3). Разъ же это „преданіе“ вручалось прямо „намъ“ — ἡμῖν, этимъ для „насъ“ утверждалась посредственная связь съ Евангельскими „вещами“, почему являлось возможнымъ изобразить ихъ съ самаго начала.

Въ этомъ пунктѣ Евангелистъ вполне обезпечиваетъ безупречную цѣнность своего содержанія. Онъ — человѣкъ какъ бы второй христіанской генераціи, разобщенный отъ восхода солнца правды нѣкоторымъ промежуткомъ или хотя бы тѣмъ, что онъ стоялъ въ сторонѣ отъ событій и не соприкасался прямо съ историческимъ потокомъ ихъ. Зато у него есть безусловно надежный источникъ въ αὐτόπ-

¹⁾ По этой связи моментовъ ясно, что хотя Лука могъ разумѣть не только Апостоловъ въ собственномъ смыслѣ (Prof. Th. Zahn, Einleitung in das Neue Testament II ¹, S. 363; II ³, S. 368—369), но во всякомъ случаѣ обязательную авторитетность имѣли для него лишь первосвидѣтели событій (II ¹. S. 365; II ³, S. 371).

таи, бывшихъ зрителями христіанскаго теченія съ самого начала. Это, конечно, прежде всего Апостолы изъ XII ти, но далеко не только они. Сжатая характеристика „пролога“ является лишь сокращеніемъ тѣхъ опредѣленій, которыя св. Петръ считалъ необходимыми для кандидата въ замѣну отпавшаго Іуды: „надобно, — говорилъ онъ (Дѣян. I, 21 — 22), — чтобы *одинъ изъ тѣхъ*, которые находились во все время, когда пребывалъ и обращался съ нами Господь Іисусъ, начиная отъ крещенія Іоаннова до того дня, въ который онъ вознесся отъ насъ, бывъ вмѣстѣ съ нами, свидѣтелемъ воскресенія Его“. Избраны были двое, но такихъ христіанъ имѣлось немало, и всѣ они подходятъ подъ квалификацію Луки, расширяя кругъ его референтовъ. У всѣхъ ихъ несомнѣнна интимная близость къ событіямъ, такъ что въ этомъ отношеніи источникъ освѣдомленности и достоинство данныхъ — выше всякихъ подозрѣній. Эти лица сами по долгу своего „проповѣдническаго служенія“ громко возвѣщали о своихъ наблюденіяхъ и „передали“ ихъ непосредственно, а потому и писатель обладалъ равною объективною достовѣрностію. Живымъ апостольскимъ преданіемъ, откуда прямо почерпается матеріалъ Евангельской исторіи¹⁾, св. Лука незыблемо ограждаетъ свою фактическую компетентность, но тутъ онъ рисуется наряду со „многими“ и для удовлетворительной мотивировки своего предпріятія долженъ былъ указать отличительныя особенности, какія представляютъ

Задача и характеръ третьяго Евангелія.

Писатель его приравниваетъ себя къ предшественникамъ и усваиваетъ общую цѣль — *ἀνατίξασθαι διήγησιν*. Желалось дать въ связной картинѣ рассказъ соотвѣтственно свидѣтельствамъ „самовидцевъ“, т. е. отъ начала возникновенія Евангельскихъ „вещей“ и до момента ихъ „извѣствованности“. На этомъ пространствѣ должно быть множество отдѣльных эпизодовъ, которые, совмѣщаясь въ этомъ цѣлостномъ изображеніи (= οὖν — *τάξασθαι*), нанизывались одинъ на другой въ послѣдовательной преемственности (= ἀνα — *τάξασθαι*), хотя бы, при воспроизведеніи ихъ посредствомъ памяти или припоминанія (Prof. Fr. Blass). Но если завершительное раскрытіе событій служить къ утвержденію ихъ и къ убѣжденію въ нихъ, то лишь потому, что имѣетъ для себя прочную основу въ раннѣйшемъ теченіи, всѣ моменты котораго тоже взаимно солидарны и

¹⁾ Ср. Prof. Th. Zahn, *Einleitung in das Neue Testament* II¹, S. 363; II³, S. 368—369.

подкрѣпляютъ другъ друга. Въ хронологической смѣнѣ схватывается не просто внѣшнее чередованіе, а въ немъ всюду подмѣчается внутренняя гармонія, когда всѣ частности солидарно и прогрессивно ведутъ къ обнаруженію своей идеи, почему завершеніе служитъ для нея уже фактическимъ оправданіемъ. Ясно, что предъ нами рисуется историческій прагматизмъ въ научномъ воспроизведеніи прошлаго, и въ этомъ отношеніи третій Евангелистъ не разнится отъ „многихъ“, замышляя — подобно имъ — дать прагматическій отчетъ о Евангельскихъ „вещахъ“.

Тогда — при единствѣ цѣли и средствъ — не оказывается ни мотива, ни оправданія для новой работы, если она не хочетъ быть только арифметическимъ увеличеніемъ готоваго. Загадка разрѣшается тѣмъ, что, располагая хорошимъ матеріаломъ, „многіе“ лишь ἐπεχειρήσαν при осуществленіи взятой задачи. Vox ambigua — этотъ глаголъ у классиковъ (напр., Сугор. II, 2: 23; см. у Passow, WB. I, S. 33) не говоритъ прямо о самомъ качествѣ „начинаній“ непременно въ дурномъ смыслѣ ¹⁾ и въ Новомъ Завѣтѣ описываетъ ихъ не столько по этическому характеру, сколько со стороны успѣшности или неуспѣшности, къ чему именно относятся и качественные опредѣленія. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ здѣсь преобладаютъ и оттѣнки неблагоприятныя — для означенія неудачи „попытокъ“, напр., при покушеніи еллинистовъ убить Павла (Дѣян. IX, 29) и заклинателей іудейскихъ воспользоваться для исцѣленій именемъ Господа Іисуса (Дѣян. XIX, 13 и ср. 14—16). Писатель второй книги Маккавейской однажды выражаетъ (II, 29, al. 30) этимъ терминомъ просто стараніе (ζωγραφεῖν ἐπιχεῖ οὖν, „живописати начинающему“), необходимое для выполненія задуманнаго „начинанія“, и въ другомъ мѣстѣ констатируетъ больше бесплодность предпріятія съ напрасной, хотя бы и усердной, тратой силъ (VII, 19. „ты же да не возмниши неповиненъ быти, богоборствовать наченъ“, θεομυχεῖν ἐπιχειρήσας). Поэтому нѣтъ филологическихъ основаній соглашаться съ древнимъ пониманіемъ, что въ „прологѣ“ разумѣются непременно еретическія литературныя фабрикаціи, авторы которыхъ равны ветхозавѣтнымъ лжепророкамъ и даже хуже ихъ ²⁾. За этическія свойства дѣланія

¹⁾ Rev. Prof. James Hope Moulton and Prof. George Milligan, The Vocabulary of the Greek Testament, p. 250—251.

²⁾ Ориг. in Luc. hom. I. Евс. h. e. III, 25: 15. Златоустъ. Епиф. haer. LI, 7. Иеронимъ. Августинъ. Ср. въ одномъ лат. praef. у Wordsworth-White I, p. „multi alii temere praesumpserunt narrare“.

имъ не высказывается ясно и „скрытого обвиненія“, какое находилъ тутъ Оригенъ ¹⁾. Не данное фразой, — это толкованіе совсѣмъ недопустимо по содержанію, ибо — иначе — Евангелистъ одинаковую тѣнь набросилъ бы на себя самого, уподобляясь „многимъ“ своею собственною рѣчью. Вѣрно не свѣше того, что попытки ихъ были неудачны, не достигали идеала поставленной задачи и — въ нашемъ случаѣ — не давали прагматическаго изображенія. Конечно, при этомъ не оказалось надлежащей точности воспроизведенія событій по ихъ внутреннему существу и въ результатъ не получилось завершительной убѣдительности въ мѣру объективнаго достоинства самыхъ предметовъ. Все это правда, однако здѣсь лишь недостатокъ, а не порокъ или грѣхъ.

Такая неудовлетворительность раннѣйшей репродукціи и была солиднымъ фактическимъ побужденіемъ къ литературному замышленію Евангелиста для выполненія прагматическихъ требованій исторіографіи ²⁾. Ради сего онъ принялъ всѣ соотвѣтствующія средства съ явною оппозиціонностію пробѣламъ и недосмотрамъ „многихъ“ ³⁾. Предъ нимъ было уже нѣкоторое завершеніе, но его важность и убѣждающая энергія коренились въ томъ, что имъ оправдывалось исходное начало, въ которомъ и оно само освѣщалось въ своемъ истинномъ значеніи. Понятно отсюда, что для обезпеченія объективности описанія необходимо было возвратиться къ первоисточнику и, конечно, по тому пути, какимъ онъ протекалъ исторически до момента „извѣствованности“. Это и отмѣчается эпитетомъ *παραχολουθηκότι*, характеризующимъ свойства предварительныхъ работъ. Данный глаголь встрѣчается въ Новомъ Завѣтѣ при упоминаніи о сопутствіи и возможно неотлучномъ пребываніи кого-либо при другомъ (Мрк. XVI, 17. Лк. I, 3. 1 Тим. IV, 6. 2 Тим. III, 10). Въ примѣненіи къ литературнымъ задачамъ этотъ терминъ будетъ указывать „послѣдованіе“ за подлиннымъ ходомъ событій при ихъ изученіи и письменномъ закрѣпленіи (ср. Polyb. III, 2: 2 *παραχολουθήσαι σαφῶς ταῖς... πράξεσιν ἀπὸ τῆς καὶ ἡ Πύρρον ὑπὸ Τιμαίου συγγαφέντι ν καὶ τῶν εἰς τὴν Κρηδὸς ἄλωσιν*). Это восхождение по преемственности въ цѣпи историческаго развитія должно было привести къ началу, — и Лука, дѣйствительно, проникъ *ἀνωθεν* — къ самому историческому зарожденію разумѣваемыхъ „вещей“, или къ тому хронологическому пункту ⁴⁾, отъ какого фактически отпра-

¹⁾ In Luc. hom. I: M. gr. XIII, 1802.

²⁾ Ср. Prof. Paul Ewald въ Realencyklopädie XI ³, S. 698.

³⁾ Prof. Th. Zahn, Einleitung in das Neue Testament II ¹, S. 361; II ³, S. 370.

⁴⁾ Ср. Дѣян. XXVI, 5. Вулг. ab initio. Амвросій a principio. Евѳимій Зиг. ἀντὶ τοῦ ἀπ' ἀρχῆς αὐτῶν. Eus. h. e. I, 6: 2 *ἀνωθεν*

влялось христiанское движеніе. Съ этой стороны $\alpha\upsilon\theta\epsilon\upsilon$ вполне тождественно съ $\alpha\pi' \alpha\rho\chi\eta\varsigma$ ¹⁾ и разнится отъ него лишь субъективно по особенности (положеніи) лицъ, изъ коихъ „самовидцы“ присутствовали при фактическомъ началѣ, а Лука могъ только мысленно подняться до вершины историческаго теченія. Въ этомъ смыслѣ $\alpha\upsilon\theta\epsilon\upsilon$ констатируетъ объемъ пріобрѣтенныхъ познаній, которыя простираются отъ созерцаемаго до возникавшаго. Этотъ переходъ отъ настоящаго къ давно минувшему былъ возможенъ при единственномъ условіи, что въ промежуточныхъ звеньяхъ не было перерыва, и они захватывались во всей совокупности. Отсюда новый объективный предикатъ — $\pi\alpha\sigma\iota\nu$, указывающій содержаніе познаннаго, которое берется на всемъ протяженіи и во всѣхъ существенныхъ частяхъ. Но въ ученой репродукціи такая объективная доскональность бываетъ неразрывна отъ субъективной пунктуальности освѣдомленія. Если при непосредственномъ совершеніи не трудно слѣдовать за событіями безъ малѣйшаго разумѣнія ихъ, то при научномъ воспроизведеніи всякая фальшь будетъ роковою, ибо прагматическая связность исчезнетъ или нарушится, и нельзя будетъ свести концы съ началами и наоборотъ. Теперь естественно у Луки является третій субъективный квалификатъ — ($\alpha\chi\rho\iota\varsigma\tau\acute{o}\varsigma$), знаменующій особенную отчетливость прозрѣнія, когда факты развиваются въ ученой концепціи съ тою стройностію натуральнаго чередованія и взаимной обусловленности, съ какими они двигались исторически. Опять подчеркивается точность прагматическаго свойства, а потому тутъ нѣтъ прямого упрека „многимъ“, которые — (подобно Папіеву Марку) — могли быть вполне аккуратными для отдѣльныхъ событій въ ихъ обособленности, но безъ строгаго внутренняго соотношенія съ другими. Въ послѣднемъ было несомнѣнное преимущество Луки, и онъ превосходилъ обширностію перспективы и детальностію подробностей своего созерцанія. Не удивительно, что предъ его взоромъ развертывалась стройная картина преемственнаго и всесторонняго развитія христiанской исторіи.

Въ итогъ пріобрѣтаемъ, что, оправдываясь неудовлетворительностію прежнихъ попытокъ для предпріятія своей, Лука усвояетъ ей характеръ прагматической связности на основаніи точнаго знанія всѣхъ частныхъ. Но если „многіе“ не достигали этого при сходныхъ условіяхъ, то не имѣ

$\epsilon\tilde{\iota}\varsigma \alpha\upsilon\tau\omicron$, Μωϋσέως. Philon. Vit. Mos. II, 9 ἡ ραβολόγησεν αὐθθεν ἀρξάμενος τῆς τοῦ πάντος γενέσεως.

¹⁾ Для $\alpha\upsilon\theta\epsilon\upsilon$ по равенству съ $\epsilon\tilde{\iota}\varsigma \alpha\rho\chi\eta\varsigma$ см. Rev. Prof. James Hope Moulton въ „The Expositor“ 1903, II, 108

емъ ли мы и здѣсь простого самообольщенного притязанія? Для отвѣта необходимо разобрать, были ли удобства для осуществленія этого намѣренія въ наличномъ матеріалѣ? Тогда опредѣляется

Объемъ источниковъ и способъ пользованія ими у третьяго Евангелиста.

Если это былъ спутникъ Павловъ Лука, то онъ располагалъ всѣми данными для самыхъ широкихъ и пунктуальныхъ освѣдомленій. Почерпая немало фактическихъ сообщеній отъ самого Апостола языковъ, ученикъ — врачъ. больше всего обязанъ былъ ему принципиальнымъ прозрѣніемъ въ самую сущность Евангелія Христова ¹⁾ и получилъ чрезъ него доступъ къ авторитетнѣйшимъ лицамъ первенствующей Церкви. Упоминаніе 1 Кор. XV, 6 убѣждаетъ, что къ тому времени еще много „самовидцевъ“ ²⁾ было въ живыхъ, а пребываніе при эллинскомъ благовѣстникѣ по необходимости приводило Луку въ соприкосновеніе съ этими кругами. И въ древнихъ извѣстіяхъ иногда указывается на его отношенія къ Петру ³⁾. Это вполне мыслимо по біографическимъ соображеніямъ, но не менѣе дозволительно предполагать непосредственныя встрѣчи и съ другими членами изъ сонма XII-ти. И Мураторіевъ фрагментъ замѣчаетъ, что въ *acta omnium apostolorum*, Дѣписатель изложилъ то, что *sub presentia ejus gerebantur*, а Ириней прямо выражается, что онъ былъ „не только послѣдователемъ, но и сотрудникомъ Апостоловъ“ (*Contra haer.* II, 10: 1), „особенно же Павла“ (*ibid.* III, 14: 1), Евсевій прибавляетъ, что Лука „больше всего находился при Павлѣ и ревностно общается съ прочими Апостолами“ (*h.e.* III, 4: 7), откуда — согласно мнѣнію древнихъ (III, 24: 16) — выводится, что „въ собственномъ Евангеліи онъ передалъ несомнѣнное сказаніе обо всемъ, справедливость чего достаточно узналъ частію чрезъ сожитіе и обращеніе съ Павломъ, частію чрезъ

¹⁾ Въ этомъ именно смыслѣ Rev. A. Plummer (p. XLIII) толкуетъ Тертуллиановскій терминъ „*illuminator*“ по сравненію съ наименованіемъ Марка „*interepretor*“ омъ Петровымъ.

²⁾ Ср. Dr. Anton Beck, *Des Prolog des Lukas - Evangeliums*. Amberg 1900, S. 5 ff.

³⁾ Въ этомъ смыслѣ яѣкоторые понимаютъ и свидѣтельство Мураторіева фрагмента, читая тамъ вмѣсто *quibus (tamen interfuit)* — *aliquibus* или, еще лучше, относя *quibus* къ упомянутымъ раньше *colloquiis Petri*: Prof. Janus Moffatt, *An introduction to the Literature of the New Testament* p. 191—192.

собесѣдованіе съ остальными Апостолами" (III, 24: 15). Къ подобному рѣшенію склонялся и блаж. Іеронимъ, говоря (De viris illustr. VII): *Quidam suspicantur... Lucam non solum ab Apostolo Paulo didicisse Evangelium, qui cum Domino in carne non fuerat, sed et a ceteris Apostolis... Igitur Evangelium, sicut audierat, scripsit*. Въ древности это было распространённымъ сужденіемъ¹⁾, которое находитъ категорическое подтвержденіе въ словахъ „пролога“ о непосредственной связи автора съ „самовидцами“, а ихъ онъ могъ находить и въ Антиохіи, и въ Кесаріи, и въ Іерусалимѣ.

Но ἀπ' ἀρχῆς своимъ контрастомъ заставляетъ принять еще второй классъ—свидѣтелей жизни Господней не изначальныхъ, однако наблюдавшихъ извѣстный ея періодъ и тѣсно соприкасавшихся съ ближайшими зрителями (чѣмъ и самъ Лука поставляетъ себя въ рядъ компетентныхъ удостоверятелей для эпохи Дѣяній). Опять для сего были достаточныя удобства, и намъ сообщается, что (въ Антиохіи онъ былъ вмѣстѣ съ Агавомъ и другими пророками: Дѣян. XI, 27—28 по Dal.), встрѣчался съ однимъ изъ семи дьяконовъ Филиппомъ и его четырьмя дочерьми въ Кесаріи, гдѣ (опять) видѣлъ Агава (Дѣян. XXI, 8 сл.), а въ Іерусалимѣ приходилъ съ Павломъ къ Іакову и прочимъ Апостоламъ (XXI, 18). Наконецъ, всячески несомнѣнно, что первохристіанская Іерусалимская община дѣлилась съ Лукою своими свѣтлыми воспоминаніями, какими жила каждую минуту, а тамъ была и „Марія, мать Іисуса“ (Дѣян. I, 14), нѣкогда соблюдавшая всѣ достопримѣчательные глаголы (Христовы) въ сердцѣ своемъ (Лк. II, 51); здѣсь былъ хорошій путь къ детальному ознакомленію съ исторіею дѣтства Господа и предшествующими событіями.

Источникъ устнаго апостольскаго преданія былъ богатый и, конечно, оставался главнѣйшимъ для Евангелиста²⁾, который (по блаж. Іерониму въ Praef. in Matth.: M. lat. XXVI, 18) являлся *audita magis, quam visa describens*³⁾. Но едва ли этимъ все и ограничивалось. Трудно согласиться, чтобы, зная о раннѣйшихъ литературныхъ опытахъ, Лука не пользовался ими, когда (по его же сужденію) они основны-

¹⁾ Ср. Prolog. у Wordsworth-White I, p. 269, 271: *Lucas Syrus natione Anriochensis arte medicus discipulus Apostolorum postea Paulum secutus usque ad confessionem eius servens Domino sine crimine.*

²⁾ Rev. A. Plummer по Евангелію Луки даже цѣликомъ возстановляетъ древне-римскій символъ (р. VII).

³⁾ Не въ этомъ ли смыслѣ нужно понимать и слова Мураторіева фрагмента, что Лука *numini (numine) suo ex opinione* (Prof. Th. Zahn, *ex ordine* = καθεξῆς) *conscripsit*?

вались на традиціи „самовидцевъ“. Съ другой стороны, несовершенства этихъ „начинаній“ не давали гарантіи на успѣхъ дальнѣйшей работы, если — кромѣ ихъ — не будетъ для нея болѣе надежнаго руководства. Усвояя себѣ несомнѣнный преимуществъ, третій синоптикъ тѣмъ самымъ внушаетъ, что у него самого были лучшія пособія. О характерѣ послѣднихъ можно догадываться по контрасту съ предшествующими воспроизведеніями. О нихъ справедливо думать, что они покоились на воспоминаніяхъ о слышанномъ, какъ и глаголь ἀνατάξασθαι значитъ „возстановлять упорядоченно по памяти“¹⁾. И коль скоро это средство оказалось недостаточнымъ, — мы обязаны допустить, что продолжатель обладалъ прочными образцами въ письменныхъ документахъ. Вотъ второй источникъ, присутствіе котораго въ самомъ трудѣ довольно ощутительно и неоспоримо. Это ясно по самому стилю, обнаруживающему иногда слишкомъ рѣзкія колебанія, разъ классически-правильный „прологъ“ смѣняется сильно евраизированными отрывками первыхъ двухъ главъ. Подобное явленіе встрѣчается и въ другихъ случаяхъ, заставляя предполагать, что стилистическая свобода Луки была связана вполнѣ выработаннымъ текстомъ, для котораго допустимы были лишь легкія корректуры. Такъ нужно думать по двумъ наблюденіямъ, что 1) евраистическія шероховатости попадаютъ преимущественно въ репродуктивныхъ частяхъ, гдѣ требовалась собственно точность воспроизведенія, но 2) даже и въ этихъ — параллельныхъ Маттею и Марку — отдѣлахъ ср. IV, 38 — 41 и Мрк. I, 29—34; Мѡ. VIII, 14 — 17. V, 12 — 16 и Мрк. I, 40—46; Мѡ. VIII, 1 — 4. V, 17 — 26 и Мрк. II, 1 — 12; Мѡ. IX, 1 — 8. IX, 10 — 17 и Мрк. VI, 30 — 44; Мѡ. XIV, 13 — 21. IX, 38 — 40 и Мрк. IX, 17 — 18; Мѡ. XVII, 15 — 16 и мн. др.) обнаруживается стилистическое превосходство, свойственное авторскому перу третьяго Евангелиста (см. ἐν μέσῳ, ὁ λόγος τοῦ θεοῦ, δέχονται и ἀφ' ὅταν-αι въ VIII, 14 — 15 по сравненію съ Мѡ. и εἶπεν πρὸς αὐτοὺς, ἐπίστατα, θέομαι σου, ἔλθεῖ ἀπὸ, ἰκανός, ἐδεῖτο αὐτόν, σὺν, ὑπόστρεφε, παρὰ τοὺς πόδας, παρὰ ῥῆμα и пр. вмѣсто Марковыхъ λέγει αὐτοῖς, δ δάσκαλε, ὀρχίζω σε, ἐξέλθεῖν ἐκ, μέγας, παρεκάλε: αὐτόν, μετὰ, ὅ-α ε, πρὸς τοὺς πόδας etc.). Если при всемъ томъ писатель удерживаетъ евраистическія особенности вопреки всѣмъ своимъ литературнымъ навыкамъ, то, очевидно, онъ вынуждался прекло-

¹⁾ Вопреки отрицающимъ у даннаго глагола этотъ оттѣнокъ (котораго не признаетъ и Н. К. Дагасъ, Исторія ветхозавѣтнаго канона, С.-Петербургъ 1898, стр. 96—97, но ср. стр. 93—94, 99), — его энергически защищаетъ Prof. Fr. Blass (Evangelium secundum Lucam, p. XI—XII; Philology of the Gospels, p. 14—17).

ниться предъ авторитетною необходимостію, а таковую могъ представлять только письменный памятникъ, какъ сохранившій подлинныя данныя въ точности, которая обязывала къ неприкосновенности.

О характерѣ этихъ источниковъ намъ ничего неизвѣстно. Безспорно, что многіе изъ нихъ первоначально могли существовать на арамейскомъ (еврейскомъ) языкѣ, и отсюда иногда заключаютъ, что Лука самъ перевелъ ихъ гречески¹⁾. Дозволительно и это для Антиохійскаго грека, однако едва ли онъ столь совершенно владѣлъ литературно-поэтическою семитскою рѣчью, а исторія оригинальнаго Матѣеваго труда свидѣтельствуешь, что въ христіанскихъ общинахъ уже рано обнаружилась неустранимая нужда въ греческихъ переложеніяхъ, хотя, напр., Матѣево Евангеліе почитается первою литературною книгой для культового, богослужебнаго употребленія христіанской церкви, ближайшимъ образомъ — Палестинской²⁾. Въ виду сего безопаснѣе думать, что и Луки воспользовался готовыми греческими записями, какія могли содержаться въ повѣствованіяхъ у „многихъ“, врядъ ли писавшихъ „поеврейски“.

Что до объема подобныхъ пособій, то тутъ необходимо принять въ соображеніе два обстоятельство. Во 1-хъ новѣйшими филологическими изслѣдованіями добыто, что не все евраистическое въ греческой рѣчи имѣетъ непосредственное еврейское происхожденіе и не все такое образовалось подъ вліяніемъ копированія еврейскихъ образцовъ. Напротивъ, дознано съ рѣшительностію, что многое въ этомъ родѣ было общимъ достояніемъ эллинистическаго языка, какъ въ синкретизмѣ было воспринято и распространялось множество религіозно-философскихъ ориенталистическихъ элементовъ — даже прямо семитическаго происхожденія и почти библейскаго характера; значитъ, по евраистической окраскѣ тѣхъ или иныхъ отрывковъ третьяго Евангелія нельзя съ несомнѣнностію догадываться о еврейскихъ источникахъ³⁾. Во 2-хъ: по суду всѣхъ компетентныхъ ученыхъ, Лука былъ опытный и гибкій стилистъ, умѣвшій въ каждомъ случаѣ говорить соотвѣтствующимъ языкомъ, почему самъ могъ придавать евраистическій колоритъ, когда этого требовала

¹⁾ См. и Hellmuth Zimmermann въ „Studien und Kritiken“ 1903, II, S. 268 ff. 286 ff.

²⁾ Prof. Ad. Harnack: Lukas der Arzt, S. 120; Die Apostelgeschichte (Leipzig 1908), S. 3 Anm.

³⁾ См. Prof. A. b. Thum b, Die griechische Sprache im Zeitalter des Hellenismus, S. 132, и ср. „Христіанское Чтеніе“ 1902 г., № 7, стр. 14—15.

историческая ситуація¹⁾, и — следовательно — вообще по языковым особенностям писаній Луки трудно гадать о его источникахъ съ увѣренностію²⁾. Всѣми этими наблюденіями тоже сокращаются основанія для попытокъ къ отысканію у Луки еврейскихъ оригиналовъ.

Тѣмъ не менѣе они вѣроятны по самому существу дѣла, какъ и пользованіе другими письменными пособіями. Это мы должны думать по обилію новыхъ данныхъ сравнительно съ двумя первыми Евангелистами. Если мы раздробимъ общее всѣмъ синоптикамъ содержаніе на 172 отдѣла, то изъ нихъ у Луки будетъ 127 (3/4 цѣлаго) при 48 (2/7) свойственныхъ ему одному, у Маттея — 114 (2/3) при 22 (1/8) ему принадлежащихъ и у Марка — 84 (1/2) при 5 (1/37) отличительныхъ для него; отправляясь отъ цифры 124, получимъ отсюда для перваго Евангелиста 78 при индивидуально свойственныхъ 17-ти, для второго — 67, изъ коихъ на его долю падаетъ всего лишь 2, а для третьяго — 93 при 38 собственнымъ ему³⁾. Но опять же не ясно, что изъ этого матеріала почерпнуто въ письменныхъ памятникахъ и что взято изъ устнаго преданія, столь разнообразнаго и богатаго достовѣрными извѣстіями⁴⁾. Гипотетическія построенія насчетъ этихъ письменныхъ документовъ всегда остаются чистымъ фантазированіемъ и находятъ для себя почву развѣ въ тенденціозныхъ предпосылкахъ, когда оказывается простое *petitio principii*, ибо идея (предполагаемаго характера и воображаемыхъ цѣлей Евангелія) оправдывается ссылкой на факты, наличность которыхъ лишь допускается именно въ силу и ради этой идеи. Посему и гаданія⁵⁾ для фактическаго истолкованія о связи нѣкоторыхъ подобныхъ пособій съ дворомъ Ирода (III, 1, 19. VIII, 3. IX, 7 — 9. XIII, 31. XXIII, 7 — 12. Дѣян. XIII, 1) и измышленія критическія, — напр. (Volkmar'a), объ эвонитскомъ *evangelium pauperum*, — одинаково недоказуемы и почти равно бесполезны для уразумѣнія условій происхожденія и конструкціи третьяго Евангелія. Тѣмъ менѣе побужденій апеллировать къ помощи Іосифа Флавія, который

¹⁾ Prof. Th. Zahn, *Einleitung in das N. T.* II¹, S. 400 II³, S. 408. Prof. Ad. Harnack: *Lukas der Arzt*, S. 152 („Lukas ein Meister in der Nachbildung von Stilarten gewesen ist“); *Das Magnificat* u. s. w. (см. ниже). S. 19 = 556, Anm., 2.

²⁾ См. Th. Vogel, *Zur Charakteristik . . .*, S. 217.

³⁾ См. и Rev. A. Plummer, p. XXXV, XLI.

⁴⁾ Cp. Prof. Th. Zahn, *Einleitung in das N. T.* II¹, S. 405; II³, S. 411—412.

⁵⁾ Rev. A. Plummer, p. XXV.

ненуженъ или менѣе достовѣренъ¹⁾. При извѣстныхъ натяжкахъ, пожалуй, мыслима освѣдомленность съ сочиненіемъ (отъ 77 года) „Объ іудейской войнѣ“²⁾ даже для историческаго Луки, и иногда принимается, что онъ былъ лично знакомъ съ іудейскимъ историкомъ въ Римѣ около 63 года³⁾; вообще же сближеніе этихъ писателей больше склоняется къ убѣжденію въ позднемъ происхожденіи и неподлинности третьяго Евангелія и книги Дѣяній⁴⁾. Но — при отсутствіи надобности въ этомъ и при неимѣніи тѣснаго соотношенія⁵⁾ — нѣтъ и разительныхъ параллелей⁶⁾, ибо сходные по матеріи пассажи своими разностями — даже филологическаго свойства — скорѣе убѣждаютъ во взаимной независимости, почему неприемлема и обратная идея⁸⁾, яко бы Іосифъ Флавій пользовался твореніями Луки.

Значитъ, у насъ будетъ безусловно твердымъ развѣ тотъ тезисъ, что у Луки были подъ руками письменные документы⁹⁾, — напр. для первыхъ двухъ главъ Евангелія¹⁰⁾, — по мѣстамъ имѣвшіе для него авторитетность неприкосновенности, каковы: генеалогія, посланіе Апостольскаго собора¹¹⁾, письма и т. п.¹²⁾. А нынѣ всѣми исповѣдуется, что

¹⁾ См. и Prof. A. d. Harnack: *Geschichte der altchristlichen Litteratur* II, 1, 250, 1; *Neue Untersuchungen zur Apostelgeschichte*, S. 80, 1.

²⁾ См. Th. Vogel, *Zur Charakteristik...*, S. 260.

³⁾ Th. Vogel, *Zur Charakteristik...*, S. 116.

⁴⁾ Prof. Carl Clemen, *Die Chronologie der paulinischen Briefe*, Halle 1893. M. Krenkel, *Josephus und Lucas*, Leipzig 1894.

⁵⁾ Th. Vogel, *Zur Charakteristik...*, S. 257—60.

⁶⁾ См. Prof. Paul Schanz, *Commentar*, S. 16—17. Prof. Joh. Ev. Belser въ „*Theologische Quartalschrift*“ 1895—1896. Prof. William Sanday, *Inspiration*. London 2 1894. Prof. Th. Zahn, *Einleitung in das N. T. II*¹, S. 394—397; II³, S. 401—403. Rev. A. Plummer, p. XX X. „Христiанское Членіе“ 1902 г., № 7, стр. 15.

⁷⁾ Prof. Alb. Thum b, *Die griechische Sprache im Zeitalter des Hellenismus*, S. 225.

⁸⁾ Prof. Joh. Ev. Belser, *Einleitung in das N. T.*, S. 2194; 1126, 203—204.

⁹⁾ Rev. A. Plummer, p. XXIII, XXV. Prof. Joh. Ev. Belser, *Einleitung in das N. T.*, S. 2186 ff.

¹⁰⁾ Prof. Th. Zahn, *Einleitung in das N. T. II*¹, S. 404—405; II³, S. 411—412.

¹¹⁾ Совѣмъ неправдоподобно предположеніе Prof. A. d. Harnack'a (*Lukas der Arzt*, S. 153—156), яко бы это посланіе составилъ самъ Лука.

¹²⁾ Prof. Th. Zahn, *Einleitung in das N. T. II*¹, S. 397—398; II³, S. 404.

Евангеліе Марково явилось раньше третьяго, откуда сама собою рождается мысль о зависимости послѣдняго отъ него, какъ это требуется рѣшеніемъ синоптического вопроса. И данный пунктъ тѣмъ правдоподобнѣе теоретически, что Лука и Маркъ были вмѣстѣ въ Римѣ одновременно (Кол. IV, 10, 14. Филим. 24), и первый долженъ былъ знать о литературномъ предпріятіи второго, которое можно разумѣть въ числѣ литературныхъ опытовъ „многихъ“¹⁾). Характеристика „пролога“ вполне подходитъ ко второму синоптику, и ея примѣнимость именно къ послѣднему свидѣлствуетъ близкимъ согласіемъ со словами Папія іерепольскаго о трудѣ „спутника“ и „истолкователя“ Петрова. По всѣмъ этимъ и другимъ соображеніямъ теперь почитается достаточно обезпеченнымъ, что Лука утилизировалъ для своихъ цѣлей Марково Евангеліе, и возраженія по этому предмету²⁾ только устраняютъ крайности и преувеличенія, яко бы одинъ чуть не рабски копировалъ другого и выросъ изъ него путемъ простой переработки. Сравненіе открываетъ одинаковость хронологическаго распорядка, а въ стилистическомъ отношеніи Марковъ текстъ не рѣдко служитъ неизбѣжною препосылкой редакціи Лукиной³⁾. Утверждаютъ даже, что Марково Евангеліе было для Луки ближайшимъ источникомъ⁴⁾, который онъ прекрасно изучилъ⁵⁾ и какъ бы переписалъ⁶⁾, взявъ оттуда до 3/4 цѣлаго⁷⁾. Впрочемъ, третій Евангелистъ, включая едва не все содержаніе второго, матеріально превышаетъ послѣдняго цѣлыми обширными отдѣлами, введенными въ схему Маркову (напр., VI, 20 — VIII, 4. IX, 51 — XVIII, 14), и въ хронологически-прагматическомъ отношеніи уклоняется не разъ почти до рѣшительнаго противорѣчія, примѣрами чего могутъ быть рефераты о входѣ въ Іерусалимъ (гл. XIX), воскресеніи и вознесеніи Господа (гл. XXII — XXIV).

1) Prof. Th. Zahn, *Einleitung in das N. T.* II¹, S. 364—365; II³, S. 371—372.

2) См. Rev. A. Plummer, p. XXIII—XXIV, и ср. Th. Vogel, *Zur Charakteristik . . .*, S. 231, и.

3) Prof. Th. Zahn, *Einleitung in das N. T.* II¹, S. 398 ff.; II³, S. 405 ff. Prof. Joh. Ev. Belser, *Einleitung in das N. T.*, S. 119, 134, 165, 187—188; 2118, 136, 165, 187. Dr. Anton Beck, *Der Prolog*, S. 38 ff.

4) Prof. Ad. Harnack: *Die Apostelgeschichte*, S. 151; *Neue Untersuchungen zur Apostelgeschichte*, S. 108.

5) Prof. Ad. Harnack, *Neue Untersuchungen zur Apostelgeschichte*, S. 20.

6) Prof. Ad. Harnack, *Lukas der Arzt*, S. 60 ff.

7) Prof. Ad. Harnack, *Lucas der Arzt*, S. 111, 112.

Посему Маркова композиція признаётся недостаточною ¹⁾, и принимаются „другіе опыты по Евангельской исторіи“ ²⁾. Какіе же именно? — это необходимо выяснитъ точно, чтобы не сводить дѣло къ иксамъ. А тогда мы естественно обращаемся къ первому Евангелію. Должно напередъ констатировать, что эта идея съ равнымъ усердіемъ отвергается и критическими ³⁾ и консервативными ⁴⁾ авторами, однако едва ли вполне законно и внушительно. Въ основѣ тутъ чаще кроется нежеланіе допустить столь раннее образованіе такого высоко-христіанскаго мессіаническаго благовѣстія на чисто іудейской почвѣ, но здѣсь лишь совсѣмъ неубѣдительная тенденціозная предзанятость. Если же отъ нея отрѣшиться, то получимъ, что для Луки необходимо предположить источникъ, близкій къ Матѣеву Евангелію и общій для него съ третьимъ синоптикомъ ⁵⁾. Другими данная гипотеза оспаривается ⁶⁾, — и это справедливо въ томъ смыслѣ, что неизвѣстное ничею намъ не освѣщаетъ и не раскрываетъ, между тѣмъ соприкосновеніе нашего Луки съ теперешнимъ Матѣеемъ несомнѣнно существуетъ и ярко иллюстрируется, напр., поразительнымъ совпаденіемъ перваго (VII, 27) со вторымъ (XI, 10) въ свободной цитатѣ изъ пророка Малахій III, 1. И не видится истинно научныхъ резонновъ не комментировать этого безспорнаго явленія изъ наличныхъ литературныхъ документовъ. Выдвигается обыкновенно, что тогда во многомъ окажется контрастъ взаимоисключенія, если о тождественныхъ событіяхъ повѣствуется до непримиримости различно. Пусть даже это вѣрно, — и все-таки отсюда не слѣдуетъ взаимной невѣдомости обоихъ писателей.

¹⁾ См. Prof. Bernhard Weiss у H. A. W. Meyer's I, 2⁹, S. 254. Canon Sir John. C. Hawkins, раздѣляя идею соподчиненности третьяго Евангелиста второму, тоже признаетъ независимость Луки для отдѣла IX, 51—XVIII, 14, равно для VI, 20—VIII, 3 (p. 19 b—20 a), но при нѣкоторой связи съ источникомъ Марковымъ, хотя не въ смыслѣ литературнаго пользованія (п. 138 a. b.): см. „The Expository Times“ XIV, 1 (October 1902), 2 (November 1902), 3 (December 1902), p. 18—23, 90 93, 137—140.

²⁾ Prof. Th. Zahn, Einleitung in das N. T. II¹, S. 401; II³, S. 408.

³⁾ Prof. Bernhard Weiss у H. A. W. Meyer I, 2⁹, S. 254 ff.

⁴⁾ Prof. Th. Zahn, Einleitung in das N. T. II¹, S. 401—402; II³, S. 408 ff. Rev. A. Plummer, p. XXIV.

⁵⁾ См. Prof. Bernhard Weiss у H. A. W. Meyer I, 2⁹, S. 255. Rev. A. Plummer, p. XXVII.

⁶⁾ Prof. Th. Zahn, Einleitung in das N. T. II¹, S. 402—404; II³, S. 410.

Иначе по тому же самому соображенію мы принуждены будемъ вмѣсто нынѣшняго Марка поставить таинственнаго перво-Марка, но при этомъ исчезнутъ всѣ конкретныя опоры для документально-осязательныхъ розысканій, и весь вопросъ покроется непроницаемымъ мракомъ. Этой роковой опасности боятся и сторонники особыхъ источниковъ¹⁾ и незамѣтно доводятъ послѣдніе — по реальному ихъ содержанию — до фактическаго сліянія съ нашимъ Матѳеемъ, Поучительный образецъ сего даетъ намъ проф. Адольфъ Гарнакъ. Наряду съ Маркомъ онъ дальнѣйшимъ источникомъ Луки считаетъ общую съ Матѳеемъ исторію Господа и особую іерусалимскую или іудейскую традицію²⁾. По его мнѣнію, единою основой для всѣхъ трехъ первыхъ Евангелій былъ Q³⁾ — не ориентирующееся на событіяхъ страданія собраніе рѣчей и изреченій Иисуса Христа почти съ исключительно Галилейскимъ горизонтомъ и безъ всякихъ замѣтныхъ селаратныхъ тенденцій⁴⁾. Онъ составленъ первоначально поарамейски⁵⁾ какимъ-то ученикомъ Христовымъ⁶⁾ около 51 года или даже раньше, во всякомъ случаѣ еще до Марка⁷⁾, явившагося не позднѣе шестого десятилѣтія⁸⁾. Q взаимно независимъ отъ Марка, ничуть не ниже его по достоинству, а во многихъ мѣстахъ выше⁹⁾, но и второй синоптикъ имѣлъ „собранія Господнихъ изреченій, которыя сильно соприкасались съ Q“¹⁰⁾. Именно его утилизируютъ Маркъ и Лука въ тожественномъ греческомъ переводѣ¹¹⁾, хотя — по сравненію съ греческимъ Матѳеемъ — съ отличіями, предполагающими, впрочемъ, лишь иную копію, а не другую редакцію¹²⁾, Болѣе непокосновенно этотъ текстъ сохраненъ у Матѳея¹³⁾, Лука же измѣняетъ стилистическими

¹⁾ Prof. Bernhard Weiss y H. A. W. Meyer I, 2°, S. 255—256.

²⁾ Prof. Ad. Harnack, Lukas der Arzt, S. 108.

³⁾ Sprüche und Reden Jesu — die zweite Quelle des Matthäus und Lucas (Leipzig 1907), S. 78.

⁴⁾ Sprüche und Reden, S. 121.

⁵⁾ Sprüche und Reden Jesu, S. 171.

⁶⁾ Neue Untersuchungen zur Apostelgeschichte, S. 96.

⁷⁾ Neue Untersuchungen, S. 87, 1.

⁸⁾ Neue Untersuchungen, S. 83—93.

⁹⁾ Sprüche und Reden Jesu, S. 173.

¹⁰⁾ Sprüche und Reden Jesu, S. 157: „...Hernworte-Sammlungen lagen, die sich stark mit Q berührten.

¹¹⁾ Sprüche und Reden Jesu, S. 80.

¹²⁾ Sprüche und Reden Jesu, S. 80.

¹³⁾ Sprüche und Reden Jesu, S. 9, 11, 13, 15, 16, 19, 23, 24, 25, 35, 37, 39, 42, 43, 45, 49, 54, 55, 64, 66, 67, 72, 74.

корректурами ¹⁾, однако цѣнить его высоко, ничуть не ниже Марка ²⁾). Трудъ второго синотника былъ въ основаніи третьяго ³⁾, и все-таки онъ не прерывалъ связей съ Матѳеемъ, поскольку въ общемъ ихъ содержаніи (сверхъ сходнаго съ Маркомъ) открывается такая пропорція, что это 2/11 для текста Матѳея и 1/6 для Луки ⁴⁾). Отсюда вытекаетъ, что Матѳеей существенно воспроизвелъ Q, Маркъ привлекалъ близкій къ послѣднему сборникъ, Лука скомбинировалъ Q и Марка, но этотъ, искусственно завуалированный источникъ познаётся лишь чрезъ нашего греческаго Матѳея и необходимо сливается съ нимъ до безразличія, поскольку всѣ построенія производятся прямо по Матѳееву тексту и безъ него лишаются всякой фактической почвы. Не имѣется ея и въ историческомъ преданіи, ибо считается весьма вѣроятнымъ (*sehr wahrscheinlich*), что Папій (у Евсевія h. e. III, 39) разумѣлъ „нашего (теперешняго) Матѳея“ ⁵⁾ и — значитъ — нимало не требуетъ наличности особой отъ него арамейской логотифіи. Правда, тутъ же дѣлается оговорка, что если нашего Матѳея нельзя принимать за трудъ Апостола, то придется наивѣроятнѣе (*überwiegend wahrscheinlich*) усвоить предполагаемому Папіемъ Апостолу Матѳею Q въ качествѣ его подлиннаго труда ⁶⁾, но какое можетъ быть оправданіе для подобной догадки, коль скоро единственный компетентный свидѣтель совершенно не допускаетъ ея, а бывшія у него τὰ λόγ α заставляютъ видѣть въ греческомъ Матѳеѣ?

Здѣсь мы приобретаемъ новое основаніе апеллировать къ теперешнему типу Матѳеева Евангелія, извѣстность котораго Лукѣ полноѣ мыслима и по традиціи и критически, разъ утверждается научная допустимость, что Матѳеево Евангеліе вышло до разрушенія Іерусалима, хотя и близко къ нему ⁷⁾. Что до многихъ несогласованностей между Лукой и Матѳеемъ, то онѣ были бы роковыми лишь для гипотезы, будто третій синоптикъ образовался чрезъ списываніе перваго, но вѣдь никто и не думаетъ проповѣдывать подобную крайность. Утверждается не болѣе того, что Матѳеей былъ однимъ въ ряду многихъ другихъ пособій — устныхъ и пись-

¹⁾ Sprüche und Reden Jesu, S. 7, 9.

²⁾ Sprüche und Reden Jesu, S. 219.

³⁾ Die Apostelgeschichte, S. 151: „Für Markus fällt auch stark ins Gewicht, dass Lukas ja seinem Evangelium das Werk desselben zugrunde gelegt hat“.

⁴⁾ Sprüche und Reden Jesu, S. 1.

⁵⁾ Sprüche und Reden Jesu, S. 172.

⁶⁾ Sprüche und Reden Jesu, S. 172.

⁷⁾ Prof. A. d. Harnack, Neue Untersuchungen zur Apostelgeschichte, S. 93—95.

менных¹⁾. И въ этомъ качествѣ участіе его было весьма важно. Лука заботится о хронологически — прагматической связи, а примѣръ предшественниковъ громко говорилъ, что устные припоминанія не даютъ незыблемой опоры для подобнаго классифицированія Евангельскихъ событій. Въ этомъ случаѣ Маркъ — по авторитету св. Петра — былъ самымъ желаннымъ руководителемъ, котораго Лука и придерживается. И если мы замѣчаемъ, что онъ измѣняетъ ему въ существенныхъ пунктахъ, — тутъ необходимо предположить, по крайней мѣрѣ, равноправный документъ, восполняющій отсутствіе объективнаго распорядка (τάξις) у Марка. Это свойство всего удобнѣе приложимо къ Маттею, издавна бывшему литургическою книгой Іерусалимской церкви²⁾, и объ немъ мы знаемъ, что — сходный съ третьимъ синоптикомъ по общему расположенію во многихъ отдѣлахъ — онъ иногда совпадаетъ съ Лукой и въ частностяхъ, когда, напр., оба они говорятъ о воскресеніи Господнемъ въ третій день (Мѡ. XVII, 23. Лк. IX, 22. XVIII, 33) вопреки μετὰ τρῖς ἡμέρας Марка (IX, 31. X, 34), или опускаютъ его δις (Мрк. XIV, 30) въ предсказаніи объ отреченіи Петровомъ (Мѡ. XXVI, 34. Лк. XXII, 34).

Для ближайшихъ цѣлей намъ довольно и научной вѣроятности, которая убѣдительно подкрѣпляется тѣмъ наблюденіемъ, что общее у Луки съ Маттеемъ и Маркомъ заключается больше въ разсказахъ, чѣмъ въ рѣчахъ³⁾ и слѣдовательно — не могло получиться независимо отъ непосредственнаго знакомства съ предшествовавшими синоптическими редакціями. Типическій литературный обликъ третьяго Евангелиста и теперь обрисовывается съ достаточною отчетливостію въ томъ смыслѣ, что, располагая обильнымъ матеріаломъ устныхъ и письменныхъ пособій, онъ даетъ систематически-цѣлостную ихъ обработку. Отсюда понятны и

Литературныя достоинства исторіографическихъ трудовъ св. Луки.

Первое изъ нихъ самоочевидно, что при множественности разнообразныхъ и хорошихъ пособій получается богатый матеріалъ новаго содержанія. Съ этой стороны полнота повѣствованія, приближающаяся къ біографической законченности, обращала вниманіе уже древнихъ толкователей, и еще Иринеѣ Ліонскій говорилъ: omnia hujscemodi per solum Lucam cognovimus et plurimos actus per hunc didici-

¹⁾ Ср. Prof. Joh. Ev. Belser, Einleitung in das N. T. S. 1107, 165, 166, 188—191, 204—207; S. 2186 ff., 221 ff.

²⁾ См. выше стр. 41.

³⁾ Rev. A. Plummer, p. XLI.

mus... et alia multa sunt, quae inveniri possunt a solo Luca dicta esse (Contra haer. III, 14: 3 — 4); Амаросій прибавляетъ (in Luc. prol. 4: M. lat. XV, 1350), что онъ *plura nobis gestorum Domini miracula revelavit*, а Епифаній категорически утверждаетъ (haer. LI, 7): τὰ ὑπὸ τῶν ἄλλων κηρυχθέντα ἐπιβαλέσθαι. Это замѣтно по обилію оригинальныхъ свѣдѣній (I, 5 — 80. II, 1 — 52. III, 1, 2, 5, 6, 10 — 14. IV, 16 — 30 (?). V, 2 — 10. VII, 11 — 17, 36 — 50. VIII, 1 — 3. IX, 51 — 56. X, 1, 17 — 20, 28 — 37, 38 — 42. XI, 1, 5 — 8, 27, 28. XII, 13 — 21, 47, 48. XIII, 1 — 17, 31 — 37. XIV, 1 — 24, 28 — 33. XV, 1, 2, 8 — 31. XVI, 1 — 11, 19, 31. XVII, 7 — 10, 15 — 19. XVIII, 1 — 13. XIX, 1 — 10, 11 — 27, 39, 40, 41 — 44. XXII, 24 — 30, 35 — 38, 63 — 71. XXIII, 5 — 15, 27 — 31, 39 — 41. XXIV, 13 — 43, 44 — 53). Изъ нихъ достаточно напомнить начальныя главы третьяго синоптика, посвященные разсказу о зачатіи, рожденіи и обрѣзаніи Іоанна Крестителя и Богомладенца, равно — изъ позднѣйшей исторіи — посѣщеніе двѣнадцатилѣтнимъ Іисусомъ Іерусалима, воскрешеніе сына Наинской вдовы, помазаніе Господа грѣшницею, пребываніе Спасителя у Марѣи и Маріи въ Галилейскій періодъ; въ обширномъ отчетѣ о путешествіяхъ во святой городъ (IX, 51 — XVIII, 31) — по сравненію съ Маттеемъ и Маркомъ — много новаго и спеціальнаго, что совпадаетъ лишь съ разсказами Іоанна¹⁾, или старое передается здѣсь въ иной связи при своеобразномъ освѣщеніи и съ немалыми добавленіями. Въ извѣстіяхъ касательно страданія и воскресенія Лука также немало уклоняется и матеріально и формально.

Полнота содержанія была достойнымъ увѣнчаніемъ усилій Евангелиста, желавшаго прослѣдить по авторитетнымъ даннымъ всѣ моменты Евангельской эпохи. Но эти труды не были сомоцѣлю, какъ ясно уже потому, что направлялись они къ устраненію недочетовъ въ раннѣйшихъ работахъ болѣе совершеннымъ изданіемъ Евангельской исторіи чрезъ опубликованіе добытыхъ результатовъ. А тамъ былъ недостатокъ стройнаго объединенія отдѣльныхъ эпизодовъ, почему здѣсь необходимо ожидается цѣлостное возсозданіе. И мы знаемъ, что авторскія разысканія производились на всемъ протяженіи съ самаго начала (ἀνωθεν) и при строгомъ соотвѣтствіи исторической реальности (ἀκριβως) въ ея постепенномъ фактическомъ развитіи. Естественно, что исторіографическая репродукція свободно отлива-

¹⁾ О соприкосновеніяхъ между Лукой и Іоанномъ см. Prof. Th. Zahn, Einleitung in das N. T. II³, S. 408; Prof. Ad. Harnack, Lukas der Arzt, S. 159, 160; Prof. James Moffatt, An Introduction, p. 285, 534 sq.

лась въ живую картину прогрессивнаго роста христіанства. Этимъ натурально и основательно мотивируется намѣреніе Луки записать все, пріобрѣтенное изученіемъ, *καθεξής*. По такому соотношенію несомнѣнно, что тутъ говорится о характерѣ и качествахъ письменнаго изложенія, почему *καθεξής* не связано прямо съ предшествующими объективными квалификациями, а относится непосредственно къ *ὑρά αἰ*, выражая, что авторскія изслѣдованія шли въ рядъ съ историческимъ теченіемъ отъ настоящаго пункта къ исходу событий и въ литературномъ воспроизведеніи должны были двигаться обратно — со строгою вѣрностію подлинному ходу вещей. Подобное изображеніе даетъ прежде всего преемственность во времени, на которое падаютъ разсматриваемые факты. Такой хронологическій оттѣнокъ подчеркивается и чрезъ *καθεξής*. Этотъ терминъ употребляется у грековъ далеко не часто и немногими (Плутархъ, Эліанъ), но извѣстное мѣсто Оукидида въ рѣчи о Пелопоннесской войнѣ сходному *ἐξής* усваиваетъ исключительно хронологическую энергію (II, 1: *ὑέγραπται τε ἐξής ὡς ἐκχота ἐ, ἵνεο κατὰ θέρους καὶ χειμῶνι*), которая заявляетъ себя и у LXX-ти (Иса. X, 1: „да и еще — *ἴνα ἐξ ὧς* — придуть знаменія“. Втор. II, 34. III, 6. Суд. XX, 43. 2 Макк. VII, 48. 3 Макк. I, 9). Въ Новомъ Завѣтѣ находимъ оба эти слова лишь у Луки, и второе всегда съ темпоральнымъ характеромъ (Лк. VII, 11. IX, 37. Дѣян. XXI, 1. XXV, 17. XXVII, 18). Это не менѣе вѣрно для *καθεξής* (Лк. VIII, 1. Дѣян. III, 24. XI, 4), и только въ Дѣян. XVIII, 23 нѣсколько преобладаетъ мѣстно топографическій моментъ („проходили по порядку страну Галатійскую и Фригійскую“), однако при неоспоримо временномъ указаніи, ибо послѣдовательная смѣна мѣстъ не могла совершаться безъ преемственности во времени. По всему этому обязательно согласиться, что у Евангелиста говорится о хронологическомъ воспроизведеніи Евангельской исторіи¹⁾. Пусть это элементъ не единственный и не исключительный²⁾, а неразрывный отъ прагматической связности³⁾, но отрицать его незаконно, такъ какъ онъ первоначальный.

Итакъ: при матеріальной полнотѣ вторымъ качествомъ третьяго Евангелія будетъ хронологическая пунктуальность.

¹⁾ Ср. Rud. Cornely S. J., *Introductio specialis in singulos Novi Testamenti libros* (Parisii 1886), p. 149—150. Jos. Knabenbauer въ *Cursus Scripturae Sacrae* I, 3, p. 20. Prof. Ad. Jülicher, *Einleitung in das N. T.*, S. 203. Rev. A. Plummer, p. XXXVI—XXXVII.

²⁾ Ср. Prof. Paul Ewald въ *Realencyklopädie* XI³, S. 696.

³⁾ Prof. Th. Zahn, *Einleitung in das Neue T.* II¹, S. 366; II³, S. 372.

И рассмотрѣніе самаго труда убѣждаетъ, что это свойство весьма замѣтно въ нечѣ. Хорошая и наглядная иллюстрація сему имѣется уже въ томъ, что изъ 26 всѣхъ случаевъ употребленіе *ἔτος* въ Новомъ Заветѣ — 23 встрѣчаются у Луки, который 10 разъ называетъ *μῆν*, когда всѣхъ такихъ примѣровъ только 18 и въ другихъ мѣстахъ они не содержатъ строго буквальнаго значенія въ качествѣ хронологической единицы для того или иного событія ¹⁾. Одинъ Лука самымъ опредѣленнымъ образомъ указываетъ время рожденія Спасителя (Лк. II, 1—2) и явленія Іоанна Предтечи съ проповѣдью (Лк. III, 1—2) путемъ снесенія со всемірно-историческими событіями. Отмѣчая этимъ способомъ начало общественнаго служенія Искупителя по связи съ исторією Сиріи и Рима, Лука далѣе говоритъ и о возрастѣ Христа въ данный періодъ (III, 23). Эта хронологическая тщательность видимо наблюдается и въ прочихъ частяхъ третьяго Евангелія. Гавріиль благовѣствуетъ Дѣвѣ въ шестой мѣсяцъ по зачатіи Крестителя (I, 26), Марія пребываетъ у Елизаветы три мѣсяца (I, 56), Іоаннъ Предтеча и Богомладенецъ обрѣзаются въ восьмой день (I, 59. II, 21), Второй приносится въ храмъ по истеченіи срока очищенія (II, 21) и Самъ приходитъ сюда на праздникъ пасхи двѣнадцати лѣтъ (II, 42). Выраженія: *ἐν σαββάτῳ δευτεροπρωτῷ* (VI, 1), *ἐν ἐτέρῳ σαββάτῳ* (VI, 6), *ἐν τῇ ἑξῆς* (VII, 11. IX, 37), *ἐν τῷ καθεξῆς* (VIII, 1), *ἐν ταῖς ἡμέραις ταύταις* (VI, 12), *ἐν αὐτῇ τῇ ὥρᾳ* (X, 21), *ἐν αὐτῇ τῇ ἡμέρᾳ* (XIII, 31), *ἐν αὐτῇ τῇ κκρῇ* (XIII, 1) и т. п. достаточно позволяютъ ориентироваться насчетъ хронологической взаимной послѣдовательности фактовъ. Гдѣ такихъ поясненій нѣтъ, тамъ по крайней мѣрѣ *genit. absol.* указываетъ одновременность двухъ дѣйствій и ихъ подлинную связь (VIII, 49. XXII, 47); даже фразы болѣе общаго характера (V, 27. X, 11: *μετὰ ταῦτα*. V, 17. VIII, 22. XXI, 1: *ἐν μίᾳ τῶν ἡμερῶν* и др.) въ самомъ сочеганіи эпизодовъ (IV, 1, 38, 40. VII, 1, 18, 24. VIII, 1. X, 1, 21. XI, 37. XII, 1. XIII, 1, 31. XIX, 11, 28, 41. XXII, 66. XXIV, 13) имѣютъ нѣкоторую хронологическую цѣнность, — особенно при сличеніи съ совершенно прочными датами, поелику этимъ констатируется, что сказанное или сдѣланное было въ извѣстный промежутокъ и между такими-то гра- ницами.

Теперь очевидна большая хронологическая точность третьяго Евангелиста, для котораго она была и благословнымъ оправданіемъ его литературнаго предпріятія, ибо, напр., у Марка событія располагаются οὕτως *μέντοι ἄξει* (Папій іер.), — здѣсь *καθεξῆς* (Лк. I, 3).

Но хронологическая отчетливость сама собою способствуетъ и объективному воссозданію подлинной исторіи, являе-

¹⁾ Ср. Prof. James Moffatt, *An Introduction*, p. 265s.

нія которой послѣдовательно укладываются въ хронологическія рамки, при чемъ естественно возстановляется реальная связность всѣхъ частныхъ. Этимъ прямо обезпечивается историографическая прагматичность, и это достоинство въ трудахъ третьяго Евангелиста усматривалось издавна съ такою рѣшительностію, по которой св. Амвросій Медиоланскій категорически свидѣтельствовалъ (in Luc. prol. 4, 7: M. lat. XV, 1530, 1532), что *S. Lucas velut quemdam historicum ordinem tenuit*, пользуясь *historica stylo*.

Значить, на фундаментѣ фактической изобильности воздвигается хронологическая солидность. Но пока это есть лишь отличительное качество безъ строгой пробы, которая получается уже послѣ оцѣнки по масштабу истинности. Именно отсюда должно опредѣлиться для хронологической подробности ея достоинство, характеристичное и для самого автора. Въ этомъ теперь весь вопросъ, и нужно напередъ предупредить, что онъ большею частію рѣшается весьма неблагоприятно для литературной репутаціи Луки. Въ общемъ обзорѣ нѣтъ возможности исчерпать эту сложную тему, и мы для иллюстраціи разберемъ пока нѣсколько важнѣйшихъ примѣровъ.

1) Издавна и понынѣ ставилось Евангелисту въ упрекъ, что Лисаній называется тетрахомъ Авилинеи къ пятнадцатому году Тиверія (Лк. III, 1), между тѣмъ изъ Іосифа Флавія извѣстенъ съ этимъ именемъ лишь современникъ Антонія и Клеопатры, казненный первымъ по наущенію второй (Antiqu. XV. 4: 1; Bell. jud. I, 22: 3; ср. Cass. Dion. XLIX, 32) около 34 г. до Р. Хр. Однако было бы поспѣшно сразу обличать въ столь грубой ошибкѣ на 60—70 лѣтъ Луку, особенно заботившагося о хронологической точности. Есть данныя и въ пользу его. За 37-й годъ по р. Хр. упоминается „тетрархія Лисанія“, полученная при воцареніи Агриппою I-мъ, а въ нее включалась и Авилинея. Но послѣдняя не могла именоваться Лисаніевою по правителю дѣхристіанскому, ибо онъ наслѣдовалъ отъ своего отца Птолемея обширное царство, охватывавшее почти весь Ливанъ, съ главнымъ городомъ Халкидой-Авилинея входила туда только въ качествѣ незначительной части и потому не могла усвоить себѣ въ исключительную собственность титулъ Лисаніевою. Для разумнаго разъясненія дѣла необходимо допустить лицо, тѣснѣе связанное лишь съ одною этою территоріею по ея отпаденію отъ цѣлаго, т. е. позднѣе старшаго Лисанія. Этимъ требуется другой, младшій соименникъ, существованіе котораго найденною при Авилѣ надписью и фактически удостовѣряется за императорскую эпоху, поелику тамъ говорится о Нимфѣѣ, вольноотпущенникѣ Лисанія, при Σεβαστῶν, а нѣсколько Augusti встрѣчаются не ранѣе Тиверія (вмѣстѣ съ матерью Августой Ливіей), или, по крайней мѣрѣ, чрезъ 50

лѣтъ по смерти перваго Лисанія ¹⁾. Выводъ теперь будетъ тотъ, что и вообще нельзя непременно предполагать погрѣшность у Луки, если его извѣстія не подкрѣпляются прямо другими свидѣтельствами, и — напротивъ — въ данномъ примѣрѣ его безукоризненность оправдана отлично.

Эго прекрасная предпосылка для разбора труднѣйшаго пункта о II) Квириніевой переписи ²⁾. По предыдущему ясно, что здѣсь достаточно обезпечить лишь фактическую возможность этого событія, которое и будетъ тогда вполнѣ вѣроятнымъ, не смотря на отсутствіе прямыхъ подтвержденій доколѣ не открыто равноцѣнныхъ опроверженій документальнаго свойства. А есть ли они въ наличности?

По Лукѣ, рассматриваемая перепись 1) была при „наѣстникѣ“ Сирійскомъ Квириніи 2) въ силу повелѣнія Августа, простиравшагося на „всю землю“ и 3) осуществленнаго въ Іудеѣ при Иродѣ Великомъ. Вопреки сему Іосифъ Флавій категорически и мотивированно свидѣлствуетъ (*Antiqu. XVII, 13:5. XVIII, 1:1; Bell. jud. VII, 8:1 и ср. II 8:1; 17:18*), что перепись въ Іудеѣ была совершена Квириніемъ по устраненіи Архелая (*Antiqu. XVII, 13:2—3; Bell. jud. II, 7:3. Cass. Dion. LV, 27. Strab. XVI, 2:46*) въ 6-мъ году по р. Хр. (754 а. С. У. *coss. Acm. Lepido et Luc. Arruntio*), т. е. черезъ 10—12—14 лѣтъ послѣ времени, назначеннаго Лукой. Для смягченія этихъ коллизій иногда допускаютъ ошибку у іудейскаго историка, принимая лишь одинъ Квириніевъ цензъ въ Іудеѣ по смерти Ирода В. и послѣ р. Хр., но это не спасаетъ третьяго синоптика, разъ онъ отмѣчаетъ именно эту перепись (II, 2) ³⁾ и, слѣдовательно, дѣлаетъ хронологическую ошибку лишь меньше Іосифа Фл. ⁴⁾. Другіе думаютъ что — наоборотъ — у обоихъ разумѣется перепись по удаленіи Архелая, при чемъ Іоаннъ Креститель родился въ концѣ его правленія, а Іисусъ Христосъ — при-

¹⁾ См. Prof. Emil Schürer, *Geschichte des jüdischen Volkes im Zeitalter Jesu Christi* ⁵ (Leipzig 1920), S. 717—719, и ср. въ „*Theologische Literaturzeitung*“ 1902, Nr. 19, Sp. 514.

²⁾ Болѣе подробно сказано нами о семъ въ специальномъ этюдѣ „О Квириніевой переписи по связи ея съ Рождествомъ Христовымъ“, Кіевъ 1913 (изъ „Трудовъ Кіевской Духовной Академіи“ 1913 г., №№ 5 и 6, стр. 33—58, 197—230).

³⁾ Prof. Th. Zahn въ „*Neue Kirchliche Zeitschrift*“ IV (1893), 8, S. 634 ff.; *Das Evangelium des Lucas* (Leipzig 1913), S. 130—131; *Einleitung in das N. T.* II³, S. 402.

⁴⁾ Prof. Th. Zahn, *Das Evangelium des Lucas* I, S. 124

⁵⁾ Prof. Th. Zahn въ „*Neue Kirchliche Zeitschrift*“ IV (1893), 8, S. 654; *Einleitung in das N. T.* II³, S. 403.

Квириніи¹⁾, или годовъ на 7 позже обычной датировки. При этомъ получится, что Лука отвергаетъ собственную замѣтку (I, 5) о рожденіи Предтечи при „Иродѣ, царѣ іудейскомъ“, или неправильно обозначаетъ такъ этнарха Архелая²⁾ и рѣшительно дисгармонизируетъ съ Матвеемъ, относящимъ рождество Христово къ царствованію Иродову, аннулируя цѣнность перваго Евангелія³⁾. Пока коллизія двухъ историковъ не уничтожается и — въ виду совершенной вѣроятности по Архелаевскаго ценза⁴⁾—заставляетъ полагать, что Лука напуталъ въ хронологіи, плохо скомпилировавъ свой рефератъ изъ Іосифа Флавія⁵⁾. Но Дѣписатель, тождественный съ третьимъ Евангелистомъ, усвоитъ (въ Дѣян. V, 37) Гамалиилу слова, что послѣ обманщика Ѳевды „явился во время переписи (ἐν ταῖς ἡμέραις τῆς ἀπογραφῆς) Іуда Галилеянинъ и увлекъ за собою довольно народа“, а это было уже по Рождествѣ Христовомъ и сблизается съ повѣствованіемъ Флавіевымъ. Ясно, что Лука различаетъ два отдѣльные ценза и нимало не смѣшиваетъ ихъ. У него замѣтна прямо обратная тенденція, ибо Евангельская фраза (Лк. II, 2),—по нашему мнѣнію, — выражаетъ, что изъ заповѣданныхъ Августомъ цензовъ это была въ Іудеѣ первая перепись, которая доселѣ не производилась, а теперь совершена Квириніемъ. Она была первая Квириніевская, почему для оправданія ея первенства необходимо принять, по крайней мѣрѣ, вторую, тоже Квириніевскую, хотя бы, напр., отмѣченную Іосифомъ Флавіемъ.

Въ результатѣ оказывается, что—по сравненію съ послѣднимъ — Лука утверждаетъ новую, раннѣйшую перепись, но допустима ли она? Заявляется (Лк. II, 1), что это было сдѣлано въ силу „повелѣнія“ Августа описать „всю

¹⁾ Rev. Prof. Kirsopp Lake въ „The Expositor“ 1912 XI, p. 475, 476; 463, 467.

²⁾ См. H. Lecoultre, De censu Quirinario et anno natiuitatis Christi secundum Lucam evangelistam (Lausanne 1883), p. 87—89, и ср. у Max Krenkel, Josephus und Lucas der schriftstellerische Einfluss des jüdischen Geschichtschreibers auf den christlichen (Leipzig 1894), S. 70.

³⁾ Такъ и думаетъ Prof. Friedrich Spitta, Die chronologische Notizen und die Hymnen in Lc 1 и 2 въ „Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft“ VII (1906), 4, S. 292.

⁴⁾ См. R. P. Fr. M. — J. Lagrange въ „Revue biblique internationale“, nouvelle série VIII (1 Janvier 1911), p. 65, 77.

⁵⁾ Даже Prof. Theodor Mommsen говоритъ (Res gestae divi Augusti, Berolini 1883, p. 176), что Лука „Josephum male compilavit“.

вселенную“ (. . . ἐξῆλθεν δόγμα παρὰ Καίσαρος Αὐγούστου ἀπογράφεσθαι πᾶσιν τὴν οἰκουμένην). Вотъ этого указа за все правление Августово намъ неизвѣстно, теоретически же такая перепись представляется ненужной или совсѣмъ невозможной¹⁾. Однако аргументы е silentio вполне неубѣдительны именно здѣсь, ибо наши документальные авторитеты недостаточны для исторіи Августова вѣка²⁾, который во многомъ остается для насъ темнымъ — особенно съ 15-го года ante Chr. до 14-го post Chr.³⁾, а для отдаленныхъ провинцій оказывается и еще болѣе загадочнымъ⁴⁾. Наряду съ этимъ несомнѣнно, что — послѣ предшествующихъ смуть — Римская держава была тогда не собственно законченнымъ государствомъ, но скорѣе civitas Romana съ комплексомъ разныхъ провинцій, которыя были связаны съ центромъ ничуть не безусловно и грозили отпасть или отколоться⁵⁾. Необходимо было связать всѣ элементы въ цѣлостную массу со строгимъ соподчиненіемъ частей, для чего общій цензъ, или народоперепись были прямою необходимостію самого государственнаго устройства⁶⁾. И въ этомъ направленіи фактически развивалась систематическая и всесторонняя дѣятельность. Перепись римскихъ гражданъ, регулярно повторявшаяся, связывалась съ земельно-измѣрительными предпріятіями, а провинціи подвергались этимъ операціямъ въ самыхъ различныхъ отношеніяхъ — статистическомъ, фискальномъ и т. п.⁷⁾. Тутъ обязателенъ общій планъ, и по-

1) V. Harthausen, Augustus und seine Zeit I, 2 (Leipzig 1886), S. 923. Prof. Th. Mommsen, Römisches Staatsrecht II, 1 (Leipzig 1887), S. 417.

2) Prof. W. William Sanday въ A. Dictionary of the Bible ed. by James Hastings, vol. II (Edinburgh 1902), p. 646 a.

3) Prof. Sir W. M. Ramsay, Luke's Narrative of Christ въ „The Expositor“ 1912, XI, p. 387.

4) Prof. W. M. Ramsay, Was Christ born at Bethlehem? A Study on the Credibility of St. Luke. London 1898. P. 49.

5) Prof. Dr. Moritz von Aberle въ „Theologische Quartalschrift“ 1874, IV, S. 663.

6) V. Garthausen, Augustus und seine Zeit I, 2, S. 913: „eine allgemeine Schätzung oder Volkszählung war für die Constituirung des Kaiserreiches . . . dringendes Bedürfniss“.

7) Kubitschek y Pauly-Wissowa, Real Encyclopädie der classischen Alterthumswissenschaft III, 2 (Stuttgart-1899), Sp. 1918. Joachim Marquardt, Römische Staatsverwaltung II (Leipzig 1884), S. 212 ff. H. Lecloutre, De censu Quriniano, p. 31. Prof. Horatio Marucchi въ Dictionnaire de la Bible, publiée par F. Vigouroux, vol. II (Paris

тому учеными основательно допускается, что возможен касательно повсюдной переписи особый декретъ отъ 727 г., а С. Ц. (27 г. до р. Хр.) или отъ 723-го (23 до р. Хр.) — со времени раздѣленія провинцій на сенатскія и императорскія по принятіи Августомъ проконсульскаго достоинства (*proconsulare imperium*)¹⁾, или же съ момента полученія имъ трибунской власти (*tribunica potestas*)²⁾. Но, разумѣется, данный приказъ не могъ осуществиться разомъ и примѣнялся на пространствѣ всей имперіи длительно, одновременно и многообразно. Отсюда неудивительно, что до Іудеи онъ могъ дойти и сталъ исполняться здѣсь лишь около Рождества Христова. Тогда допустимо, что въ замѣткѣ о повелѣніи Кесаря Лука предполагаетъ (II, 1) именно этотъ данный актъ³⁾, который былъ „догма“, или специальнымъ публичнымъ декретомъ⁴⁾. Однако весь контекстъ рѣчи выразительно внушаетъ, что изображаемая перепись была при Квинтіи въ силу утомянутаго Кесарева приказа; почему разобщать эти моменты на 20-25 лѣтъ экзегетически неудобно и фактически ненужно, ибо подобный актъ ничуть не умѣстнѣе во главѣ цензоваго процесса, чѣмъ во время его. Гораздо вѣроятнѣе, что съ накопленіемъ частныхъ наблюденій на основаніи ихъ было предпринято объединяющее обзорѣніе. И ничто не препятствуетъ такому мнѣнію. Давно надо бы объявить экзегетическою аксіомой, что *παῖς ἢ οἰκουμένη* (Лк. II, 1) означаетъ Римскую имперію въ *Orbis Romanus*, — и отнесеніе этого реченія ко „всему міру“⁵⁾ грубо навязываетъ священному историку вопіющій абсурдъ⁶⁾, а ограниче-

1899), col. 1188—1189. Josophus Knabenbauer, *Evangelium secundum Lucam* (Paris 1905), p. 108—110.

¹⁾ J. Marquardt, *Römische Staatsverwaltung* II², S. 212 ff. H. Lecoultré, *De censu Queriniano*, p. 33. Rev. Septimus Buss, *Roman Law and History in the New Testament* (London 1901), p. sqq.

²⁾ Prof. W. M. Ramsay, *Was Christ born at Bethlehem?* p. 140, и въ „*The Expositor*“ 1912, XI, p. 395. Prof. J. Rendel Harris, *The Present State of the Controversy over the Place and Time of the Birth of Christ* въ „*The Expositor*“ 1908, III, p. 217.

³⁾ J. Marquardt, *Römische Staatsverwaltung* II², S. 211.

⁴⁾ См. и Rev. A. Plummer, p. 47.

⁵⁾ Такъ J. Marquardt, *Römische Staatsverwaltung* II², S. 211 Anm.

⁶⁾ См. Prof. Emil Schürer, *Geschichte des jüdischen Volkes* I⁵, S. 517 ff. 543. Dr. Alfons Mayer, *Die Schatzung bei Christi Geburt in ihrer Beziehung zu Quirinus* (Innsbruck 1908), S. 11. Prof. W. M. Ramsay, *Was Christ born at Bethlehem?* p. 119.

ніе фразы одною Палестиною мотивируется лишь тенденціознымъ предубѣжденіемъ, яко бы Лука неосмысленно и сумбурно списалъ у Іосифа Флавія¹⁾). Вотъ тутъ и подчеркиваютъ, что еще въ 727 году а С. Ц. всѣ провинціи были раздѣлены на сенатскія и императорскія, и Августъ всецѣло распоряжался только вторыми, и его цензовое повелѣніе не могло захватывать первыя и простираться на „всю вселенную“. Однако Кесари всегда усвоили себѣ право финансоваго контроля и цензоваго вмѣшательства для всѣхъ областей²⁾, юридически же могли достигать этого черезъ сенатъ, проводя тамъ нужный декретъ, который потомъ публиковался императорскимъ приказомъ³⁾. И объ Августѣ безспорно, что постепенно онъ совмѣстилъ въ своемъ лицѣ всю государственную-правительственную компетенцію и фактически былъ полнымъ монархомъ, хотя не назывался таковымъ и по внѣшности уклонялся отъ этого⁴⁾. Съ этой стороны отмѣчаемый Лукою указъ Кесаревъ теоретически дозволителенъ столько же за 20—25 лѣтъ до р. Хр., сколько и около него, а евангельскій текстъ больше требуетъ второго и этимъ достаточно гарантируется насчетъ упоминаемой переписи.

Но возражаютъ, что таковая невозможна въ Іудеѣ, потому что она была не собственно провинціей, а являлась царствомъ съ независимымъ главою. Иродъ В. былъ *rex socius* и умѣлъ во всю свою жизнь сохранить это достоинство царской автономіи для себя и для подвѣдомой ему Палестины. Тутъ перепись, чувствительно нарушавшая эти привилегіи, рѣшительно немыслима до 759 г. — по низверженіи Архелая⁵⁾ и у Луки сообщается ложно или ошибочно⁶⁾. Однако нельзя преувеличивать значенія подобныхъ

¹⁾ Такъ Prof. Fr. Spitta въ „*Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft*“ VII (1906), 4, S. 293—294; ср. и Max Krenkel, *Josephus und Lucas*, S. 67.

²⁾ См. и у Prof. E. Schürer, *Geschichte des jüdischen Volkes* II⁵, S. 523, 55.

³⁾ A. Mayer, *Die Schatzung bei Christi Geburt*, S. 8.

⁴⁾ См. Prof. Joseph Felten, *Neutestamentliche Zeitgeschichte II* (Regensburg 1910), S. 289—290. См. и проф. Э. Д. Гриммъ, *Изслѣдованія по исторіи развитія Римской императорской власти*, т. I, (Спб. 1900), стр. 219 сл.

⁵⁾ H. Lecoultre, *De censu Quiriniiano*, p. 82, 84.

⁶⁾ Prof. E. Schürer, *Geschichte des jüdischen Volkes* I⁵, S. 525 ff., и въ „*Theologische Literaturzeitung*“ 1899 Nr. 25, Sp. 679. Prof. Fr. Spitta въ „*Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft*“ VII (1906), 4, S. 292. Rev. Joseph Horner, *The Gospels of Matthew and Luke: a Vindication of their Agree-*

„союзников“¹⁾, иногда имѣвшихъ это имя только по обязанности содержать вспомогательныя войска (socii или auxilia въ отличіе отъ legiones)²⁾, носившихъ лишь titulus sine ge и слѣдовавшихъ всѣмъ мановеніямъ Кесаря³⁾, которому Иродъ В. долженъ былъ служить и угождать⁴⁾, ибо приходилось жить больше его милостію, чѣмъ своимъ правомъ⁵⁾. Иродъ В. не былъ царемъ прирожденнымъ, а собственно—по Senatus et Caesaris beneficio и держался только исключительно по amititia Августа. Опоры Иродовой царственности были настолько непрочны, что по случаю самостоятельно предпринятой войны противъ арабовъ Кесарь прямо писалъ (Jos. Flavii Antiqu. XVI, 9:3), что доселѣ онъ считалъ іудейскаго владетеля другомъ, а теперь будетъ третировать за подчиненнаго (πάλαι χρώμενος αὐτῷ φίλος, νῦν ὑπηκόος χρέζεται), которому всегда грозило ниспастъ на роль простого стипендіарія⁶⁾.

По всему изложенному надо согласиться, что цензъ при Августѣ во владѣніяхъ Иродовыхъ ничуть не устранялся достоинствомъ regis secii⁷⁾, исторически совершенно возможенъ и фактически вѣроятенъ⁸⁾, какъ допускаютъ и нѣкоторые оппоненты Луки⁹⁾. Совсѣмъ не опровергаетъ

ment and Accuracy as to Certain Dates and Order of Events (Pittsburg 1907), p. 22—23. Проф. Гр. Эд. Зенгеръ, Еврейскій вопросъ въ древнемъ Римѣ (Варшава 1889), стр. 125,1.

¹⁾ Такъ и Prof. E. Schürer, Geschichte des jüdischen Volkes II⁵, S. 401 ff.

²⁾ См Prof. Moritz von Aberle въ „Theologische Quartalschrift“ 1874, IV, S. 671.

³⁾ Prof. Ludwig Hahn, Rom und Romanismus (Leipzig 1906), S. 90.

⁴⁾ Ср. у проф. Я. А. Богородскаго, Объ Иродѣ такъ называемомъ Великомъ въ „Православномъ Собесѣдникѣ“ 1896 г., ч. I, стр. 507, 518.

⁵⁾ Prof. J. Felten, Neutestamentliche Zeitgeschichte I, S. 137—139.

⁶⁾ Ср. Rev. Prof. (Bishop) Arthur C. Headlam, The Doctrine of the Church and Christian Reunion (London 1921), p. 11: „Herod's kingdom was felt to be illusion“.

⁷⁾ См. Lic. Dr. Wandel, Der römische Statthalter C. Suetius Saturninus въ „Studien und Kritiken“ 1892, I, S. 129. R. P. Fr. M.-J. Lagrange въ „Revue biblique internationale“, N. S. VIII (1 Janvier 1911), p. 68-70.

⁸⁾ R. S. Bour, L'inscription de Quirinius et le recensement de S. Luc (Rome 1897), p. 22—24. Rev. A. Plummer, A Commentary on the Gospel according to S. Luke, p. 48—49, 50.

⁹⁾ H. Lecoultre, De censo Quiriniano, p. 54.

этого вывода и неупоминаніе о переписи у Іосифа Флавія. Его осведомленность и пунктуальность тенденціозно преувеличивается, если говорятъ, что о послѣднихъ годахъ Иродова правленія, когда было Рождество Христово, онъ обладалъ подробными и точными данными ¹⁾, будучи компетентенъ и по исторіи первосвященниковъ ²⁾. Фактически находимъ, что іудейскій историкъ скрупулёзенъ до несносности исключительно о семейныхъ дрязгахъ въ фамиліи Иродовой и о связанныхъ съ ними внѣшнихъ отношеніяхъ, но до крайности сухъ и совершенно недостаточенъ въ сообщеніяхъ о внутреннихъ дѣлахъ въ Палестинѣ и о финансово-экономическихъ условіяхъ. Разумѣется, нельзя было совсѣмъ не знать или случайно опустить важнѣйшій актъ переписи всей страны, однако и тутъ необходимо соображать, какъ большинство оппонентовъ Луки упорно твердитъ, что свидѣтельство Іосифа Флавія о Христѣ (Antiqu. XVIII, 3: 3) неподлинно, будучи позднѣйшею интерполяціей ³⁾. Неужели отсюда вытекаетъ, что Господа Спасителя фактически не было, и христіанство развилось „само собою“, безъ мотивирующаго индивидуальнаго посредства? Не правильнѣе ли думать, что іудейскій историкъ хорошо зналъ о Христѣ и именно потому умолчалъ о Немъ съ тою же умышленностію, съ которою, предавая забвенію личность Апостола Павла ⁴⁾, молчатъ о семъ и раввинскіе іудейскіе документы ⁵⁾? Всѣмъ имъ хотѣлось не сохранить, а изгладить память о Томъ, Кто былъ ихъ страшнымъ обличителемъ и окончательнымъ сокрушителемъ. Но, говоря о (первой) Квириніевой переписи, трудно было уклониться отъ рѣчей о Христѣ, между тѣмъ Іосифъ Флавій не хотѣлъ трогать этого предмета, почему вынуждался замолчать и ее. Это были два связанныхъ звена, — и, скрывая одно, необходимо было прятать и другое.

Въ результатъ всѣ возраженія устраняются или ослабляются, и дальше требуется лишь выяснить фактическую возможность этого вѣроятнаго ценза. Здѣсь проф. W. M. Ramsay извлекаетъ изъ египетскихъ папирусовъ, что регулярно производились двоякія переписи: ежегодно — иму-

¹⁾ Prof. E. Schürer, Geschichte des jüdischen Volkes, I⁵, S. 531.

²⁾ Prof. E. Schürer ibid. I⁵, S. 542.

³⁾ Prof. E. Schürer ibid. I⁵, S. 544—549.

⁴⁾ См. о семъ у проф. Н. Н. Глубоковскаго, Благовѣстіе св. Апостола Павла по его происхожденію и существу I (Спб. 1905), стр. XXVI, 148 сл.; II (Спб. 1910), стр. 804, 808 (и прим. 229), 853, 142, 1274—1275.

⁵⁾ См. у проф. Н. Н. Глубоковскаго, ibid. II, стр. 84, 178, 428.

шественныя и черезъ 14 лѣтъ — подомовыя или, технически, *αἱ κατ' οἰκίας ἀπογραφαί*, совершавшіяся въ пятнадцатомъ году, чтобы можно было занести и родившихся въ концѣ цензоваго цикла. Если примѣнить эту процедуру къ Палестинѣ, то второй Квириніевъ цензъ вполне подойдетъ къ ней, а первый упадетъ на 9-й годъ до нашей эры¹⁾. Последнимъ обстоятельствомъ не нужно смущаться, ибо годъ рожденія Христова опредѣляется различно: большинство колеблется между седьмымъ (шестымъ)²⁾ и пятымъ³⁾, но допускаются: четвертый⁴⁾, десятый⁵⁾ и восьмой⁶⁾, включавшій и заключавшій періодъ по 9-й годъ⁷⁾.

Дальше остается принять, что разумѣемый у Луки цензъ не случайно совпалъ потомъ съ удаленіемъ Архелая, а детронизация его намѣренно приурочена къ переписи. Удача этого „этноарха“ была рѣшена раньше, но Римъ, опытно зная мятежный духъ іудейства, постарался избѣгнуть особыхъ затрудненій и ради сего воспользовался для Палестины рядовою государственно-статистическою ревизіей, куда Квириніевъ цензъ въ Іудеѣ выходилъ лишь частію цѣлаго плана. По указаніямъ Іосифа Флавія (*Antiqu.* XVII, 13; 5. XVIII, 1: 1; 2: 1) получаютъ здѣсь такія градаціи: 1) перепись по всей Сиріи, 2) распространіе ея на Іудею 3) и особое примѣненіе къ наслѣдству послѣ Архелая. Въ этомъ видѣ *ἀπογραφή* достаточно подтверждается надписью *fragmentum Orsato* или *titulus Venetus*⁸⁾, гдѣ прямо сообщается

¹⁾ См. Prof. W. M. Ramsay, *Was Christ born at Bethlehem?* p. 158, 191, 198, 215.

²⁾ Hans-Hermann Kritzinger, *Der Stern der Weisen* (Gütersloh 1911), S. 98, 101 ff.

³⁾ Carl Mommert, *Zur Chronologie des Lebens Jesu* (Leipzig 1909), S. 195. Prof. Heinrich G. Voigt, *Die Geschichte Jesu und die Astrologie* (Leipzig 1911), S. 136 ff.

⁴⁾ Wm. Weber, *Der Census des Quirinius nach Josephus* въ „*Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft*“ X (1909), 4, S. 319.

⁵⁾ Pfarrer J. van Bebbber, *Zur Chronologie des Lebens Jesu* (Münster i. W. 1898), S. 137, 143, 130.

⁶⁾ Lieut.-Col. G. Mackinlay, *The Magi* (London 1907), p. 135 sqq., 161, 168, 177; IX—X.

⁷⁾ Prof. W. M. Ramsay въ „*The Expositor*“ 1912, XI, p. 395.

⁸⁾ Эта надпись, изъ Бейрута попавшая въ Венецію, впервые скопирована въ 1674 г. Sertorius Ursatus Падуанскимъ и опубликована послѣ его смерти въ 1719 г., вторая и большая часть найдена инженеромъ Seguso въ 1880 г.; вся она теперь признается подлинною и обыкновенно относится къ первому намѣстничеству Квиринія въ Сиріи. См. Prof. Horazio Marucchi у F. Vigouroux, *Diction-*

что нѣкій Эмилиѣ Секундѣ по приказу С. Квиринія произвелъ censъ въ Аламѣ (*idem jussu Quirini censum egi Aream civitatis*) и зарегистрировалъ 17.000 человекъ гражданъ.

Значить, Квириніева перепись была не случайной или экстраординарной, а нормальной и велась по собственнымъ ей началамъ. Согласно имъ, цикловыя регистраціи совершались по мѣсту происхожденія, — и это было настолько обязательнымъ требованіемъ, что формально предписывалось всѣмъ гражданамъ собираться именно туда, о чемъ свидѣлствуетъ приказъ префекта Египта G. Vibius Maximus отъ 104 г. по р. Хр., „чтобы въ виду переписи (ἀπογραφῇ) всѣ, кто по какой либо причинѣ находится внѣ своего округа (νόμος), возвратились къ своимъ (родовымъ) домашнимъ очагамъ (εἰς τὰ ἐκκλησιαστικά), дабы дать обычныя показанія (объявленія) для переписи и обрабатывать свой участокъ“. Тутъ примѣнялся принципъ ἰδίᾳ, по которому каждый человекъ долженъ былъ имѣть свою собственную сферу дѣятельности и прикрѣплялся къ ней, а это было именно мѣсто происхожденія (*forum originis*), служившее для точнаго лица его ἰδίᾳ¹). Соответственно сему мы должны принять, что Іосифъ былъ Виѳлеемляниномъ по происхожденію, но по разнымъ причинамъ (напр., изъ-за своего ремесла) проживалъ въ Назаретѣ и потому для переписи обязывался идти въ Виѳлеемъ, ибо для рода Давидова тамъ былъ корень и той вѣтви, къ которой принадлежалъ obrучникъ Маріинъ (Лк. II, 4); по этой же причинѣ онъ хотѣлъ вернуться изъ Египта именно въ этотъ городъ и лишь изъ боязни Архелая устроился въ Назаретъ, знакомомъ и близкомъ ему по прежнему проживанію (Мѣ. II, 22 — 23). Если Приснодѣва имѣла независимую собственность въ Виѳлеемѣ, то она одинаково подпадала закону о ἰδίᾳ, должна была записаться сама²) и внести въ ценовую регистрацію рожденнаго Богомладенца³). Но не менѣе вѣроятно, что Богородица была взята въ виду ея положенія, по которому неудобно было Іосифу оставлять ее одну въ Назаретѣ⁴).

naire de la Bible II, col. 1187; R. S. Bour, L'inscription de Quirinius, p. 35 — 36; Prof. Th. Zahn въ „Neue Kirchliche Zeitschrift“ VI, (1893), 8, S. 647—649, и Einleitung in das N. T. II³, S. 131.

¹) См. у проф. Н. Н. Глубоковского, О Квириніевой переписи, стр. 36—39.

²) Tertulliani Adv. Judaeos IX (Migne lat. II, col. 624): fuit enim de patria Bethlehem et de domo David, sicut apud Romanos in censu descripta est Maria, ex qua nascitur Christus.

³) R. S. Bour, L'inscription de Quirinius, p. 26.

⁴) Prof. Th. Zahn, Das Evangelium des Lukas I, S. 127—129.

Пока все вполне благополучно. Надо лишь доказать присутствие и участие Квиринія, какъ намѣстника Сиріи, въ бывшемъ при Иродѣ В. цензѣ. Но такого сановника за данное время не отыскивается, или его допускаютъ предположительно и немного позднѣе, около 3—2 года до р. Хр. Поэтому нѣкоторые считаютъ, что игемонъ Квириній былъ не собственно намѣстникомъ Сирійскомъ, а лишь специальнымъ императорскимъ уполномоченнымъ, производившимъ перепись при нормальномъ сановникѣ¹⁾, другіе же думаютъ, что онъ тогда былъ временно отвлеченъ съ Сирійской территории для военныхъ операций въ Киликіи противъ мятежнаго племени Омонадовъ и уступилъ внутреннее управленіе провинціей гражданскому представителю (Сатурнину или Кв. Вару), а Лукою называется потому, что — въ качествѣ чрезвычайнаго легата — былъ въ Сиріи короче и точнѣе опредѣлялъ цензовый моментъ²⁾. Тутъ получаетъ свою цѣнность и единичное упоминаніе Тертулліана, ссылающагося на „римскіе архивы“ (Adv. Marc. IV, 7), что цензъ при Августѣ былъ совершенъ въ Іудеѣ Сенціемъ Сатурниномъ, и при немъ родился Христосъ (ibid. IV, 19). Все это правдоподобныя возможности, но, къ сожалѣнію, ихъ слишкомъ много, а реальныхъ опоръ — никакихъ. Несомнѣнно лишь стремленіе спасти Евангельскій текстъ, однако и онъ не оказываетъ желательной помощи. У Луки констатируется государственнo-начальственное отношеніе названнаго правителя къ Сиріи, какъ римской провинціи Августовой, а въ этой комбинаціи мыслимы здѣсь единственно намѣстники. Вотъ теперь и является новая претензія, что за разсматриваемый періодъ не находится мѣста для нашего Publius Sulpicius Quirinius, ибо Сирійскими намѣстниками были: М. Ticius около 10 года (между 742 и 750 а С. И.) до р. Хр., С. Sentius Saturninus 9—6 г. г. (въ 744 или 746—748 а С. И.), Р. Quintilius Varus 6—4, даже—3 г. г. (до осени 750 г. ?). Однако—наряду съ этимъ—должно сознаться, что всѣ эти даты — вовсе не абсолютныя, а относительныя настолько, что, напр., вполне дозвоительно подвинуть къ 13 му году игемонство Тиція, Сатурниново же приблизить къ 6 му: — тогда будетъ достаточно простора въ промежутокъ 10—8 годовъ, куда удобно приурочивается и Рождество Христово при Квириніѣ. Да и позд-

¹⁾ Rev. A. Plummer, A Commentary, p. 51, и въ A Dictionary of the Bible ed. by J. Hastings IV, p. 1835. Ср. Prof. Th. Zahn, Das Evangelium des Lucas I, S. 134—135, и проф. М. Д. Муретовъ въ „Прибавленіяхъ къ Твореніямъ св. отцевъ“ 1884 г., ч. XXXIV, стр. 650.

²⁾ Prof. W. M. Ramsay въ „The Expositor“ 1897, VI, p. 431, и Was Christ born at Bethlehem? p. 238, 246.

нѣе вовсе не безусловно до несомнѣнности, что Варъ прямо смѣнилъ Сатурнина¹⁾, хотя такъ констатируется у Іосифа Флавія.

Теперь мы получаемъ нѣкоторое мѣсто для Квириніева легатства, но есть еще для него другія комбинаціи, гдѣ примиряются и данныя Теэтулліана, что *et census constat actos sub Augusto nunc in Iudaea per Sentium Saturninum, apud quos genus ejus (Jesu Christi) inquirere potuissent* (*Adv. Marcionem* IV, 19). Сирійскіе правители чередовались, конечно, не съ механическою преемственностію непосредственнаго слѣдованія одного за другимъ. Новый легатъ далеко не всегда являлся въ свою провинцію немедленно по увольненіи предшественника и оставался тамъ не все время. Естественно, что тутъ извѣстное событіе дозволительно было опредѣлять обоими лицами, — и у Луки Рождество Христово приурочено къ Квиринію, у Тертулліана къ Сатурнину. Не менѣе справедливо, что новый намѣстникъ, уже назначенный, далеко не сразу замѣнялъ прежняго, который и долженъ былъ отправлять всѣ обязанности до его пріѣзда, иногда весьма не скорого. Изъ этого проф. М. Аберле († 3 ноября 1876 г.) очень остроумно вывелъ, что при отмѣченной у третьяго синоптика переписи были два игемона — отставной *decessor* и опредѣленный ему преемникъ *successor*, почему совершенная при нихъ перепись могла обозначаться и первымъ и вторымъ, какъ въ Русской церкви назначенные на свою кафедру епископы обыкновенно прибывали съ извѣстнымъ замещеніемъ, а епархіями временно вѣдали управляющіе (изъ викаріевъ или сосѣднихъ архіереевъ). Въ такихъ случаяхъ историческая память свободна была сохранить оба имени и датировать любымъ изъ нихъ. Мы не знаемъ, почему именно Лука избралъ Квиринія, но важно, что, говоря о своей переписи, какъ первой, Лука явно намекаетъ на вторую и разграничиваетъ отъ нея бывшую при Рождествѣ Христовомъ. Тогда вся сила замѣтки Евангельской и будетъ заключаться лишь въ этомъ хронологическомъ различеніи, чтобы не смѣшали оба ценса. А это послѣднее возможно только въ томъ случаѣ, если очи одинаково назывались Квириніевыми. Для второго это понятно, но тоже допустимо и для перваго, что по какому-нибудь моменту (напр., по началу или по концу) Квириній соприкасался съ нимъ. Отсюда естественно рождались недоразумѣнія, — и въ серьезномъ историческомъ трудѣ умѣстны и даже обязательны предупреждающія замѣчанія, присут-

¹⁾ Такъ, Dr. Carl Mommert думаетъ, что Квириній былъ намѣстникомъ Сиріи въ 748—750 г. г. послѣ Сатурнина и передъ Варомъ (*Zur Chronologie des Lebens Jesu*, S. 194).

ствіе коихъ въ нашемъ Евангеліи говорить о его полной научной солидности.

Въ итогѣ всего разслѣдованія получается, что всѣ возможности и всякія вѣроятія будутъ въ пользу Луки. Для обратнаго заключенія необходимы неотразимыя улики, и ихъ думаютъ находить ¹⁾ въ III) усвоеніи Дѣписателямъ Гамалиилу словъ, что прежде текущихъ дней (*πρὸ τοῦτ' ἢ τῶν ἡμερῶν*) или раньше 30 года было смятеніе, возникшее изъ-за Ѳевды (Дѣян. V, 36), а по Іосифу Флавію (*Antiqu.* XX, 5:1) „пророкъ“ этого имени вызвалъ замѣшательства лишь въ періодъ прокураторства Cuspius Fadus, т. е. не ранѣе 44 года по р. Хр. Но почему именно мы должны относить оба сказанія къ одному историческому событію? Особенности ихъ — скорѣе — не допускаютъ подобнаго отождествленія. По Лукѣ, Ѳевда агитировалъ прежде Іуды Галилеянина, поднявшаго возмущеніе еще до переписи, а изъ Іосифа Флавія мы знаемъ, что по поводу Квириніева ценза, бывшаго по удаленіи Архелая, произошло возстаніе Іуды Галилейскаго изъ Гамалы (*Antiqu.* XVIII, 1:1; *Bell. jud.* II, 8:1; 17:8). Очевидно, зарегистрированная Лукою смута была раннѣйшею, и ее нельзя сливать съ бывшимъ при Кустпіѣ Фадѣ мятежемъ, ибо характеристики ихъ далеко не совпадаютъ между собою. По описанію іудейскаго историка, тотъ Ѳевда былъ обманщикъ, объявившій себя за пророка и уговарившій много народа двинуться со всѣмъ имуществомъ къ Іордану, который яко бы разступится по его слову (*Antiqu.* XVIII, 5:1). Лука же отмѣчаетъ только, что Ѳевда выдавалъ себя за кого-то великаго и увлекъ за собою около 400 человекъ. Сходство совсѣмъ не близкое, а хронологическая точность заставляетъ предположить у Дѣписателя самобытный источникъ, который мы не въ правѣ унижать по сравненіи съ данными у Іосифа Флавія. И нѣтъ ни малѣйшей невѣроятности въ двойственной смутѣ двухъ соименниковъ на недлинномъ промежуткѣ времени, разъ іудейскій историографъ упоминаетъ о мятежническомъ покушеніи тоже Іуды Галилейскаго въ годъ смерти Иродовой (*Bell. jud.* II, 4:1) и вообще свидѣтельствуетъ о многихъ замѣшательствахъ за этотъ періодъ (*Antiqu.* XVII, 10. 8; *Bell. jud.* II, 4:1). Въ такомъ случаѣ изъ всего сличенія вытекаетъ развѣ независимость Евангелиста на счетъ Ѳевды отъ іудейскаго автора и фактически-хронологическая компетентность перваго.

Всѣ эти наблюденія вполне оправдываютъ историческую пунктуальность Луки, какъ знатока современныхъ со-

¹⁾ Ср. и Prof. E. Schürer, *Geschichte des jüdischen Volkes* I⁵, S. 556.

бытіямъ отношеній¹⁾, и находятъ совершенное подтвержденіе въ филологическихъ данныхъ, поскольку разность стиля говорить, конечно, объ особенной точности копированія. Нѣтъ спора, что приводимыя рѣчи значительно испытали на себѣ редакторскую руку²⁾, — и однако она умѣетъ быть сдержанной, если не останавливается предъ немалымъ насилиемъ надъ привычнымъ изяществомъ. Отсюда и Евангеліе является менѣе обработаннымъ въ языковомъ отношеніи, чѣмъ книга Дѣяній³⁾ и, разумѣется, потому, что — отдаленный отъ событій — писатель чувствовалъ себя связаннымъ различными пособиями при своемъ евангельскомъ повѣствованіи. И когда подчеркиваютъ, яко бы даже по языку третье Евангеліе носитъ видъ компіляціи⁴⁾ недоброкачественнаго свойства и отсылаетъ къ позднѣйшему автору, который не могъ овладѣть своимъ матеріаломъ⁵⁾, то мы скорѣе должны согласиться, что этимъ удостовѣряется высокая добросовѣстность историческаго изображенія у Луки.

Теперь уже не трудно формулировать общій итогъ всего анализа въ примѣненіи къ оцѣнкѣ разсматриваемыхъ новозавѣтныхъ писаній. У третьяго синоптика оказываются даты, которыхъ пока не встрѣчаютъ прямыхъ подтвержденій, но въ равной мѣрѣ и не устраняются нимало другими категорическими свидѣтельствами. Посему, обогащая наши познанія, онѣ остаются добрымъ фактическимъ аргументомъ въ пользу исторической тщательности Луки, для котораго выясняется, что его труды, обильные содержаніемъ, имѣютъ достоинство хронологически-прагматической конструктивности. Тутъ не все удовлетворяетъ требованіямъ современной учености, однако въ совершенствѣ отвѣчаетъ общепринятому идеалу греческой исторіографіи⁶⁾. Значитъ, этимъ вовсе не колеблется авторитетъ Луки, а только удостовѣряется, что ἀκριβείᾳ у него понимается позллински, гдѣ не было обязательности къ детально-реалистическому и об-ективно-фотографическому воспроизведенію.

¹⁾ См. Dr. Jul. Röttig, Der Evangelist Lucas als Kenner der Verhältnisse seiner Zeit; zweite Auflage въ Halle a. S. у Eugen Strien безъ даты.

²⁾ Th. Vogel, Zur Charakteristik . . . , S. 218—19.

³⁾ Th. Vogel, Zur Charakteristik . . . , S. 215.

⁴⁾ Prof. Ad. Jülicher, Einleitung in das N. T., S. 207.

⁵⁾ См. у Prof. Paul Ewald въ Realencyklopädie XI³, S. 694—695.

⁶⁾ Prof. Ad. Harnack: Die Apostelgeschichte, S. 68¹; Lukas der Arzt, S. 80.

Отсюда естественно вытекает дальше, что и

цѣль третьяго Евангелія

лежала не просто въ историческомъ изображеніи ради него самого. Объ этомъ позволительно заключать и по несомнѣннымъ пробѣламъ. Такъ, всѣ предварительныя свѣдѣнія и немало изъ обширнаго цикла рѣчей и притчей опускаются, а за періодъ страданій тоже не находится нѣкоторыхъ примѣчательныхъ эпизодовъ. Даже при тѣсномъ соприкосновеніи съ Маркомъ — Лука проходитъ молчаніемъ цѣлый промежутокъ отъ перваго до втораго насыщенія, хотя едва ли не зналъ о немъ ничего. Для объясненія сего иногда ссылаются на бережливость, научную экономію Евангелиста, не желавшаго загромождать свою книгу излишнимъ балластомъ, когда имѣлись параллельные рассказы ¹⁾; однако данный принципъ не оправдывается фактически, если мы видимъ, что существенные пропуски не вознаграждаются достаточно хотя бы отчетливыми намеками. Скорѣе — тутъ проглядываетъ специальная тенденція, изъ-за которой устраняется непригодный матеріалъ и именно такой, откуда могли бы выводиться о противоположности іудеевъ и язычниковъ предъ благодатію. Нѣчто аналогичное усматривается и въ хронологіи. Помимо общихъ и довольно неопредѣленныхъ выраженій, — въ ней для иллюстраціи полезно обратить вниманіе на IV, 16 — 30 и IX, 57 — 62. Допуская, что разумѣемое здѣсь пребываніе въ Назаретѣ тожественно съ упоминаемымъ у другихъ синоптиковъ (Мѣ. IV, 13. XIII, 54 сл. Мрк. VI, 1 сл.) мы будемъ имѣть пробѣлъ между приходомъ Христа въ этотъ городъ и отверженіемъ Его Назаретянами, почему послѣднее событіе и исцѣленіе тещи Симоновой (Лк. IV, 38 и ср. Мѣ. VIII, 14. Мрк. I, 29) являются занесенными слишкомъ рано. Сжатость разсказа, свободно допускающая вставку относящихся сюда фактовъ ²⁾, не позволяетъ считать этотъ пробѣлъ за простое невѣдѣніе и вынуждаетъ догадываться объ особыхъ замыслахъ Евангелиста. Потому не безъ увѣренности можно полагать, что онъ хотѣлъ внушить читателямъ, какъ спасительная проповѣдь — въ духѣ ветхозавѣтнаго промышленія Бога Израилева — сразу же была провозглашена въ своемъ всеобъемлющемъ

¹⁾ См. A. Resch въ „Jahrbücher für deutsche Theologie“ 1876, S. 659. Тоже H. J. Holtzmann, Simons, Scholten и др. См. и Prof. James Moffatt, An Introduction, p. 281 о „law of parsimony“ у св. Луки.

²⁾ См. Rud. Cornely, Introductio specialis in singulos Novi Testamenti libros, p. 112—113, not. 3.

значеніи, хотя направлялась прежде всего къ сынамъ обѣтованія, и какъ истинныя чада Авраамовы пользовались всѣми благами искупительной милости, внимая голосу Господа. Всѣ имѣютъ право на спасительное возрожденіе, но условіемъ къ сему служатъ всецѣлая преданность уничиженному Сыну человѣческому и отрѣшеніе отъ мірскихъ расчетовъ. Соотвѣтственно этой идеѣ эпизодъ о желавшей и приглашаемой слѣдовать за Христомъ личностяхъ (Лк. IX, 57 — 62) Лука передаетъ въ иной связи (ср. Мѡ. VIII, 19 сл.) — для нагляднаго отбѣненія своей концепціи о свойствахъ царства Божія и о качествахъ его истинныхъ членовъ, какъ это и раскрывается далѣе въ рядѣ дидактическихъ отрывковъ.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ чистую исторіографическую лѣтописность нельзя считать прямою цѣлію третьяго Евангелія, хотя наличность хронологической конструктивности уже въ обще-синаоптической первоосновѣ было бы несправедливо наклонять къ умаленію достоинствъ Луки ¹⁾, разъ другіе не достигли его совершенства. Такого „безприкладнаго“ объективизма не допускала самая предначертанная задача, какъ его требовала и тогдашняя исторіографія ²⁾. Все сосредоточивалось на томъ, чтобы *καθεξῆς γράψαι*, — на точномъ воспроизведеніи хода событій въ ихъ подлинной преемственности до своего завершенія. Послѣднее же, являясь полнотой со стороны реального выраженія функционировавшаго принципа, бываетъ для него и убѣждающимъ, ибо удостоверяетъ конкретно его важность и благотворность. Понятно, что къ этому именно фокусу должно было устремляться и самое историческое повѣствованіе. Отсюда прямые и исходнымъ замысломъ Евангелиста по отношенію къ Теофилу констатируется, *ἵνα ἐπιγνῶς περὶ ὧν κατήχηθης λόγῳ τὴν ἀσφάλειαν*. Конечное стремленіе писателя хорошо характеризуется взятымъ глаголомъ, который употребляется для познанія детальнаго, отчетливаго для всѣхъ частныхъ предметов (ср. Мѡ. XI, 27. Рим. I, 28, 32. 1 Кор. XIII, 12) и потому неразрывнаго отъ глубочайшаго признанія, которое въ объективной несомнѣнности почерпаетъ субъективную убѣжденность въ своей истинности ³⁾. Тогда неизбѣжнымъ результатомъ бываетъ ἡ ἀσφάλεια. Это не простая безошибочность твердаго вѣдѣнія, но она сообщаетъ свою несокрушимость обладателю, который становится прочно обезпеченнымъ въ своихъ упованіяхъ (ср. Дѣян. V, 23), совершенно гарантированнымъ въ полной непогрѣзительности противъ всякихъ опасностей (ср. 1 Θεсс. V, 3) внѣшняго разгрома, или внутренняго крушенія. Посему рассказъ Луки

¹⁾ Ср. Rev. A. Plummer, p. XLI.

²⁾ См. Rev. A. Plummer, p. XLVIII.

³⁾ Ср. Proff. J. H. Moulton and George Milligan, *A Vocabulary of the Greek Testament*, p. 236—237.

долженъ былъ внушать фактически обоснованную и рѣшительную убѣжденность въ предметъ рѣчи. Таковой описывается въ предложении не совсѣмъ обычнаго грамматическаго сочетанія. Построеніе ведется по аттракціи, которая разрѣшается различно. Одни проектируютъ: τῶν λόγων, περὶ ὧν κατηχήθης. Конечно, слово ἀσφάλεια прямо связывается съ генитивомъ (Херорh. Метог. IV, 6, 15: ἀσφά εἰς τοῦ λόγου), но лишь потому, что въ подобныхъ случаяхъ указывается опредѣленіе извѣстной мысли, которая безъ него бываетъ неясною, между тѣмъ у Евангелиста все удареніе сосредоточивается на моментѣ „утвержденія“ въ томъ, что для заинтересованныхъ тутъ персонажей вполне понятно. Затѣмъ, и κατηχέω допускаетъ при себѣ π ρ ῖ съ род. п. только для лицъ (Дѣян. XXI, 21, 24), а ближайшій его объектъ всегда выражается аккузативомъ или чрезъ ὅτι, почему еще болѣе искусственна редакція περὶ τῶν λόγων, περὶ ὧν τλ. Гораздо резоннѣе принять конструкцію περὶ τῶν λόγων, οὗς κατηχήθης. Въ ней прямѣе подчеркивается, что ἀσφάλεια вовсе не постулируетъ къ существовавшему ранѣе сомнѣнію въ λόγος, которое яко бы лишь теперь пріобрѣтаютъ себѣ опору. Нѣтъ, — увѣренность разсчитана именно на эти „слова“, какъ уже воспринятые въ такомъ достоинствѣ, что дальше для нихъ желательна лишь разительное обоснованіе. Тогда все недоумѣніе могло быть развѣ въ томъ, что они пока не оправдываются реальнымъ соответствіемъ и требуютъ аргументаціи въ подборѣ фактовъ. Посему эти λόγος не покрываются πράγματα (ст. 1) и будутъ словесными поученіями о послѣднихъ. Подлинныя событія ни для кого не были нуждающимися въ подтвержденіи и — напротивъ — сами сообщаютъ незыблیمую твердость. По силѣ этого задача Луки должна заключаться въ фактическомъ обезпеченіи христіанскаго пониманія, полученнаго въ первоначальномъ христіанскомъ оглашеніи. Въ этомъ пунктѣ разсматриваемое писаніе тождественно съ катехизисомъ по намѣренію, но отличается отъ него солидностію фактической аргументаціи. Слѣдовательно, внутренняя цѣль третьяго Евангелія до точности совпадаетъ съ задачами благовѣстнической христіанской проповѣди, чтобы всѣхъ довести до незыблемаго познанія, признанія и усвоенія благодатно христіанской спасительности въ той мѣрѣ и степени и въ томъ объемѣ, въ какихъ обладаютъ ею самыя событія Евангельской исторіи.

Эта цѣль заимствуется изъ самыхъ фактовъ, изъ присутствующей имъ убѣдительности, наглядно обнаруживающейся при ихъ историческомъ завершеніи. Этимъ напередъ отвергается всякая искусственная тенденціозность даже въ смыслѣ пользованія матеріаломъ для особыхъ интересовъ, въ немъ прямо не содержащихся. Тутъ намъ данъ прочный

фундаментъ при обсужденіи разныхъ теорій по этому предмету. Если все почерпается въ самой исторической дѣйствительности и направляется къ ея правильному воспроизведенію, то здѣсь не можетъ быть узко личныхъ цѣлей. Ихъ стараются иногда открыть по связи съ упоминаніемъ имени Теофила. Почитая послѣдняго за высокопоставленнаго сановника, догадываются, что Лука хотѣлъ воспользоваться его вліяніемъ для своихъ непосредственныхъ потребностей. Въ этомъ духѣ комментируется и темное упоминаніе Мураторіева каталога о какой-то юридической компетентности спутника Павлова, которая точнѣе квалифицируется при отождествленіи *juris studiosum secundum* фрагментиста съ греч. *νομικός* ¹⁾. Отсюда дальше заключаютъ, что оба писанія Луки были апелляционными прошеніями въ пользу обвиняемаго Апостола предъ судомъ Нерона ²⁾ во время самаго процесса ³⁾ чрезъ посредство или чрезъ привлеченіе на свою сторону столь виднаго чиновника ⁴⁾. Другіе только расширяютъ объектъ этого юридического попеченія и думаютъ, что третье Евангеліе было вторичною апологіей того благовѣстія, за которое всю жизнь былъ первымъ и горячимъ борцомъ самъ св. Павелъ ⁵⁾. Иные сливаютъ оба эти момента, говоря, что это есть „защита дѣла христіанства и Павлова“ ⁶⁾, или оправданіе языческой миссіи ⁷⁾ юридическимъ путемъ и методомъ въ томъ смыслѣ, что новая вѣра имѣетъ всѣ права *religionis licitae* и ея провозвѣстникъ не долженъ вызывать ни тревожныхъ подозрѣній, ни судебныхъ преслѣдованій.

Во всѣхъ этихъ сужденіяхъ и построеніяхъ много превеличенія. Конечно, въ Лукѣ замѣтно проглядываетъ свѣдующій въ юриспруденціи чловѣкъ, и уже Тертуллианъ какъ будто усвоилъ третьему Евангелію юридически апологетическія свойства, называя его (— вмѣстѣ съ латинскимъ текстомъ Иринейя *Contra Marc.* IV, 2, 5 —) техническимъ

¹⁾ Prof. Moritz von Aberle въ „Theologische Quartalschrift“ 1863, S. 94, ff.

²⁾ См. у Prof. James Moffatt, *An Introduction*, p. 304.

³⁾ J. I. Still, *St. Paul on Trial: New Reading of the History in the Book of Acts and the Pauline Epistles*, London 1923.

⁴⁾ Prof. M. v. Aberle, *Einleitung in das N. T.*, S. 62 ff.

⁵⁾ Prof. Paul Schanz, *Commentar über das Evangelium des heiligen Lucas*, S. 5, 6. Для Книги Дѣяній см. John Kelm an въ „The Expository Times“ XIII, 2 (November 1901), p. 77a.

⁶⁾ Prof. Joh. Ev. Belser, *Einleitung in das N. T.*, S. 2132 и ср. 125, 146, 169.

⁷⁾ Th. Vogel, *Zur Charakteristik...*, S. 245—46.

терминомъ *digestum* (*Adv. Marc. IV, 5: M. lat. II, 366*), т. е. систематически подобраннымъ юридическимъ сборникомъ. При всемъ томъ еще болѣе несомнѣнно, что у третьяго синоптика юридическій элементъ не выступаетъ съ такимъ преобладаніемъ и потому не могъ получать доминирующей роли въ авторскихъ планахъ. И у него мы читаемъ, что новое Евангельское изображеніе стремится восполнить недостаточность первоначальнаго катихизиса, который нуждался въ обезпеченіи и обоснованіи. Ясно, что всѣ запросы исходятъ не отъ самаго ученія и не отъ учителей, а отъ воспринимающихъ и слушающихъ. По этой причинѣ для доктрины и ея провозвѣстниковъ не предполагается и прямой надобности въ апологетическихъ огражденіяхъ, какъ выше было констатировано, что Евангельскіе факты убѣждаютъ самымъ своимъ историческимъ раскрытіемъ, вызывающимъ почтеніе къ ихъ побѣдной энергіи. Посему нельзя переносить центръ тяжести на дѣло и дѣятелей, а тогда исчезаютъ всякія предпосылки для гипотезъ о пристрастной тенденціозности или предумышленности построений. Этимъ въ корнѣ подрываются всѣ теоріи о партикуляристическомъ павлинизмѣ Луки. Теперь онѣ уже не провозглашаются съ прежнею рѣзкостью и встрѣчаютъ достаточную оппозицію¹⁾, однако эти отрицанія иногда покоятся просто на предположеніи, что подобныя павлинистическія теченія заключались въ самомъ позднѣйшемъ христіанскомъ созерцаніи, которое Лука лишь отражаетъ съ извѣстною точностію²⁾. Сущность вопроса отъ этого совсѣмъ не мѣняется. Онъ остается въ прежнемъ своемъ содержаніи и съ обыкновенною неудовлетворительностію, неизбежною при всякой предзанятости. Тутъ заранѣе допускается, что св. Павелъ былъ благовѣстникомъ партійнымъ, глубоко отличнымъ отъ „самовидцевъ“ по духу своихъ воззрѣній, эллински свободныхъ. Этотъ тезисъ приобрѣлъ въ нѣкоторыхъ кругахъ аксіоматическую внушительность, но примѣненіе его къ разсматриваемому конкретному случаю и служитъ для него нагляднымъ изобличеніемъ. Этой индивидуалистической окраски совсѣмъ нѣтъ въ обоихъ писаніяхъ, а — напротивъ — встрѣчается въ нихъ много такого, что радикально противорѣ-

¹⁾ Ср. у Arnold Meyer, *Die Moderne Forschung über die Geschichte des Urchristentums* (Freiburg i. Br. 1898), S. 63. A Prof James Moffatt прямо констатируетъ насчетъ Луки (*An Introduction*, p. 281), что „one of the most assured results of recent research is that he was not Paulinist, masquerading as a historian“.

²⁾ Ср. Prof. Ad. Jülicher, *Einleitung in das N. T.*, S 203—204, 263.

читъ сему, ибо — при ошутительномъ ветхозавѣтно-евраистическомъ колоритѣ — часто и энергически констатируется внутреннее сродство христіанства съ божественнымъ домостроительствомъ во Израилѣ. И если критики отсѣкаютъ эти части третьяго Евангелія и возвращаются къ тексту Маркіона, то здѣсь лишь фактическое доказательство, что неправда всегда ведетъ къ насилію. Въ нашемъ примѣрѣ это тѣмъ неотразимѣе, что у третьяго синоптика и въ книгѣ Дѣяній не видно прямыхъ слѣдовъ непосредственнаго вліянія Павлова¹⁾ даже въ подборѣ и освѣщеніи фактического матеріала. Это — безспорная истина, поелику едва ли позволительно сомнѣваться, что авторъ совсѣмъ не пользовался посланіями Павловыми, какъ источникомъ среди другихъ пособій²⁾. Но историческій Лука долженъ былъ знать объ этихъ драгоценныхъ документахъ и былъ бы обязанъ непременно утилизировать ихъ, еслибы онъ считалъ Павла носителемъ особыхъ доктринъ и желалъ быть самъ партизанскимъ распространителемъ ихъ, а Лука апокрифическій являлся бы продуктомъ павлинистическаго движенія и по необходимости отражалъ бы всѣ его типическія черты, которыя отлились въ Павловыхъ писаніяхъ. Глубокое воздѣйствіе послѣднихъ на труды священнаго исторіографа одинаково требуется при обоихъ пониманіяхъ, но этого тамъ нѣтъ въ желательной для теоріи степени. Въ этомъ отношеніи доходятъ даже до такой крайности, яко бы Лука вовсе и не былъ павлинистомъ, хотя зналъ и примѣнялъ павлинизмъ, который сохранился лишь у Маркіона, да и то въ извращенномъ видѣ³⁾. И причина сего въ томъ, что Павелъ „былъ и остался іудеемъ“⁴⁾ и, слѣдовательно, развиваетъ и утверждаетъ іудейскій, ветхозавѣтно теократическій универсализмъ. Лука, чуждый іудейской крови и теократическаго умонастроенія, не могъ смотрѣть съ такой точки зрѣнія; это былъ эллинъ съ глубокою личною проникновенностію іудейскимъ первохристіанствомъ, которое онъ и претворялъ въ универсализмъ эллинскій⁵⁾. Здѣсь больше субъективнаго остроумія, чѣмъ объективной серъ-

¹⁾ Ср. Th. Vogel, Zur Charakteristik..., S. 211.

²⁾ Prof. Th. Zahn, Einleitung in das N. T. II³, S. 414 ff. Prof. James Moffatt, An Introduction, p. 300.

³⁾ Prof. Ad. Harnack, Lukas der Arzt, S. 101: „Er (Lucas) ist kein Pauliner, aber er zeigt ganz deutlich, dass er den Paulinismus kennt und aus ihm schöpft“.

⁴⁾ Prof. Ad. Harnack, Die Apostelgeschichte, S. 181, хотя „durch den Ausdruck Ἰουδαῖοι τε καὶ Ἑλλήνες ist Lucas als Pauliner charakterisiert“ (S. 56)...

⁵⁾ Prof. Ad. Harnack, Lucas der Arzt, S. 103.

езности. Единимъ для обоихъ отличіемъ былъ универсализмъ, но можно ли говорить, что для одного онъ былъ іудейскій, для другого эллинскій? Разумѣется, нѣтъ, потому что это эпитеты—ограничительные и не свойственные самой природѣ универсализма, который при той и иной квалификации превратился бы просто въ іудейскій, либо въ эллинскій деспотизмъ, отягачившійся на принужденіе и поработеніе. Это абсолютно противорѣчитъ существу христіанства, и у него возможенъ былъ универсализмъ только собственный, отрѣщенный отъ всякихъ космическихъ стѣсненій и условностей, т. е. надмірный и божественный. Таковъ онъ въ равной степени и у Павла и у Луки. Правда, первый энергичнѣе выражаетъ свою приверженность къ истинному іудейству и пригодность для него христіанской универсальности, создающей новаго Израиля, но Павелъ, все таки, по преимуществу былъ Апостоломъ языковъ и предлагалъ имъ неіудейское Евангеліе, приспособленное къ эллинскому воспріятію, хотя и обоснованное не на эллинскихъ предпосылкахъ, напр., натурального сродства всего рода человеческого. Съ другой стороны, Лука особенно выдвигаетъ универсальную благодѣтельность Христова, но во имя древнихъ заветовъ богоизбраннаго Израиля и на всѣхъ членовъ его простираетъ общее для всѣхъ искупленіе. Здѣсь разность оттѣнковъ лишь отчетливѣе обнаруживаетъ единство исповѣданія по единству исповѣдуемаго факта, лишь съ нѣкоторыми градаціями — создающаго первоисточника у Павла и солидарнаго примѣненія у Луки. Эта соподчиненность обоихъ одному фактическому императиву и индивидуальныя особенности каждаго только ярче свидѣтельствуютъ, что тутъ нѣтъ и не можетъ быть павлинистической тенденціозности ни у самаго учителя, ни у его ученика. Въ такомъ случаѣ окончательно крушатся критическія гаданія, будто произведенія Луки были плодомъ (благонамѣренныхъ) усилій павлиниста позднѣйшей формации къ примиренію двухъ партій, при чемъ онѣ обѣ живутъ совмѣстно, или же торжествующій ослабленный павлинизмъ ищетъ соглашенія съ историческимъ прошлымъ въ духѣ началъ возобладавшей каволической церкви¹⁾.

У писателя не обнаруживается иного приспособленія кромѣ возможной точности въ копированіи подлинныхъ явленій. Его „тенденціозность“ будетъ лишь фактическою телеологичностью, а не предумышленнымъ прилаживаніемъ объективнаго содержанія къ несвойственнымъ цѣлямъ, изо-

¹⁾ Ср. у Prof. Paul Ewald въ Realencyklopädie XI³, S. 694.

ближающимъ „узкого апологиста“¹⁾. Этимъ предрѣшаются сужденія объ эвѣонитскомъ характерѣ третьяго Евангелія, въ которомъ ради такихъ интересовъ подчеркиваютъ, будто въ немъ чрезмѣрно унижается богатство чуть не по его натуральной злостности, а въ противовѣсъ ему восхваляются спасительность бѣдности и благотворность милостыни. Въ эту интерпретацію иногда вносятъ единственную поправку, что таково было общехристіанское убѣжденіе позднѣйшей исторіи²⁾, но въ результатѣ все равно, исходитъ ли данный принципъ отъ одного или нѣсколькихъ лицъ. Что до его прочности, то она очень не высокой пробы. Факты подобнаго рода встрѣчаются у Луки, — только они не имѣютъ у него указанной теоретической крайности. Аргументъ сему въ томъ, что тождественные или аналогичные примѣры отмѣчаются всѣми синоптиками (Лк. V, 1 — 11 ср. Мѣ. IV, 18 — 22 и Мрк. I, 16 — 20; Лк. IV, 27 — 28 ср. Мѣ. IX, 9 и Мрк. II, 74; Лк. XVIII, 25 ср. Мѣ. XIX, 24 и Мрк. X, 25), и этихъ случаевъ ничуть не меньше, чѣмъ исключительно свойственныхъ третьему Евангелисту, который опускаетъ немало элементовъ этой категоріи, упоминаемыхъ двумя первыми синоптиками (см. Мѣ. III, 4 и Мрк. 1, 6; Мѣ. XIII, 22 и Мрк. IV, 19; Мѣ. XIX, 29 и Мрк. X, 29), и принимаетъ эпизоды совсѣмъ обратнаго характера (Лк. XVIII, 20. XXII, 27. XXIII, 50 — 51. VIII, 3. I, 79). Выходитъ на повѣрку, что эвѣонизмъ чуть ли не больше опровергается евангельскимъ текстомъ. Значитъ, гипотеза фальшива и не соответствуетъ предмету³⁾.

Въ концѣ всего получается, что у Луки нѣтъ постороннихъ тенденцій⁴⁾, и онъ не усваиваетъ Евангельской исторіи особой знаменательности — сверхъ той, какая заключалась въ ней реально. А это суть божественныя дѣла съ неотлучною отъ нихъ убѣдительностію, которую только и должно въ цѣлости воспроизводить описаніе. Задачею послѣдняго можетъ быть лишь стремленіе пріобщить читателей къ подлинному источнику христіанской спасительности для безпрепятственнаго пользованія имъ. Тутъ Евангельская исторіографія совпадаетъ съ благовѣстническою катехетикой и одинаково направляется къ тому, чтобы обезпечить среди людей живое вліяніе „извѣствованнымъ вещамъ“ пропорціонально ихъ собственной важности и внутренней

¹⁾ Такъ Prof. P. W. Schmiedel въ „Theologische Literaturzeitung“ 1897 г., Nr. 27.

²⁾ Prof. A. d. Jülicher, Einleitung in das N. T., S. 205—206.

³⁾ См. Rev. A. Plummer, p. XXV—XXVI.

⁴⁾ Th. Vogel, Zur Charakteristik..., S. 29.

энергіи, — только „символь“ оглашенія теперь обосновывается съ научно-объективною подробностію. Этимъ самымъ

ближайшее предназначеніе третьяго Евангелія

сводится къ размѣрамъ реальной значимости самаго историческаго факта. Такъ напередъ устраняется всякое индивидуальное приуроченіе разсказа къ интересамъ одного лица. Правда, Лука апеллируетъ къ Теофилу, но самое обращеніе это мотивируется у него объективными цѣлями, которыя не могли замыкаться въ столь тѣсномъ кругу, какъ и самая христіанско универсальная катихизація. Слѣдовательно, Теофилъ является лишь ближайшимъ воспріимникомъ писанія для соотвѣтственнаго распространенія его въ качествѣ *patronus libri*. Своимъ посвященіемъ Евангелистъ ввѣрялъ названному сановнику судьбу своего труда по сохранности и вліянію — подобно Іосифу Флавію, который препоручалъ Епафродиту свою автобіографію (*De vita*, с. 76) и сочиненіе „Противъ Апіона“ (I, 1. II, 41). При отсутствіи теперешней издательской книжности такое посредничество было прямою необходимостію, часто указывавшее на матеріальное вспомошествованіе по изготовленію достаточнаго количества экземпляровъ данной книги и всегда предрѣшавшее, гдѣ будетъ циркулировать извѣстное произведеніе. Въ этомъ отношеніи уже древніе расширяли область примѣненія, считая имя Теофила символическимъ для всѣхъ, кто любитъ Бога (*Eph. haeg. XX, 7: M. gr. XLI, 900*) или возлюбленъ отъ Него (*Orig. in Luc. hom. 1: M. gr. XIII, 1804; Ambros. in Luc. I, 3*). Но тонъ рѣчи не пззволяетъ этого перетолкованія, и *Θεόφιλος* было пошепъ обычное у іудеевъ и весьма распространенное среди грековъ. Это, несомнѣнно, конкретная личность, и по ея характеристикѣ мы въ правѣ догадываться о сферѣ, на которую разсчитано третье Евангеліе. Къ сожалѣнію, свѣдѣнія наши крайне скудны и неопредѣленны. Терминъ *κράτιστος* въ книгѣ Дѣяній устами св. Павла употребляется по отношенію къ прокураторамъ Феликсу (*XXIII, 26. XXIV, 3*) и Фесту (*XXVI, 24*), а другіе памятники прилагаютъ его даже къ императорамъ (напр., Тиверію въ апокрифическомъ донесеніи ему Пилата; ср. *Cyrrillia lex. Contra Julii. prooem.: ὁ κράτιστος Ἰουλιὰς δς*). Если иногда онъ и выражаетъ собственно любезность или дружбу (*Theophr. Caract. 5. Dion. Hal. De oratoribus antiquis*), то и тутъ съ одинаковымъ оттѣнкомъ въ цѣляхъ польстить кому-либо (*Jos. Fl. Antiqu. IV, 6: 8; Contra Apion. I, 1*) возвышеніемъ его фактическаго достоинства. Этотъ титулъ приравняется къ официально-чиновнымъ *nobilissimus, illu-*

strissimuss (ср. 2 Макк. IV, 12), хотя такое тожество не необходимо ¹⁾). Исв. I. Златоустъ, сопоставляя *κράτιστος* съ *λαμπρότατος*, считаетъ Теофила префектомъ, допустившимъ и патронировавшимъ апостольскую проповѣдь въ своемъ округѣ ²⁾, а нынѣ не рѣдко утверждаютъ, что онъ былъ, по крайней мѣрѣ, всадническаго ранга ³⁾ и занималъ видный государственный постъ ⁴⁾, напр., императорскаго намѣстника, ставшаго христіаниномъ во время отправленія этой должности подобно Кипрскому Сергію Павлу ⁵⁾. Въ этомъ нѣкоторые видятъ разгадку близости къ нему Луки, провозглашая послѣдняго вольноотпущенникомъ его ⁶⁾. Другіе усматриваютъ въ Теофилѣ фискальнаго чиновника въ области Агриппы II ⁷⁾, а третьи еще прямѣе называютъ его мансера — откупщикомъ или *ἀρχιτελώνης* въ родѣ Закхея, при чемъ онъ, прибывъ съ Агриппою и Вереникой въ Кесарію (Дѣян. XXV, 13 сл.) привлеченъ былъ здѣсь къ христіанству Павломъ, познакомился съ Лукою и потомъ вернулся въ родную Антиохію ⁸⁾. Эти догадки довольно заманчивы, но онѣ не освѣщаютъ дѣла, ибо создаются изъ тѣхъ матеріаловъ, которые именно и прежде всего требуютъ разъясненія. Пока истинно не болѣе того, что Теофилъ былъ — относительно — знатный человекъ, а благоволительная расположенность его къ сотруднику Павлову исключаетъ вѣроятность, что это — упоминаемый Юсифомъ Флавіемъ (*Antiqu.* XVIII, 5: 3. XIX, 6: 2) первосвященникъ, или встрѣчающийся у Тацита (*Annal.* II, 55) Аонинянинъ. Скорѣе позволительно допускать, что этотъ же Теофилъ привѣтствуется въ седьмомъ (подложномъ) письмѣ Сенеки къ Павлу (*L. Annaei Senecae opera* ed. Prof. Fried. Haase, vol. IV, Lipsiae 1897, p. 478: *Annaeus Seneca Paulo et Theophilo salutem*), какъ близкій Апостолу языковъ. Къ нему не трудно приурочить извѣстіе Клементинъ (*Clem. Recognit.* X, 17) объ Антиохійскомъ магнатѣ Теофилѣ, дворецъ коего былъ церко-

¹⁾ Ср. Rev. A. Plummer, p. XXXIII.

²⁾ in Ascens. Dom. et in princ. Act. II (M. gr. LII, 782).

³⁾ Th. Vogel, Zur Charakteristik..., S. 138. Prof. Joh. Ev. Belser, Einleitung in das N. T., S. 2110, 119, 133.

⁴⁾ Prof. Joh. Ev. Belser *ibid.*, S. 2133.

⁵⁾ Prof. Th. Zahn, Einleitung in das N. T. II³, S. 2340: „Theophilus ein kaiserlicher Statthalter gewesen und wie Sergius Paulus (AG 13, 7) in solchem Amt stehend Christ geworden sei“.

⁶⁾ Prof. Fr. Godet, Kommentar zu dem Evangelium des Lucas, S. 2XXVI.

⁷⁾ Prof. C. F. S. Nösgen въ „Studien und Kritiken“ 1871.

⁸⁾ Ant. Beck, Der Prolog des Lukas — Evangeliums, S. 19 ff., 23 ff.

вію, откуда вполнѣ законно разумѣть его же въ томъ лицѣ, котораго Никифоръ Каллистъ (н. е. IV, 25) называетъ епископомъ Антіохійскимъ, а „Постановленія Апостольскія“ (VII, 46: 1) — Кесарійскимъ. Антіохійскимъ происхожденіемъ и пребываніемъ Теофила легче раскрываются связи его съ антіохійцемъ Лукой. Но иногда возражаютъ противъ сего на основаніи географической терминологіи Дѣписателя. По точности въ констатированіи этихъ датъ обыкновенно судятъ, что родиною Теофила не были Асія, Македонія и „Греція“; — тогда будетъ справедливымъ обратное, что по простому перечню Ригіи, Путеоль, площади Аппіевой и трехъ гостинницъ (Дѣян. XXVIII, 13, 15) нужно заключать, что онъ былъ Итальянецъ, Римлянинъ, давно привыкшій къ этимъ именамъ. Но послѣднія могли быть хорошо извѣстны ему и памятны просто потому, что Лука не разъ бывалъ тамъ и зналъ ихъ. Не нужно забывать также, что въ его разсказѣ это были лишь географическіе пункты маршрута Павлова, рѣшительно не ознаменовавшіеся ничѣмъ особеннымъ. У историка совсѣмъ не было причинъ говорить о нихъ подробно, если онъ не распространяется о Селевкіи, Саламинѣ, Пафѣ, Иконіи и пр. Очевидно, отсюда нельзя вывести что-нибудь категорическое противъ традиціи въ пользу Антіохіи. Жителю этого города удобнѣе было пріобрѣсти и ту освѣдомленность касательно Палестины и іудейства, какая предполагается обоими твореніями Луки, — напр., въ опредѣленіи разстоянія Елеонской горы субботнимъ путемъ (Дѣян. I, 12). Съ другой стороны, топографическія указанія мѣстностей въ родѣ Назарета, Капернаума, страны Гадаринской, Аримаеи, Еммауса (Лк. I, 26. IV, 31. VIII, 26. XXIII, 51. XXIV, 31) и под. убѣждаютъ, что Теофилъ не былъ обитателемъ Палестинскимъ¹⁾.

Всѣ добытыя условія хорошо подходятъ къ Антіохіи Сирійской. Совмѣстность здѣсь писателя и адресата дѣлаетъ понятною вѣроятность между ними взаимныхъ, тѣсныхъ связей, которыя могли зародиться на врачебной почвѣ, а развились и окрѣпли въ сферѣ цѣлительности христіанской. Но были и еще пункты притяженія. Обращаетъ вниманіе, что Лука нарочито пунктуаленъ въ отчетахъ насчетъ іудейской религіозности: онъ заботливо прибавляетъ, что первенцы по закону приносились Господу для посвященія (Лк. II, 22—24), что день опрѣсноковъ есть пасха и тогда закалали агнца (XXII, 1—7) и пр. Менѣе удѣляется мѣста закону Моисееву и цитаты изъ Ветхаго Завѣта рѣже — преимущественно въ рѣчахъ разныхъ лицъ, какъ рѣдко подчеркивается и исполненіе пророчествъ (III, 4. IV, 21. XXI, 22.

¹⁾ Ср. Rev. A. Plummer, p. XXXIII.

XXII, 37. XXIV, 44). Евангелистъ змѣтно избѣгаетъ еврейской терминологіи и иногда какъ бы со специальною цѣлію предовратить языческія перетолкованія, почему *δαίμων* овъ квалифицируется чрезъ *ἀκάθαρτον* (IV, 33), ибо у язычниковъ почитались и добрые „демоніоны“, а въ исторіи преображенія не употребляется *μεταμορφώθη* (Мф. XVII, 2. Мрк. IX, 2), дабы по ассоціаціи не вызвать мысли о „метаморфозахъ“ языческихъ боговъ. Если Иродъ В. выразительно называется царемъ іудейскимъ (Лк. I, 5), то по сравненію съ этимъ весьма знаменательно, что для хронологіи Лука аппелируетъ къ годамъ правленія римскаго императора (III, 1 и ср. II, 1). Весь тонъ Евангелія чуждъ іудейской приспособительности, и въ генеологіи родство Христово простирается на всѣхъ потомковъ Адамовыхъ.

По всѣмъ отмѣченнымъ наблюденіямъ въ наукѣ принимается съ безызыятностію, что Теофилъ — подобно Луку — былъ языческаго происхожденія. Иные идутъ даже дальше, что тогда—при посвященіи ему „перваго слова“—онъ не былъ христіаниномъ, не состоялъ членомъ христіанскаго братства, — и Евангеліе должно было способствовать разрѣшенію склонности въ соотвѣтственный актъ обращенія ¹⁾. Поэтому-то здѣсь употребляется официально—почтительное *κράτιστε*, неумѣстное для обычнаго христіанина, а для книги Дѣяній оно оказалось непригоднымъ, ибо своимъ христіанскимъ исповѣданіемъ Теофилъ сравнялся со всѣми вѣрующими въ единствѣ того благодатнаго организма, гдѣ нѣтъ ни раба, ни свободнаго ²⁾. Едва ли это исполнѣ истинно ³⁾. Повтореніе титула являлось само собою излишнимъ при новомъ упоминаніи, откуда скорѣе позволительно догадываться, что оба труда задуманы вмѣстѣ и изданы не вдолгѣ другъ послѣ друга ⁴⁾. Конечно, *κατηχέω* не отсылаетъ непременно къ совершившемуся уже крещенію, которое въ первенствующей церкви не только предварялось (Дѣян. VIII, 34 сл. X, 34 сл.) ⁵⁾, но иногда сопро-

¹⁾ Prof. Paul Ewald въ Realencyklopädie XI³, S. 695, а противъ сего см. Dr. Anton Beck, Der Prolog des Lucas — Evangeliums, S. 13.

²⁾ Prof. Th. Zahn, Einleitung in das N. T. II³, S. 365—366. Prof. Paul Ewald въ Realencyklopädie XI³, S. 695.

³⁾ Dr. Anton Beck, Der Prolog des Lukas-Evangeliums, S. 12 ff.

⁴⁾ Посему Prof. Fr. H. Chase допускаетъ, что Евангельскій прологъ относится и къ книгѣ Дѣяній (The Credibility of the Acts of the Apostles, p. 16). См. выше стр. 31. 32, 1.

⁵⁾ Prof. Th. Zahn, Einleitung in das N. T. II³, S. 366. Dr. Anton Beck, Der Prolog des Lukas-Evangeliums, S. 14—15.

вождалось оглашеніемъ, не совершеннымъ ранѣе по тѣмъ или инымъ обстоятельствамъ ¹⁾). Однако тутъ вся важность не въ терминѣ, а въ самыхъ фактахъ. Они же таковы, что къ словесно усвоенному Теофиломъ Лука лишь подводитъ историческій фундаментъ, точно ему соотвѣтствующій, подбирая для λόγος относящійся πράγματα ²⁾). Принципіально между ними нѣтъ разницы, и писаніе лишь утверждаетъ и обезпечиваетъ вѣру, но ничуть не создаетъ ее, поелику она существуетъ ранѣе. Всѣмъ этимъ требуется предшествующая наличность у Теофила христіанскаго и знанія и званія (ср. Дѣян. XVIII, 25).

Будучи христіаниномъ изъ язычниковъ, Теофилъ взялъ на себя обязанность распространенія Евангелія въ свойственныхъ кругахъ и въ этомъ смыслѣ является лучшимъ и типичнымъ представителемъ послѣднихъ ³⁾). Съ этой стороны вполнѣ пріемлемы сужденія древнихъ, что въ лицѣ Теофила Лука имѣетъ въ виду всѣхъ, входящихъ въ общеніе любви съ Отцемъ чрезъ Его Сына, а не однихъ только язычниковъ (Orig. in Matth. tom. I: M. gr. XIII, 829; cnf. Eus. h. e. VI, 25:6) — грековъ (Hieron. ad. Dam. ep. XX: M. lat. XXII, 378), апеллируетъ ко всему обществу вѣрующихъ — κοινῇ πᾶσι διηλεγόμενος (J. Chrys. in Matth. hom. I, 3). Это выводъ уже дальнѣйшій, хотя и правильный. Кореннымъ же будетъ тотъ тезисъ, что третій Евангелистъ чрезъ посредство христіанина изъ язычниковъ обращается прежде всего къ основаннымъ чрезъ Апостола Павла церквамъ ⁴⁾, дабы чрезъ нихъ и вообще міръ языческій расположить къ воспріятію божественной милости ⁵⁾). Подобная ситуація отсылаетъ насъ къ эпохѣ крѣпнущаго развитія эллино-христіанской миссии и позволяетъ приблизительно опредѣлить

время изданія третьяго Евангелія.

Нѣкоторые церковные писатели (блаж. Теофилактъ, Евѣимій Зигабентъ) и манускрипты приурочиваютъ его къ

¹⁾ Prof. Paul Schanz, Commentar uber das Evangelium des heiligen Lucas, S. 57.

²⁾ Въ этой связи важно и различіе λόγος отъ πράγμα α (см. выше стр. 68), ибо при тождествѣ и сліяніи ихъ получилось бы, что Теофилъ былъ мало осязѣдомленъ даже въ элементахъ новаго исповѣданія, или считалъ сомнительными самые христіанскіе факты.

³⁾ Ср. Rev. A. Plummer, p. XXXIII.

⁴⁾ Ср. Rud. Cornely, Introductio specialis in singulos N. T. libros, p. 136.

⁵⁾ Ср. Rev. A. Plummer, p. XXXIII sq.

15-му году по Вознесеніи, но тогда — около 44-45 г. — Евангелистъ еще не былъ и спутникомъ Апостола языковъ, а слова Иринея (*Contra haer.* III, 1: *M. gr.* VII, 844; *cnf.* *Eus. h. e.* V, 8:3) что Лука въ своей книгѣ изложилъ τὸ ὑπ' ἐκεῖνου (Πύλου) κηρύσσεινον Εὐαγγέλιον свидѣтельствуяютъ собственно то, что послѣднее было уже достаточно распространено устною протозвѣдію Павловой хотя форма *grasens'* а примѣчательна. Это общее заключеніе мало разъясняется и связью перваго „слова“ со вторымъ. Дата книги Дѣяній опять неизвѣстна съ точностію, ибо нельзя прямо утверждать, что это писаніе было выпущено около момента по истеченіи двухъ лѣтъ римскаго узничества Павлова. Въ такомъ случаѣ было бы естественнѣе ожидать достаточной подробности въ изображеніи этого періода, между тѣмъ Лука совсѣмъ не говоритъ, хотя бы, о возможномъ исходѣ процесса Павлова и ограничивается лишь упоминаніемъ, что по причинѣ упорства іудеевъ благовѣстникъ вынужденъ былъ перенести Евангеліе къ язычникамъ, которымъ и проповѣдывалъ два года царство Божіе, уча о Господѣ Іисусѣ невозбранно (Дѣян. XXVIII, 28 — 31). Во всемъ этомъ проглядываетъ тенденція — показать фактическое выполненіе заповѣди Христовой о возвѣщеніи благодатнаго искупленія всѣмъ народамъ (Лк. XXIV, 47) даже до края земли (Дѣян. I, 8), а это — принципиально — достигалось перенесеніемъ христіанскаго оглашенія въ міровую столицу, гдѣ — черезъ Павла — Евангеліе проповѣдано было всей твари поднебесной (ср. Кол. I, 23). Эти идейныя намѣренія могли быть осуществлены и много послѣ прекращенія римскихъ узъ Павловыхъ, при чемъ для изданія синоптического повѣствованія освобождается широкій просторъ. Текстъ Евангельскій допускаетъ нѣсколько болѣе позднюю дату, но не безусловно рѣшительный. Судя по „прологу“, Лука принадлежалъ какъ бы ко второму христіанскому поколѣнію, когда ряды „самовидцевъ“ постепенно рѣдѣли и живыя уста ихъ замолкали въ силу неумолимаго закона смертности, такъ что и воспріятіе отъ нихъ преданія рисуетъ съ отгѣнкомъ прошедшаго (аог. *παρέδρακν*), хотя преимущественно для писанія по сравненію со слушаніемъ. Эта эпоха приближенія къ завершительной грани апостольскаго періода предполагается и особенностями эсхатологической рѣчи (гл. XXI я) Лишенная въ редакціи Лукиной специальной приспособительности къ іудейству, она замѣтно отличается отъ другихъ синоптическихъ изложеній по содержанію и по характеру своего изображенія, ибо описываетъ іерусалимскія бѣдствія и осаду святаго города съ особою наглядностію и эту катастрофу не связываетъ столь тѣсно съ уничтоженіемъ прежняго міропорядка и пришествіемъ Господа въ славу, какъ дѣлаетъ Матѳей и частію Маркъ и чего третій Евангелистъ могъ избѣгать подъ влія-

ніемъ нѣкоторыхъ конкретныхъ наблюденій. Въ ослабленіе этихъ соображеній ссылаются, что иногда и обыкновенные историческіе дѣятели обнаруживаютъ удивительную проницательность касательно даже самыхъ мелкихъ деталей будущихъ событий, а Христосъ, конечно, обладалъ совершеннымъ предвѣдѣніемъ¹⁾. Равно и Лука „подобно всѣмъ истинно гениальнымъ натурамъ жилъ и въ прошломъ и въ будущемъ“²⁾, почему увѣренно могъ конструировать второе по первому. Значитъ, нельзя даннымъ аргументамъ отказать въ извѣстной солидности, однако и они тоже весьма относительны: — при полномъ господствѣ ихъ смолкала бы всякая обычная человѣческая хронологія, и мы въ правѣ были бы ожидать тогда болѣе конкретную пунктуальность. Разъ послѣдней нѣтъ въ потребной для гипотезы степени, — этимъ свидѣтельствуется для нашего случая примѣненіе простыхъ человѣческихъ способовъ въ созерцаніи фактического течения, которое было уже проникнуто предчувствіемъ сокрушительной грозы для Іерусалима. Тѣмъ не менѣе разрушеніе его совѣмъ еще не было для Евангелиста уже *fait accompli*³⁾, поскольку — въ параллель пророчески предупреждающему предостереженію Маттея — онъ теперь едва ли воздержался написать обличительно-увѣщательное „иже з р и т ъ, да разумѣтъ“. Вопреки сему вся рѣчь ведется въ чисто профетическомъ тонѣ и заканчивается футуристическимъ напомниманіемъ, что „когда все предсказываемое начнетъ сбываться (ἀρχιμὲνων δὲ τοῦτ' οὖν γίνεσθαι), тогда восклонитесь и поднимите головы ваши, потому что приближается (ἐγγίξει) избавленіе ваше“ (Лк. XXI, 28)⁴⁾. Прибавимъ, что въ послѣдней фразѣ и въ предшествующихъ словахъ (ст. 27) о Сынѣ Человѣческомъ, грядущемъ на облакѣхъ съ силою и славою великою, выражается общесиноптическая ассоціація второго пришествія Христова съ Іерусалимскою гибелью. Посему и Лука, стоя на одной почвѣ съ другими Евангелистами, писалъ не послѣ іудейской

¹⁾ Prof. Fr. Blass, *Evangelium secundum Lucam* (Lipsiae 1897), p. VII—VIII.

²⁾ Prof. Ad. Harnack, *Die Apostelgeschichte*, S. 9, 1.

³⁾ Такъ прежде и Prof. Ad. Harnack, *Geschichte der altchristlichen Litteratur bis Eusebius II*, (Leipzig 1897), S. 248.

⁴⁾ Въ пользу ранней даты (до смерти Апостола Павла) для третьяго Евангелія и книги Дѣяній аргументируетъ и Prof. Ad. Harnack въ *Neue Untersuchungen zur Apostelgeschichte und zur Abfassung der synoptischen Evangelien* (Leipzig 1911), S. 85—86.

катастрофы¹), а раньше, хотя и нѣсколько ближе къ ней²).

Съ этою датой мы выходимъ за предѣлы извѣстнаго намъ по прямымъ документамъ апостольской исторіи, почему невозможно со всею точностію отыскать

мѣсто написанія третьяго Евангелія.

Преданіе настолько сбивчиво и неустойчиво, что приурочиваетъ это писаніе чуть не ко всѣмъ важнѣйшимъ центрамъ. Блаж. Іеронимъ (in Matth. prol.: M. lat. XXVI, 18) и св. Григорій Богословъ (Carm. XII, 2 2: M. gr. XXXVII, 474) отсылаютъ къ Ахаіи³) и Беотіи, къ коимъ иногда присоединяется еще Македонія; Сирійскій переводъ называетъ Александрію, позднѣйшій авторъ (Косма Индоплаватель) — Римъ. Многіе склоняются на сторону послѣдняго города; однако у Луки не видится приспособленія къ специальнымъ потребностямъ римскаго общества. Если и подчеркиваются у Евангелиста нѣкоторые латинизмы (Лк. XII, 58 διδόναι ἐργασίαν. XIV 18 ἔχε με παρρημένον. VII, 4 ἀξίος ἐστίν ὃ τιρέζει. Дѣян. XVII, 9 λαμβάνειν τὸ ἰκανόν и inf. pass. при желѣбειν), то изслѣдователи, констатирующие этотъ фактъ, пишутъ: „при частыхъ сношеніяхъ Палестинцевъ и Малоазійцевъ съ Римлянами — проникновеніе подобныхъ (латинскихъ) оборотовъ въ народную греческую рѣчь такъ же мало удивительно, какъ и заимствование римской терминологіи; даже на поверхностное знакомство съ латинскимъ языкомъ нигдѣ болѣе нѣтъ у Луки ни одного намека, — и скорѣе это можно бы допустить для Марка и Іоанна, особенно въ столь часто поразитель-

¹) Въ этомъ случаѣ указываютъ такія даты: 80-е годы (Prof. Paul Ewald въ Realencyclopädie XI³, S. 703), послѣ разрушенія Іерусалима, однако до 80 года, приблизительно около 75 года. (Prof. Th. Zahn, Einleitung in das N. T. II³, S. 439—441), по разрушеніи Іерусалима (Prof. Ad. Harnack, Geschichte der altchristlichen Litteratur, II, 1, S. 248) между 78 и 93 годами, но ближе къ 80-му (S. 250, 651, 653), при чемъ Лука могъ быть въ живыхъ около 90 года (S. 653), въ періодъ 75—80 г. г. (Rev. A. Plummer, A Commentary, p. XXXI—XXXII) или 78—93 г. г. (Rev. A. Plummer въ „The Critical Review“ XII, 6: November, 1902, p. 499—500), даже между 80 и 120 г. г. (Prof. Ad. Jülicher, Einleitung in das N. T., S. 206).

²) Prof. Joh. Ev. Belser навываетъ 61—62 г. для Евангелія и 63 г. для книги Дѣяній (Einleitung in das N. T., S. 2126—127).

³) Ср. Prolog. у Wordsworth-White I, p. 269, 271.

ныхъ *Asyndeta*“¹⁾. Во всякомъ случаѣ третій синоптикъ не имѣетъ римскихъ характеристикъ второго, а пристрастіе къ нему синоплянина Маркіона, изъ Понта, можетъ убѣждать, что наше Евангеліе было распространено и авторитетно въ восточной половинѣ Римской имперіи, хотя извѣстно и на Западѣ, судя по примѣру св. Іустина М., который его зналъ несомнѣнно. По этимъ наблюденіямъ иногда склоняются къ Малой Азіи, предполагая именно въ ней мѣсто изданія обсуждаемыхъ твореній: однако освѣдомленность Дѣеписателя въ ея топографіи и этнографіи собственно лишь подтверждаетъ, что авторъ участвовалъ въ малоазійскихъ путешествіяхъ Павловыхъ. Если исключить единичный голосъ насчетъ Александріи и не догадываться объ Антіохіи Сирійской, то вѣроятность останется за „Греціей“ — безъ ближайшаго указанія, былъ ли это Коринѣъ (Prof. Fr. Godet), или другой городъ. И весьма понятно, что письменное изложеніе Павлова благовѣстія первоначально появилось тамъ, гдѣ Апостолъ языковъ наиболѣе потрудился и снискалъ себѣ наилучшій „вѣнецъ похваленія“ (1 Фесс. II, 19) Римъ же недавно получилъ Евангеліе Марково и чуть ли не ввелъ его въ церковное употребленіе, а Лука, конечно, не рѣшился бы измѣнить правилу своего учителя, избѣгавшаго созидать на чужомъ основаніи (Рим. XV, 20). Такимъ образомъ, если первый и второй синоптики знаменуютъ двѣ грани Евангельскаго распространенія, то третій является связующимъ звеномъ между ними.

Всѣми отмѣченными историческими условіями происхожденія безспорно предполагается

ПОДЛИННОСТЬ ТРЕТЬЕГО ЕВАНГЕЛІЯ

въ смыслѣ писанія Луки. Историческія извѣстія подходятъ къ этому заключенію. Намеки 1-го Климентова посланія (1 Соч. 45) во второмъ (мнимомъ) предваряются словами, что „такъ говоритъ Господь въ Евангеліи“ (2 Соч. 8, 13), оно отражается еще у Поликарпа (ad Smyrn. 3=Лк. VI, 36—38), а въ „Ученіи XII ти Апостоловъ“ усматривается явная близость къ редакціи Луки въ выдержкахъ изъ Нагорной проповѣди (1—Лк. VI, 29, 30) и въ другихъ Евангельскихъ изреченіяхъ (16 =Лк. XII, 35). Св. Іустинъ М. пользовался, конечно, письменными Евангельскими *ἀπομνημονεύματα* (Apol. I, 33, 34, 36; *сnf.* Dial. cum Tryph. 78, 100, 103, 105; M. gr. VI, 381, 384, 429; 657, 712, 717, 721), и у него отсылаютъ къ третьему Евангелію исторія Благовѣщенія, данныя о Квириніевой пе-

¹⁾ Th. Vogel, Zur Charakteristik..., S. 227.

реписи, объ установленіи таинства Евхаристіи, о кровавомъ потѣ въ Геосиманскомъ саду, послѣднія слова Господа на крестѣ и разсказъ о вознесеніи. По блаж. Іерониму (ad Algas. ep. CXXI, 6: M. lat. XXII, 1029), Теофилъ Антиохійскій истолковалъ нѣкоторыя притчи третьяго синоптика, который вліялъ на посланіе къ Діогнету (II, 13—Лк. XVIII, 27) и обнаруживается въ замѣчаніи письма Ліонской церкви (Eus. h. e. V, 1:9—10), что Веттій Епагатъ ходилъ во всѣхъ заповѣдяхъ и оправданіяхъ Господнихъ безпорочно (ср. Лк. I, 6). О широкомъ распространеніи третьяго Евангелія свидѣтельствуютъ своими соотношеніями къ нему апокрифическіе „Завѣты XII-ти патріарховъ“, Василидъ, Валентинъ, Θεодоγъ Κοжевникъ, Гераклеонъ, и даже Цельсъ упоминаетъ (Orig. Contra Cels. II, 32: M. gr. XI, 851) о генеологіи Христа огъ перваго челоуѣка (Лк. III, 38). Маркіонъ предпочиталъ исключительно третьяго синоптика, и послѣдній, очевидно, былъ общепринятымъ и безусловно авторитетнымъ, если подѣ этимъ прикрытіемъ еретикъ надѣялся обезпечить господство своимъ доктринамъ въ церковныхъ кругахъ, которые не обманулись бы подложнымъ документомъ.

Всѣ эти факты не абсолютно убѣдительны и допускаютъ разныя перетолкованія, удобныя для скептическаго критицизма¹⁾. Ихъ сила — въ связи съ другими данными и лишь въ смыслѣ подтвержденія хорошо удостовѣреннаго преданія объ авторствѣ Луки²⁾. Его христіански-литературной личности соотвѣтствуетъ и

Текстъ третьяго Евангелія въ теперешней редакціи.

Что до цѣлаго, то здѣсь вызываетъ на размышленіе Маркіоновская редакція, которая — по разнымъ побужденіямъ — часто выдавалась учеными за первоначальную, почему изъ нынѣшняго текста немало частей относилось къ позднѣйшимъ наслоеніямъ, и вся композиція оказывалась искусственно обработанною³⁾. Мы должны допросить факты

1) О новыхъ опытахъ отрицанія принадлежности третьяго Евангелія Луку см. и у Rev. A. Plummer въ „The Critical Review“ XII, 6 (November, 1902), p. 485 sq., 489 sq.

2) Новѣйшіе авторитеты въ пользу сего см. у Rev. A. Plummer въ „The Critical Review“ XII, 6 (November, 1902), p. 494 sq.

3) О новѣйшихъ сужденіяхъ въ этомъ смыслѣ см. у Rev. A. Plummer въ „The Critical Review“ XII, 6 (November, 1902), p. 489—490, 498—499.

насколько они убѣдительно объективно. А здѣсь весьма характерно, что въ корректурахъ Маркіона замѣчается нетерпимость ко всему Вѣтхому Завету, и именно ради этого дѣлаются изъятія или измѣненія. Онъ прямо опускаетъ двѣ первыя евраистическія главы, утверждающія непрерывность и гармонию между обѣтованіемъ и исполненіемъ, — и все Евангеліе Маркіоновское начиналось словами: „въ пятнадцатый годъ правленія Тиверія сошелъ Іисусъ въ Капернаумъ“, конечно, въ качествѣ небеснаго зона; вмѣсто „узрите Авраама и Исаака и Іакова и вси пророки въ царствіи Божіи“ (Лк. XIII, 28) еретикъ читаетъ „всѣхъ праведниковъ“, устраняя ветхозавѣтныхъ столповъ отъ христіанскаго наслѣдія; изреченіе Господа: „скорѣе небо и земля прейдутъ, нежели одна черта изъ закона пропадетъ“ (Лук. XVI, 17) во второй половинѣ у него гласитъ: „чѣмъ хотя бы іота едина изъ Моихъ словъ“ — безъ упоминанія ненавистнаго ему ветхозавѣтнаго откровенія. Эти и подобные примѣры¹⁾ удостовѣряютъ, что всѣ исправленія Маркіона носятъ выдержанную идейность, а она точно совпадаетъ съ его доктринально-догматическими тенденціями. Безспорно, что для этого Понтійда Творецъ міра и дарователь закона былъ существомъ низшимъ и ограниченнымъ, отличнымъ отъ верховнаго Бога, дѣйствовавшаго въ Іисусѣ. Поэтому, считая св. Павла крайнимъ антиномистомъ, онъ изъ всѣхъ новозавѣтныхъ книгъ избралъ десять Павловыхъ посланій — за исключеніемъ пастырскихъ и къ Евреямъ. Во всемъ этомъ очевидна умышленная работа своеобразнаго дуалиста, но она же несомнѣнна и въ операціяхъ надъ нашимъ памятникѣмъ, какъ предположеніе третьяго синоптика другимъ опять выясняется изъ его ложнаго павлинизма. При такихъ отчетливыхъ предвареніяхъ получаютъ особенную силу протестующіе голоса древнихъ, что — подобно своему учителю Кердону (Ps. — Tert. De praescr. haeret. 51: M. lat. II, 70. Theodoret. Haer. fabul. comp. I, 24) — Маркіонъ имѣлъ трудъ Луки не полный, ибо — по Иринею (Contra haer. III, 11, 12. I, 27: M. gr. VII, 884, 906, 688) — онъ „обрѣзалъ“, „укоротилъ“ оригиналъ и „передалъ ученикамъ лишь часть его“, а — согласно Тертуллиану (Adv. Marc. IV, 2, 5 etc: M. lat. II, 364, 367) — „обрубалъ“, „наложивъ на него свою руку“. Св. Епифаній, говоря объ устраненіи Маркіономъ многихъ истинныхъ изреченій и о замѣнѣ другихъ въ срединѣ и въ концѣ третьяго Евангелія, насчетъ изъятія начала его удачно констатируетъ

¹⁾ См. подробности у Prof. Friedrich Bleek, Einleitung in das Neue Testamenti; vierte Auflage besorgt von Prof. Wilhelm Mangold (Berlin 1886), S. 148—163.

причину сему въ томъ, что „здѣсь прямо упоминается о зачатіи Спасителя во чревѣ, Его рожденіи и пришествіи во плоти“ (haer. XLI, 9: M. gr. XLI, 708), т. е. о тѣхъ пунктахъ, которые противны Маркіоновской системѣ. Въ результатъ находимъ, что Маркіоновскій текстъ всего менѣе можетъ претендовать на первоначальность и есть тенденціозное искаженіе послѣдняго. И Тертуллианъ въ лицо Маркіону смѣло бросаетъ обидную укоризну: „ты вырвалъ то, чему и самъ прежде вѣровалъ, какъ это выразилъ въ нѣкоемъ письмѣ своемъ“ (De carne Christi 2: M. lat. II, 755), признавая общецерковный типъ (Adv. Marc. IV, 4: M. lat. II, 365), о которомъ пламенный Африканецъ свидѣлствуетъ: „И я заявляю, что не только у этихъ — церковей апостольскихъ, но и у всѣхъ, какія соединены съ ними общеніемъ въ таинствахъ, отъ начала изданія сохраняется то Евангеліе, которое имѣемъ мы; Маркіоново же большинству не извѣстно, а знающими осуждается“ (Adv. Marc. IV, 5: M. lat. II, 366).

Теперь можно принять съ научною твердостью, что Маркіоновская рецензія была плодомъ стремленій еретическаго сектанта примѣнить Евангельское повѣствованіе къ своимъ метафизически-сотеціологическимъ построеніямъ, хотя онъ не провелъ своего намѣренія до конца и не выгравилъ всѣхъ непріятныхъ ему мѣстъ, поелику для сего потребовалось бы написать чуть не новое Евангеліе, а тогда и самъ Маркіонъ потерялъ бы объективную почву подъ ногами и у другихъ заранѣе лишился всякаго довѣрія. Слѣдовательно, дальше позволительна рѣчь развѣ о томъ, не вкралось ли въ теперешній текстъ постороннихъ и позднѣйшихъ вставокъ. Въ этомъ смыслѣ дѣлается нѣсколько замѣчаній.

Они начинаются уже съ двухъ первыхъ главъ Евангелія. Извѣстные автору Мураторіева фрагмента (a nativitate Johannis — Lucas — incipit dicere), онѣ отвергались не рѣдко, но отсутствіе ихъ у Маркіона скорѣе служить отрицательной инстанціей въ пользу ихъ, а характеристика въ Дѣян. I, 1 содержанія перваго — Евангельскаго — слова, что тамъ было описано, „яже начать (ἡρξατο) Іисусъ творити же и учити“, не исключаетъ вводныхъ свѣдѣній о событіяхъ, бывшихъ историческимъ предначинаніемъ испуительнаго домостроительства Христова. Тогда особенностію стилиа будутъ лишь фактическимъ ручательствомъ точности автора въ использованіи документовъ при безспорной Луканистической обработкѣ ¹⁾.

¹⁾ Prof. Ad. v. Harnack, Das Magnificat der Elisabeth u. s. w., S. 10—15 (=547—552) противъ P. Corssen'a. См. еще подробнѣе у Lic. Dr. Hellmuth Zimmermann,

Категорически исповѣдая эту послѣднюю истину, проф. Adolf v. Harnack тѣмъ энергичнѣе защищаетъ отрицателей Лк. I, 34 — 35, уповая окончательно устранить изъ Евангельскаго преданія идею чудеснаго рожденія Христа Спасителя отъ Приснодѣвы и обратить это вѣрованіе въ простую легенду¹⁾. Кажется, въ этомъ предзанятомъ стремленіи заключается и единственное оправданіе всей затѣи, ибо всѣ текстуальные авторитеты имѣютъ эти стихи, такъ что и самъ критикъ датируетъ ихъ не позднѣе заключенія Четвероевангелія и не прочь усвоить эту глоссу даже Лукъ²⁾. Если оставить въ сторонѣ напрасную замѣтку о необычности частицъ *ἐπεὶ* и *διό*, то все будетъ исчерпываться удареніемъ на неприемлемости самаго содержанія въ текстѣ и по существу. Подчеркивается несоотвѣтствіе стиха 35 го съ 31 и 32-мъ, къ разъясненію коихъ онъ предназначенъ. Едва ли это вѣрно и убѣдительно. Своимъ вопросомъ Марія направила рѣчь на чрезвычайность всего событія, почему вполне натурально, что — вмѣсто упоминанія о рожденіи Сына съ царственными прерогативами — теперь является Сынъ Божій по наитію свыше, поелику лишь одно это могло давать вполне удовлетворительное объясненіе всему совершающемуся³⁾. Ничуть не дисгармонируетъ сему и ссылка на примѣръ Елизаветы, поскольку ею подтверждается не доступность для Св. Духа подобнаго чуда, не нуждавшаяся въ подкрѣпленіи, а единственно то, что слово ангельское сбудется съ Марією не меньше, чѣмъ и съ заматорѣвшею Елизаветой (ст. 37). Недоумѣніе Богоматери вовсе не странно, разъ Іосифъ былъ собственно хранителемъ ея дѣвства и фактически не пользовался супружескими правами. Если проф. Ад. Гарнакъ для всей исторіи считаетъ исходнымъ пунктомъ Мѣ. I, 18 — 25, то и отсюда

Evangelium des Lukas Kap. 1 und 2: ein Versuch der Vermittlung zwischen Hilgenfeld und Harnack въ „Studien und Kritiken“ 1903, II, S. 250—263 („Ausdruck und Sprache in Luk 1 u. 2 ganz lukanisch sind“). Ограниченія у Prof. Fr. Spitta, Das Magnificat, S. 78—83.

¹⁾ См. въ „Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft und die Kunde des Urchristentums“ II (1901), 1, S. 53—57. Ср. еще у Prof. Fr. Spitta, Das Magnificat, S. 66, и Prof. James Moffatt, An Introduction, p. 268—270.

²⁾ См. „Zeitschrift für neutestamentliche Wissenschaft“ II (1901), 1, S. 57.

³⁾ Въ виду сего и H. Zimmermann признаетъ (въ „Studien und Kritiken“ 1903, II, S. 374), что идея сверхъестественнаго рожденія и безсѣменнаго зачатія Иисуса внесена самимъ Лукою въ уилизируемый имъ іудейско-христіанскій источникъ.

слѣдуетъ та же истина, ибо при потенциальности супружескихъ отношеній Обручнику — для прикрытія случившагося — проще было бы принять все на себя, а не задумывать взаимно неудобное „тайное отпущеніе“, не снимавшее обличительныхъ подозрѣній съ Дѣвы Маріи. Слова ея вовсе не выражаютъ не—до—вѣрія или сомнѣнія въ ангельскомъ возвѣщеніи: — они касаются только способа его осуществленія и тѣмъ самымъ безспорно и рѣшительно предполагаютъ возможность послѣдняго; отсюда понятна и разница въ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ по сравненію съ наказаніемъ Захаріи. Въ этомъ освѣщеніи рѣчь Богоматери будетъ вполнѣ подходить къ ея образу — благоговѣйной кротости сдержаннаго самоуглубленія. Послѣ этого *συλλήψη* 31 го стиха и *οὐ ἐλῆ εν* 30-го совсѣмъ не будутъ аргументомъ за позднѣйшую вставку промежуточныхъ стиховъ.

Внушительнѣе данныя противъ XXII, 43—44 о явленіи Ангела и о кровавомъ потѣ во время „боренія“ Спасителя въ саду Геосиманскомъ. Ихъ нѣтъ въ BART 124, а въ Си-найскомъ манускриптѣ они зачеркнуты первымъ корректоромъ и заподозрѣваются другими рукописями (ESVΓΔΠ) и переводами. Иларій не находилъ ихъ *et in Graecis et in Latinis codicibus complurimis* (De trip. IV, 1: M. lat. X, 375), блаж. Иеронимъ читалъ лишь *in quibusdam exemplaribus tam Graecis, quam Latinis* (Adv. Pelag. II, 16: M. lat. XVI, 23, 552), а св. Епифаній встрѣчалъ *ἐν τοῖς ἀδιόρθωτοις ἀντιγράφοις*¹⁾, или же слова *ὡφθη δὲ αὐτῷ ἄγγελος* κτλ. приписывались къ Мф. XXVI, 39. Доводы — очень вѣскіе, но они не убѣдили и проф. Ад. Гарнака, который энергически выступаетъ на защиту этого извѣстія²⁾, хотя и не безъ того внутреннего мотива, что въ немъ неотразимо свидѣлствуется о совершенномъ человѣчествѣ (полной человѣчности) Господа. Тѣмъ не менѣе соображенія Берлинскаго ученагообладаютъ всею объективностію. Они таковы. 1) Разумѣемая слова носятъ яркую печать авторства Луки по содержанію (ибо у него обычны явленія Ангеловъ) и по формально-языковой обработкѣ. 2) Текстуальное преданіе не сообщаетъ о сомнѣніяхъ на этотъ счетъ раньше 300 г., между тѣмъ наличность этихъ стиховъ удостовѣряется уже

¹⁾ Такъ, напр., и въ № I Аѳонской Лавры (Gregory Evang. 1074) XII—XIII в.: см. у Prof. Kirsop Lake, *Texts from Mount Laura in Studia Biblica et Ecclesiastica* V, 2 (Oxford 1902), p. 175.

²⁾ *Probleme im Texte der Leidensgeschichte Jesu. Sonderabdruck aus „Sitzungsberichten der K.-Pr. Akademie der Wissenschaften“ zu Berlin; Philos.-histor. Classe XI (1901), S. 1—5 = 251—255.*

для первой половины II вѣка, а 3) позднѣйшее изъятіе могло совершиться по идейно-догматическимъ интересамъ, напр., въ недоумѣніяхъ касательно укрѣпленія Господа Ангеломъ и вообще самой *ἀγούλα*; св. Епифаній прямо замѣчаетъ, что по такимъ именно побужденіямъ данное изреченіе устранялось иногда и православными. Этихъ аргументовъ вполне достаточно, и намъ нѣтъ надобности усвоить сомнительныя соображенія проф. Ад. Гарнака о своеобразномъ отраженіи разсматриваемыхъ словъ въ Евангеліи Іоанновомъ.

Одинаково твердо защищаетъ Берлинскій ученый и подлинность воззванія Спасителя къ Отцу о прощеніи невѣдущихъ распинателей у Лк. XXIII, 34 ¹⁾ — опять по достаточнымъ основаніямъ. 1) Сравненіе съ Мрк. XV, 22 сл. убѣждаетъ, что это упоминаніе вовсе не является неестественною вставкой. 2) Татіанъ, Игизиппъ, Ириней и Синайскій кодексъ возводятъ его къ половинѣ II вѣка, почему отсутствіе въ B, D и S^g. sin. не столь ужъ страшно. 3) Выпаденіе этого трогательнаго изреченія можетъ объясняться вліяніемъ редакцій Маттея и Марка, а примѣненіе такового къ іудеямъ не способствовало его сохраненію при господствѣ антиіудаистическихъ настроеній. Напротивъ, 4) признаніе тугъ позднѣйшей интерполяціи создаетъ неразрѣшимую загадку, почему вызвавшая ее потребность фиксировалась на Лукѣ — съ насиліемъ надъ контекстомъ — и почему вмѣстѣ съ тѣмъ не распространилась на первыхъ двухъ синоптиковъ, когда для нихъ это было бы не менѣе удобно.

Исчерпавъ существенные случаи, мы можемъ теперь считать хорошо обезпеченною подлинность важнѣйшихъ частей теперешняго текстуальнаго типа третьяго Евангелія. Но желательно еще формулировать точнѣе, насколько вѣрно онъ сохранился въ текстуальной передачѣ. Въ частности и въ особенности, — этотъ вопросъ вызывается новѣйшими сужденіями о „величаніи“ Богоматери. Не первымъ высказалъ ²⁾, но именно проф. Ад. Гарнакъ больше другихъ возбудилъ научное вниманіе къ гипотезѣ, будто эта пѣснь самимъ Лукою усвоилась Елизаветѣ и была продолженіемъ обращенія ея къ Приснодѣвѣ, которой ошибочно приписана позднѣе ³⁾. Эта идея породила горячіе дебаты и нашла не

¹⁾ Ibid. S. 5—11 = 255—261.

²⁾ См. „Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft“ III (1903), 3, S. 256.

³⁾ Das Magnificat der Elisabeth (Luc. 1, 46—55) nebst einigen Bemerkungen zu Luc. 1 und 2; Sonderabdruck aus „Sitzungsberichten“ u. s. w. XXVII (1900), S. 1 ff. = 538 ff.

мало сторонников¹⁾, которые пробуютъ отыскать даже литургическія подтвержденія²⁾. Однако текстуальныя оправданія для сего совершенно ничтожны. Это — латинскіе кодексы Vercellensis (IV-го в.), Veronensis (V в.), Rhedigeranus — Vratislavensis (ок. VII в.), въ латинской перифразировкѣ пятой Оригеновой гомиліи на Евангеліе Луки (Lomnatzsch V, 108 sq: Invenitur beata Maria, sicut in aliquantibus exemplaribus reperimus, prophetare; non enim ignoramus, quod secundum alios codices et haec verba Elisabeth vaticinetur. Spiritu itaque Sancto repleta est Maria etc.), въ латинской интерпретаціи Иринія IV, 7:1 по двумъ спискамъ (Claramont. et Voss.), когда третій (Arund.) и III, 10:1 (ср. III, 14:3) требуютъ усвоения Magnificat'a Богородицы. Слѣдовательно, передъ нами лишь безусловно слабое текстуальное преданіе, неизвѣстное до IV вѣка³⁾, и тутъ необходимы поразительные аргументы чтобы отвергнуть всю текстуальную традицію, имѣвшую за собою и литургическое поручительство⁴⁾. Такихъ доводовъ подобной важности мы не находимъ у проф. Ад. Гарнака. Если подчеркивается, что здѣсь нѣтъ ссылки на осѣненіе отъ Духа Св., чѣмъ мотивируются пѣсни Елизаветы и Захаріи (ст. 41 и 67), то нельзя забывать, что Марія выступаетъ предъ своею родственницей въ достоинствѣ матери Господа ея (ст. 43), о которой выше засвидѣтельствовано исключительное отношеніе къ ней силы Всевышняго (ст. 35). Конечно, былъ бы удобнѣе переходъ съ отгѣнкомъ контраста — чрезъ *ἐπεὶ δὲ Μαρίας*, а не чрезъ связующее *καὶ ἐπεὶ* (ст. 46), но во 1 хъ), судя по оппозиціи противъ стиха 34-го съ желательною для критики формулой, эта редакція не спасла бы отъ предубѣжденныхъ возраженій: во 2 хъ), рѣчь идетъ о фразѣ въ наиболѣе евраистическомъ отдѣлѣ Евангелія, гдѣ еврейская координатія чрезъ *καὶ* вполне ес-

¹⁾ См. „The Hiebbert Journal“ I, 1 (October 1902), p. 16². Prof. Fr. Spitta, Das Magnificat, ein Psalm der Maria und nicht der Elisabeth въ Theologische Abhandlungen für H. J. Holtzmann (Leipzig und Tübingen 1902), S. 63 ff. H. A. Köstlin въ Realencyklopädie XII³ (Leipzig 1903), S. 72–73. Alfred Loisy въ „Revue d'histoire et littérature religieuse“ 1903, № 3, p. 288 (о Lepin), 289–292 (о Harnack). Prof. James Moffatt, An Introduction, p. 271–272.

²⁾ H. A. Köstlin въ „Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft“ III (1902), 2, S. 142–145.

³⁾ Prof. Fr. Spitta, S. (9–) 93.

⁴⁾ Можно согласиться съ P. Hugo Bévenot (Alte und neue Lukanische Quellen въ „Theologische Quartalschrift“ 1929, IV, S. 443–445), что гимнологія Луки взята изъ литургическаго употребленія.

тественна. Безспорно, что выражение 56-го стиха ἔμελεν δὲ Μαριάμ σὺν αὐτῇ не совсѣмъ удобно, и по всему контексту было бы натуральнѣе ἔμελεν δὲ (Μαριάμ) σὺν Ἑλισάβετ, но не вразумительность являлась бы непостижимой со стороны позднѣйшаго корректора, стремившагося къ устраненію неясностей, и потому именно она могла служить побужденіемъ къ поправкѣ въ стихѣ 46-мъ, поскольку — съ опущеніемъ упоминанія о Маріи — исчезала вся трудность ¹⁾. Что для Луки Богоматерь — наряду съ Іосифомъ — была лицомъ нерѣчистымъ, — это есть напрасное предубѣжденіе, которое не извиняетъ, а изобличаетъ себя, если и раньше отнимаетъ у Приснодѣвы слова ея къ Ангелу — Благовѣстителю. Начало „величанія“, будучи воспроизведеніемъ пѣсни долготѣе неплодной Анны, матери Самуиловой (1 Цар. II, 1 и ср. I, 11) было бы приличнѣе въ устахъ Елизаветы, но это соображеніе получаетъ внушительность лишь при томъ условіи, еслибы сохранились характерные штрихи, указывающіе на аналогичность положенія въ прекращеніи продолжительнаго неплодія; разъ же этого нѣтъ, — отсюда вытекаетъ, что изъятіе этихъ чертъ было неизбѣжно по разности ситуаціи, а дальше слѣдуетъ, что — значитъ — содержаніе Magnificat' лучше соотвѣтствуетъ Маріи, чѣмъ Елизаветѣ, которая даже предъ самою собою не забывала вспоминать о тяготѣвшемъ на ней поношеніи (ст. 25). Тоже вѣрно и по инымъ матеріальнымъ даннымъ, — и, напр., великое упованіе на улаженіе отъ всѣхъ родовъ (ст. 48) умѣстно только для одной Богоматери. Берлинскій ученый парируетъ въ томъ смыслѣ, что какъ разъ это реченіе и повело къ вставкѣ имени Приснодѣвы, но неужели этого не могъ предусмотрѣть самъ Евангелистъ, яко бы свободно скомпонировавшій всѣ поэтическія пѣснословія ²⁾? А между тѣмъ — по Гарнаку — онъ почти прямо вызывалъ недоумѣнія, написавъ (въ стихѣ 46-мъ) по срединѣ Елизаветинскаго возгласенія прерывающее его безличное καὶ ἔπειν безъ субъекта, хотя Лука обладалъ высокимъ искусствомъ счастливаго стилиста ³⁾.

Когда мы безпристрастно взвѣсимъ всѣ pro и contra, то безъ особыхъ предрасположеній тенденціознаго свойства намъ трудно не согласиться, что всѣ вѣроятности рѣшительно говорятъ за признаніе Magnificat'a пѣснію Присно-

¹⁾ См. Westcott and Hort II, p. 52 въ Notes.

²⁾ Prof. Ad. Harnack, Das Magnificat, S. 15, 19 == 552, 556.

³⁾ Prof. Ad. Harnack, Das Magnificat, S. 10, 19 == 547, 556.

дѣвы¹⁾. Въ такомъ случаѣ у насъ отпадаютъ всякія основанія къ подозрѣнію въ умышленной несправедливости текстуальнаго преданія, на которое стараются набросить тѣнь, будто оно пострадало отъ догматическихъ корректуръ — преимущественно — каволическихъ справщиковъ²⁾. По этой причинѣ оказывается вполне обезпеченная почва для текстуально-критическихъ операций въ сохранившихся текстуальныхъ авторитетахъ. Работа надъ ними должна разрешиться сведеніемъ къ единству, поелику они идутъ отъ единого источника въ апостольскомъ оригиналѣ. Но достигимъ ли этотъ оригиналъ и нѣтъ ли въ текстуальномъ теченіи такихъ разностей, что подобное примиреніе является невозможнымъ по существу дѣла? Эти вопросы выдвинуты для научнаго обсужденія гипотезою профессора Friedrich Blass'a, яко бы и для третьяго Евангелія были два изданія — только въ обратномъ порядкѣ по сравненію съ книгою Дѣяній: для нея признается преемство Римской — первичной — формы и Антиохійской — послѣдней; тамъ Антиохійская (Кесарійская) обработка смѣняется окончательно — Римской³⁾. Эта теорія, пріобрѣтшая Галльскому оригиналу много адептовъ по отношенію къ Дѣяніямъ, не раздѣляется даже и ими въ примѣненіи къ третьему синоптику⁴⁾. Пока иной взглядъ едва ли будетъ имѣть научную солидность объективнаго достоинства. Несомнѣнно, что въ текстуальной традиціи третьяго Евангелія есть нѣкоторое раздвоеніе, и въ нѣсколькихъ примѣрахъ эти уклоненія носятъ характеръ высокой вѣроятности, претендующей на первоначальность; однако это раздѣленіе — не систематическое, не всецѣлое и болѣею частью теперь поддается удовлетворительному обобщенію, почему двойства

¹⁾ Ср. Le Magnificat, doit-il être attribué à Marie ou à Elisabeth? par M. Lepin, Lyon 1902; Prof. Fr. Spitta, Das Magnificat, S. 64 ff., хотя второй авторъ высказываетъ, что этотъ гимнъ первоначально не принадлежалъ къ составу тепершняго комплекса первой главы третьяго Евангелія, а ходилъ отдѣльно въ видѣ особаго псалма, который Лука внесъ въ свою композицію, усвоивъ его Богоматери (S. 88, 90).

²⁾ Такъ Prof. Ad. Harnack, Problem u.s.w., S. 4, 15—16 = 254, 265—266, и Fred. C. Conybeare въ „The Hibbert Journal“ I, (October 1902) p. 112.

³⁾ Evangelium secundum Lucam, sive Lucae ad Theophilum liber primus. Secundum formam quae videtur Romanam edit Fridericus Blass. Lipsiae 1897.

⁴⁾ Prof. Th. Zahn, Einleitung in das N. T. II³, S. 350—351. Ср. еще Rev. A. Plummer въ „The Critical Review“ XII, 6 (November, 1902), p. 500—501.

прародителей ничуть не требуется прямо. Значитъ, въ текстуальной исторіи Евангелія Луки не усматривается особой, индивидуальной судьбы, и съ этой стороны оно имѣетъ равную участь со всѣми новозавѣтными писаніями во вторженіи западнаго текстуальнаго типа, отличаясь лишь по степени, а это вполне естественно. Западный текстъ яснѣе выступаетъ въ Евангеліяхъ, чѣмъ въ другихъ новозавѣтныхъ книгахъ, и для сего отыскивается достаточная причина во вліяніи Татіановскаго Діатессарона. Для третьяго Евангелія существуетъ больше характерныхъ западныхъ чтеній, и опять на это находится резонное оправданіе и фактическое основаніе въ Маркіоновской рецензії, которая заключала лишь Лукино писаніе и немало отражалась въ западныхъ текстуальныхъ кругахъ, судя, напр., по текстуальнымъ варіаціямъ въ посланіи къ Римлянамъ. Этимъ путемъ всѣ текстуальныя задачи о третьемъ Евангеліи разрѣшаются по наличнымъ научнымъ даннымъ и потому не нуждаются въ огвлеченныхъ гипотетическихъ построеніяхъ.

Тогда у насъ будутъ всѣ обычные средства къ восстановленію возможно первоначальнаго текста, который, какъ хорошо удостовѣренный въ своей подлинности, по своему происхожденію отъ спутника Павлова Луки возводится — въ существенномъ — къ живому свидѣтельству самовидцевъ. Съ какой же стороны изображаются здѣсь „извѣствованныя вещи“, многообразность и глубина коихъ необходимо вызывала специальное освѣщеніе въ каждомъ письменномъ „словѣ“? Это долженъ показать

анализъ содержанія третьяго Евангелія.

Самое общее наблюденіе открываетъ, что — по сравненію съ Матѣевымъ изложеніемъ — трудъ Луки много потерялъ въ іудейско націоналистической окраскѣ и въ библейско-теократическомъ обоснованіи дѣла Христова. Генеологія не занимаетъ тутъ перваго мѣста, когда ею выражается подлинное, историческое достоинство мессіанства Христова по осуществленію въ немъ пророческаго идеала обѣтованнаго Избавителя, — не ведется по царственно наслѣдственной линіи дома Давидова и оканчивается Адамомъ, какъ бы для отгненія той мысли, что Іисусъ изъ Назарета является представителемъ всего человѣчества (*Iren. Contra haer.* III, 22. *J. Chrys. in Matth. hom.* I. 3: *M. gr.* LVII 17) и имѣетъ быть для него такимъ же родоначальникомъ, что и тотъ, а это есть уже чисто Павлинистическая концепція „второго Адама“. Наряду съ этимъ не менѣе характерно, что ветхозавѣтныя цитаты Матѣея частію опускаются или стоятъ на второмъ планѣ (II, 23—24. III, 4. IV, 4, 8, 10, 11,

12, 18, 19. VII, 27. X, 27. XVIII, 20. XIX, 46. XX, 17, 28, 37, 42, 43. XXII, 37) и всѣ онѣ по LXX-ти кромѣ VII, 27 (изъ Мал. III, 1), которая не совпадаетъ до точности ни съ этимъ переводомъ, ни съ еврейскимъ подлинникомъ. Мало говорится объ исполненіи пророчествъ и — за исключениемъ одного случая (III, 4) — остальные четыре (IV, 21. XXI, 22. XXII, 37. XXIV, 44) встрѣчаются въ рѣчахъ Господа къ іудеямъ, гдѣ больше всего ссылокъ на Ветхій Заветъ (IV, 4, 8, 12, 18, 19, 26. VI, 4. VII, 27. VIII, 10. XIII, 19, 28, 29, 35. XVIII, 20. XIX, 46. XX, 17, 31, 42, 43. XXI, 10, 24, 26, 27, 35. XXII, 37, 69. XXIII, 30, 46), каковой чаще вспоминается еще другими Евангельскими лицами (I, 15, 17, 37, 46—55, 68—79. II, 30, 31, 32. IV, 10, 11. X, 27. XX, 28). Галилейское служеніе Христа не мотивируется словами Исаи IX, 1—2 (ср. Мѡ. IV, 13—16) и сразу отрѣшается отъ національныхъ ограниченій, при чемъ примѣры Сарептской вдовицы и сирійца Неемана (IV, 25—27) ясно свидѣтельствуютъ объ универсальности спасительной проповѣди. Нагорная бесѣда не приспособляется столь близко къ номистическимъ формуламъ, а выраженіе насчетъ нескончаемой значимости закона (Мѡ. V, 17—19) нѣсколько сглаживается и въ новой концепціи получаетъ тотъ смыслъ, что ветхозавѣтное домостроительство неизблемо лишь по силѣ своего утвержденія въ царствѣ Божіемъ, не простираясь дальше его откровенія, ибо здѣсь и теперь не оставлено ничего важнѣйшаго изъ легализма, такъ что послѣдній принципиально и фактически не прошелъ безъ реализаціи ни единою своею чертой (XVI, 16—17). Тамъ, гдѣ — по Маттею (X, 5—6) — Христосъ направлялъ Апостоловъ „наипаче къ погибшимъ овцамъ дома Израилева“, воспрещая всякое уклоненіе на путь язычниковъ и самарянъ, — тутъ Лука совершенно умалчиваетъ о подобныхъ условныхъ оговоркахъ (IX, 2 сл.), и у него сообщается лишь о посольствѣ „проповѣдывать царство Божіе и исцѣлять больныхъ“. Эпизодъ о Хананейской женщинѣ (Мѡ. XV, 21—28), смягченный уже Маркомъ (VII, 24—30) черезъ пропускъ ограничительнаго замѣчанія Спасителя касательно объема своей миссіи, третій сноптикъ совсѣмъ игнорируетъ. „Не и язычницы ли (οὐχὶ καὶ ἔθνη καὶ) такъжде творять?“ — вмѣсто этой укоризненной редакціи Мѡ. V, 47—мы имѣемъ у Луки (VI, 35) простое упоминаніе только о грѣшникахъ. Специфическое „язычники ищутъ“ (τὰ ἔθνη ἐπὶ τῇ οὐσίᾳ) Мѡ. VI, 32 нѣсколько сглаживается болѣе квалифицированнымъ πάντ' τὰ ἔθνη τοῦ κόσμου (XII, 30), которое порусски передается даже совсѣмъ общимъ „люди міра сего“. Ненависть къ ученикамъ Христовымъ первый Евангелистъ усваиваетъ (XXIV, 9) „всѣмъ языкамъ“ (ὅτι πάντ' ὑ τῶν ἔθνῶν), между тѣмъ третій называетъ (XXI, 17) просто „всѣхъ“ (ὅτι πάντων), безъ всякихъ національно-

расовыхъ различій. Вопросы о разводѣ, принадлежащаго къ области чисто еврейскаго права (Мѡ. XIX, 3—12. Мрк. X, 2—12), Лука едва касается, опуская легалистическія ассоціаціи (XVI, 18), эсхатологическую рѣчь сильно измѣняетъ въ духѣ нѣкоторой общности, разрушеніе Іерусалима не связываетъ тѣсно съ фактомъ пришествія Господня, которое отодвигается въ даль неизвѣстнаго будущаго, а при грядущихъ страшныхъ бѣдствіяхъ Іудеи не заставляетъ молиться, чтобы эта катастрофа не случилась въ субботу (Мѡ. XXIV, 20), каковая, очевидно, уже существенно потеряла прежнюю обязательность и для писателя и для читателей.

Всѣ эти данныя прежде всего показываютъ, что третій Евангелистъ рассчитывалъ не на іудейскую публику, когда приходилось становиться на іудейскую почву, гдѣ только и можно было встрѣтиться съ евреями болѣе или менѣе мирно. Разумѣется совсѣмъ иной кругъ людей, не почивавшій столь упоительно на ветхозавѣтномъ словѣ, хотя бы и знакомый съ нимъ почтительно. Этимъ самымъ фактически удостовѣряется, что Евангеліе Христово не связано внѣшними условностями, но всеобъемлюще по существу и сразу же заявило себя съ такимъ неограниченнымъ характеромъ, поглощая всякія преимущества и всѣхъ одинаково награждая богатствами благодати. Значитъ, христіанскій универсализмъ коренится въ самой природѣ спасительнаго благовѣстія. Это несомнѣнно уже и потому, что здѣсь перенесеніе проповѣди Христовой въ необъятную сферу всего міра не мотивируется, какъ у Матвея, отверженіемъ ея со стороны Израиля. Въ этомъ отношеніи весьма знаменательно, что Лука замѣтно прикрываетъ вину іудеевъ, говоритъ о нихъ мягче и много тягостнаго передаетъ забвенію. Количество противъ іудейскихъ угрозъ и прещеній у него гораздо меньше и они не отзываються такою суровостію даже въ общихъ съ Матвеемъ пассажахъ. Тонъ сердечнаго сокрушенія и любящей скорби проникаетъ всѣ соотвѣтственныя рѣчи Господа. Онъ предсказываетъ своимъ врагамъ конечное пораженіе, но и тутъ не совсѣмъ закрываетъ для нихъ возможность избавленія: „аще не покаетесь, вси такожде погибнете“ (XIII, 3, 5). Острая сѣкира лежитъ при корнѣ безплодной смоковницы, однако и для нея заслуженное уничтоженіе отодвигается на годъ, пока ее окопаютъ и обкладываютъ навозомъ — съ надеждой, не оправдаетъ ли она этой заботливости своимъ изобиліемъ, хотя три года оставалась безплодной (XIII, 7—9). Всѣмъ дается щедрое снисхожденіе, — нужно лишь съ усердіемъ пользоваться имъ, „подвизаясь войти сквозь тѣсныя врата“, чтобы не оказаться внѣ дома, когда хозяинъ запретъ дверь (XIII, 24—25). Христосъ охотно освобождаетъ отъ узъ сатаны дочеръ Авраа-

мову (XIII, 16) и возвѣщаетъ спасеніе презрѣнному среди іудеевъ Закхею (XIX, 9). Печальная судьба священнаго города неизбѣжна и справедлива, но этимъ только возбуждается тяжелая грусть съ горькимъ плачемъ о слѣпотѣ обреченной столицы (XIX, 41). Царя Израилева влекутъ на позорный крестъ для лютой казни, а Божественнаго Страдальца волнуетъ единственно участь дерева сухого, и Онъ приглашаетъ сердобольныхъ женъ проливать горькія слезы не о Немъ, но за себя и за дѣтей своихъ въ виду приближенія страшнаго гнѣва (XXIII, 28—31). Будучи распятъ и поруганъ, Господь и теперь платитъ виновникамъ своей казни трогательнымъ всепрощеніемъ и искреннею мольбою за нихъ: Отче, отпусти имъ, не вѣдятъ бо, что творятъ (XXIII, 34). И самый фактъ богоубійственнаго умерщвленія Сына не исгощаетъ всей благодати Божіей къ жестоковѣйному народу: „Іерусалимъ будетъ попираемъ языки, до нѣдѣи скончаются времена языкъ“ (XXI, 24). Не меньше мягкости обнаруживается и по отношенію къ злѣйшимъ врагамъ — фарисеямъ. Уже Іоаннъ Креститель не къ нимъ направляетъ позорную кличку „порожденій ехиднинныхъ“ (Мѡ. III, 7), а къ народу (Лк. III, 7). Въ другихъ мѣстахъ опять немало сглаживается жестокость обличительныхъ словъ Христовыхъ, и самое гнусное объясненіе въ связи Чудотворца съ веельзевуломъ (Мѡ. XII, 24) усвоится безличному подозрѣнію толпы (Лк. XII, 15), которая выступаетъ впередъ и въ теченіе послѣднихъ ужасныхъ дней. Лука умалчиваетъ о формальномъ приговорѣ синедріона противъ Христа (XXII, 71), въ преданіи Его Пилату (XXIII, 1) и въ пререканіяхъ съ игемономъ главную роль приписываетъ народу (XXIII, 4, 14), хотя при активномъ участіи вождей. Подобно сему, ругателями и истязателями невинно осужденнаго Узника называются (XXII, 63) люди (οἱ Ἰουδαῖοι) безъ яснаго намека, что это было по волѣ первосвященника и его клеветы (ср. Мѡ. XXVI, 65—68). И во время земной жизни своей Христосъ не чуждался фарисеевъ, охотно принималъ ихъ приглашенія (VII, 36 сл. XI, 37 сл. XIV, 1 сл.) съ цѣлію пробудить въ нихъ добрыя чувства и внушить стасительное настроеніе.

Мы видимъ теперь, что у Луки нигдѣ не отмѣчается, чтобы Евангеліе отрѣшалось отъ іудейской массы по причинѣ отверженія его послѣднею, чѣмъ фатально порождается взаимное отрицаніе. Расхожденіе было принципиальное. Эта истина несомнѣнна и потому, что теократическія права Израиля признаются Лукою въ полной мѣрѣ. Христіанство рисуется у него величайшимъ осуществленіемъ священныхъ обѣтованій и чаяній народа Божія и въ своемъ историческомъ развитіи утверждается на ветхозавѣтномъ основаніи (II, 22 сл., 27. X, 26. XVI, 17, 29. XXIV, 44; ср. IV, 21. X, 25

— 28. XVII, 14. XVIII, 18 — 20. XXIII, 56). Естественно, что здѣсь получаютъ высшее освященіе всѣ преимущества богоизбранности чадъ Авраамовыхъ. Для нихъ безспорно было божественное „усыновленіе“ (Рим. IX, 4) по особой близости къ Богу (Исх. IV, 22. XIX, 5. Второз. XIV, 1 — 2. XXXII, 6, Ос. XI, 1 и др.), — и Всевышній „воспринялъ Израиля, отрока своего“ (Лк. I, 54), „посѣтилъ народъ свой“ (ср. II, 32) и „сотворилъ ему избавленіе“ (I, 68). Евреямъ принадлежали „слава“ (Рим. IX, 4) соприсутствія Божія, — и въ принесенномъ Богомладенцѣ Симеонъ узрѣлъ спасеніе и славу народа своего предъ лицомъ всѣхъ людей (II, 31 — 32) согласно предреченію пророка Аггея (II, 9) о большемъ величій храма второго сравнительно съ первымъ. Потомки Авраамовы были въ „завѣтъ“ съ Іеговою, получили божественное „законоположеніе“, обладали наилучшимъ средствомъ для выраженія своего благоговѣнія въ установленномъ „богослуженіи“, были надѣлены всѣми дарами высокихъ обѣтованій (Рим. IX, 4), — и все это сбылось съ пришествіемъ „Святаго Божія“. Теперь Богъ, „какъ говорилъ отцамъ, вспоманулъ милость къ Аврааму и сѣмени его до вѣка“ (Лк. I, 54 — 55), „воздвигъ рогъ спасенія въ дому Давида, отрока своего, какъ возвѣстилъ устами бывшихъ отъ вѣка святыхъ пророковъ своихъ“ (I, 69 — 72), когда въ городѣ Давидовомъ родился Спаситель, Господь Христосъ (II, 11), — утѣха Израилева для всѣхъ, ожидавшихъ избавленія (II, 25, 38). Вмѣстѣ съ обѣщаніемъ нашла тутъ свое осуществленіе и клятва, которою клялся Богъ Аврааму (I, 73). Равно не осталась безъ награды вѣрность закону и богоучрежденному культу: — радостное благовѣстіе прежде всего сообщается „священнику“ Захаріи, „служившему въ порядкѣ чреды своей“ (I, 8) и „ходившему по заповѣдямъ и уставамъ Господнимъ безпорочно“ (I, 6), потомъ Симеону, „мужу праведному и благочестивому“ (II, 25), и Аннѣ, которая не отходила отъ храма и благоугождала Богу постомъ и молитвою (II, 37). Понятно, что и Богомладенецъ принесенъ былъ въ храмъ для представленія Господу (II, 22), соблюдалъ праздники (II, 41) и съ самаго дѣтства выполнялъ законническія предписанія (I, 21, 22 — 24, 27, 39). Въ качествѣ „пророка Всевышняго“ и „Востока свыше“ (I, 76, 78). Онъ — соотвѣтственно древнимъ предначертаніямъ — далъ народу возможность „служить Богу въ святости и правдѣ предъ Нимъ во всѣ дни жизни“ (I, 75). Іудеи почитались сѣмемъ Авраамовымъ, — и Всевышній, по клятвѣ своей и завѣту святому съ праотцами, сотворилъ потомкамъ милость (I, 54, 55, 72 — 73), пославъ — въ лицѣ Іоанна Предтечи — учителя для возвращенія сердець отчихъ дѣтямъ и для сообщенія непокоривымъ образа мыслей праведниковъ, чтобы предсталъ Господу приготовленнымъ

народъ Его (I, 17). Мало того: Иосифъ (и Дѣва) — изъ дома Давидова (I, 27. II, 3 — 5) и Христосъ рождается въ городъ Давида (II, 11) и занимаетъ престолъ Его, какъ своего отца (I, 32).

При такомъ внутреннемъ соотношеніи христіанство являлось величайшимъ увѣнчаніемъ и всесовершеннымъ удовлетвореніемъ педагогическихъ усилій ветхозавѣтнаго прошлаго, почему послѣднее — устами праведнаго Симеона — спокойно говорило себѣ съ сознаниемъ исполненнаго долга: нынѣ отпускаеши раба твоего, Владыко, по глаголу твоему, съ миромъ (II, 29). Устраняясь и поглащаясь, истинное іудейство совсѣмъ не усматривало въ этомъ своей смерти, а — напротивъ — чувствовало, что именно теперь и начинается исполненіе того, что было предметомъ робкаго чаянія и тусклаго прозрѣнія. Народъ Израильскій сходилъ съ передняго плана обогащенный болѣе содержательными надеждами, чѣмъ какими жилъ доселѣ. И тотъ же старецъ Симеонъ съ увѣренною восторженностію возглашалъ: видѣста очи мои спасеніе твое, еже еси уготовалъ предъ лицомъ всѣхъ людей, — свѣтъ во откровеніе языковъ, и славу людей своихъ Израиля (II, 30—32).

Ясно, что христіанство разобщается отъ іудейства не по какой-либо враждѣ къ нему и не по отсутствію фактического и идейнаго родства съ нимъ. Внутренняя ихъ связь и историческій восходъ солнца правды именно на іудейскомъ горизонтѣ — скорѣе — должны свидѣтельствовать, что сама тьма не восхотѣла принять живительнаго сіянія. Такъ и было въ фактической дѣйствительности. Истинные носители богооткровенныхъ завѣтовъ сразу усмотрѣли въ Сынѣ Маріи свое избавленіе, однако въ цѣлой массѣ народъ оказался далеко не на высотѣ своего призванія. Въ немъ было немало добрыхъ зачатковъ и здравыхъ упований (III, 15—16, 18, 21. VII, 29. VIII, 47. XVIII, 43. XIX, 48. XX, 5, 45. XXI, 38. XXIV, 19 и др.), и онъ спѣшилъ къ Іисусу Христу для помощи и назиданія, встрѣчая сочувствіе, одобреніе, похвалу и поддержку (IV, 15, 42. V, 1, 15. VIII, 4, 40. IX, 37. XI, 29. XII, 1. XIV, 25 и др.). Къ сожалѣнію, его нравственная энергія не имѣла достаточной крѣпости, чтобы сохраниться до конца. Уже при входѣ Господнемъ въ Іерусалимъ мы не встрѣчаемъ ликующей толпы, которая упоминается Маттеемъ (XXI, 8—9) и Маркомъ (XI, 8—9), — и у св. Луки (XIX, 37) ее замѣняетъ „все множество учениковъ“ (ἀπαντὸς τῶν μαθητῶν). Въ противовѣсъ сему, при осужденіи Христа первенствующая роль усвоется народу, который въ безумномъ ослѣпленіи собираетъ горящіе угли на свою голову. Фарисейское самомнѣніе и людская самоправедность (XV, 1—2. XVI, 14—15. XVIII, 9—14)

сами закрываютъ себѣ возможность спасенія, а ожесточенное упорство истинѣ равняется смертному приговору. „Враговъ же моихъ, — тѣхъ, которые не хотѣли, чтобы я царствовалъ надъ ними, — приводите сюда и избейте предомною“ (XIX, 27) — это неизбежная участь людей, не только не желающихъ принимать подаваемое туне, но и попирающихъ священный даръ. Тутъ вина самого грѣшника, который преступно невнимателенъ къ предлагаемому. Свыше и потому не сподобляется спасительныхъ благъ.

Значитъ, въ грѣховной анестезіи и нравственной косности вся причина того, что христіанство отрывается отъ іудейства и теряетъ тяготѣніе къ нему. Въ этомъ смыслѣ для Евангелія Луки крайне показательно, что въ немъ всѣ важнѣйшіе отдѣлы начинаются сообщеніемъ типическихъ сценъ отверженія Христа іудеями (IV, 28—30. IX, 51—56. XIX, 41—44) безъ соблюденія точной хронологіи и, очевидно, для выраженія спеціальной идеи о собственной виновности Израиля въ его богооставленіи.

Этотъ послѣдній штрихъ служитъ къ завершенію всѣхъ нашихъ наблюденій касательно принципіальныхъ воззрѣній третьяго Евангелиста на христіанство. Оно какъ бы отстраняется отъ іудейства и избираетъ себѣ другое поприще, но отсюда вовсе не слѣдуетъ, что это случилось по враждѣ къ изгнавшему, когда по необходимости бываетъ нужно отыскивать новое поприще и иной пріютъ. Въ этомъ случаѣ расширенія сферы дѣйствія было бы непредусмотрѣннымъ и ненатуральнымъ для христіанства, которое по существу являлось бы силою націоналистически обусловленной, сохраняя свою эссенціальную узость и послѣ ухода на страну далече отъ своего отчужденнаго іудейскаго дома. Напротивъ, у Луки съ отчетливостію отмѣчается симпатія глубокаго соболѣзнованія къ теократическому іудаизму — и не по одному состраданію снисхожденія, а по духовному влеченію къ тому, что родственно по природѣ. Поэтому здѣсь разрывъ сопровождается не механическимъ рефлексомъ пропорціональнаго противодѣйствія сравнительно съ напряженностію отверженія и соотвѣтственнымъ послѣднему, т. е. одинаково ограниченнымъ. Нѣтъ, здѣсь мы имѣемъ сознательное перенесеніе христіанской активности по горестному убѣжденію въ непригодности прежней почвы и по собственной независимости отъ нея. Тогда эта энергія будетъ не связанною внѣшними стѣсненіями и оказывается господствующею надъ ними съ необъятностію, которую они сдержатъ не могутъ. Такъ іудейская безнаціональность христіанства сочетается и мотивируется его универсальностію по самой своей природѣ. И это значеніе коренится даже въ самомъ генетическомъ соотношеніи къ Израильской исторіи, которая фактически раскрывается тутъ по вселенски-обязатель-

ному достоинству своего божественнаго содержанія. Если пришествіе Христово было для Симеона „свѣтомъ къ просвѣщенію язычниковъ“, то и Приснодѣва съ рѣшительно-стью высказываетъ, что ее будутъ ублажать всѣ роды (I, 48), а при рожденіи Богомладенца Ангелы славословятъ миръ по всей землѣ и благоволеніе въ человѣкахъ (II, 14). Іоаннъ Креститель заставлялъ трепетать сердца не правовѣрныхъ только евреевъ, но его голосу внимали отверженные мытари и грубые воины (III, 12, 14), одинаково интересуясь его разъясненіями на вопросъ, что имъ дѣлать? Еще при самомъ началѣ своего служенія рѣчью въ Назаретской синагогѣ Христосъ категорически удостовѣрилъ, что и Сирія и Сидонъ не менѣе принадлежатъ къ Его владѣніямъ (IV, 16 — 30) и будутъ находиться въ сферѣ сіянія Его божественной славы. И именно у Луки мы читаемъ, какъ презрѣнный самарянинъ оказался выше гордаго священника (X, 30 — 37) и прокаженный иноплеменникъ превзошелъ своею благодарностію черствыхъ евреевъ (XVII, 12 — 19). Наряду съ этимъ заботливо опускаются черты, которыя позволяютъ истолкованіе, неблагопріятное для язычества (VII, 6. X, 5 — 6. XX, 16. XXII, 14). Не безъ намѣренія, конечно, повѣствованіе о спасительной дѣятельности Христовой начинается общею для всѣхъ Евангелистовъ цитатой изъ Иса. XL, 3 — 5, но со свойственнымъ лишь Лукѣ (III, 6) продолженіемъ ея (сравнительно съ Мѡ. III, 3. Мрк. I, 3. Ін. I, 23) до великихъ торжественныхъ словъ: и узрѣти всяка плоть спасеніе Божіе. Равно и въ заключеніе реферата о земномъ подвигѣ Христовомъ читается сладостное увѣреніе, что „Сынъ человѣческій пришелъ взыскать и спасти погибшее“ (XIX, 10). Отсюда вытекаетъ, что универсализмъ не случайно привился къ христіанству вслѣдствіе изгнанія изъ первоначальной національной области. Онъ заложенъ въ эссенціальныхъ глубинахъ благодатной силы, какъ независимо всеобъемлющей. Достаточно сослаться еще на отношенія къ преступному Израилю. Еслибы послѣдній былъ покинутъ всецѣло и навсегда съ окончательнымъ безповоротностію, — этимъ могло бы внушаться подозрѣніе о недостаточности христіанскихъ ресурсовъ къ преодолѣнію инертности или упорства. Но этого фактически нѣтъ, ибо не всѣ надежды потеряны. Никто изъ званыхъ не вкуситъ вечери Христовой, при ихъ отказѣ на благостное приглашеніе, — и понятно, что она достается покорнымъ голосу Господа (XIV, 16 — 24), — нищимъ, увѣчнымъ, слѣпымъ, хромымъ (XIV, 13), когда „придутъ отъ востока и запада, и съвера и юга и возлягутъ въ царствѣ Божіемъ“ и эти послѣдніе замѣстятъ собою первыхъ (XIII, 29 — 30). Очевидно, требуется лишь душевное влеченіе смиренной готовности, а это вполне доступно для благоразумнаго іудейства. Естественно, что

и оно не устраняется окончательно по натуральной неспособности, или по закоренѣлой несправимости. Бѣда вся въ томъ, что его недостойные адепты не хотятъ слушать Моисея и пророковъ и въ своемъ ожесточеніи доходятъ до невѣрія даже воскресшимъ изъ мертвыхъ (XVI, 18 — 31). Авраамъ, Исаакъ, Іаковъ и всѣ пророки войдутъ въ царство Божіе, несчастные же потомки будутъ изгоняемы вонъ, пселику хозяинъ дома не вѣдаетъ ихъ (XIII, 25 — 28). Впрочемъ, и это еще не рѣшительная гибель: — слѣдуетъ только подвизаться войти сквозь тѣсныя врата (XIII, 23), чтобы достигнуть обителей небесныхъ. Эти возможности позволяютъ Евангелисту открыть нѣкоторые просвѣты въ будущемъ для самоосужденнаго Израиля. Не безъ цѣли, конечно, онъ упоминаетъ, что при смерти Христовой весь народъ (іудейскій) былъ душевно потрясенъ и возвращался, бія себя въ грудь (XXIII, 48), а въ теченіе своего разсказа особенно оттъняетъ состраданіе Господа къ дѣтямъ и дочерямъ Авраамовымъ (XIII, 16. XIX, 9), равно скорбь объ ослѣпленіи народномъ, исторгающую жгучія слезы изъ божественныхъ очей и горячую мольбу изъ устъ о святомъ городѣ (XIX, 41 — 42): „о, еслибы и ты хотя въ сей твой день узналъ, что служить къ міру твоему!“ И для іудеевъ не на вѣки потерянь спасительный путь. „Востокъ свѣше“ не освѣщаетъ ихъ, но лишь нынѣ (XIX, 42); они погибаютъ, но только по нераскаянности (XIII, 5, ибо не уразумѣли времени посѣщенія своего (XIX, 44). Однако, настанетъ великій моментъ, когда кончатся *καὶ οὐ ἐθνη* (XXI, 24), — и тогда Іерусалимъ снова возсіяетъ съ необычайною яркостію во свѣтѣ немерцающемъ и непреходящемъ — во свѣтѣ славы Христовой.

Всѣмъ этимъ въ христіанскомъ универсализмѣ указывается та типическая особенность, что христіанская энергія, будучи всевластною, не является жестоко сокрушительной даже тамъ, гдѣ подобное наказаніе юридически было бы безусловно справедливымъ. Значитъ, христіанство рисуется у Луки всецѣло благодетельнымъ, а для этого должны быть достаточныя причины, чтобы не оказалось тутъ просто подозрительное попустительство, разъ имѣются всѣ средства обуздать и разгромить зло. Недоумѣніе разрѣшается тѣмъ, что въ третьемъ Евангеліи человѣческая грѣховность представляется неразрывною отъ безпомощности. Помимо вопроса о виновности и вмѣняемости — безспорно, что іудейство зашло во мракъ безысходности, безъ дороги и безъ компаса, а уже выбилось изъ силъ. И если высшіе классы законничества оттъсняются здѣсь народными массами, то отсюда лишь неотразимѣе, что это истощеніе захватило всѣ слои и проникло до самаго корня націи. Въ результатъ получалась фактическая неспособность къ созиданію собствен-

наго избавленія. Потому именно и предуготовительная миссія Предтечи была разсчитана на полное внутреннее измѣненіе духовнаго состоянія сыновъ Израилевыхъ (I, 17), а „Востокъ свѣше“ долженъ былъ даровать прощеніе грѣховъ, просвѣщеніе сѣдѣющимъ во тьмѣ и сѣни смертной и путь мира для блуждающихъ ногъ (II, 77—79). Понятно само собою, что язычество было тѣмъ болѣе слабо и скудно. И римскіе воины, наряду съ прочими, спрашивали Іоанна Крестителя: „а намъ что дѣлать?“ Капернаумскій сотникъ склоняется къ вѣрѣ Израилевой, снискивая высокое уваженіе ея исповѣдниковъ, но и его давить неумолимо-мучительное чувство (VII, 2—10): „нѣсмь достоинъ“.

Такая безпомощная слабость обыкновенно бываетъ только удобною средой для наилучшаго обнаруженія торжествующей силы, которая побѣдоносно водворяется на развалинахъ всеобщаго погрома. Если въ настоящемъ случаѣ было совсѣмъ противное, — этимъ категорически свидѣтельствуется, что вседержавность христіанская неотлучна отъ необъятной милости, во имя которой Евангелистъ обнаруживаетъ безграничную, даже парадоксальную любовь къ грѣшникамъ и самую незыблемую увѣренность въ ихъ прощеніи и исправленіи¹⁾. Именно съ этой стороны христіанство и живописуется у Луки, и о немъ еще Данте говорилъ, что это есть *scriba mansuetudinis Christi*, а поэтъ Гердеръ называлъ его „благовѣстникомъ филантропіи“²⁾. Явленіе Господа было актомъ благоутробнаго милосердія Божія (I, 78), и „Сынъ человѣческій пришелъ не погублять души, а спасать“ (IX, 56). Онъ преисполненъ духомъ всецѣлой любвеобильности (ср. IX, 51), и въ Немъ столь часто отмѣчается внимательность къ женской слабости, что иногда трудъ спутника Павлова называется Евангеліемъ для женщинъ³⁾. У Христа Іисуса заблудшая овца нимало не забывается ради девяти оставшихся дома и найденная дидрахма вызываетъ великую радость, какой не возбуждаютъ девять, храняшіяся въ сокровищницѣ. Притча о блудномъ сынѣ почитается какъ бы особымъ „Евангеліемъ въ самомъ Евангеліи“⁴⁾, или квинтъ-эссенціею послѣдняго, а она намъ внушаетъ, какъ возвращеніе кающагося грѣшника.

1) Prof. Ad. Harnack, *Lucas der Arzt*, S. 100

2) Joh. G. Herder, *Vom Erlöser der Menschen* (Riga 1796), S. 218 у Prof. Th. Zahn, *Einleitung in das N. T. II*³, S. 398²³

3) Rev. A. Plummer, *A Commentary on the Gospel according St. Luke*, p. XLIII. Ср. Prof. Ad. Harnack, *Lukas der Arzt*, S. 109 — 110

4) Rev. A. Plummer, p. 371.

ка встрѣчается съ истиннымъ восторгомъ всепрощенія и любви (XV, 3—32). Презрѣнная грѣшница преимущественно удостоивается снисхожденія и спасенія (VII, 36—50), униженный мытарь возвышается оправданіемъ (XVIII, 10—14), отверженный Закхей взывается необычайною милостію (XIX, 1—10), безнадежно скорбная Наинская вдова слышитъ всемогуще утѣшительное „не плачь“ (VII, 11—15), исцѣленные отъ злыхъ духовъ и болѣзней жены занимаютъ мѣсто наряду съ Апостолами (VIII, 1—3), Марѳа и Марія сподобляются чести принять божественнаго Наставника въ домъ свой и учиться единому на потребу (X, 38—42), простая незнакомка за возгласъ восхищенія награждается ублаженіемъ (XI, 27—28), — и умирающій Христосъ за распинателей молится словами безмѣрной благодати (XXIII, 34): Отче, отпусти имъ, вдохновляя благоразумнаго разбойника счастливымъ упованіемъ (XXIII, 43): днесъ со Мною будешь въ раи.

Христосъ есть Господь щедротъ и владыка всякой утѣхи: — таковъ тонъ всего Евангельскаго изображенія у третьяго синоптика. Посему христіанство, универсальное въ своемъ существѣ, является и столь же благодѣтельнымъ, пользуясь своею неограниченною мощию для наилучшаго проявленія своего спасительнаго милосердія. Оно — всесовершенная благодѣтельность по источнику и по способу достиженія своей цѣли. Человѣчество пало окончательно, и его гибель была бы неизбѣжна, но тогда-то и оправдалось поразительно, что невозможная у человѣка возможна суть у Бога (XVIII, 27). Въ эту именно пору надвигающейся катастрофы Христосъ принимаетъ на себя тяжкое бремя вины Авраамовой и несетъ въ теченіе всей жизни, чтобы на Галгоѣ свергнуть его навсегда. Уже Богомладенецъ возбуждаетъ горестное предчувствіе смертельной драмы, которая — подобно острому мечу — поразитъ душу Матери (II, 35); однако Господь непоколебимъ въ своемъ подвигѣ. Подъ этою ношей подгибаются Его колѣна, и страстная чаша вызываетъ болѣзненное содроганіе во всей святой природѣ, Онъ изнемогаетъ въ истощеніи и нуждается въ укрѣпленіи Ангела, потъ — какъ капли крови — орошаетъ божественное чело (XXII, 41—44) и крестъ жестокимъ позоромъ завершаетъ великое служеніе. Но теперь то и наступаетъ желанное увѣнчаніе, ибо власть князя міра сего пала и двери рая открылись для всѣхъ, — даже для разбойника (XXIII, 42—43). Своими страданіями Христосъ вошелъ въ славу свою (XXIII, 26), а все это было для того, чтобы уготовать миръ (XXIII, 36) всѣмъ народамъ (XXIII, 46—47).

Спасеніе достигнуто и составляетъ собственность совершителя. И дальше проникаетъ его также благодѣтельность, которая

господствовала съ самого начала всего искупительнаго процесса. Ради и вмѣсто другихъ приобрѣтенное, — это благо и сообщается специально тѣмъ, кто въ немъ наиболее нуждается. Не требуютъ здравіи врача, но болящій. Не приходятъ призвать праведныхъ, но грѣшныхъ въ покаяніе. — говоритъ Христосъ (V, 31—32). Пусть люди слабы и немощны, но вѣдь отъ нихъ и не требуется особыхъ подвиговъ. Напротивъ, необходимо лишь исповѣдать свою безпомощность и всею полнотою вѣры въ божественную милость прилѣпиться къ Избавителю со смиреннымъ сознаніемъ своего недостойнства и со всецѣлою преданностію, отрѣшенною отъ всякихъ мірскихъ привязанностей и заботъ, съ горячею мольбой о снисхожденіи, съ сердцемъ сокрушеннымъ и ищущимъ возрожденія. Эти отѣнки проглядываютъ уже въ изображеніи отношеній Господа къ XII-ти. Самъ Онъ призываетъ ихъ къ себѣ (V, 1 сл.) безъ малѣйшихъ заслугъ и постепенно возводитъ къ высшему совершенству. По своимъ естественнымъ способностямъ они часто не могутъ просто понять сказаннаго (IX, 45. XVIII, 34), — и въ словахъ Петра иногда звучитъ темное невѣдѣніе (IX, 33). Не менѣе того имъ не по силамъ изгнать демона (IX, 40), и только усердная молитва помогаетъ не впасть въ искушеніе (XXII, 40, 46). Посему для нихъ обязательно удаление отъ всякой лицемѣрной закваски вѣка сего (XII, 1) съ его гордостію и превозношеніемъ. Слѣдуетъ оставить все это (V, 11, 28. XVIII, 28), не искать первенства при отсутствіи правъ даже на послѣднее мѣсто и умалиться до меньшаго всѣхъ, чтобы сдѣлаться великимъ (IX, 46 сл. XXII, 24 сл.). При какихъ условіяхъ лишь одна вѣра спасаетъ человѣка, надѣляя всякаго дѣйствительною энергіей исторгать смоковницу и ввергать ее въ море (XVII, 6). Предъ своими страданіями Христосъ молился, чтобы не оскудѣла вѣра Петрова (XXII, 32), и каждому внушается взывать непрестанно (XVII, 5): приложи вѣру! Въ ней вся важность для всѣхъ, ибо благодать неизмѣнно спѣшитъ навстрѣчу ей, открывая доступъ къ завѣтнымъ тайнамъ царства Божія (VIII, 10) и прямой путь къ трапезѣ Господней (XXII, 28 — 30) съ неисчерпаемымъ избыткомъ все болѣе и болѣе умножающихся даровъ: „кто имѣетъ, тому дано будетъ“ (VIII, 18). „Отвергнись себя, возьми крестъ свой и слѣдуй за Мною“ (IX, 23): — вотъ единственно необходимый спасительный способъ, а плоды его таковы: „потерявшій душу свою ради Меня сбрезжетъ ее“ (IX, 24). Посему горе богатымъ, пресыщеннымъ, смѣющимся, упивающимся мірскими утѣхами (VI, 24 — 26) и вѣчное мученіе самодовольному бражнику съ его виссонною порфирой и блистательными пиршествами (XVI, 19 сл.). „Что высоко у людей, то мерзость предъ Богомъ“ (XVI, 15) и наоборотъ. Гибельно отягощеніе сердецъ забо-

тами житейскими (XXI, 34), и — напротив — нищета, алчба, плачь, уничтоженіе приносятъ блаженство (VI, 20 — 23). Сокрушеніе о духовной скудости вызываетъ мольбу, которая — при искренности и энергичности — никогда не останется безъ вознагражденія (XI, 5 — 15). Все въ вѣрѣ и отъ вѣры. Если таковой нѣтъ, — зерно погибаетъ, при ея слабости и второстепенномъ значеніи — злѣкъ скоро засыхаетъ и подавляется, но совершенно ея даетъ сторичный плодъ (VIII, 5 — 15). Невѣрующіе не спасутся (VIII, 12), за-то каждому обладателю ея Христосъ неизмѣнно и властно говоритъ (VII, 50. VIII, 48. XVII, 19. XVIII, 42): *вѣра твоя спасетъ*,

Мы видимъ теперь, что у Луки въ процессъ спасенія всецѣло господствуетъ благодатная вѣра, какъ и терминъ *πίστις* встрѣчается у него 11 + 15 разъ, чаще другихъ Евангелистовъ (у Мѡ. 8. у Мрк. 5, у Ін. нѣтъ). Въ согласіи съ нею даются и практическія наставленія. При немощности и недостаточности необходимо испрашивать верховную помощь по снисхожденію къ нуждающейся слабости. Поэтому у третьяго синоптика особенно внушается неотложность взывающей и уповающей молитвы какъ прямыми заповѣдями (XI, 5 сл., 9 сл. XVIII, 1 — 8, 11 — 13. XXI, 36. XXII, 32, 40), такъ и примѣромъ самого Христа, о моленіяхъ Котораго Лука сообщаетъ семь новыхъ случаевъ по сравненію съ другими извѣстіями (III, 21. V, 16. VI, 12. IX, 18, 29. XI, 1. XXIII, (34), 46). Для успѣшности — эти воззванія непременно должны связываться съ покаянною настроенностію, которая потребна въ качествѣ почвы для приложенія милости Божіей чрезъ отпущеніе грѣховъ и для благодатнаго освященія брэнной природы человѣческой отъ Св. Духа. Соответственно преобладанію этихъ понятій — и въ вокабулярѣ Луки мы находимъ больше примѣровъ употребленія словъ такого содержанія: 5 (Лк. III, 3, 8. V, 32. XV, 7. XXIV, 47) + 6 (Дѣян. V, 31. XI, 18. XIII, 24. XIX, 4. XX, 21. XXVI, 20 *μετάνοια* (у Мѡ. 2: III, 8. 11, у Мрк. 1: I, 4, у Ін. нѣтъ); 6 (Лк. I, 50, 54, 58, 72, 78. X, 37) *ἔλεος* (еще только у Мѡ. 3: IX, 13. XII, 15. XXII, 23, а у Мрк., Ін. и въ Дѣян. не имѣется); 3 (Лк. I, 77. III, 3. XXIV, 47) + 5 (Дѣян. II, 38. V, 31. X, 43. XIII, 38. XXVI, 18) *ἄφεσις ἁμαρτιῶν* (у Мѡ. 1: XXI, 28, у Мрк. 2: I, 4. III, 29, у Ін. не находится); *Πνεῦμα ἅγιον* 12 (13) + 41 (у Мѡ. 5, у Мрк. и Ін. по 4 ре). При этомъ немислимо и разсчитывать на вознагражденіе, когда все зависитъ отъ верховнаго состраданія по благодати (*χάρις* у Лк. 8 + 17, у Ін. 3, у Мѡ. и Мрк. не встрѣчается). Естественнo, что Маттеевы выраженія: „аще любите любящихъ васъ, кую мзду (τίνα μισθόν) имаете?“ (V, 46), „будите убо вы совершенни (τέλειοι), якоже Отецъ вашъ небесный совершенъ (τέλειος) есть“ (V, 43) измѣняются у Луки, получая такую

фразировку: „и еще любите любящія вы, каявамъ благодать (ποιᾶ... χάρις) есть?“ (VI, 32), „будите убо милосерди (οἰκτιρμοὺς), якоже и Отець вашъ милосердъ (οἰκτιρῶν) есть“ (VI, 36). Тутъ все условливается благодатию Господней, — и чѣмъ она незслуженнѣе и неожиданнѣе, тѣмъ глубже отвѣтная благодарность, тѣмъ громче и искреннѣе ея проявленія, Неудивительно, что третье Евангеліе полно хвалы и благодаренія Всевышнему — въ трогательныхъ гимнахъ Ангеловъ (II, 14), Приснодѣвы (I, 46—55), Захаріи (I, 68—79), Симеона (II, 29—32). Здѣсь всюду раздается слава (δοξάζειν τὸν θεόν: II, 20. V, 25, 26. VII, 16. XIII, 13. XVII, 15. XVIII, 43; ср. Мѡ. IX, 8. Мрк. II, 12) славословій (αἰνεῖν τὸν θεόν: II, 13, 20. XIX, 37. XXIV, 53 (?). Дѣян. II, 47. III, 8, 9; αἶνον διδόναι Лк. XVIII, 43) и неумолчныхъ благословеній (εὐλογεῖν τὸν θεόν: I, 64. II, 28. XXIV, 53 (?)) и еще лишь Іак. III, 9) Богу благодарѣющему. У Луки все сіяетъ радостію: (χαίρειν: у Лк. I 2+7, у Мѡ. 7, у Мрк. 1, у Ін. 9; χαρά: у Лк. 8+4, у Мѡ. 6, у Мрк. 1, у Ін. 9), — и повѣствованіе, открывающееся молитвой по обязательному чину, заканчивается упоминаніемъ о всегдашнемъ пребываніи въ храмѣ благодарно славословящихъ учениковъ (XXIV, 53 καὶ ἦσαν διαπαντὸς ἐν τῇ ἱερῇ αἰνοῦντες καὶ εὐλογοῦντες τὸν θεόν).

Эти детали оживляютъ общую картину и наглядно отбѣняютъ, что для Луки христіанство есть по преимуществу благодать Божія. Въ ней именно универсализмъ и находитъ свое точное осуществленіе чрезъ божественнаго подателя во Христѣ Іисусѣ, какъ вѣчномъ и неисчерпаемомъ источникѣ. Если ни у кого нѣтъ правъ на блаженство, то никому оно и не принадлежитъ исключительно, а если дарованіе зависитъ только отъ милости, то, очевидно, его и удостоиваются всѣ нуждающіеся, ибо Сынъ человѣческій пришелъ взыскать и спасти погибшаго (XIX, 10 и ср. VI, 9. IX, 56). Поэтому, занимаясь въ Палестинѣ (I, 34, 54 сл., 68 сл. II, 10, 31, 32), заря христіанства постепенно захватываетъ Самарію (X, 33 сл. XVII, 1 сл. и ср. IX, 55 сл.) и распространяется на весь міръ, поелику въ немъ свѣтъ для всѣхъ, сидящихъ во тьмѣ и тѣни смертной (I, 79). Апостолы обязаны начать съ Іерусалима (XXIV, 47); однако искупленіе совершено по благоутробному милосердію Всевышняго (I, 78), въ силу чего покаянію и прощенію грѣховъ надлежало быть проповѣдану во всѣхъ народахъ (XXIV, 47).

Но, реализуясь при помощи благодати Божіей, универсализмъ сообщаетъ ей энергію для плодотворнаго функционированія. Нетребовательность по отношенію къ просителю обычнѣе и чаще всего связывается съ неспособностію дающаго удержать свое достояніе, которое и у него не прочно и похитителю всего менѣе полезно. Для всесовер-

шенной дѣйственности необходимо, чтобы это была милость независимаго обладателя и самодержавнаго распорядителя: — тогда всѣ акты будутъ обезпечены въ своей высшей разумности его безусловною автономностію. Эссенціальный универсализмъ и сообщаетъ это существонное основаніе, удостовѣряя, что христіанство чуждо всякихъ внѣшнихъ ограниченій, поскольку по природѣ своей всевластно. Значить, это достоинство, какъ натуральное по самому бытію даннаго явленія, коренится въ его производителѣ и необходимо предполагаетъ абсолютнаго устроителя спасенія, почему онъ и можетъ награждать людей со щедростію полноправнаго отца и съ авторитетомъ неоспоримаго владыки, а для всего міра и для всѣхъ вѣковъ этимъ требуется въ немъ наиполнѣйшая божественность. И она здѣсь вполне несомнѣнна фактически. Христосъ рождается, но отъ Дѣвы и по наитію Св. Духа въ качествѣ сына Всевышняго, у котораго даже земная генеалогія возводится къ Богу (III, 38). Тогда оказывается божественная гуманитарность, близкая и родственная человѣчеству, но независимая всецѣло, всегда и во всемъ, безспорная и дѣйственная даже при внѣшнемъ униженіи. Рѣшительнымъ „да“ отвѣчаетъ обвиняемый Христосъ на вопросъ игемона: οὐ οὐκ εἶ ὁ υἱὸς τοῦ θεοῦ? — съ присовокупленіемъ, что „отнынѣ Онъ возсядетъ одесную силы Божіей“ (XXII, 70, 69), которою облакаетъ и своихъ учениковъ (XXIV, 49) для продолженія Его дѣла въ томъ же направленіи. Воскресшій есть для всѣхъ Господь и съ высоты своего престола властно рассыпаетъ щедроты по всей поднебесной. Согласно этому принципиальному воззрѣнію Лука особенно часто употребляетъ наименование ὁ Κύριος въ приложеніи къ Искупителю (VII, 13. X, 1. XI, 39. XII, 42. XIII, 15. XVII, 5 сл. XIX, 8. XXII, 31. XXIV, 34), приближаясь тутъ къ Іоанну Богослову; независимому, но во многомъ предполагающему его¹⁾, а терминологически отражая Павлинистическую концепцію²⁾. Однако эта господственность — не отвлеченно подавляющая, а гуманитарно-приближенная и потому пріобщающая все человѣческое и органически объединяющая въ себѣ всѣхъ его членовъ на началахъ равнаго облагодатствованія всякой вѣрующей души. У Луки Христосъ есть абсолютный примиритель, а христіанство — божественная бла-

¹⁾ См. Lic. Dr. Hellmuth Zimmermann, Lukas und die Johanneische Tradition въ „Studien und Kritiken“ 1913, IV, S. 586—605 Prof. Ad. Harnack, Lukas der Arzt, S. 159, 160. См. и выше на стр. 19.

²⁾ Ср. и Theodor Vogel, Zur Charakteristik des Lukas nach Sprache und Stil, S. 251.

годать безмѣрной милости Божіей, всѣхъ избавляющей и оживляющей для радости и блаженства не по холодному деспотизму, а по внутренней конгеніальности. И мы видимъ что терминъ *υἱὸς θεοῦ* значительно превышаетъ въ третьемъ Евангеліи (8+26) сочетаніемъ *υἱὸς τοῦ ἀνθρώπου*, ибо, будучи и всегда пребывая Богомъ, Сынъ Вышняго сдѣлался человѣкомъ по любви къ людямъ и ради ихъ спасенія. Въ такомъ качествѣ Онъ всѣмъ близокъ, и Его учительное обращеніе для всѣхъ обязательно и вразумительно. Посему лишь у Луки и нигдѣ болѣе Христосъ шесть разъ (V, 5. VIII, 24, 45. IX, 33, 49. XVII, 13) именуется *ἐπιστάτης* и, или общій наставникъ неоспоримо божественнаго авторитета и не менѣе несомнѣнной гуманитарности. Слово Его и властно (IV, 32, 36) и непреложно (XXI, 33), такъ что внимательность къ нему награждаетъ слушающихъ тѣснѣйшимъ родствомъ съ Учителемъ (VIII, 21) и даетъ единое на потребу (X, 39, 41). Онъ — *Κύριος*, господинъ, всѣмъ владѣющій и всѣмъ распоряжающійся неограниченно, но Его сила направляется не къ побѣдѣ принужденія, поелику это — Спаситель (*σωτήρ* I, 47. II, 11 и ср. 1н. IV, 42; *σωτήρις* I, 69, 71, 77. XIX, 9 и ср. 1н. IV, 22; *τὸ σωτήριον* II, 30. III, 6 — у другихъ синоптиковъ не встрѣчаются) по снисхожденію, чело-вѣколюбію и благодати Божіей (*χαρίτω* I, 28; *χάρις* 8 разъ и еще у 1н. I, 14, 16, 17). Отсюда и миссія Христова заключалась въ томъ, чтобы *εὐαγγελίζεσθαι* (у Лк. до 10 разъ и еще лишь у Мѳ. XI, 5 по связи съ Иса. LXI, 1)—возвѣщать всѣмъ радость великую, которая громко звучитъ по всему третьему Евангелію, какъ отголосокъ любви, дающей всѣмъ жизнь, свѣтъ и веселіе.

Съ утвержденіемъ успѣшнаго примѣненія спасительныхъ началъ Христовыхъ — задача Евангельскаго изображенія оказывается достаточно законченною, а у насъ получается то общее заключеніе, что у Луки христіанство есть благодать и оно всегда и для всѣхъ благотно. Но благодать, будучи истинною, обязательно требуетъ соотвѣтственнаго обнаруженія и безъ него обычно бываетъ лишь пустымъ звукомъ. Ясно, что для обоснованія такой идеи необходимы историческіе факты, которые удостовѣрили бы ее по природѣ и вліянію. Съ другой стороны, Лука отправляется отъ „извѣствованности“, гдѣ реальное завершеніе событий является и конкретнымъ раскрытіемъ и нагляднымъ оправданіемъ господствующаго принципа.

Отсюда естественно и понятно, что

планъ третьяго Евангелія

чисто историческій. Въ первой части (I, 5—IV, 13) Лука передаетъ предуготовительныя свѣдѣнія о спасеніи всѣхъ въ Сынъ Вышняго, предваряемомъ чрезъ вѣстника Господ

ня, который всѣхъ призываетъ къ покаянію, равно и Богомладенецъ — при вѣрности закону — есть свѣтъ и слава для всѣхъ народовъ. Во второмъ отдѣлѣ (IV, 14—IX, 50) и описывается, какъ въ этомъ направленіи Христосъ развивалъ Свою миссію и въ словѣ (IV, 14—30) и въ дѣлѣ (IV, 31—VI, 11), учреждая — въ лицѣ избранныхъ Апостоловъ — вселенское царство всепрощенія, мира и любви (VI, 12—IX, 50). Въ третьемъ циклѣ (IX, 51—XIX, 27) — по поводу путешествій Господа въ Іерусалимъ на праздники (IX, 51—XI, 54. XII, 1—XIII, 9. XVII, 11—XIX, 28), пребыванія въ Перетѣ (XIII, 10—XVII, 10) и отправленія въ столицу на страданія (XVII, 11—XVIII, 30) — излагаются въ рядѣ наставленій, притчей и изреченій истинныя основы церкви Христовой и ея характеръ, условія и качества, потребныя для всѣхъ членовъ. Въ четвертой, заключительной части (XIX, 28—XXIV, 52) излагается самое дѣло искупленія — всѣми желаемое, для всѣхъ совершенное и всѣмъ даруемое.

Вполнѣ подходитъ къ этому историко-прагматическому плану третьяго Евангелія и

общій характеръ повѣствовательной изобразительности,

типически индивидуально отличающій весь священный трудъ. Изъ него слѣдуетъ, что все спасительное служеніе Господа во всемъ объемѣ и всѣми своими подробностями показывало въ Немъ универсальнаго и вседовлѣющаго Спасителя міра. Подмѣтивъ эту господствующую черту, Лука уже не нуждался въ особенномъ освѣщеніи дѣйствительности, поелику сама она давала все, къ чему стремился исторіографъ въ своихъ увѣщательныхъ цѣляхъ и что наиболѣе потребно было для предположенныхъ читателей. Ему оставалось только воспроизвести подлинный ходъ событій, чтобы достигнуть задуманнаго результата. И научное наблюденіе удостоверяетъ, что третій Евангелистъ больше даже четвертаго обладалъ несомнѣннымъ даромъ хорошаго историческаго рассказчика ¹⁾ и былъ отличнымъ стилистомъ ²⁾. При этомъ онъ все живописуетъ съ такою пластичностію, что его писаніе, какъ самое литературное среди всѣхъ Евангелій ³⁾, считается наиболѣе прекрасною книгою въ мірѣ (E. Renan),

¹⁾ Th. Vogel, Zur Charakteristik..., S. 235.

²⁾ Prof. Ad. Harnack, Lukas der Arzt, S. 80, 146.

³⁾ См. у Rev. A. Plummer, p. XLVI—XLVII.

и автору издавна усваивается достоинство художника¹⁾. Понятно, что такая картина невольно захватывала слушателя, которого привлекает къ себѣ рельефною наглядностію, увлекаетъ глубиною всюду пробивающихся чувствъ²⁾, трогаетъ истинно гуманитарною человѣчностью³⁾.

Но по самому существу задачи пластическая изобразительность при о́рисовкѣ событій обязательно должна сочетаться съ фактической обстоятельностью и историческою корректностію. И мы видимъ, что Лука наблюдаетъ точность въ употребленіи „свѣтской терминологіи“⁴⁾ и по-Ксенофоновски подробенъ въ фактическихъ сообщеніяхъ⁵⁾, хотя все это нужно понимать въ духѣ греческой исторіографіи, которая отличалась небрежною вольностію передачи и не стремилась къ строгой фактической скрупулёзности⁶⁾. Однако историческій объективизмъ вовсе не является у Луки полнѣднею цѣлію литературнаго воспроизведенія, и хронологическое $\kappa\alpha\theta\epsilon\zeta\eta\varsigma$ ⁷⁾ разумѣется по аттически — въ смы-

¹⁾ Позднѣйшія извѣстія Никифора Каллиста (XIV в. въ н. е. II, 43), Симеона Метафраста (около 1100 г.) и Минолопія (отъ 980 г.) императора Василія II го подкрѣпляются свидѣтельствомъ церковнаго историка (повидимому, VI вѣка) Θεοδωρα Чтеца (Collectan. I, 1: M. gr. LXXXVI, col. 165), что императрица Евдокія (около 440 г.) послала въ Константинополь своей дочери Пульхеріи, жень Θεοδοσία II, найденный въ Іерусалимѣ образъ Богоматери (Θεομήτωρ), писанный Апостоломъ Лукою, откуда — вопреки скептицизму многихъ (Prof. Paul Schanz, Commentar über das Evangelium des heiligen Lucas, S. 3 u. Anm. 4 — 5. Rud. Cornely, Introductio specialis in singulos N. S. libros, p. 121, not. 4) — заключаютъ, что по крайней мѣрѣ „the legenda has a strong element of truth“ (Rev. A. Plummer, p. XXII и ср. XLVI). Допустить здѣсь зерно исторической правды гораздо естественнѣе, чѣмъ видѣть тутъ сплошное недоразумѣніе, которое Prof. Th. Zahn объясняетъ такъ (Einleitung in das N. T. II, S. 1337:6; 1341:6) у Нила (ср. IV, 61) *ιστορίαι* суть живописныя изображенія и у византиковъ *ιστορίαι* тождественно съ *ζωγράφηται*, поэтому и слова Θεοδωра Чтеца *τὴν εἰκόνα τῆς θεοτόκου, ἣν ὁ ἀπὸστολος Λουκᾶς καθεῖστορησεν*, конечно, относятся къ художественности литературнаго воспроизведенія. Все это слишкомъ тонко и легко обрывается обратнымъ предположеніемъ, что данная интерпретація представляется лишь изощреннымъ перетолкованіемъ термина *καθεῖστορηται* и не имѣетъ по себѣ никакого историческаго основанія.

²⁾ Th. Vogel, Zur Charakteristik..., S. 234.

³⁾ Th. Vogel, Zur Charakteristik..., S. 235—36.

⁴⁾ Th. Vogel, Zur Charakteristik..., S. 251 f.

⁵⁾ Th. Vogel, Zur Charakteristik..., S. 252.

⁶⁾ Prof. Ad. Harnack, Lukas der Arzt, S. 80 ff.

⁷⁾ Prof. Joh. Evang. Belser, Einleitung in das N. T. S. 2136, 138.

слѣ Ѳукидидовскаго прагматизма¹). Эти качества внѣшней обстоятельности занимаютъ въ третьемъ Евангеліи служебно соподчиненное значеніе, нимало не лишаясь своего достоинства. Исторія есть всегда самый лучший и неліцемерный учитель, а по отношенію ко Христу она и совершеннѣйшій руководитель ко спасенію, которое создавалось Его историческою жизнію. Поэтому чѣмъ фактичнѣе, полнѣе и детальнѣе она будетъ изложена, тѣмъ яснѣе и внушительнѣе зазвучитъ ея голосъ, тѣмъ побѣдоноснѣе будетъ самое дѣйствіе. Здѣсь тотъ пунктъ, гдѣ научная солидность сходится съ телеологическими стремленіями благовѣстническаго вліянія, и они взаимно покрываютъ свой предметъ. Отсюда будучи „словомъ“ назидательнымъ, третье Евангеліе вмѣстѣ съ тѣмъ и по тому самому является также и писаніемъ научно историческимъ²). Въ „прологѣ“ Лука ясно выражаетъ объективно-научныя воззрѣнія касательно своего литературнаго предпріятія и при его осуществленіи строго держится научныхъ пріемовъ объективности, возможно тщательной вѣрности по вопросамъ о мѣстѣ, времени и т. п. Самый слогъ его — слогъ историка, достаточно правильный и ровный, иногда возвышающійся до аттической элегантности и чистоты греческихъ классиковъ, но не рѣдко приближающійся къ хронологической отрывочности лѣтописца, кратко отмѣчающаго рядъ событій (IX, 51 — XVIII, 31), при добросовѣстномъ использованіи документальныхъ оригиналовъ (гл. I — II), хотя бы и съ немалымъ насиліемъ надъ своимъ изящнымъ перомъ.

Всѣмъ этимъ достигается отчетливая повѣствовательная изобразительность, а чрезъ нее обезпечиваются и внутреннія намѣренія увѣщанія, коренящагося въ „извѣствованныхъ вещахъ“, ибо своею живостію онѣ захватываютъ каждого и переносятъ его въ сферу благодатной спасительности. Чрезъ трудъ Луки дѣло Христово получаетъ всѣ гарантіи соотвѣтственнаго примѣненія по своему значенію въ качествѣ универсальнаго благодатнаго фактора. Но самая благодать бываетъ истинно зиждительною силой лишь при томъ нетремѣнномъ условіи, если она проистекаетъ изъ источника эссенціально божественнаго. Въ этомъ направленіи Лука явно наклоняется къ чисто Іоанновскому пониманію личности Господа Спасителя, приближаясь къ Евангелисту-Богослову не по однимъ фактическимъ подробностямъ, а идейно³). Слѣдовательно, искупленіе Христово оказы-

¹) Prof. Joh. Evang. Belser, Einleitung in das N. T. S.² 137.

²) Ср. Prof. W. M. Ramsay, St. Paul the Traveller and the Roman Citizen, p. 2, 3, 20, 21. Rev. A. Plummer, p. XLVIII

³) Ср. Prof. Paul Ewald въ Realencyklopädie XI³, S. 697.

вается вполнѣ божественнымъ по своему основанію и утвержденію, почему должно быть именно таковымъ по распространенію и возобладанію, ведущимъ къ окончательному торжеству. Но если первое оправдывалось историческимъ повѣствованіемъ, то и второе требуетъ не менѣе историческаго огражденія въ фактическомъ описаніи благодатной дѣйственности Христовой въ мірѣ. Такъ третье Евангаліе естественно сопровождается и увѣнчивается книгою Дѣяній апостольскихъ.

* * *

КНИГА ДѢЯНІЙ СВ. АПОСТОЛОВЪ.

Книга Дѣяній св. Апостоловъ имѣетъ

положеніе и значеніе въ новозавѣтномъ канонѣ

соотвѣтственно объективнымъ историческимъ требованіямъ. Она открывается такимъ вступленіемъ: „первое убо слово сотворихъ о всѣхъ, о Теофиле, яже начатъ Іисусъ творити же и учити, даже до дне, въ онъ же заповѣдавъ Апостоломъ Духомъ Святымъ, ихъ же избра, вознесся“ (Дѣян. I, 1—2). Этимъ категорическимъ предупрежденіемъ „второе“ писаніе св. Луки приводится въ прямую связь съ „первымъ“, какъ непосредственное приложеніе къ нему. Отсюда точно и безошибочно опредѣляются его мѣсто и достоинство. Ранѣйшее повѣствованіе было посвящено подробному и всестороннему изображенію дѣлъ и ученія Христа Спасителя до завершенія искупительной миссіи въ вознесеніи. Тутъ подвигъ Господа былъ вполнѣ законченнымъ, достигшимъ своего всецѣлаго обнаруженія и безусловнаго историческаго раскрытія. Созиданіе уже оказывалось фактомъ прошлаго, не требующимъ и не допускающимъ какого либо фактическаго или исторіографическаго добавленія, но наряду съ этимъ не менѣе справедливо и необходимо, что если спасительное благовѣстничество Искупителя имѣло божественную съ лу и соотвѣтствующую дѣйствительность, — а это неоспоримо, — то у него непремѣнно должно быть равное будущее въ смыслѣ продолженія, развитія и утвержденія. Доброе дерево не могло не принести плодъ — и, разумѣется, — по роду своему. Въ такомъ случаѣ для дальнѣйшаго процесса обязательно по самому существу, что онъ идетъ въ духѣ служенія Христова, для чего нужны лица, которыя бы усвоили его и были авторитетно уполномочены на эту миссію.

Таковъ неизбѣжный выводъ, удостовѣряющій, что „второе слово“ къ Теофилу занимается именно этою стадіей христіанскаго дѣйствія въ исторіи и даетъ намъ подлинную

картину того, какъ закрѣплялось въ мірѣ основанное Господомъ избавленіе, получая свойственную ему реализацію на землѣ. Посему въ книгѣ Дѣяній мы находимъ исторію возрастанія уже созданнаго царства Божія въ его нормальномъ и предначертанномъ теченіи, хотя бы и сверхъестественными средствами, достойными энергіи и благодати Христовой. Въ этомъ своемъ качествѣ рассматриваемый трудъ является драгоцѣннымъ звеномъ въ цѣли священныхъ новозавѣтныхъ памятниковъ, поскольку захватываетъ важнѣйшую сторону подвига Христова. Послѣдній не былъ бы совершеннымъ и всецѣлымъ, еслибы онъ замыкался въ личности самого Искупителя и не обнаруживалъ всей своей возрождающей и обновляющей мощи среди людей, на которыхъ онъ и былъ рассчитанъ специально. Иначе получилось бы съ несомнѣнностію, что Христосъ туне умре (Гал. II, 21). Подобно сему и письменное возвѣщеніе должно было представить фактическое примѣненіе основоположительныхъ началъ христіанскаго возрожденія. Все это мы полностью и находимъ въ книгѣ Дѣяній. Тутъ она прямо и органически примыкаетъ къ Евангелію и неразрывна отъ него, какъ и фактически эти моменты слѣдовали одинъ за другимъ. Естественно, что священный писатель называетъ свое новое твореніе „вторымъ словомъ“, которое чрезъ это пріобрѣтаетъ въ новозавѣтномъ канонѣ мѣсто соотвѣтственно реальному ходу вещей, показывая намъ растрогание и возобладаніе во вселенной таинства искупленія людей благодатію Христовой.

Эту идею должно прежде всего выражать

наименованіе книги „Дѣяній Апостоловъ“ адекватно ея содержанію.

Спасительная жертва была принесена Сыномъ Божиимъ. Онъ есть единый устроитель благодатнаго примиренія, а по тому самому и единственный собственникъ всѣхъ даровъ христіанскаго наслѣдованія. Понятно теперь, что другіе могли пріобрѣтать только отъ Него и черезъ Него. По этой причинѣ и сообщеніе благъ Христовыхъ предполагаетъ лицъ, уполномоченныхъ Господомъ и надѣленныхъ специальными средствами. Таковыми были только ученики Христовы, которые — по предреченію — воспріяли обѣтованіе Духа, продолжающаго искупительную миссію Сына на землѣ. Лишь *Apostolorum erat proprium praedicare* (Hilarin in Matth. X, 9 ad vers. 30: M. lat. IX, 965). Значить, поступательное движеніе благовѣстія Христова непремѣнно должно быть апостольскимъ, какъ это необходимо въ дѣлѣ Божиѣмъ.

Здѣсь и вполне законное основаніе для названія данной священной книги *Πράξεις τῶν Ἀποστόλων*. Неизвѣстно съ

точностію, когда именно оно появилось. Іоаннъ Златоустъ какъ будто допускаетъ его изначальность, говоря (in princ. Act. I, 3: M. gr. LI, 72): „Павелъ, имѣвшій благодать Духа, не пропустилъ надписи на (Аѳинскихъ) алтаряхъ, а ты проходишь безъ вниманія заглавія Писаній. Онъ не пропустилъ того, что начертали Аѳиняне — идолослужители, ты же не считаешь необходимымъ и то, что написалъ Духъ Святой“. Однако въ цитованномъ пассажѣ мысль выражена слишкомъ догматически — въ примѣненіи къ ходившему тогда тексту, а не въ видѣ историческаго извѣстія, отголосковъ котораго нигдѣ не встрѣчается у св. отца въ другихъ мѣстахъ. Но во всякомъ случаѣ вѣрно, что это есть древнее обозначеніе, вызвавшее очень раннія апокрифическія подражанія (напр. „Дѣянія Павла и Ѳеклы“ II в. и, можетъ быть, отъ конца I-го) и иногда съ буквальною транскрибировавшеюся въ старинныхъ переводахъ (сирійскомъ, bohaïrica, армянскомъ—эрпеніанскомъ) и даже у латинскихъ commentators (in libro Praxeos vel Praxeon у Иларія in Matth. XIV, 20: M. lat. IX, 1000).

Принимая этотъ фактъ, многіе находятъ указанный титулъ не соответствующимъ содержанию, поелику въ самой книгѣ разсказывается только объ Апостолахъ Петръ и Павлѣ, изъ которыхъ второй не принадлежалъ къ лику XII-ти, хотя и занимаетъ Дѣписателя преимущественно; о прочихъ упоминается кратко и о большинствѣ ихъ сохраняется голое имя. Это недоумѣніе достаточно серьезно, ибо—при его неразрѣшимости — мы должны будемъ согласиться, что или самъ Лука не счумѣлъ справиться со своею задачею, давъ вмѣсто цѣлаго нѣчто фрагментарное, искаженно освѣщающее событія, или Церковь неправильно поняла апостольское произведеніе, сообщивъ ему несвойственный смыслъ. Для устраненія этихъ принципиальныхъ затрудненій обыкновенно ссылаются (Rud. Cohnely; И. П. Николинъ, Дѣянія святыхъ Апостоловъ, Сергіевъ Посадъ 1895, стр. 172—173), что въ авторитетныхъ кодексахъ читается не $\alpha\iota\ \pi\rho\acute{\alpha}\xi\epsilon\iota\varsigma\ \tau\omicron\upsilon\ \alpha\pi\omicron\sigma\tau\omicron\lambda\omicron\upsilon\varsigma$, а лишь $\pi\rho\acute{\alpha}\xi\epsilon\iota\varsigma\ \alpha\pi\omicron\sigma\tau\omicron\lambda\omicron\upsilon\varsigma$: такъ В (въ пѣдиси), D и др., св. Аѳанасій (epist. fest. 39: M. gr. XXVI, 1177, 1437), Іоаннъ Златоустъ (in princ. Act. I, 3: M. gr. LI, 71), Еввалій. Это названіе будетъ уже обозначать просто „Дѣянія апостольскія“ — безъ нумерическаго опредѣленія описываемыхъ лицъ, а апостольское достоинство окажется общимъ, нарицательнымъ для всѣхъ „посланниковъ“ Евангелія, не ограниченнымъ по приложенію только къ избранному сонму приближенныхъ учениковъ Господнихъ.

Въ этомъ толкованіи есть доля вѣроятности, но едва ли ее предполагали и ничуть не выражаютъ прямо вышеприведенныя варіаціи въ греческихъ текстахъ. А затѣмъ подобное пониманіе совсѣмъ не исчерпываетъ всей глубины

предмета и потому не отвѣчаетъ предъявленному имъ требованію. Мы знаемъ, что „Дѣянія“ изображаютъ распространіе царства Христова въ мірѣ чрезъ авторитетныхъ по своему званію и уполномоченныхъ служителей Господнихъ, а таковыми были и оставались только и единственно XII тѣ „преднихъ“. Св. Лука противорѣчилъ бы самъ себѣ и набросилъ бы догматическое сомнѣніе на весь этотъ величественный процессъ, еслибы — вопреки существу задачи — сосредоточился особенно лишь на второстепенныхъ его двигателяхъ, между тѣмъ принципіально изыскивалось, чтобы тутъ выступали не просто достойные продолжатели, а неоспоримые замѣстители Христовы. Посему исторіографъ непременно долженъ былъ разумѣть Апостоловъ въ собственномъ и строжайшемъ смыслѣ, дабы оградить ходъ развитія христіанской Церкви неотразимыми удостовѣреніями, что распространіе и утвержденіе благовѣстія Христова совершались по его нормамъ, въ его духѣ и силѣ. Заглавіе книгъ и должно констатировать со всею категоричностью, что это — истинно „Дѣянія самихъ Апостоловъ“, приближенныхъ ко Христу и лично Имъ посланныхъ на вселенскую проповѣдь. Сколько изъ нихъ живописуются и какіе подвиги рисуются? — тутъ совсѣмъ иной вопросъ. Важность не въ количествѣ, а исключительно въ самомъ принципѣ, что дѣло Христово строилось руками вѣрныхъ рабовъ Христовыхъ. Именно такая идея господственно занимала мысль писателя, почему онъ пунктуально сообщаетъ о восполненіи лика XII-ти и въ кандидаты на мѣсто отпавшаго Іуды допускаетъ только „одного изъ тѣхъ, кто находились при нихъ во все время, когда пребывалъ и обращался съ ними Господь Іисусъ, начиная отъ крещенія Іоаннова до того дня, въ который Онъ вознесся отъ нихъ, былъ вмѣстѣ съ ними свидѣтелемъ воскресенія Его“ (Дѣян. I, 21—22). По этой причинѣ и самое избраніе совершилось изволеніемъ Духа по жребію. Но разъ тутъ все сводится къ наглядному оправданію принципіальнаго тезиса, то въ его конкретномъ фактическомъ раскрытіи состояла и вся исторіографическая задача. Для нея нимало не требовалось, чтобы зарегистрированы были всѣ дѣянія всѣхъ, какъ этого не нужно было и для Евангелій, по заявленію св. Іоанна Богослова (XXI, 25; XX, 30). Необходимымъ оказывалось единственно то, чтобы апостольская исторія была изображена соотвѣтственно внутренней ея цѣли, а послѣдняя сводилась къ Евангельскому возвѣщенію въ Іерусалимѣ, во всей Іудеѣ и Самаріи и даже до края вселенной (Дѣян. I, 8). Поелику въ началѣ особенно выдѣляется Апостолъ Петръ, — отсюда вполне естественно, что ему и посвящено здѣсь наибольшее вниманіе, при чемъ молчаніе о другихъ достаточно убѣждаетъ, что они тоже подвизались въ оди-

наковомъ духѣ, хотя бы менѣ замѣтно и не столь отвѣтственно; разсказъ о нихъ не прибавлялъ бы ничего существеннаго, загромождая книгу разнороднымъ фактическимъ матеріаломъ и этимъ даже затемняя нѣсколько доминирующую идею. Во второй и бѣльшей части Дѣяній всюду рисуется предъ нами св. Павелъ, не принадлежавшій къ сонму XII ти. Устроениемъ Божиимъ ему суждено было достигнуть до „последнихъ земли“, — и въ этомъ вполне законная причина, что дальше мы читаемъ у Луки только почти о Павловомъ благовѣстничествѣ. При всемъ томъ дѣятельность Апостола исходитъ отъ „первыхъ“, регулируется ими и утверждается на согласіи съ ихъ авторитетомъ, какъ и самъ Павелъ лишь единениемъ и тожествомъ съ ними ограждаетъ свое полноправное достоинство. Будучи „сосудомъ избраннымъ“ (Дѣян. IX, 15) „ни отъ чловѣкъ, ни чловѣкомъ, но Исусъ Христомъ и Богомъ Отцемъ“ (Гал. I, 1), онъ все-таки исполнялъ всю свою великую миссію во всецѣлой солидарности со столпами Церкви, отъ нихъ получилъ санкцію „свободнаго“ служенія у язычникамъ и имъ же доставлялъ отчеты, подчиняясь общецерковной дисциплинѣ въ интересахъ христіанскаго блага. Значитъ, и тутъ мы имѣемъ дѣянія собственно апостольскія, ибо они идутъ отъ апостольскаго источника и совершаются мужемъ, несомнѣнно, апостольскимъ, хотя онъ и не былъ „самовидцемъ“ Господа въ теченіе Его земной жизни.

При такомъ пониманіи, обоснованномъ принципиально и фактически, наименованіе книги будетъ точно совпадающимъ съ ея содержаніемъ и снова показываетъ намъ, что въ ней автентично воспроизводятся труды полномочныхъ преемниковъ подвига Христова въ смыслѣ непосредственнаго примѣненія спасительнаго искупленія при созиданіи царства Божія въ мірѣ. Въ подвигахъ посланниковъ мы должны находить и видѣть осуществленіе завѣтовъ Пославшаго, поелику они безспорные Апостолы Христовы. Посему и „второе слово“ Луки — изображеніемъ апостольской проповѣди въ лицѣ ея главнѣйшихъ носителей — представляетъ намъ дальнѣйшую стадію въ историческомъ раскрытіи благодатнаго избавленія Христова. Этимъ опредѣляются

цѣль и характеръ апостольской исторіографіи.

Если вышесказанное несомнѣнно теперь съ разныхъ сторонъ, то и самая задача являлась исчерпанною, когда дѣло Христова получало совершенное развитіе и обезпеченную прочность. По существу предмета, тутъ нужно было всецѣлое фактическое закрѣпленіе завѣтовъ Господнихъ, ихъ не

искоренимое вѣдреніе въ строй міровой жизни. Разъ это достигнуто, — тогда нормальный процессъ христіанскаго процвѣтанія оказывается обеспеченнымъ по своей непрерывности и возрождающему вліянію на умы и сердца людей. Раскрыть это движеніе отъ силы въ силу — такова только и была главнѣйшая цѣль Дѣписателя. Онъ берется за трудъ лишь потому, что тутъ вопросъ идетъ о спасительномъ оживотвореніи вселенной благодатію Христовой, которая по самой своей природѣ не могла оставаться замкнутою въ себѣ и обязательно должна была обнаруживать свое божественное дѣйствіе. Естественно, что фактическое напоминаніе объ этомъ являлось всего менѣе холоднымъ и бездушнымъ фотографированіемъ, но направлялось къ тому, чтобы посредственно воспитывать читателей въ благотворномъ смыслѣ. Исторія евангельской проповѣди сама переходить въ проповѣдь и призываетъ къ подножію креста. И св. Лука ясно выражаетъ это внутреннее намѣреніе, когда книгу Дѣяній называетъ „вторымъ словомъ“ и приравнаваетъ къ „первому“, гдѣ точнымъ и безпристрастнымъ воспроизведеніемъ событій онъ желалъ достигнуть, чтобы „Феофилъ узналъ твердое основаніе того ученія, въ которомъ былъ наставленъ“ (Лк. I, 4). Здѣсь историческое изображеніе пріобрѣтаетъ глубоко назидательный характеръ, а частное посвященіе гарантируетъ распространеніе чрезъ вѣрныя руки надежнаго и авторитетнаго сановнаго магната. Разумѣется, и для сего не требовалось хронографической пунктуальности, поскольку убѣжденія утверждаются не на количествѣ фактовъ, а на ихъ принципиальномъ достоинствѣ. Тоже вполне безспорно и для апостольской исторіографіи — лишь съ перенесеніемъ персональных примѣненій на всю читающую массу. Въ этомъ пунктѣ увѣщательно-миссіонерскія стремленія Луки органически сходятся съ его объективно-историческими планами. Послѣдніе для насъ совершенно очевидны и безспорны. „Дѣянія“ прямо считаются вторымъ твореніемъ по сравненію съ Евангеліемъ и по тому самому должны продолжать его, давая намъ картину распространяющагося искупленія Христова. А оно было рассчитано на спасеніе всего міра, почему и повѣствованіе не имѣетъ нужды распространяться дальше момента утвержденія христіанства въ господствующемъ центрѣ тогдашней „вселенной“. Но, будучи исключительно дѣломъ Божиимъ, это избввленіе —соотвѣтственно своему началу— можетъ созидаться только по божественному полномочію чрезъ богоизбранныхъ совершителей. Понятно, что эта исторія является всецѣло апостольскою, поелику именно Апостолы были преемниками даровъ и служенія Господа, исполняя свою благовѣстническую миссію осуществленіемъ завѣтовъ Христовыхъ. Какъ фактически строилось на землѣ

царство Божіе средствами божественными чрезъ богопосланныхъ вѣстниковъ? — на этотъ вопросъ и отвѣчаетъ намъ обстоятельно Дѣписатель своимъ историческимъ разсказомъ, въ чемъ неотразимо убѣждаетъ

Содержаніе книги Дѣяній.

Она имѣетъ свое оправданіе въ томъ, что воскресіемъ Господа еще не закончилось спасительное промышленіе Божіе о человѣкѣ, — и на трепетное ожиданіе, „не въ сіе ли лѣто возстановляетъ Онъ царство Израилево“, слышится отъ Него рѣшительное отклоненіе подобныхъ нетерпѣливыхъ надеждъ: нѣсть ваше разумѣти времена и лѣта, яже Отецъ положи во своей власти (Дѣян. I, 6 — 7). Это скрыто въ невѣдомыхъ глубинахъ премудрости Божіей; ученикамъ же предлежало пока продолжать дѣло Учителя, — конечно, въ Его духъ и силъ. Поэтому-то въ началѣ мы и видимъ ихъ неотступно пребывающими при Господѣ и до самого момента вознесенія поучающимися касательно судебъ царства Божія, которое они должны были распространять и утверждать въ мірѣ. Для сего Апостолы были ранѣе призваны самимъ Іисусомъ Христомъ и нынѣ получили въ этомъ смыслѣ прямые повелѣнія отъ Него, но съ рѣшительнымъ условіемъ — ждать въ Іерусалимѣ „обѣтованія Отца“ для открытія своей благовѣстнической миссіи (I, 2 — 11). Въ этомъ сознаніи своего предназначенія они со смиренною молитвой приготавливаются къ столь великому подвигу и, не предвосхищая своевольно намѣреній Божіихъ, — по слову Апостола Петра, заботятся лишь о восполненіи своего сонма избраніемъ — вмѣсто Іуды — достойнѣйшаго замѣстителя, какой будетъ указанъ свыше. Это былъ Матѣй (I, 12 — 26), удовлетворявшій всѣмъ предъявленнымъ „знаменіямъ Апостоловымъ“ (2 Кор. XII, 12). Но и теперь они не активны, потому что еще не воспріяли обѣтованнаго Духа. Только въ день Пятидесятницы въ обильномъ Его изліяніи имъ сообщены были всѣ потребныя средства, — и отсель открывается ихъ благовѣстническое служеніе чудодѣйственно — успѣшною проповѣдію св. Петра, а внутреннее созиданіе формирующей Церкви обнаруживается всецѣлымъ единеніемъ ея членовъ во всемъ (II я гл.). Внѣшнее расширеніе ничуть не идетъ за счетъ внутренняго укрѣпленія и органическаго развитія, — и христіанская жизнь — покоряющимся благоуханіемъ чистоты, святости и любви — фактически способствуетъ благовѣстническому слову. Неудивительно, если затѣмъ и сила Божія совершается въ немощи человѣческой при исцѣленіи хромого въ храмѣ; не менѣе понятно, что Апостолы стараются привлечь къ ней

соплеменниковъ, рекомендуя имъ путь покаянія за свое отреченіе отъ Праведнаго и за богоубійство, для чего они должны возвратиться къ великимъ обѣтованіямъ пророческаго прошлаго, исполнившимся на воскресшемъ Христѣ (III-я гл.). Но благая воля Божія требуетъ доброй воли [человѣческой и вызываетъ инстинктивную оппозицію злой. Синедрионъ налагаетъ запретъ на уста Апостоловъ, а они съ сугубымъ дерзновеніемъ взываютъ къ Богу и преуспѣваютъ великою благодатію (IV-я гл.). Не задерживаетъ этого роста и единичное уклоненіе Ананіи и Сапфиры, поелику немедленно пресѣкается судомъ апостольскимъ, который свидѣтельствовалъ, что идеалъ Христовъ сохранялся въ неприкосновенности и теоретически и практически. Благодатный прогрессъ идетъ быстрыми шагами и преодолеваетъ всѣ преграды узъ и бичеваній (V-я гл.). Отнынѣ дѣло Божіе становилось и человѣческимъ, приобретаая прочную организацію въ институтъ „семи“, которые и сами принимаютъ плодотворное участіе въ Евангельской проповѣди (VI-я гл.). Такъ изъ немногихъ членовъ постепенно составляется христіанская община съ опредѣленнымъ устройствомъ, гарантирующимъ ея земное процвѣтаніе и неослабное возрастаніе. По своему божественному существу она является грозною и опасною величиною для всего наличнаго, глубоко фальшиваго уклада, потому что желаетъ уже не просто уживаться съ нимъ, а стремится вытѣснить устарѣвшее разложеніе, замѣстить и поглотить его. Ревность Стефана, громко выразившаго эти намѣренія, открываетъ глаза начальникамъ іудейскимъ, и лютою смертію платятъ они за свою неминуемую бѣду, ничуть не отвращая ея (VII-я гл.). Основаніе положено твердое, и разрушить его невозможно. Посему и злобное противодѣйствіе фактически сопровождается экстенсивнымъ распространеніемъ благовѣстія по Іудеѣ и Самаріи. Для христіанства начинается новая эра обширнѣйшаго служенія по Евангельскому рвенію Апостоловъ и „діакона“ Филиппа, приобщающаго къ избранному стаду вельможнаго евнуха изъ далекой Этіопіи (VIII-я гл.).

Все предрекаывало, что скоро благовѣстіе должно открыться предъ лицомъ всего свѣта, не стѣсняемое національными и географическими рамками. И въ это время Господь предуготовляетъ Себѣ достойный сосудъ благодати обращеніемъ къ своему имени „гонителя“ Савла (IX, 1 — 30) и обезпечиваетъ просторъ для его вселенской миссіи предвареніемъ ея въ провозглашеніи Евангелія въ Палестинѣ (IX, 31 — 43) и — особенно — чрезъ призваніе Корнилія (X-я гл.). Крещеніе язычника — помимо вратъ прозелитизма — было тогда необычайнымъ фактомъ, возбуждившимъ большія недоумѣнія даже во св. Петрѣ, но тутъ была такая принудительность божественнаго повелѣнія, что всѣмъ при-

шлось согласиться: убо и языкомъ Богъ покаяніе даде въ животъ (XI, 1 — 18). Такъ открывалось мѣсто для созданія чисто языческой Церкви, которая и дѣйствительно возникаетъ скоро въ Антиохіи Сирійской и — трудами Варнавы и Савла — достигаетъ такого вліянія и настолько цвѣтущаго состоянія, что входитъ въ общеніе съ Іерусалимскою и помогаетъ ей въ матеріальныхъ затрудненіяхъ (XI, 19 — 30). Между тѣмъ и тамъ, несмотря на тиранническое преслѣдованіе свѣтской власти, слово Божіе росло и множилось, (XII-я гл.), — и это служило явнымъ значеніемъ его всепоѣждающей благодатной мощи. Понятно, что теперь и нужно было предоставить ему всецѣлый просторъ, почему, согласно божественному внушенію, въ Антиохіи составляется планъ обширнаго миссіонерскаго путешествія, официально возложеннаго на Варнаву и Савла. Они, „бывъ посланы Духомъ Святымъ“, проходятъ Кипръ, Памфилію и Ликадонію и — съ радостнымъ чувствомъ благословеннаго успѣха — возвращаются обратно (XIII — XIV-я гл.).

Опытъ этой миссіонерской практики былъ поразительный. Благовѣстники неизмѣнно держались принципа, что спасеніе предложитъ первѣе всего Израилю, а потому всегда и преимущественно апеллировали къ іудеямъ и старались дѣйствовать черезъ синагогу. Но при этомъ со всею неотразимостью выяснилось, что „огрубѣло сердце людей сихъ и ушами они тяжко слышатъ“. Евангельская проповѣдь чаще вызывала въ нихъ раздраженіе и злобу, язычники же принимали ее съ пламенною готовностію и всюду обнаруживали плоды вѣры. Не предвѣщая судьбы народа Божія, можно было съ несомнѣнностію утверждать, что — пока и въ массѣ — эллинская почва и болѣе нуждалась и лучше приспособлена для Евангелія. Это былъ величайшій фактъ христіанской исторіи. Его исключительная важность несомнѣнна уже по самому принципиальному смыслу. Оказывалось, что іудейскія прерогативы нисколько не способствуютъ скорѣйшему усвоенію христіанскаго искупленія, а языческое „безбожіе“ не мѣшаетъ глубинѣ и стремительности въ воспріятіи этихъ благъ. Отсюда вытекало съ неизбежностію, что нѣтъ необходимости налагать на эллиновъ иго іудейскаго законничества и польза евангелизаціи скорѣе требуетъ обратнаго метода. Приближался радикальный и рѣшительный кризисъ, — и христіанская мысль, естественно, останавливалась передъ нимъ въ раздумьи. Сомнѣнія немощныхъ и возраженія упорныхъ были лишь внѣшнимъ поводомъ къ авторитетному и окончательному разсмотрѣнію этого вопроса, который и былъ подвергнутъ обсужденію на Апостольскомъ соборѣ (XV, 1—34). Результатъ былъ благопріятный для язычниковъ, ибо Апосто-

ламъ угодно было не возлагать на нихъ стѣснительнаго законническаго бремени.

Здѣсь заключалось прямое благословеніе языческой миссіи, которая и раскрывается теперь во всей своей силѣ. Но еще ранѣе на этомъ поприщѣ особенно выдвигается св. Павелъ, и успѣшность его благоплоднаго дѣланія была яркимъ знаменіемъ божественнаго избранія даннаго лица на этотъ Евангельскій подвигъ со всѣми правами апостольства Христова. Естественнo, что дальше именно на немъ и сосредоточивается все вниманіе Дѣписателя, поелику „свидѣтельство“ Палестинское считается законченнымъ и обезпеченнымъ въ той мѣрѣ, насколько это предопредѣлено Господомъ. Однако допущеніе въ Церковь язычника не равняется еще изгнанію іудея и всего менѣе позволяетъ забывать о послѣднемъ въ миссіонерской работѣ. Поэтому и св. Павелъ сначала направляется въ прежнія области и старается не выступать за предѣлы Малой Азіи и вообще держаться Эгейскаго побережья ¹⁾. Его завѣтнымъ пунктомъ была Асія съ знаменитымъ Ефессомъ. Но Духъ не допускаетъ благовѣстника даже въ Виванію и приводитъ въ Троаду къ берегамъ желаннаго моря, за которымъ находится центръ эллинскаго блеска и языческаго мрака. Оставалось сдѣлать еще одинъ шагъ, — и все-таки великій миссіонеръ только послѣ особаго указанія садится на корабль, плывущій въ Македонію. Впрочемъ, и на этой чисто эллинской почвѣ онъ прежде всего вызываетъ къ своимъ соплеменникамъ и лишь при упорствѣ ихъ переноситъ свое слово къ язычникамъ. Въ Филиппахъ, Тессалоникѣ, Веріи — вездѣ онъ встрѣчаетъ оппозицію іудаизма и пожинаетъ богатые плоды среди эллиновъ. Аѳиняне не были ни исключеніемъ изъ этого правила, ни опроверженіемъ такого опыта. Своимъ скептицизмомъ и индифферентизмомъ они показали не болѣе того, что утонченный умъ и высокое знаніе — подобно еврейской привилегированности — не служатъ благоприятнымъ условіемъ къ полученію спасенія и по своей самодовлѣемости иногда являются препоной, хотя сами по себѣ и не содержатъ чего либо эссенціально враждебнаго. Это видно съ отчетливостію на примѣрѣ просвѣщеннаго Коринѳа, гдѣ около двухъ лѣтъ съ успѣхомъ трудился св. Павелъ. Онъ съ радостію усматриваетъ въ этомъ великое благословеніе Божіе и, не останавливаясь въ Ефессѣ спѣшить въ Іерусалимъ на праздникъ, чтобы подѣлиться своими вѣстями съ церковію матерію (XV, 35—XVIII, 22). Подкрѣпленный и ободренный братьями, св. Павелъ устремля-

¹⁾ Prof. Ad. Harnack, Die Apostelgeschichte: Untersuchungen (Leipzig 1908), S. 87.

ется теперь въ Асійскую митрополию, дабы возжечь тамъ немерцающій и неугасающій свѣточъ для всей Малой Азіи. Его трехлѣтняя дѣятельность имѣла чрезвычайное вліяніе и въ корнѣ потрясла тамъ все исконное богочтеніе. Неистовый бунтъ, поднятый среброковачемъ Димитріемъ, не могъ уничтожить слѣдовъ благовѣстнической энергіи, ибо удаляющійся Апостолъ оставилъ послѣ себя вѣрныхъ и испытанныхъ учениковъ, способныхъ и достойныхъ продолжать спасительную миссію. Самъ же онъ совершалъ благовѣстничество въ Елладѣ и Македоніи, изъ Филиппъ возвратился въ Троаду и чрезъ Милитъ моремъ достигъ Птолемаиды, откуда отправился въ Іерусалимъ (XVIII, 23 — XX, 16).

Радужный пріемъ братьевъ укрѣпилъ его духъ, и онъ не безъ удовлетворенія могъ окинуть испытующимъ взоромъ все свое благовѣстническое теченіе. Предъ нимъ возставали отрадныя картины повсюднаго оживотворенія лучами восшедшаго солнца правды, которое, разливаясь повсюду, не допускало и не терпѣло ослабленія въ силѣ и благотворности своего свѣта. Въ этомъ отношеніи были всѣ ручательства счастливаго будущаго съ полною надеждой на возрастающую экстенсивность благовѣстія Христова. Съ другой стороны, и почва оказалась весьма благодарною. Она охотно и глубоко принимала христіанскія сѣмена, которыя, естественно, должны были приносить плодъ по роду своему. Слѣдовательно, и съ этой точки зрѣнія не предвидѣлось опасности, а въ такомъ случаѣ было несомнѣнно, что здѣсь Евангеліе насаждено прочно, и все дѣло теперь въ продолженіи, достаточно безспорномъ по множеству вѣрныхъ учениковъ. Нужно было искать новаго поприща и при томъ въ спеціальному мѣстѣ, чтобы оно было центральнымъ для обширнѣйшихъ областей и служило удобнымъ средоточіемъ для христіанской миссіи. Въ этихъ интересахъ св. Павелъ уже давно рѣшилъ, что ему подобаешь и Римъ видѣти (XIX, 21). Это значило обратить гражданскую столицу тогдашняго міра въ митрополию христіанской евангелизаціи, воздѣйствовать чрезъ вѣчный городъ по всѣмъ концамъ земли и постепенно преобразовать весь порядокъ жизни. Тогда наступило бы всецѣлое увѣнчаніе апостольскаго подвига. Но если и прежде всякій моментъ миссіонерскаго расширенія совершался по волѣ Божіей, то тѣмъ болѣе подобное грандіозное предпріятіе не могло строиться на однихъ человѣческихъ соображеніяхъ. Такъ и вышло фактически — вопреки всѣмъ обычнымъ расчетамъ. По совѣту предстоятеля Іерусалимской церкви, Апостола Іакова, и для устраненія іудаистическихъ подозрѣній и злоупотребленій — св. Павелъ принимаетъ участіе въ назорейскомъ обѣтѣ; однако этотъ актъ благожелательнаго

снисхожденія вызвалъ лишь бурный мятежъ. Критическое напряженіе уже достигало крайней остроты, и христіанскіе вожди стремились разрѣшить его въ пользу независимаго Евангелія, показавъ на примѣрѣ его глашатая, что оно ничуть не ведетъ къ ренегатству и отверженію Израильскихъ обѣтовъ и благочестивыхъ религіозныхъ обычаевъ. Этимъ у враговъ отнималась послѣдняя опора для благовидной борьбы, и они, предвидя свою гибель, поспѣшили устранить ее бунтарскимъ способомъ. Въ этомъ вся разгадка неожиданнаго и рокового эпизода. Апостолъ попадаетъ въ крѣпость и мужественно защищается предъ синедріономъ, причемъ Богъ открываетъ ему, что такимъ именно путемъ осуществится его великое намѣреніе „свидѣтельствовать и въ Римѣ“. Преступный замыселъ іудеевъ вынуждаетъ тысяченачальника препроводить арестованнаго изъ Іерусалима въ Кесарію, гдѣ изъ-за проволокъ алчнаго Феликса онъ томится два года. При Фестѣ процессъ повернулся быстро, но св. Павелъ, какъ римскій гражданинъ, потребовалъ непосредственнаго суда Кесаріева и, исповѣдавъ свою вѣру предъ Агриппой и Вереникой, былъ отправленъ въ Италію. Узы тяжелые содѣйствовами Апостолу къ обнаруженію нечистоты его враговъ и дали ему немало случаевъ и поводовъ возвѣститъ имя Христово предъ тѣми, кто фактически не могъ, или не хотѣлъ и не расположенъ былъ слушать объ этомъ. Долгое и опасное плаваніе тоже не лишено было проявленій силы и милости Божіей чрезъ св. Павла, почему онъ прибылъ въ Римъ не безъ доброй для него рекомендаціи со стороны сотника предъ высшимъ начальствомъ. И „воевода“ сразу позволилъ узнику жить особо при охранѣ одного воина. Свобода слова осталась за нимъ всецѣло, — и онъ немедленно дѣлаетъ попытку привлечь іудеевъ къ „надеждѣ Израилевой.“ Косность соплеменниковъ снова обнаружила предъ Апостоломъ, что „спасеніе Божіе послано язычникамъ“. И, безъ сомнѣнія, эта увѣренность его вполне оправдалась, когда въ теченіе двухъ лѣтъ онъ всѣмъ приходящимъ проповѣдывалъ царство Божіе и училъ о Господѣ Іисусѣ Христѣ со всякимъ дерзновеніемъ невозбранно (XXI, 18—XXVIII, 31).

Завѣтная цѣль стремленій св. Павла была достигнута, а вмѣстѣ съ этимъ естественно прерывается и повѣствованіе о немъ, показывая своею идейною и литературною закругленностію

фактически-художественный объективизмъ изображенія и законченность книги Дѣяній.

Всматриваясь въ движеніе дѣписательскаго разсказа, мы не можемъ не замѣтить въ немъ строгой послѣдовательно-

сти и гармонической преемственности въ расположеніи отдѣльныхъ моментовъ при единствѣ основной идеи, проходящей черезъ все писаніе. Рѣчь идетъ о вліяніи христіанства, какъ возрождающей и всепобѣждающей силы, — и мы съ необходимостію ожидаемъ изображенія источниковъ и свойствъ ея, внутренняго строенія и внѣшняго облика. Это и дается намъ на самыхъ первыхъ страницахъ книги Дѣяній. Но эта сила — абсолютно спасительная и потому органически требуетъ приложенія къ другимъ для проявленія своей мощи и для сохраненія своего природнаго достоинства. Соотвѣтственно сему она и фактически сразу же начинается работать въ указанномъ направленіи. Ближайшее и наиболѣе сродное, конечно, бываетъ первѣйшимъ объектомъ ея активности, а спасительность предохраняетъ отъ насильственнаго притѣсненія и нагнетательнаго подчиненія. И мы знаемъ, что христіанство прежде всего обращается къ іудейству и все время старается не прерывать связей съ нимъ. Однако упорное противоборство всегда вызываетъ отклоненіе энергіи въ иную сторону, гдѣ она находитъ подходящий матеріалъ, чтобы въ благопріятной сферѣ развернуться во всемъ блескѣ и величіи. Натурально, что — по причинѣ оппозиціи Израиля — Евангеліе переходитъ за черту Іерусалима и постепенно прокладываетъ себѣ путь въ міръ языческой, дабы потомъ пріобрѣсти тамъ исключительное господство. Въ общемъ и существенномъ — предъ нами рисуется картина проповѣданія іудейскаго и языческаго, и отсюда двѣ главнѣйшія части повѣствованія, живописующія 1) борьбу за іудеевъ, ради обѣтованно обезпеченной имъ евангелизаціи (I—XV, 34), и 2) побѣду благовѣстія въ язычествѣ (XV, 35 сл.). Если же обоснованный разрывъ съ съ родною средой невозможенъ безъ усерднаго, хотя бы и горькаго, опыта и если успѣшнаго перенесенія на чужую почву не бываетъ безъ предварительной подготовки, то эти стадіи не менѣе необходимы въ изображеніи, чѣмъ и въ жизни. Такъ получаемъ въ первой половинѣ два отдѣла, представляющіе устроеніе церкви Палестинской (I — VIII, 4) и постепенное перенесеніе христіанской проповѣди къ народамъ языческимъ (VIII, 5 — XV, 34). Послѣднее случилось, разумѣется, потому, что элліны оказались особенно воспріимчивыми къ Евангельскому слову и его благодатному вліянію. Тогда именно между ними благовѣстіе и развивается съ поразительною напряженностію, которая — при данныхъ условіяхъ — обязательно достигаетъ свойственнаго торжества. Понятно теперь, что и языческая миссія раскрывается въ двухъ періодахъ 1) утвержденія (XV, 35 — XXI, 16) и 2) окончательнаго торжества (XXI, 17 сл.). Теченіе христіанской исторіи до точности совпадаетъ съ заповѣдію Спасителя, чтобы Апостолы были свидѣтелями Ему въ Іеру-

салимъ и во всей Іудеѣ и Самаріи и даже до края земли (I, 8). При всемъ томъ это не есть намѣренное и тенденціозное приспособленіе писателя ко взятой формулѣ, поелику все покоится на самомъ свойствѣ разсматриваемаго явленія, въ которомъ всѣ моменты непременно должны слѣдовать именно въ этомъ порядкѣ. Можно сказать, что историческія событія располагались согласно обътованію Господа и смотрѣть на это съ разныхъ точекъ зрѣнія, но рѣшительно нельзя отказать исторіографу въ полнѣйшемъ и нелицемѣрномъ объективизмѣ. Въ этомъ отношеніи св. Лука всячески безупреченъ, разъ онъ только раскрываетъ и показываетъ истинную сущность предмета. Такимъ способомъ съ безусловною безспорностію оправдывается и его специальная цѣль, коренящаяся во внутреннѣйшей глубинѣ воспроизводимого историческаго событія. Спасеніе Божіе совершается лишь волею и силою Божіей: — этотъ тезисъ съ ослѣпительною яркостію освѣщается у Дѣписателя, поскольку у него мы съ наглядностію видимъ, что все происходитъ совершенно верховнымъ планамъ. Божественное въ своемъ основаніи и Основатель, — христіанство оказывается одинаково божественнымъ и въ своемъ распространеніи, какъ несомнѣнно и то, что оно чуждо всякаго эгоизма — даже въ смыслѣ самосохраненія, преисполнено безграничной благостности и потому немедленно начинаетъ функціонировать вездѣ со свойственною животворностію.

Но въ такомъ случаѣ должно быть здѣсь и повсюдное божественное посредничество, потому что человеческое, само по себѣ, не въ состояніи создавать и нормировать Божіе. Въ равной мѣрѣ очевиденъ и этотъ факторъ по достоинству самыхъ дѣятелей на всѣхъ ступеняхъ первохристіанскаго развитія. Преемство искупительнаго служенія было вручено Апостоламъ, а имъ предстояло привлечь къ благодати іудейство и язычество. Значитъ, въ обоихъ пунктахъ требуется апостольское верховенство. И на первыхъ порахъ всюду предносится намъ величественная личность св. Петра, сильнаго въ словѣ и въ дѣлѣ, полагающаго основаніе, обезпечивающаго продолженіе, отыскивающаго новые пути, направляющаго и благословляющаго подвиги другихъ. Безъ его соизволенія не совершается ничего, и вмѣстѣ съ Іоанномъ онъ низводитъ Духа Св. на обращенныхъ Самарянъ и обходитъ окрестныя области. О прочихъ Апостолахъ мы слышимъ мало, но для насъ принципиально и единственно важно, что не отмѣчается ни малѣйшихъ разногласій, почему мы вынуждены думать, что благовѣстники работали солидарно, усердно и успѣшно. Итакъ: исключительное апостольское участіе въ этой сферѣ удостовѣрено съ фактическою неотразимостію. Тоже истинно и для эллинской евангелизаціи. Она предваряется въ крещеніи

Корнилія св. Петромъ и зарождается въ Антиохіи по авторитету и подъ контролемъ Іерусалимскаго братства (Дѣян. XI, 22 сл.). Очевидно, его одобреніе необходимо мыслится и въ развитіи языческой миссіи чрезъ Варнаву и спеціально пригласеннаго Савла и громко сказывается въ соборно-апостольскомъ признаніи ея совершенной равноправности съ Палестинско іудейскою. Потомъ она почти цѣликомъ переходитъ въ руки св. Павла, для котораго уже самыя обстоятельства призванія свидѣтельствовали о его божественномъ посланничествѣ, тождественномъ по достоинству съ апостольствомъ „преднихъ“. Поэтому-то и *de facto* у него существовало непрерывное и тѣсное общеніе съ „самовидцами“, — и душой и сердцемъ они участвовали въ его подвигѣ. Слѣдовательно, и съ этой стороны безспорно божественное посредничество въ эллино-христіанскомъ благовѣстіи чрезъ апостольство Христово. Дѣйствительность гармонически отвѣчаетъ своей внутренней идеѣ и раскрываетъ ее, сама утверждаясь на этомъ въ своей нормальной реальности.

Здѣсь опять находитъ свое незыблیمое оправданіе главнѣйшая тенденція св. Луки — показать апостольское строеніе христіанской исторіи въ ея распространеніи по міру языческому. И опять эта законченность пріобрѣтается совѣмъ не искусственно, ибо не идетъ въ разрѣзъ съ фактическимъ положеніемъ вещей, а прямо и всецѣло вытекаетъ отсюда. Въ этой истинѣ наглядно убѣждаетъ самое свойство событій, что они во всемъ вѣрны себѣ, всегда выражаютъ свою норму, бываютъ именно тѣмъ, чѣмъ должны быть. Правда, весь рассказъ группируется тутъ около двухъ лицъ — Апостола Петра и св. Павла, — и они доминируютъ надъ всѣмъ и въ жизни, и въ ея изображеніи. Таковъ обычный пріемъ всей древней и наилучшей исторіографіи, что она преимущественно сосредоточивается на отдѣльныхъ выдающихся фигурахъ и къ нимъ стягиваетъ все многостороннее движеніе во всѣхъ его фактическихъ перипетіяхъ. Своимъ повѣствованіемъ такого характера Дѣписатель только лишній разъ подтверждаетъ свою исконную славу широко просвѣщеннаго и литературно образованнаго человѣка, владѣющаго достаточными запасами и хорошою техникой исторіографическаго творчества, высокаго по изящно-правильному стилю и по научной обработкѣ матеріала. Впрочемъ, и въ этомъ отношеніи онъ далекъ отъ искусственной тенденціозности и значительно превосходитъ своихъ „свѣтскихъ“ предшественниковъ: у послѣднихъ не рѣдко замѣчается насильственность повѣствовательной концентрации съ незаконнымъ возвышеніемъ однихъ героевъ и несправедливымъ униженіемъ другихъ до безслѣднаго вытѣсненія народныхъ массъ, играющихъ лишь безличную арие-

метическую роль, а у Луки нѣтъ ничего подобнаго даже въ приблизительной степени. Мы видимъ тамъ вѣрующихъ (Дѣян. II, 44. III, 32. V, 14), которые взаимно бываютъ „братьями“ между собою, не исключая Апостоловъ (VI, 3. XI, 1, 29. XII, 17. XV, 7, 13, 32, 33, 36. XVII, 10, 14. XVIII, 27. XXI, 7, 17, 20. XXVIII, 14, 15), крайне рѣдко слышимъ объ учителяхъ (XIII, 1), какъ и о друзьяхъ (XXVII, 3), за-то постоянно встрѣчаемъ собраніе учениковъ (I, 15 — 16. VI, 1, 2. IX, 26. XI, 26, 29. XV, 10. XVI, 1. XVIII, 27. XIX, 1, 9, 30. XX, 1, 7. XXI, 4, 16), которые во всѣхъ церковныхъ дѣлахъ активны не менѣе пресвитеровъ (XI, 30. XV, 2, 4, 6. XXII, 23). Это — органически сплоченное и неразрывное братство, служащее не просто фономъ или механическимъ орудіемъ для руководителей, а ихъ основою и опорой. Въ этой перспективѣ, Петръ и Павелъ являются лишь *primi inter pares*, ибо не имѣютъ своей собственной силы или благочестія (III, 12), но одинаково получаютъ все изъ общаго источника въ Богѣ. Поэтому, выступая впередъ по своему отвѣтственному подвигу, они ничуть не занимаютъ всей картины и рисуются на ней среди равно святыхъ по благодати (IX, 13, 32). И фактически мы повсюду находимъ ихъ въ свѣтѣ единогласныхъ и активныхъ помощниковъ на нивѣ Христовой. Тутъ — характерно иллюстрирующіе типы, тѣмъ самымъ удостовѣряющіе наличность во всемъ церковномъ организмѣ господствующаго неизмѣннаго правила. Въ нихъ наиболѣе рельефно отражается основной принципъ апостольскаго созиданія, соприсущій всѣмъ, — и вполнѣ естественно, что ихъ творческими подвигами св. Лука освѣщаетъ свое коренное, догматическое воззрѣніе, не требовавшее ни множества деталей, ни фотографической пунктуальности въ воспроизведеніи каждой мелочи. И для сего были у него всѣ фактическія данныя, поелику въ самомъ ходѣ событій выдвигались зиждательными вождами Апостолы Петръ и Павелъ. Черезъ нихъ Дѣписатель показываетъ намъ первохристіанскую исторію именно потому, что сама она реально сіяла въ нихъ по своему чисто апостольскому строенію въ духѣ священныхъ завѣтовъ и истинныхъ началъ Христовыхъ, если все это особенно воплотилось въ этихъ двухъ столпахъ, заставляя предполагать подобное и во всѣхъ остальныхъ въ качествѣ главнѣйшаго свойства достойнаго христіанина. Опять получается строгое совпаденіе цѣли и осуществленія, при чемъ исторіографическій объективизмъ обязательно долженъ способствовать и увѣщательнымъ намѣреніямъ насчетъ утвержденія чрезъ Теофила всѣхъ христіанъ въ божественномъ ученіи.

Въ результатѣ выходитъ, что христіанство обрисовано у св. Луки съ принципиальною и фактическою всесторонностію. Будучи силою божественною, — оно и возрастаетъ

божественною мощію; поскольку же послѣдняя спасительна и непреодолима, — ей покоряется вся вселенная въ своихъ основахъ. Въ двухлѣтнемъ Римскомъ проповѣданіи св. Павла, безъ сомнѣнія, точно оправдались его надежды, что — вопреки упорству іудеевъ — язычники услышатъ. Значить, теперь обнаруживалось здѣсь историческое торжество Евангелія и обезпечивалось непреходящее процвѣтаніе благодати Христовой на землѣ. Достигнувъ этого предѣльнаго пункта, Дѣписатель исчерпалъ свою догматическую задачу и немедленно прерываетъ свой рассказъ въ самый удобный моментъ. По внутреннему смыслу взятой темы ему не зачѣмъ было идти дальше, и его трудъ оказывается совершенно законченнымъ. Въ этомъ принципиальномъ наблюденіи мы приобретаемъ прочную опору для безпристрастнаго сужденія о предполагаемыхъ литературныхъ планахъ автора. Издавна высказывалась догадка, будто по образцу греческихъ историковъ св. Лука думалъ дать своимъ читателямъ повѣствовательную трилогію, и только неизвѣстныя намъ обстоятельства помѣшали задуманному ея окончанію ¹⁾. Въ новое время эту гипотезу особенно старался аргументировать и сдѣлать научною аксіомой проф. W. M. Ramsay ²⁾ не безъ успѣха ³⁾. Онъ обращаетъ вниманіе на терминъ (въ Дѣян. I 1) τὸν πρῶτον (λόγον), имѣя въ соображеніи слѣдующія особенности. По филологическимъ наблюденіямъ, санкціонированнымъ высокимъ авторитетомъ компетентнаго эллиниста Фридриха Бласса, въ Κοινῇ и въ новозавѣтномъ греческомъ языкѣ почти совсѣмъ сгладилось различіе сравнительной и превосходной степеней, почему первая стала выражаться положительною формой, и — значить — πρῶτος употреблялось вмѣсто и съ энергіею πρότερος. При такомъ пониманіи Дѣянія будутъ просто позднѣйшею книгой по сравненію съ предшествоющею въ Евангеліи, какъ раннѣйшемъ трудѣ св. Луки, и своимъ арифметическимъ счетомъ вовсе не требуютъ продолженія. Въ этомъ случаѣ триадологическая идея падаетъ сама собою. Но мы должны согласиться съ Рэмсеемъ, что констатированное филологическое обобщеніе далеко не абсолютно и допускаетъ зна-

¹⁾ Такъ, напр., Credner, Ewald, Meyer, Jacobsen, Fr. Spitta, И. И. Николіинъ (стр. 338).

²⁾ St. Paul the Traveller and the Roman Citizen (London 1896), p. 27—28.

³⁾ См. Prof. Th. Zahn. Einleitung in das N. T. II, S¹ 369—371; ²375 — 377. Th. Vogel, Zur Charakteristik des Lukas..., S²48. Сходно и Privatdor. Arnold Rüegg, Die Lukasschriften und Raumzwang des antiken Buchwesens въ „Studien und Kritiken“ 1896, I, S. 95, 101.

чительныя ограниченія, а тогда и стиль Іоанна Богослова нельзя прямо примѣнять къ Дѣписателю. Вѣрно, что въ рѣчи Стефана *πρῶτον* (VII, 12) равняется *πρότερον* и по-славянски передано чрезъ „первѣ“, однако это могло быть взято *verbatim* изъ евраистическаго источника. Наряду съ этимъ не менѣе несомнѣнно, что Апостолъ Павелъ, многократно пользующійся положительною степенью употребляетъ *πρότερον* (2 Кор. I, 15.) Евр. IV, в. VII, 27), *τὸ πρῶτον* (Гал. IV, 13. 1 Тим. I, 13), *τὴν προτέραν ἀναστροφὴν* (Еф. IV, 22), *τὰς πρότερον ἡμέρας* (Евр. X, 32), и его спутникъ утилизируетъ порядковое *πρῶτος* въ обычномъ смыслѣ какъ въ Дѣянїяхъ (см. особенно XII, 10 *διελθόντες δὲ πρῶτην φυλακὴν καὶ δευτέραν*), такъ и въ Евангелїи (II, 2. XI, 26. XIII, 30. XIV, 18. XVI, 5. XIX, 16. XX, 29). Тогда ничто не препятствуетъ видѣть въ *τὸν πρῶτον λόγον* „первое слово“, которое по своему названію было бы непонятно, еслибы не предполагало своего продолженія. Но послѣднее ариѳметически могло быть безграничнымъ, а это въ отношенїи литературной человѣческой работы было бы совершеннымъ абсурдомъ и фактически невысказуемо. Посему необходимо признать общепринятую для подобныхъ произведеній продолжаемость, и такую для историческихъ трудовъ была трилогія. Въ этомъ случаѣ Дѣянїя оказываются второю книгой, которая слѣдуетъ за первой и отсылаетъ къ третьей, согласно исторїографической практикѣ и нормѣ. Все это правильно теоретически, но ничуть не принудительно для Луки ¹⁾, поскольку не было абсолютнымъ, для каждаго непрѣмнымъ закономъ. По этой причинѣ мы должны уступить, что филологически совсѣмъ не утверждается, будто авторомъ сразу задумано было третье слово въ качествѣ обязательной части. *Τὸν πρῶτον (λόγον)* всецѣло смотритъ назадъ, а не впередъ, и дѣлаетъ единственно вѣроятнымъ, что историческое повѣствованіе Луки было надписано *Ὁ δευτέρος λόγος*. Несомнѣнно, что рассказъ Дѣписателя прерывается для насъ неожиданно, и мы ждемъ и страстно желали бы дальнѣйшихъ сообщеній о судьбѣ св. Павла. Должно прибавить къ сему, что это лишь наше субъективное влеченіе естественной любознательности, но ею мы не въ правѣ соизмѣрять богодухновенную новозавѣтную письменность. Въ этомъ отношенїи, она представляетъ чрезвычайно характерныя особенности, устраняющія всѣ наши нетерпѣливые запросы. Настоящей біографїи мы не имѣемъ ни объ одномъ изъ Апостоловъ и отрывочныя свѣдѣнія передаются сухо и мимоходомъ по

¹⁾ О *πρῶτος* и *πρότερος*, сравнительной и превосходной степени у Луки см. и „The Expositor“ 1904, VIII, p. 133.

разнымъ случайнымъ поводамъ. Кромѣ Іакова Зеведеева — нѣтъ хотя бы бѣглою замѣтки о кончинѣ ихъ во всѣхъ новозавѣтныхъ памятникахъ, и даже объ Іоаннѣ Богословѣ не сказано, гдѣ, когда и какъ онъ „прославилъ Бога“ тою смертію, какая была предвозвѣщена ему самимъ Господомъ. Глухое и — часто — темное и противорѣчивое преданіе: — вотъ нашъ главнѣйшій, почти исключительный источникъ въ данной области. По всему видно, что въ апостольскую эпоху мало интересовались личными событіями въ жизни благовѣстниковъ, такъ что и рано возникшая пытливость по этому предмету (напр., у Папія и Игизиппа) уже была не въ состояніи восполнить громаднѣйшихъ пробѣловъ на этотъ счетъ опредѣленными штрихами. Въ общемъ традиція всегда опирается на новозавѣтные намеки и только развиваетъ и разукрашиваетъ ихъ. Въ рѣшительный контрастъ сему апокрифическая литература изобилуетъ біографически-легендарными подробностями и иногда всецѣло исчерпывается ими. Ясный знакъ, что біографическая детальность совсѣмъ не интересовала священныхъ писателей. И не трудно, кажется, угадать существенную и благословенную причину. Новозавѣтные авторы изображаютъ основаніе, распространеніе и утвержденіе на землѣ царства Божія. И фактически и по своей идеѣ — послѣднее было всецѣлымъ дѣломъ Божиимъ, гдѣ всякое человѣческое участіе являлось вторичнымъ, посредствующимъ и способствующимъ, творящимъ повелѣнное, но ничего не производящимъ своими силами и заслугами. Индивидуальный элементъ необходимо и неизбѣжно ступеньковался чуть не до полного устраненія, чтобы тѣмъ ярче выступала во всемъ воля Божія, совершающаяся въ немощи человѣческой. Послѣдняя служить только агентомъ силы Божіей и захватывается лишь по связи съ нею, а никакъ не болѣе и не далѣе. Съ этой точки зрѣнія, продолженіе разсказа о великомъ Апостолѣ языковъ было и излишне и не нужно для благовѣстническаго дѣла. Сколько мы знаемъ по Пастырскимъ посланіямъ, — послѣдующее служеніе его было посвящено охраненію и расширенію прежняго, которое раскрылось вполне и заложило прочныя и незыблемыя основы для нормальнаго развитія жизни церковной по заветамъ Христовымъ. Въ такомъ случаѣ этотъ періодъ носилъ больше личный характеръ и прямо подпадалъ формулѣ св. Іоанна Златоуста: *εἰ καὶ Πῦλος ἦν, ἀλλ' ἄνθρωπος ἦν*.

Понятно теперь, что своею богодухновенною мыслію Дѣеписатель всего менѣе располагался къ изданію воображенной третьей книги, — и ея, вѣроятно, не существовало даже въ проектѣ ¹⁾. Тогда будетъ несомнѣнною и закончен-

¹⁾ См. еще Ant. Beck, Der Prolog des Lukas-Evange-

ность Дѣяній. Они имѣють цѣлю изобразить повсюдное распространѣніе божественнаго спасенія по плану божественному и въ совершенствѣ достигаютъ этого результата чрезъ объективное воспроизведеніе апостольской проповѣди до мірового центра въ Римѣ, Господу поспѣшующую, и слово утверждающую послѣдствующими знаменами (Мрк. XVI, 20).

Это гармоническое совпаденіе идеи и осуществленія лучше всего удостовѣряетъ

Единство автора книги Дѣяній съ устраненіемъ гипотезъ о механической компилятивности писанія изъ разныхъ источниковъ ¹⁾.

Самая мысль о послѣднихъ не должна казаться странною или произвольной. Свящ. авторъ не разъ отгѣняетъ свое непосредственное участіе въ событіяхъ чрезъ форму „мы“²⁾, и тутъ невозможно усматривать (вмѣстѣ съ Baur, Zeller, Overbeck и др.) простой литературный приѣмъ въ виду живости этихъ повѣствованій и безспорной добросовѣстности составителя. Этимъ, какъ будто, выдѣляется его личное знакомство отъ вторичнаго, пріобрѣтеннаго чрезъ разныя пособія. Да и само по себѣ недопустимо, чтобы повѣствователь присутствовалъ при всѣхъ обозрѣваемыхъ актахъ, почему вопросъ о соотвѣтствующихъ поручителяхъ возникаетъ съ необходимостію. Затѣмъ и въ обработкѣ матеріала легко усмотрѣть различную его группировку около нѣсколькихъ выдающихся личностей, откуда произвольно рождается догадка объ отдѣльныхъ біографическихъ опытахъ, своеобразно скомбинированныхъ компиляторомъ. Легко понять, что это было чрезвычайно удобнымъ орудіемъ для критики въ ея тенденціозныхъ построеніяхъ первохристіанской

liums (Amberg 1900), S. 42. Prof. Joh. Evang. Belser, Einleitung in das N. T., S. 126—127. Prof. Ad. Harnack, Die Apostelgeschichte, S. 50. Prof. James Moffatt, An Introduction, p. 286.

¹⁾ Сжатое изложеніе этого вопроса см. въ статьѣ проф. Otto Zöckler'a, Die Apostelgeschichte als Gegenstand höherer und niederer Kritik въ „Greifswalder Studien“ (Gütersloh 1895), S. 109 ff. Ср. И. П. Николинъ, Дѣянія святыхъ Апостоловъ, стр. 1 сл. Проф. Д. И. Богдашевскій (архiep. Василій), Опыты по изученію Священнаго Писанія Новаго Завѣта, вып. II: Книга Дѣяній Апостольскихъ (Кіевъ 1911), стр. 46 сл.

²⁾ Prof. Ad. Harnack, Die Apostelgeschichte S. 302.

эпохи, и она воспользовалась столь благодарным средством съ такимъ усердіемъ, что ея исторія въ отношеніи книги Дѣяній кажется страшною исторіей страданій ¹⁾. Приведемъ главнѣйшее, чтобы описовались основныя линіи и существенныя теченія.

Уже Königsmann (въ Pott's Sylloge commentt. III: De fontibus commentarium sacrorum, qui Lucae nomen praeferunt etc. 1798) — по аналогіи съ первою частію старался расчленивъ и вторую, а J. C. Riehm (De fontibus Actuum apostolorum, Trajecti 1821), усвоив послѣднюю Лукѣ, находилъ въ той многочисленныя источники. Наука вступала чрезъ это на соблазнительно скользкій путь гипотезъ и мечтаній когда Schleiermacher (см. у Prof. Th. Zahn, Einleitung in das N. T. II, S. 441:1) подъ „мы“ предположилъ Тимофея, не совпадающаго съ редакторомъ, который сводилъ воедино разныя извѣстія, о чемъ онъ догадывался по пропускамъ въ разказахъ, по недостаточности связи и нѣкоторымъ противорѣчіямъ, отражающимъ дисгармонирующія пособія. E. Th. Mayerhoff (Hist. — krit. Einleitung in die Petrinischen Schriften I, Hamburg 1835) распространилъ авторство Тимофея на все писаніе и тѣмъ открылъ просторъ для отысканія матеріаловъ при работѣ этого познѣйшаго спутника Павлова. Нѣчто подобное видимъ у E. A. Schwanbeck'a (Ueber die Quellen der Schriften des Lukas I, Darmstadt 1847): „мы“ онъ отождествилъ съ Силой и окончательному издателю усвоилъ біографію Петра, риторическое сказаніе о Стефанѣ и замѣтки о Варнавѣ (IV, 36 сл.; IX, 1 — 30 и XII, 25 — XV, 4). Fr. Bleek (въ „Studien und Kritiken“ 1836), Ulrich (ibid. 1837, 1840) и W. M. L. De Wette (Kurze Erklärung der Apostelgeschichte, 1841) возвратились къ идеѣ Шлейермахера и прокладывали дорогу для Тюбингенскихъ реконструкцій съ отнесеніемъ книги Дѣяній ко II му вѣку. Даже непричастный къ этому разрушительному направленію Heinrich Ewald принималъ „іудео христіанскіе источники“ въ видѣ исторіи Петра (I — V. VIII, 5 — 40. IX, 32 — XI. 32) и исторіи Стефана — Савла (VI, 1 — VIII, 4. IX, 1 — 31). Первое призналъ и Bernhard Weiss, который производилъ частнѣйшія расчлененія и выдѣленія на основаніи критерія вѣроятности и достовѣрности (см. Einleitung in das N. T.). H. H. Wendt (въ Kritisch exegetisches Handbuch — zur Apostelgeschichte — von H. A. W. Meyer, 7-te Aufl.) засчитываетъ за „мы“ или Лукою все содержаніе съ XIII й главы и XI, 19 — 21. 27 — 28 и въ раннѣйшемъ допускаетъ письменный матеріалъ только для эпизода о св. Стефанѣ. Въ общемъ, двойственность источниковъ сначала проектировалъ и Голландская школа въ лицѣ, напр., W. E. van Manen'a (Pau-

¹⁾ Prof. Ad. Harnack, Lukas der Arzt, S. 9.

lus, I: De handeligen der apostelen, Leiden 1890), который утверждалъ, что долгое время особо ходили „Дѣянїя Петра“ (Ad. Hilgenfeld) и выросшія изъ путевого дневника „Дѣянїя Павла“, пока они не были слиты въ компактное цѣлое около 150 года. Martin Sorof (Die Entstehung der Apostelgeschichte, Berlin 1890) рѣшился ближ- характеризовать разумѣмыя пособїя: одинъ—древнѣйшій эллино-христіанскій, обязанный Лукѣ и изъ первой части обнимающій I, 1 сл., рефераты о Степанѣ, о возникновеніи Антиохійской церкви, о южно-малоазійскихъ путешествїяхъ и восполненїи къ отрывкамъ съ „мы“, которые принадлежатъ уже Тимофею и носятъ іудео-христіанскую окраску, отразившуюся и на всей композиціи книги. Такое свойство „Дѣянїй“ Paul Feine (въ „Jahrbücher für protestantische Theologie“ 1890, I; Eine vorkanonische Ueberlieferung des Lukas in Evangelium und Apostelgeschichte, Gotha 1890) объясняетъ вторженіемъ посвященнаго Петру іудео-христіанскаго іерусалимскаго сказанїя въ цѣпь эллино-христіанской повѣсти, которая вполне не нарушается лишь съ XIII-й главы. Однако и теперь оставалось неопредѣленнымъ точное взаимоотношеніе обоихъ теченій. Эту задачу взялъ на себя Friedrich Spitta (Die Apostelgeschichte: ihre Quellen und ihr geschichtlicher Wert, Halle 1891). По его мнѣнію, почти двѣ трети всего состава падаютъ на А, отличающійся живостію и правдоподобіемъ и не безъ права почитаемый произведеніемъ Луки. Но онъ сильно пострадалъ отъ внесенїя іудео-христіанскихъ элементовъ изъ В съ его пристрастіемъ къ чудесному и легендарному и стремленіемъ приравнять Петра къ Апостолу языковъ. Эта стихїя преобладаетъ въ первой части (I, 4—14, 18—19. II, 1—3, 5—6, 9 сл., 43. IV, 35 сл. V, 1—11, 17 сл., 21 сл. VI, 8b—15. VII, 1, 55 сл., 58b—60. VIII, 1—3. IX, 3—31. VIII, 5—40. IX, 36—43. X, 1—43. XI, 1—18, 22—26. XII, 1—24), но довольно замѣтна и во второй (XIII, 6—12, 44—49. XIV, 3, 8—20. XV, 1—4, 13—33. XVI, 20 сл., 24—34. XVII, 6—9. XIX, 1b—7, 11—19, 24—41. XXI, 10 сл., 20b—26. XXII, 30—XXIII, 10. XXVIII, 17—23). Такое переплетеніе обязано R=Redactor'у, произведшему свою работу не безъ искусства, пожалуй, еще до конца I-го вѣка. Эта попытка только яснѣе показала, что съ литературно критической точки зрѣнїя двухъ источниковъ для нынѣшней композиціи Дѣянїй совсѣмъ мало, ибо позднѣйшій редакторъ со своими привнесенїями оказывается безъ руководствъ и матеріаловъ. Carl Clemen (Chronologie der paulinischen Briefe, Halle 1893, S. 58—161) изобрѣтаетъ уже цѣлыхъ четыре пособїя: 1) Н. Н. = Historia Hellenistarum съ извѣстіями о Стефанѣ (VI, 9—VIII, 1b. не чуждыми позднѣйшихъ интерполяцій) и объ основанїи Антиохійской церкви (XI, 19—21, 24a, 26); 2) Н. Ре = Historia Petri, обнимающая главы I—V, вводныя въ Н. Н.

замѣчанія (VI, 7 — 8, 11 — 15. VII, 37, 60. VIII, 2), свѣдѣнія о Симонѣ магѣ (VIII, 4 — 13, 18 — 24) и обращеніи эѳіопскаго евнуха (VIII, 24 — 40); 3) Н. Ра = *Historia Pauli* съ XIII й главы, (впрочемъ, съ редакторскими прибавками), отирающаяся, главнымъ образомъ, на 4) I. Ра = *Itinerarium Pauli*, выступающій (въ XVI, 10 сл. XX, 5 сл. XXVII, 1 сл.) подъ формулою „мы“. Изъ этой реконструкціи необходимо вытекаетъ, что отдѣльныя законченныя повѣствованія не могли сплотиться сразу въ теперешнюю книгу, а должны были испытать много операций со стороны трехъ редакторовъ: а) первый R вставилъ въ „исторіи Павла“ фрагменты съ „мы“ и по мѣстамъ приукрасилъ ее эпизодами чудеснаго характера (XIV, 8 — 18. XVI, 23 б — 34. XVII, 19 — 33. XVIII, 12 — 17. XIX, 11 — 1, 15 — 41. XX, 17 сл.); б) второй Rj (*Redactor judaicus*) — между 93 и 117 годами — приложилъ немало старанія въ іудаистическомъ перекрашиваніи бывшаго текста и довольно данныхъ присоединилъ къ нему въ этомъ смыслѣ (IX, 32 — 43. X, 1 — XI, 18, XV, 1 — 4, 13 — 18, 20 — 22. XVI, 1 — 3. XXI, 20 б — 22. XXII, 1 — 16, 19 — 21. XXIII, 1 — 10. XXIV, 10 — 21. XXVIII, 16 — 24); в) на долю третьяго R (*Redactor anti-judaicus*), подвизавшагося при Адрианѣ (117 — 138 г. г.), выпало ослабить козни своего предшественника уравнивающими вставками (къ нимъ относятся IX, 1 — 31; XII, 1 — 25; нѣчто въ главахъ XIII и XIV-й; XV, 5 — 12, 19, 23 — 33, 41; XIX, 4, 6, 14. XX, 19 б, 25 — 35, 33а. XXIII, 25 — 30). Крайняя запутанность этой „чудовищной гипотезы“¹⁾ необходимо побуждала къ упрощенію, чтобы спасти, по крайней мѣрѣ, основную критическую тенденцію, — и вотъ Johann Jüngst (*Quellen der Apostelgeschichte*, Gotha 1895) снова берется за построение двухъ источниковъ — Павлинистическаго А и эѳіонитскаго В, которые при Траянѣ — Адрианѣ, въ промежутокъ времени съ 110 по 125 г., были обработаны неизвѣстнымъ R въ смыслѣ „іудаизаціи Павла“. Тѣмъ не менѣе и въ этой игрѣ съ тремя иксами было слишкомъ много искусственности, почему Ad. Hilgenfeld (въ „*Zeitschrift für wissenschaftliche Theologie*“ 1895, I, S. 65—115; II, S. 186 — 217; III, S. 384—447 и далѣе) продолжалъ — въ существенномъ настаивать лишь на Петринистическомъ пособіи первой части, Johann Weiss (въ „*Studien und Kritiken*“ 1893, S. 480 — 540; 1895, S. 252—296) зло разноситъ Клементовскую систему разныхъ редакторовъ, изъ которыхъ одинъ поправляетъ и искажаетъ другого. Н. J. Holzmann (въ *Handkommentar zum N. T.*, 2-te Aufl., I, S. 311 — 312; Jahresbericht 1893, S.

¹⁾ Такъ называетъ ее проф. Д. И. Богдашевскій (архіепископъ Василій), Опыты по изученію Священнаго Писанія Новаго Заѣта, вып. II, стр. 47, 6.

129 — 131; „D. Lit. — Zeitung“ 1895, Nz. 18) прямо называлъ неудачными всѣ эти опыты, филологъ А. Gercke („Hermes“ III, S. 373 — 392; „Göttingische Gelehrte Anzeigen“ 1894, S. 77 ff.) считаетъ ихъ „покоющимися на пескѣ“, хотя самъ Spiurочивзетъ книгу Дѣяній къ моменту не ранѣе 100-го года и цѣнитъ ее очень низко.

По этому конспективно-сжатому изложенію видно, насколько затемненъ и осложненъ вопросъ объ источникахъ Дѣписателя. Не менѣе ясно и то, что всѣ пробы на этомъ поприщѣ были безуспѣшны и остаются эфемерными доселѣ. Входить въ подробный ихъ разборъ было бы совершенно напраснымъ трудомъ, такъ какъ конкурренты въ истязаніяхъ книги Дѣяній поѣдаютъ сами себя, поскольку, напр., Юнгстъ называетъ „сверхъ искусственною“ систему Клемента, а послѣдній объявляетъ построение своего критика „истинно сверхъ-искусственнымъ“. Въ концѣ концовъ получается развѣ тотъ результатъ, что всѣ отмѣченные эксперименты фантастичны по самому замыслу и въ своемъ исполненіи лишены наиважнѣйшихъ свойствъ историческаго вѣроятія, почему намъ нѣтъ надобности беспокоиться насчетъ ихъ участи. Голландская ультра-критическая школа съ ея произвольными микроскопическими выдѣленіями и расчлененіями новозавѣтныхъ текстовъ есть живая обличающая совѣсть подобнаго направленія, разъ его буйные наскоки сопровождаются чудовищными уродствами.

Для насъ важна лишь одна принципиальная идея критическаго натиска по литературному достоинству. Въ ея оцѣнкѣ обязательно устранить всѣ субъективныя желанія и симпатіи съ наклономъ къ предзанятому отрицанію преданія вообще и сохранившагося текстуальнаго типа въ частности; — напротивъ, должно брать все писаніе въ его подлинномъ объемѣ и дѣйствительномъ значеніи. Тогда мы найдемъ, что главнѣйшею опорой всѣхъ критическихъ реконструкцій служатъ, яко бы, отсутствіе единства и связности въ цѣлой композиціи, случайность въ расположеніи частей, механическое нагроможденіе фрагментовъ неоднородныхъ и разнообразныхъ. Если это справедливо, — намъ пришлось бы заняться болѣе упрощеннымъ анализомъ, коль скоро мы не согласны со своими предшественниками. Но этой принудительности пока совсѣмъ не усматривается. Здѣсь чрезвычайно характерно то наблюденіе, что всѣ критики безъизъятно допускаютъ, будто у Дѣписателя Павлинистическій источникъ переплетается съ Петринистическимъ, и оба окрашиваются смѣшаннымъ колоритомъ. Въ такомъ случаѣ является неизбѣжнымъ выводъ, что — въ существѣ своемъ — они одинаковы по тону и совпадаютъ между собою по настроенію. А вѣдь это будетъ уже единствомъ матеріи и освѣщенія и скорѣе требуетъ единства состави-

теля, исключая множество авторовъ съ диспаратнѣми и, пожалуй, діаметральными тенденціями, поелику наличныя дисгармоніи легко объясняются различіемъ описываемыхъ предметовъ и бывшихъ подъ руками данныхъ. Въ этомъ пунктѣ критическій скептицизмъ побиваетъ самъ себя, своимъ собственнымъ крушеніемъ и косвенно подтверждаетъ традиціонную теорію. Въ его распоряженіи остается теперь лишь фактъ группировки событій около личностей Петра и Павла и разности въ ихъ индивидуально-благовѣстнической обрисовкѣ. Но послѣднее совсѣмъ несогласно съ критическою догмой о нивеллировкѣ обоихъ Апостоловъ и свидѣлствуетъ о внутренней противорѣчивости всего натравленія. Вообще же отмѣченный моментъ литературно-фактической двойственности неоспоримъ, и его никто не отвергаетъ. Вопросъ весь въ томъ, почему именно слѣдуетъ отсюда — по крайней мѣрѣ — двойство источниковъ, идущихъ отъ двухъ авторовъ и выражающихъ два первохристіанскія теченія? Намъ говорятъ, что въ началѣ преимущественно выдвигается фигура Петра, а это допустимо лишь въ спеціальной его біографіи. Тоже свидѣлствуется и о второй части въ отношеніи Павла. Но пусть это будетъ искусственнымъ литературнымъ приѣмомъ: — мы знаемъ, что, будучи тогда общепринятымъ научнo, онъ вполне объясняется и оправдывается господствующею идеей книги, гдѣ раскрывается принципъ неизмѣннаго и повсюднаго апостольскаго верховенства при распространеніи христіанства въ іудействѣ и въ язычествѣ. Въ этихъ интересахъ самъ писатель могъ такимъ образомъ расположить свой матеріалъ, потому что это было нужно ему по существу задачи. Что касается искусственности, то и она будетъ совершенно сомнительнымъ предубѣжденіемъ до тѣхъ поръ, пока не аргументируютъ съ неотразимостію, что Апостоль Петръ не былъ главнѣйшимъ двигателемъ первохристіанской общины и что эллинская миссія не обязана подвигамъ св. Павла, потрудившагося здѣсь больше всѣхъ собратьевъ. Критика и тутъ обличаетъ свою неправоту, рѣзко отгѣняя контрастъ между этими благовѣстническимъ столпами и тѣмъ удостовѣряя, что — каждый на своемъ поприщѣ — они дѣйствительно были впереди всѣхъ и въ словѣ и въ дѣлѣ. По силѣ этого безспорно, что явленія изображаются у Луки исторически ооъективно, а это предполагаетъ одного безпристрастнаго составителя, пользовавшагося надежными свѣдѣніями и собственными наблюденіями.

Вмѣстѣ съ этимъ подрываются всѣ опоры для критической фантастики, неудачныя построенія которой только убѣждаютъ въ единствѣ книги Дѣяній. Наглядное и неотровержимое тому доказательство представляетъ ея

ЯЗЫКЪ,

спеціально разсмотрѣнный со стороны отношенія къ третьему Евангелію у J. Friedrich'a ¹⁾ и филологически освѣщенный у проф. Фр. Бласса ²⁾. Въ Дѣянїяхъ повсюду господствуетъ у самого автора Κίνη или Ἑλληνική δι λεκτος, не совпадающій съ аттическимъ древнимъ и позднѣйшимъ, но и не безусловно чуждый имъ, а послѣдній является даже главнѣйшимъ его элементомъ ³⁾. Эта эллинистическая рѣчь знаменуетъ собою немалое паденіе по сравненію съ аттической. Всѣ тонкіе штрихи были утеряны, и детальная композиція не могла быть scrupulösно-художественною при отсутствіи прежняго богатства всякихъ тоновъ для самыхъ мельчайшихъ переливовъ.

На этомъ фонѣ замѣтно выдѣляются большимъ совершенствомъ третье Евангеліе и книга Дѣянїй и изъ нихъ вторая — по сужденію проф. Фр. Бласса (р. 18) — ἑλληνικώτερος, что аргументируется ad exempla ссылкой на изящную комбинацію частицъ τέ καί δέ ⁴⁾. Въ этомъ смыслѣ филологически подтверждаются тожество обоихъ писателей и единство языка у священнаго исторіографа. Стараясь ослабить послѣднее заключеніе указаніемъ на различіе слога въ первой и во второй части, но это несомнѣнное явленіе имѣетъ свой корень въ отличительныхъ особенностяхъ самыхъ изобразяемыхъ вещей, поскольку въ началѣ повѣствователь ближе держится чисто еврейской сферы, потомъ все больше удаляется и разобщается отъ нея. Естественно, что тамъ значительнѣе евраистическій элементъ, здѣсь менѣе и слабѣе, поскольку не могъ же писатель разсказывать о мор-

¹⁾ Das Lukasevangelium und die Apostelgeschichte Werke desselben Verfassers (Halle a. S. 1880), гдѣ основной тезисъ аргументируется вполне убѣдительно, хотя статистика разныхъ сближеній не всегда исправна.

²⁾ Acta apostolorum (Göttingen 1895), p. 14 squ.; его же Philology of the Gospels, London 1898. См. еще Th. Vogel, Zur Charakteristik des Lukas nach Sprache und Stil (eine Laienstudie), Leipzig 1897; zw. Aufl. ibid. 1899.

³⁾ См. Prof. Friedrich Blass, Grammatik des Neutestamentlichen Griechisch, Göttingen 1895, S. 3 ff.; 2 Aufl. ibid. 1902, S. 3 ff.

⁴⁾ E. b. Nestle даже находилъ (въ „Philologus“ LIX за 1900, S. 46 ff.) у Дѣписателя отголоски Еврипидовской рѣчи, но Prof. Albert Thumb высказалъ (Die griechische Sprache im Zeitalter des Hellenismus, Strassburg 1901, S. 226), что въ этихъ пунктахъ былъ общій источникъ въ языкѣ народномъ, изъ котораго индивидуальное черпали оба — и Еврипидъ и новозавѣтный авторъ.

скихъ путешествіяхъ и приключеніяхъ терминами и стилемъ. Ветхаго Завѣта и справедливо пишетъ (въ Дѣян. XXVII, 41) ἐπέχειλαν τὴν ναῦν („увязйша корабль“=засадйли корабль — на косу, на мель) вмѣсто ожидаемаго ἐπὶ ὁμιλᾶν τὸ πλοῖον. Со-отвѣтственно этому предметному раздвоенію были у него, конечно, и неоднородные источники: для реферата объ Іерусалимско палестинской миссіи и ея дѣятеляхъ таковыми служили арамейскіе документы или ихъ евраистическіе перифразы погречески и непосредственные рассказы евраистическихъ участниковъ, при описаніи же трудовъ и подвиговъ Павловыхъ Лука передавалъ собственныя наблюденія и воспріятія и самостоятельно перерабатывалъ сообщенія другихъ поручителей, болѣе эллинистическихъ, хотя бы, въ силу миссіонерской практики въ эллинскихъ областяхъ. При этихъ условіяхъ чрезвычайно знаменательно, что языковой тонъ, тембръ рѣчи въ обоихъ отдѣлахъ остается сходственнымъ. Затѣмъ евраистическіе termini technici, въ родѣ τὸ ἔθνος въ смыслѣ „язычникъ“, были неизбѣжны въ христіанскомъ изображеніи библейско-новозавѣтныхъ фактовъ и актовъ и разбросаны на пространствѣ всей книги, гдѣ по необходимости варьируется и языкъ со смѣною различныхъ по содержанію и по окраскѣ картинъ. Поэтому то разсмотрѣнныя языковыя стихіи нельзя разграничивать по особымъ авторамъ, если, напр., эллинистическій „прологъ“ третьяго Евангелія сразу сопровождается густо-евраистическими отрывками. У Луки были разныя сказанія, и онъ лишь пользуется ими, примѣняя и передавая ихъ примѣнительно къ исторической обстановкѣ самыхъ событій и лицъ. Вездѣ это — самобытный повѣствователь, для котораго вѣрнымъ будетъ только то, что его языкъ — священо-эллинистическій и принудительно указываетъ въ немъ челоѣка, живущаго въ атмосферѣ создающейся еврейско-греческой церкви, говорящаго сходно съ нею и однозвучно. Атическое преимущество свидѣтельствуется просто о его типической индивидуальности и устраняетъ всѣ фантастическія догадки о безличности предполагаемаго темнаго компилятора. Онъ ниспровергаются и многими общими свойствами книги. Это замѣтно, прежде всего, на вокабулярѣ. Такъ, характерныхъ словъ имѣется у Луки до 140, въ числѣ коихъ встрѣчается до 94 у Павла, изъ писаній котораго онъ ближе сходится съ посланіями къ Колоссянамъ и Ефесянамъ¹⁾. Для безспорно подлинныхъ посланій Павловыхъ оказывается общихъ съ ними терминовъ — въ третьемъ Евангеліи 83²⁾, въ Дѣяніяхъ исключительно свойственныхъ имъ и

¹⁾ См. у Prof. A. d. Harnack, Die Apostelgeschichte, S 206

²⁾ Prof. A. d. Harnack ibid., S. 205.

этому писанію до 49¹⁾). Значить, тутъ словарь достаточно Павлинистическій, но есть немало (по сравненію съ другими новозавѣтными авторами) словъ рѣдкихъ и даже ἀπαξ εἰρημένα. Въ изложеніи проглядываетъ распространенность рѣчи въ ущербъ ея сжатости: ὥς δέ τινες ἐσκληρύονον ο καὶ ἡπείδουν, καχολογούντες τὴν ὁδὸν ἐνώπιον τοῦ πλήθους (Дѣян. XIX, 9), когда достаточно было бы болѣе краткой редакціи (въ XVIII, 6) ἀντιτασσόμενων δέ τινων καὶ βλασφη ούντων (ср. еще XIV, 3); διὰ τῶν χειρῶν αὐτῶν (XIV, 3) вмѣсто δι' αὐτῶν; излишнее ἀνὰ στά: при ἐξήλθεν (X, 23) и т. п. Въ употребленіи частицъ исторіографъ замѣтнѣе другихъ избѣгаетъ механическаго ихъ нагроможденія, внимательнѣе наблюдаетъ хронологическую преемственность временъ (participium aoristi ставя прежде perfecti verbi finiti или participii praesentis: I, 24), удачнѣе въ примѣненіи причастій и въ пользованіи μέν и δέ. Впрочемъ, въ послѣднемъ пунктѣ не выдерживается вездѣ строго антитетическое строеніе: въ первой рѣчи св. Петра одинъ разъ ἀλλά (II, 16) и нѣтъ соотвѣтствующаго μέν, но во второй оно встрѣчается трижды (III, 13, 21, 22) при отсутствіи ἀλλά, которое четырежды употреблено въ обращеніи предъ Агриппой (XXVI, 16, 20, 25, 29) при двойномъ μέν (XXVI, 4, 9) безъ координирующаго δέ.

Здѣсь какъ будто капризна и смѣна регулярности уклоненіями отъ нея и игра въ комбинированіи частицъ. Но въ этихъ особенностяхъ единство литературно языковой основы пріобрѣтаетъ своеобразный и неизгладимый отпечатокъ индивидуальной творческой мысли, всегда одинаково характерной; — въ своемъ выраженіи она играетъ неуволними переливами на всемъ протяженіи труда и вездѣ выступаетъ съ рѣзкою отчетливостію своей самобытности, не допускающей ни многоличности, ни случайности. Это — типичность цѣлостной и уравновѣшенной персональности, и лишь въ ней находятъ свою мотивирующую и производящую причину отмѣченная стилистически-языковая особенность.

Съ этой стороны филологически компетентныя наблюденія точно совпадаютъ съ прежними заключеніями о руководящей идеѣ и внѣшнемъ строеніи Дѣяній и снова подтверждаютъ литературное ихъ единство. Въ свою очередь стремленіе къ отысканію разныхъ источниковъ — скорѣе всего — свидѣтельствуетъ о томъ, что рассматриваемая книга имѣетъ всю

историческую достовѣрность²⁾,

убѣждая въ полной освѣдомленности писателя. Съ фак-

¹⁾ Prof. A. d. Haгпаск, Lukas der Arzt, S. 15 Anm.

²⁾ Обзоръ новой литературы о достовѣрности книги Дѣяній

тической стороны этот тезис, конечно, нуждается въ детальнѣхъ разъясненіяхъ, но по существу онъ не оспаривается даже и тѣми, которые отодвигаютъ анализируемую книгу въ глубь II-го вѣка, потому что утилизируемая пособія были древнія. Но здѣсь встрѣчается тревожное затрудненіе въ сильномъ колебаніи текстуальнаго преданія, въ раздвоеніи его теченій¹⁾. Такъ, греко латинскій кодексъ D или Bezae Cantabrigiensis saec. VI²⁾ весьма уклоняется отъ обычнаго текстуальнаго типа и содержитъ въ себѣ важныя отличія, для которыхъ нѣтъ подходящихъ аналогій во всей массѣ новозавѣтныхъ вариантовъ. И голосъ его не одинокъ. Съ нимъ нечало созпадаютъ E (cod. Laudianus Oxoniensis) отъ конца VI вѣка, тоже греко латинскій, обнимающій только Дѣянія, и M отъ XI в. (манускриптъ Амвросіевской бібліотеки въ Миланѣ № 137); изъ латинскихъ: f (cod. Floriacensis) вѣка VII, находящійся нынѣ въ Парижѣ; p (Parisinus, n. 321) saec. XIII и W (Wernigerodensis) saec. XV. Затѣмъ сюда же присоединяются со своими особыми чтеніями переводы сирійскіе (пешитта и филоксеновскій) и коптско-саидскій, а изъ патристическихъ авторитетовъ — Иринея, авторъ „Апостольскихъ Постановленій“, Кипріанъ, Августинъ и — частію — Тертуллианъ³⁾.

(Chase, Selwyn, Benson, Bartlet, Backmam, Bernard) см. въ „The Church Quarterly Review“ LV, 110 (January 1903), p. 388 — 403, а въ пользу ея (противъ P. Schmiedel'я) см. ibid. LIII, 105 (October 1901), p. 8 sqq.

¹⁾ См. H. Coppieters, De historia textus Actorum Apostolorum. Lovani 1902. а къ сему ср. „Revue d'histoire ecclésiastique“ IV, 3 (15 Juillet 1903), p. 471—476.

²⁾ Объ немъ см. еще у Fr. Blass, Zur Codex D in der Apostelgeschichte въ „Studien und Kritiken“ 1898, III S.532—542, гдѣ чтеніе некоторыхъ мѣстъ проверено по оригиналу сравнительно съ типографскимъ изданіемъ (въ 1864 г.) Scrivener'a; но въ 1899 году въ Кембриджѣ выпущено (въ двухъ томахъ, фототипическое воспроизведеніе кодекса Безы. См. и Pastor Ferdinand Graefe, Der Codex Bezae und das Lukasevangelium: textkritische Bemerkungen zum Lukasevangelium въ „Studien und Kritiken“ 1898, I, S. 116 — 140.

³⁾ См. еще Miscellanea Cassinense... per cura Dei P. Benedittini di Monte assino Tipografia di Montecassino 1897. Здѣсь въ „Anonimi de prophetis et prophetis“ (p. 17 — 23 въ patristica) ex cod. Sangallensi 133 saec. IX усматриваются совпаденія съ D August. p. въ Дѣян. XI, 27—28 (p. 21: congregatis autem nobis, surgens ex illis nomine Agabus) и XIX, 2 — 7. См. и у Prof. Д. Нагпакъ въ „Theologische Literaturzeitung“ 1898, 6, Sp. 71 — 173.

Въ своей совокупности всѣ эти источники даютъ крайне своеобразный текстъ оригинальнаго характера ¹⁾. Существенныя его черты можно классифицировать по слѣдующимъ рубрикамъ.

1) Въ этой группѣ часто встрѣчаются примѣры распротранненности въ выраженіяхъ, III, 1 замѣтка о девятомъ часѣ предваряется въ D внесеніемъ τὸ δειλινόν — „въ послѣобѣденное время“. IV, 1 τὰ ῥήματα ταῦτα. IV, 3 ἐράτησεν αὐτούς. IV, 24 καὶ ἐπιγινόντες τὴν τοῦ θεοῦ ἐνέργειαν, IV, 32 καὶ οὐκ ἦν ἐν αὐτοῖς διὰ τὴν ἰσχυρίαν. V 18 καὶ ἐπορεύθη εἰς ἕκαστος εἰς τὰ ἴδια, VI, 8 (послѣ λαφὶ διὰ τοῦ ὀνόματος Κυρίου. VII, 29 καὶ οὕτως ἐφυγάδευσεν Μωσὴν — все это добавленія D. Въ разсказѣ о видѣніи Савлу дается (въ F) такая подробность (IX, 8): sed ait ad eos: levate me de terra. Et cum levassent illum, nihil videbat apertis oculis ²⁾. Не менѣе новыхъ деталей въ извѣстіяхъ о дѣятельности Апостола Петра въ Кесаріи, а равно и по удаленіи оттуда, напр., о его проповѣдничествѣ по разнымъ мѣстамъ (διὰ τῶν χωρῶν διδάσκων αὐτούς), при чемъ онъ напередъ καὶ προσφωνήσας τοὺς ἀδελφοὺς καὶ ἐπιστηρίξας (αὐτούς) ἐξῆλθεν πολὺν λόγον ποιούμενος (XI, 2). О событіи въ Антіохіи и Писидіи за періодъ перваго путешествія св. Павла сообщается, что, не смотря на раздраженіе Иконійскихъ іудеевъ, ὁ δὲ κύριος ἔδωκεν ταχὺ ἐρήνην (XIV, 2) и что враги пришли оттуда въ Листру еще въ то время, когда благовѣстники (XIV, 19) „пребывали тамъ и учили“ (διατρίβωντων δὲ αὐτῶν καὶ δ.δασκόντων) ³⁾. XVI, 19 ὥς δὲ εἶδαν οἱ κύριοι τὴν παιδείαν ὅτι ἀπεστέρηνται (ἀπεστέρηνται) τῆς ἐργασίας αὐτῶν, ἧς εἶχον δι' αὐτῆς и XXI, 39 ἐν Τάρσοι δὲ τῆς Κιλικίας γεγεννημένος замѣчательны лишь по растянутости фразы для одинаковой мысли, которая въ XXII, 26 усиливается повтореніемъ, что сотникъ услышалъ, ὅτι Ῥωμαῖον ἑαυτὸν λέγει. Въ XVII, 12 и 15 вѣра многихъ Верійцевъ противополо-

¹⁾ Возможную — при иаличиомъ матеріалѣ — реконструкцію его даетъ Acta Apostolorum sive Lucae ad Theophilum liber alter: secundum formam quae videtur Romanam edidit Fridericus Blass, Lipsiae 1896. См. и Prof. Theodor Zahn, Die Urausgabe der Apostelgeschichte des Lucas въ Forschungen zur Geschichte des neutestamentlichen Kanons und der altchristlichen Litteratur, 9, Teil, Leipzig 1916.

²⁾ Prof. Fr. Blass II, 28: ἔφη, δὲ πρὸς αὐτούς: „ἐγείρατέ με ἀπὸ τῆς γῆς“. Καὶ ἔγει ἀντὶν αὐτόν, οὐδὲν ἔρλεπεν ἀνεφγμένον τῶν ὀφθαλμῶν.

³⁾ Такъ и послavianски въ Actus Epistolaeque Apostolorum palaeoslavenice ad fidem codicis Christinopolitani saeculo XII scripti edidit Prof. Aemilianus Kaluzniacki (Vindobonae 1896), p. 33: „Прибывающема же и учащема“...

гается невѣрію другихъ и упоминается о прохожденіи черезъ Фессалию съ воспрепятствованіемъ проповѣди здѣсь отъ Духа.

Уже и въ этихъ добавленіяхъ обнаруживается нѣсколько большая точность, но она еще отчетливѣе выступает II) въ хронологическихъ указаніяхъ. Въ I, 5 имѣемъ ἕως τῆς πεντηκστῆς ἡς, а въ II, 1 καὶ ἐγένετο ἐν ταῖς ἡμέραις ἐκείναις τοῦ συμπληρωθῆαι τὴν ἡμέραν τῆς πεντηκστῆς, ὧντων αὐτῶν πάντων ἐπὶ τὸ αὐτὸ..., такъ что собраніе было предъ днемъ пятидесятницы, изліяніе же Духа въ самый праздникъ утромъ (ср. II, 15). Въ XV, 30 поясняется, что посланные съ апостольскимъ опредѣленіемъ въ Антиохію ἐν ἡμέραις ὀλίγαις κατήλθον и, очевидно, спѣшили съ радостною вѣстію, между тѣмъ путешествіе въ Іерусалимъ было далеко не быстрое (XV, 30, 33). XVI, 11 отмѣчаетъ, что отправленіе изъ Трояды было τῇ ἐπαύριον. XVII, 19 своимъ μετὰ δέ τινὰς ἡμέρας ктл. раскрываетъ, что Аѳиняне не сразу заинтересовались ученіемъ св. Павла и не тотчасъ пригласили его въ Ареопагъ. Въ XVIII, 19 подчеркивается, что Апостолъ вошелъ въ Ефесскую синагогу τῷ ἐπὶόντι σαββάτῳ, а въ XIX 9 присовокупляется, что онъ проповѣдывалъ въ школѣ тиранна ἀπὸ ὥρας πέμπτης ἕως δεκάτης. XX, 18 опредѣляетъ его Ефесское пребываніе — согласно XX, 31 — ὡς τριετίαν ἢ καὶ πλεον и отправленіе на судъ въ Римъ назначаетъ (въ XXVII, 1) τῇ ἐπαύριον, какъ и все описаніе плаванія гораздо обстоятельнѣе.

III) Также тенденція проявляется и въ точнѣйшихъ отмѣткахъ насчетъ топографіи, разныхъ фактическихъ отношеній и дѣйствующихъ лицъ. Въ XI, 27 — 28 читается: ἣν δὲ πολλὴ ἀγαλλίασις συνεστραμμένων δὲ ἡμῶν ἔφη εἰς ἐξ αὐτῶν ὀνομαζομένου Ἀγαθῶς σημειῶν..., откуда слѣдуетъ, что Дѣписатель былъ однимъ изъ участниковъ этого Антиохійскаго собранія. Изъ XII, 1 сказано, что гоненіе Ирода сосредоточивалось ἐν τῇ Ἰερουσαλὴμ. XII, 10 восполняется въ томъ смыслѣ, что — по освобожденіи изъ темницы — Ангелъ и Петръ сначала κατήβησαν τοὺς ἐπὶ τὰ σταθμοὺς. Въ XVI, 35 редація ἡμέρας δὲ γενομένης, συνήλθον οἱ στρ. τηροὶ ἐπὶ τὸ αὐτὸ εἰς τὴν ἀγορὰν, καὶ ἀναμνησθέντες τὸν σεσημῶν τὸν γερονότα φοβήθησαν καὶ ἀπέστειλαν τοὺς ῥαβδούχους ктл. раскрываетъ намъ ближайшій мотивъ въ перемѣнѣ политики Филиппійскихъ военачальниковъ. Въ XVIII, 18, 21 сл. и 27 имѣются нѣкоторыя дополнительные свѣдѣнія объ Акилѣ, Прискиллѣ и Аполлосѣ. Въ XIX, 4 сл. количество сыновъ Скевы низводится до двухъ (XIX, 16 ἀμφότερων). Въ XX, 15 упоминается о Трогиллѣ (какъ еще въ слав. пер. согласно text. rec.) и въ XXI, 1 — о Мирахѣ послѣ Патары. О пути изъ Кесаріи въ Іерусалимъ говорится (XXI, 1с): οὗτοι δὲ (провожавшіе Апостола) ἢ χρόν ἡμᾶς πρὸς οὓς ξενισθῶμεν, καὶ παρὰχθέντες εἰς τινὰ χώμην ἐγενόμεθα παρὰ Μνάσῳν Κυпрίῳ, который въ этой рецензіи

считается жителемъ не-Іерусалимскимъ. XXIV, 27 объясняетъ, что Феликсъ задерживалъ Павла въ узахъ не безъ вліянія своей жены Друзиллы (διὰ Δρούσλλαν). Въ XXVIII, 16 и 19 пространнѣе и раздѣльнѣе сообщается: ὁ εκατοντάρχης παρέδωκεν τοὺς δεσμίους τῷ στρατοπεδάρχῃ, τῷ δὲ Παύλῳ ἐπετράπη μένειν κατ' ἐαυτὸν ἕως τῆς παρεμβολῆς..., καὶ ἐπ' κραισύντων (τὸν Ἰουδαίῳ) Ἀἴρε τὸν ἐχθρὸν ἡμῶν..., ἀλλ' ἵνα λυτρώσωμαι τὴν ψυχὴν σου ἐκ θανάτου.

Всѣ эти конкретныя иллюстраціи достаточно убѣждаютъ, насколько глубокія и существенныя различія заключаетъ въ себѣ эта своеобразная редакція, между прочимъ послужившая основою для гипотезы о „западной“ рецензії новозавѣтнаго текста, которая возникла на Востокѣ (и, всего вѣроятнѣе, въ Малой Азіи), но была въ распространеніи и имѣетъ болѣе болѣе представителей на Западѣ. Значитъ, самый фактъ этой безпримѣрно-индивидуальной типичности вполне неоспоримъ, и дальше в е дѣло лишь въ его научномъ истолкованіи. Здѣсь издавна и обычно старались свести всѣ особенности D къ простымъ варіантамъ, а ихъ обиліе объясняли либо произволомъ, яко бы понятнымъ для книги исторической, либо спеціальными тенденціями, напр., іудаистическими (Credner; A. Resch). Не можетъ быть сомнѣнія, что всѣ такія толкованія по своей мотивировкѣ принципиально ложны, ибо Дѣянія были для Церкви писаніемъ не менѣе каноническимъ, а вообще остается непостижимымъ и не можетъ быть объяснено удовлетворительно на самыхъ вариантахъ, почему, зачѣмъ и для чего допускались всѣ эти измѣненія и дополненія въ чисто фактическихъ данныхъ. Последнее рѣшительно говоритъ и противъ іудаистической тенденціозности, которую и провести и уловить въ такихъ индифферентныхъ подробностяхъ совсѣмъ немыслимо безъ заранѣе принятой и упорной предзанятости, всецѣло опровергаемой нейтральною объективностію самаго документа, какъ чисто историческаго реферата. Наконецъ, важно и то, что D—вовсе не единичный авторитетъ и имѣетъ немалую свиту солидарныхъ свидѣтелей, конечно, не могущую возникнуть по случайному капризу невѣдомаго и непостижимаго глоссатора. F. H. Chase¹⁾ — при сочувствіи J. Rendel Harris'a²⁾ — думаетъ объяснить всѣ эти особенности вліяніемъ сирійской интерпретаціи, но весьма неубѣдительно, поелику 1) едва ли она могла захватить своимъ вліяніемъ столь широкій районъ, какой удостовѣренъ для

¹⁾ The Old Syriac Element in the Text of Codex Bezae, London 1893; cp. The Syro Latin Text of the Gospels, London 1895.

²⁾ Four Lectures in the Western Text of the New Testament, London 1893.

разсматриваемой редакції, и 2) обнаруживает тѣсное сродство съ D лишь въ позднѣйшемъ филоксеновскомъ переводѣ, гдѣ допустимо совсѣмъ обратное взаимоотношеніе. Проф. W. M. Ramsay ¹⁾ видитъ въ этихъ распространительныхъ уклоненіяхъ хорошій реальный комментарий отъ II вѣка Малѣазійскаго происхожденія и пользуется его свѣдѣніями съ довѣріемъ и усердіемъ. Равно и проф. Ad. Harnack крайне не расположенъ къ D ²⁾ и утверждаетъ, что β — не единый текстъ, а „комплексъ корректуръ и глоссъ, который принадлежитъ уже первой половинѣ II го вѣка“ ³⁾. Съ фактической стороны и эта гипотеза не примѣнима ко всей совокупности оригинальныхъ текстуальныхъ отличій, потому что они касаются совсѣмъ не только Малой Азіи, простираются далеко не на одну топографію и хронологію и не ограничиваются лишь книгою Дѣяній, но — частію — захватываютъ и третье Евангеліе. При подобномъ размахѣ компилятора, чувствовавшаго за собою право на всякія корректуры, естественно было бы ожидать отъ него болѣе существенныхъ и систематическихъ добавленій и измѣненій.

Въ результатѣ находимъ, что D со своими союзниками представляетъ слишкомъ рѣзкое исключеніе, которое и въ самой слабой степени не подкрѣпляется текстуально другими новозавѣтными писаніями. Очевидно, это есть явленіе совсѣмъ необычное, а потому и причина для него должна быть тоже особая. При этомъ всѣ варианты имѣютъ видимость исторически-фактическаго вѣроятія и тѣмъ самымъ невольно вызываютъ догадку объ ихъ возможной первоначальности, восходящей къ самому автору. Въ этомъ смыслѣ уже около 250 лѣтъ тому назадъ извѣстный Голландскій критикъ Johannes Clericus (Jean Leclerc, род. въ Женевѣ 1657 г.) предполагалъ, что *Lucam bis edidisse Actus* ¹⁾. Пол-

¹⁾ См. его труды: *The Church in Roman Empire before A. D. 170 St. Paul the Traveller and the Roman Citizen.*

²⁾ *Die Apostelgeschichte*, S. 97 ff.

³⁾ *Lukas der Arzt*, S. 73. Prof. James Moffatt, *An Introduction*, p. 311: „Such phenomena (cases of displacement due to copyists) taken together with the fact that by the middle of the second century (i. e. within fifty years of its completion) divergent recensions of the text were current, might suggest that Luke did not publish the book himself, while the roughnesses of the extant text, which have set correctors early at work, prompt the conjecture that the author did not manage to revise his *δεύτερος Λόγος* for purposes of publication“.

⁴⁾ См. у Semler, J. J. *Wetstenii libelli ad crisin atque interpretationem Novi Testamenti*, Halis 1766, p. 8: „Clericus jam olim, nomine Critobuli Hierapolitani usus, fere fuit in hac

ное и точное обоснование этой идеи принадлежит новымъ временамъ и дано въ трудахъ Галльского профессора филолога-эллиниста Фридриха Бласса ¹⁾. Его энергіи и компетентности мы обязаны законченною и прочно аргументированной теоріей, которая обнимаетъ всѣ факты и рассчитана на всѣ возможности. Посему она вполне заслуживаетъ нѣсколько болѣе specialнаго разсмотрѣнія.

Установивъ группу родственныхъ памятниковъ класса D, Блассъ анализируетъ ихъ отклоненія отъ обычнаго, преобладающаго текста. При этомъ открывается, что всѣ они вовсе не напоминаютъ внѣшнихъ и чуждыхъ наслоеній, а находятся въ живой органической связи съ цѣлымъ и по языку совершенно отвѣчаютъ стилю Дѣписателя. Такъ, въ разсказѣ о пребываніи св. Петра въ Кесаріи поясняется, что Корнилій могъ встрѣтить Апостола при вхожденіи въ городъ потому, что былъ предупрежденъ о его приближеніи посланнымъ на встрѣчу рабомъ (X, 25 и ср. ст. 8), а употребленные тутъ (въ стт. 24 и 25) глаголы *τερικεύειν* (ср. Дѣян. I, 4) и *ἐκπιδᾶν* (ср. Дѣян. XIV, 14) свойственны именно нашей книгѣ. Слухъ іерусалимскихъ братьевъ о принятіи язычниками слова Божія имѣетъ свое фактическое основаніе въ томъ, что св. Петръ проповѣдывалъ не краткое время (*διὰ ἱκανοῦ χρόνου* = *per tempus non modicum*), образовалъ небольшую общину и по пути благовѣствовалъ по окрестнымъ странамъ (*διὰ χωρῶν*); терминологія и здѣсь опять Дѣписательская, сходная въ тонкихъ оттѣнкахъ и сообразная со

sententia, Lucam bis edidisse Actus. Nec Hemsterhusius alienus fuit ab hac sententia, forte bis Apostolus quaedam scripsisse".

¹⁾ Die zwiefache Textüberlieferung in der Apostelgeschichte въ „Studien und Kritiken“ 1884, I, S. 86—119. De duplici forma Actorum въ „Hermathena“ XXI, p. 121—143. Ueber die verschiedenen Textformen in den Schriften des Lukas въ „Neue Kirchliche Zeitschrift“ 1895, IX, S. 712—725. Neue Textzeugen für die Apostelgeschichte въ „Studien und Kritiken“ 1896, III, S. 436—471. Acta Apostolorum sive Lucae ad Theophilum lieber alter: editio philologica; apparatu critico, commentario perpetuo, indice verborum illustrata, Göttingen 1895. Acta Apostolorum sive Lucae ad Theophilum liber alter: secundum formam quae videtur Romanam, Lipsiae 1896. Philology of the Gospels, London 1898. Zu den zwei Texten der Apostelgeschichte въ „Studien und Kritiken“ 1900, I, S. 5—28. О движеніи этого вопроса см. у Prof. Otto Zöckler въ „Der Beweis des Glaubens“ 1896, S. 438 ff.; 1898, I, S. 28—35; Pastor Ferdinand Graefe, Die Doppelausgabe der Schriften des Lukas: Sonderabdruck aus der Kirchlichen Monatsschrift въ Hefte für evangelische Weltanschauung und christliche Erkenntnis, I. Serie, Nr. 6.

всѣми обстоятельствами (для κατάντησεν ср. Дѣян. XVIII, 19 и др.). Въ этомъ же родѣ и большинство всѣхъ существенныхъ отличій того текстуальнаго типа, который — во избѣжаніе недоразумѣній — обозначается у Бласса черезъ β.

Разъ все отмѣченное вѣрно, — мы научно вынуждаемся принять, что всѣ данныя особенности запечатлѣны характеромъ подлинной первичности и, слѣдовательно, принадлежать самому „автору“ или составителю книги Дѣяній. Ничто иное недопустимо и немыслимо, ибо подобный подлогъ былъ бы феноменальнымъ исключеніемъ, — почти чудомъ, а его нельзя допускать безъ неустранимой необходимости, которой въ нашемъ случаѣ совсѣмъ не усматривается.

При указанныхъ предпосылкахъ вся текстуальная исторія рисуется — примѣрно — въ такомъ видѣ. „Второе слово“ было предназначено для вельможнаго сановника Теофила, и естественно, что писатель постарался представить ему экземпляръ исправный и лучший даже по внѣшности, какъ это всегда и вездѣ бываетъ при аналогичныхъ условіяхъ. Но съ другой стороны трудно предположить, чтобы авторъ сразу могъ достичь желаннаго совершенства во всѣхъ отнoшеніяхъ и долженъ былъ изготoвить предварительную редакцію. Посему вѣроятно, что — по условіямъ тогдaшнeго книжнаго дѣла ¹⁾ — Дѣянія были написаны первоначально на дешевомъ папирусѣ (въ родѣ хранящихся въ Лондонѣ Аристотелевскихъ фрагментовъ) и были испещрены вносками, поправками, ремарками и т. п. Уже изъ этого чернового скорректированного текста могли образоваться разные „изводы“ по невнимательности или вольности копистовъ, о чемъ говорятъ свидѣтельства древности, напр. Галена (XVII, 1). Мало того: — изъ показаній Катуллы (XXII) о поэтѣ Суффенѣ мы знаемъ, что послѣдній не разъ переписывалъ свои стихи и окончательно выпускалъ ихъ на charta regia ²⁾; тоже вѣроятно и для открытаго въ новое время сочиненія (псевдо—) Аристотеля Παρ' πολιτείας Ἀθηνῶν. Но тогда справедливо возникаетъ Цицероновскій вопросъ (epist. ad fam. VII, 8:2): quis solet eodem exemplo plu-

¹⁾ Объ этомъ см. у Theodor Birth, Das antike Buchwesen in seinem Verhältniss zu Litteratur, Berlin 1889 (и въ изложеніи проф. Ап. П. Лебедева въ „Прибавленіяхъ къ Твореніямъ св. отцевъ“ XXXVII т. за 1888 г., кн. 1, стр. 153—252: „Профессія церковнаго писателя и книжное дѣло въ древне-христіанское время“), а о значеніи сего въ отношеніи писаній св. Луки см. Arnold Rüegg въ „Studien und Kritiken“ 1896, I, S. 94 ff.; ср. Prof. Ad. Harnack, Geschichte der altchristlichen Litteratur II, 1, S. 247, 1.

²⁾ Cp. Th. Birth, Das antike Buchwesen, S. 57 ff.

res (epistulas) dare, qui sua manu scribit? А Лука, скорѣе всего, былъ человѣкъ небогатый и, не имѣя при себѣ *servus et arca*, долженъ былъ переписывать „на-бѣло“ самъ и при-этомъ опять дозволилъ себѣ достаточно всякихъ коррек-туръ, какъ это и доселѣ бываетъ съ каждымъ изъ насъ, дающимъ при перепискѣ нѣсколько варіацій, разнообразна-го свойства. Отсюда естественно получились двѣ формы од-ного произведенія и неизбежно пошли два текстуальныя теченія. Явленіе это не заключаетъ въ себѣ ничего необыч-наго или страннаго даже по новѣйшей литературной прак-тикѣ, а изъ древнѣйшей умѣстно напомнить объ особой редакціи третьей Демосѣеновской филиппики. Но вотъ и болѣе близкія — предметно — иллюстраціи ¹⁾. По блаж. Іерониму, — Акила выпустилъ свой греческій переводъ В. З. въ двухъ изданіяхъ. По собственному признанію Тер-тулліана, его *Adversus Marcionem* испытало три переработки, а книга „Противъ іудеевъ“ дошла въ двухъ изводахъ — *Adv. Judaeos* и въ *Adv. Marc.* III, 7—24. *Institutiones* Лактан-ція распространялись и въ первоначальной формѣ и въ „императорской“ — съ посвященіемъ и обращеніемъ Кон-стантину (*Constantine imperator!*) при соответствующихъ тек-стуальныхъ измѣненіяхъ. Сочиненіе *Περὶ τῶν ἐν Χριστῷ μυστηρίων* Евсевій написалъ около 311—314 г. г. кратко, присоединивъ къ VIII-й книгѣ „Церковной Исторіи“, но меж-ду 319—324 г. г. изложилъ болѣе пространно въ отдѣль-номъ самостоятельномъ трудѣ. Сходное принимается и для рѣчи Іоанна Мавропода (около 1050 г.) въ похвалу Василию В., Григорію Б. и Іоанну Златоусту. Пасхазій Радбертъ со-ставилъ свой трактатъ *De corpore et sanguine Christi* еще въ 831 году, но черезъ 13 лѣтъ приспособилъ его для цар-ственного адресата, Карла Лысаго. Проф. Фр. Блассъ напо-минаетъ еще о двухъ изданіяхъ Аполлодоровыхъ *χρονικῶν*, а Свидя сообщаетъ объ *Ἀττικῶν ὁνομάτων ἐκδόσεις δύο*. Для позднѣйшей эпохи достаточно указать на пять редакціон-ныхъ варіацій англійской поэмы *Piers the Plowman* ²⁾, изъ коихъ три обязаны самому автору. А сколько подобныхъ примѣровъ въ славянской письменности?

¹⁾ Эти примѣры см. у Prof. Fr. Blass, *Acta Apostolorum* I, p. 32; II, p. VI, 96; Joh. Dräseke въ „*Zeitschrift für wissenschaftliche Theologie*“ 1894, II, S. 192—206; O. Zöckler въ „*Greifswalder Studien*“, Gütersloh 1895, S. 132—133; E. b. Nestle, *Philologia sacra*, 1896, S. 43.

²⁾ См. о *The Vision of Piers Plowman* у Edw. M. Thomp-son, *Handbook of Greek and Latin Palaeography* (London 1894), p. 290, и въ диссертациі О. Менсендиeck'a, *Charakterentwicklung und ethisch-theologische Anschauungen des Verfassers von Piers the Plowman* (Leipzig 1900).

Ясно теперь, что разбираемая гипотеза вѣроятна теоретически и правдоподобна исторически. Неудивительно, что въ ученѣмъ мірѣ она большинствомъ была встрѣчена съ сочувствіемъ ¹⁾, при чемъ нѣкоторые провозгласили ее открытіемъ (Eb. Nestle) почти прямо геніальнымъ (O. Zöckler). Разумѣется, нѣтъ недостатка и въ оппонентахъ, не менѣе рѣшительныхъ въ своихъ сужденіяхъ²⁾. Сила ихъ возраженій должна служить къ опредѣленію дѣйствительной цѣнности отмѣченной теоріи. Ее стараются подорвать и въ общихъ основаніяхъ и въ частныхъ приложеніяхъ. Обыкновенно ссылаются, что проектируемая рецензія въ своихъ текстуальныхъ поручителяхъ часто совпадаетъ съ господст-

¹⁾ См. Joh. Dräseke въ „Zeitschrift für wissenschaftliche Theologie“ 1894, II, S. 192 — 206, и въ „Wochenschrift für klassische Philologie“ 1895, Nr. 23; Prof. Ad. Jülicher, Einleitung in das N. T., Freiburg i. Br. und Leipzig 1894, S. 271; G. Salmon, Introduction to the Study of the N. T., Dublin 1894, p. 597 sqq., и въ „Hermathena“ XXI, p. 225—242; C. Weymann въ „Historisches Jahrbücher der Görresgesellschaft“ 1894, S. 906 ff.; C. Holzhauser въ „Evangelische Kischenzeitung“ 1895, Nr. 17; Eb. Nestle, Philologia sacra, S. 38 ff., 55—56, въ „Christliche Welt“ 1895, Nr. 13—15 (ср. „The Expositor“ 1895, IX, p. 235 sqq.) и въ „Studien und Kritiken“ 1896, I, S. 102ff.; O. Zöckler въ „Greifswalder Studien“ 1895, S. 109—145, и въ „Der Beweis des Glaubens“ 1896, XI, S. 438 ff.; Prof. Joh. Ev. Belser въ „Biblische Studien“ I, 3 (Freiburg im Breisgau 1896), S. 140—145, и въ „Theologische Quartalschrift“ 1896, III, S. 493; H. Trabaub въ „Revue de théologie et de philosophie“ 1896, IV, p. 378—386; H. J. White въ „The Critical Review“ 1896, III, p. 246; Prof. P. Ewald въ Realencyklopädie XI, S. 704; Th. Vogel, Zur Charakteristik des Lukas..., S.² 70; Prof. Th. Zahn, Einleitung in das N. T. II², S. 341 ff., и въ Forschungen zur Geschichte des neutestamentlichen Kanons IX, Leipzig 1916; Prof. Ad. Hilgenfeld, Nachwort zu Acta apostolorum graece et latine въ „Zeitschrift für wissenschaftliche Theologie“ XLI (N. F. VII), 3 (1899), S. 382—399 (466).

²⁾ Ср. „Theologischer Jahresbericht“ XV, 1 (Braunschweig 1896), S. 122—125. Arnold Meyer, Die moderne Forschung über die Geschichte des Urchristentums (Freiburgi. Br. 1898), S. 26. „Revue biblique internationale“ VII (1898), 2, p. 288. „The Church Quarterly Review“ LIII, 105 (October 1901), p. 7—8. D. Heinrich Appel, Einleitung in das N. T. (Leipzig 1922), S. 170, 178. Prof. Dr. Paul Feine, Einleitung in das N. T. (Leipzig 1923), S. 78—79. Prof. James Moffatt, An Introduction, p. 309—311.

вующею, сливается съ нею даже въ самыхъ характерныхъ особенностяхъ и потому исчезаетъ въ своей типичности, оказывается несуществующею отдѣльно. Это, разумѣется, справедливо въ значительной степени, но и за всѣми подобными изъятіями получается немалый остатокъ, который нельзя свести къ простымъ вариантамъ, а все прочее говорить лишь о томъ, что обѣ теперешнія разновидности идутъ отъ общаго прототипа¹⁾, откуда вполне естественно, что въ историческомъ теченіи эти рецензіи взаимно переплетались и перемѣшивались текстуально, и ни одинъ списокъ не представляетъ ихъ въ оригинальной неприкосновенности²⁾. Не менѣе вѣрно, что β не во всѣхъ своихъ отличіяхъ выдержана до конца и, будучи болѣе пространною, иногда передаетъ дѣло сокращеннѣе. Это затрудненіе сохраняетъ всю свою силу и для оппонентовъ Бласса. Весь вопросъ въ томъ, гдѣ и кѣмъ оно устраняется легче, проще и рациональнѣе? А приведенное наблюдение прямо показываетъ, что тутъ видна опытная и властная рука, распоряжающаяся свободно и — на посторонній взглядъ — даже капризно, между тѣмъ позднѣйшіе комментаріи механически давали бы сплошныя *addenda et corrigenda*. Авторскія исправленія никогда не бываютъ только сокращеніями или расширеніями, всегда допуская то и другое. Посему контракціи вполне возможны и въ литературныхъ работахъ Луки, и вся задача науки заключается въ томъ, чтобы угадать ближайшія побужденія и объяснить конкретные случаи сжатаго воспроизведенія (напр., въ IX, 12. XV, 20, 29 [ср. XXI, 25]. XVII, 18 и 31. XX, 6. XXVII, 11—13), наличность коихъ совершенно возможна, какъ и резонное ихъ истолкованіе.

Изъ фактическихъ данныхъ Prof. W. M. Ramsay подвергаетъ разбору два важнѣйшіе примѣра³⁾. О возвращеніи Павла — послѣ третьяго благовѣстническаго путешествія — сказано (XXI, 16—17): „Съ нами шли и нѣкоторые ученики изъ Кесаріи, провожая насъ къ нѣкому давнему ученику, Мнасону Кипрянину, у котораго можно было бы намъ пожить. По прибытіи нашемъ въ Іерусалимъ, братія радушно приняли насъ“. Непосредственный смыслъ фразы какъ будто такой, что Мнасонъ находился во святомъ городѣ и устроилъ тамъ путниковъ по рекомендаціи про-

¹⁾ См. у Fr. Blass въ „*Studien und Kritiken*“ 1909, I, S. 11, 19.

²⁾ Отсюда легко объясняется, почему реконструкціи обоихъ типовъ получаютъ различныя, напр., у Ad. Hilgenfeld'a и Fr. Blass'a, на что специально — и напрасно — указывает Prof. James Moffatt, *An Introduction*, p. 310.

³⁾ См. „*The Expositor*“ 1895, III, p. 213 sqq.

водниковъ, но тогда будетъ крайне страннымъ, что Апостоль со своею свитою не имѣлъ въ Іерусалимѣ надежнаго пристанища и нуждался для сего въ двойственномъ посредничествѣ. Разгадку находимъ въ D, откуда видно, что рѣчь идетъ о промежуточномъ селеніи, а присутствіе въ немъ Кипріота ничуть не удивительно послѣ раннѣйшихъ извѣстій о благовѣстническихъ хожденіяхъ по окрестнымъ странамъ Кипрянъ и Кириинцевъ (XI, 20). Такое пониманіе необходимо и фактически. Разстояніе отъ Кесаріи до Іерусалима достигало 86 millia passuum, по 639 русскихъ сажений каждая, или всего около 110 нашихъ верстъ, 115 километровъ. Это пространство трудно совершить въ одинъ дневной переходъ, и въ D полагается на весь путь два дня съ ночлегомъ у Мнасона. Такое представленіе дѣла настолько естественно и разумно, что проф. W. M. Ramsay (— вмѣстѣ съ J. Rendel Harris'омъ —) влагаетъ его и въ обычную редакцію, которой оно чуждо и можетъ усвоиться лишь при пособіи D, почему этотъ текстъ и является болѣе первоначальнымъ. И если въ немъ аористъ ἤγαγον (ἤγον) выражаетъ достиженіе цѣли, то послѣднюю была именно промежуточная остановка, а вовсе не предшествующая ей, какъ утверждаетъ W. M. Ramsay, напрасно ссылающійся на невѣроятность столь долгаго путешествія. Правда, въ D рѣчь оказывается не вполне стройной, но вѣдь она и была потомъ исправлена, а это вполне согласно съ Блассовой теоріей.

Въ XXI, 1 въ морскомъ маршрутѣ изъ Ефеса послѣ Патаръ называются еще Миры (καὶ καὶ εἰς Πάτρα καὶ Μύρα), и предъ нами оказывается новый географическій пунктъ, который послѣ былъ авторомъ устраненъ. По W. M. Ramsay'ю подобная фраза совершенно немыслима въ устахъ Луки, потому что выходило бы, что путники нашли корабль въ Мирахъ, а остается неизвѣстнымъ, какъ они попали туда чрезъ Патары. Выводится это заключеніе по аналогіи съ упоминаніемъ о Тимоѣѣ (XVI, 1), котораго prof. Ramsay считаетъ Листрійцемъ; однако тутъ грамматическое строеніе иное — εἰς Δέρβην καὶ εἰς Λύστραν — и явно отмѣчаетъ, что города мыслятся раздѣльно и послѣдовательно. Въ виду сего естественнѣе замѣтку о нѣкомъ ученикѣ связывать со вторымъ, какъ ближайшимъ къ ней, хотя нельзя забывать, что это вовсе не несомнѣнно, и, напр., Блассъ признаетъ Тимоѣя Дервійцемъ. Если же и здѣсь возможны разногласія, то тѣмъ менѣе справедливо усвоить безусловную категоричность слишкомъ общей редакціи εἰς Πάτρα καὶ Μύρα, гдѣ нѣтъ топографически-хронологической отчетливости и дается лишь суммарное описаніе, какъ и дальше (XXI, 2) сказано неопредѣленно: καὶ εὐρίντες πλοῖον διαπερὼν εἰς Φοινίκην, ἐπιβάντες αὐτὴν καὶ ἐπὶ τῇ ἐκκλῆσιν, безъ указанія самого мѣста. Значитъ, D ничуть не отрицаетъ, что корабль былъ найденъ

въ Патарахъ, а позднѣйшее внесен е Миръ было бы со-
всѣмъ непонятно, такъ какъ съ ними ровно ничего особаго
не связывается. Поэтому и законно было потомъ опустить
ихъ во избѣжаніе недоразумѣній и по ненужности для
повѣствовательнаго изображенія. Миры были важнымъ пор-
томъ, о которомъ всѣ знали безъ всякихъ поясненій, что
попутныя суда въ него обязательно заходили, чтобы запа-
стись всѣмъ необходимымъ для дальнѣйшаго плаванія уже
въ открытомъ морѣ и для снисканія небеснаго благоволе-
нія принесеніемъ жертвъ „морскому богу“; роль послѣдняго
перешла въ христіанствѣ на св. Николая Миръ Ликійскаго,
и отсюда позднѣйшій культъ Николы Морского или
Мокраго, покровителя флота и мореплаванія. Все изло-
женное достаточно разъясняетъ, почему Миры были наз-
ваны въ первой редакціи и изъяты изъ второй, дѣлая
обратный процессъ неправдоподобнымъ.

Разборъ возраженій даетъ, по нашему мнѣнію, проч-
ный результатъ, благопріятный для гипотезы Бласса, а сама
она весьма удачно и всесторонне раскрываетъ всѣ редакці-
онныя разности Дѣписательскаго текста. Равнымъ обра-
зомъ и фактическое взаимоотношеніе обѣихъ рецензій съ
достаточною убѣдительностію говоритъ въ ея пользу. По
безспорному голосу традиціи, первое Евангеліе сначала
написано было „поеврейски“, но скоро подлинникъ былъ
замѣненъ греческимъ переводомъ, который, какъ болѣе
пригодный для употребленія, и вытѣснилъ свой оригиналъ
совершенно. Подобно сему и окончательная литературная
форма Дѣяній получила преимущественное значеніе,
преобладающее вліяніе и почти исключительное распростра-
неніе, а первоначальная сохранилась у немногихъ и можетъ
служить лишь руководящимъ пособіемъ для конкретнаго
истолкованія господствующаго, сокращеннаго типа. Анало-
гія эта, конечно, весьма неполная, но она будетъ чрезвы-
чайно внушительна, если мы прибавимъ и взвѣсимъ, что
„еврейскій“ подлинникъ былъ крайне неудобенъ для широ-
кой публики, скоро скомпрометированъ сектантскими иска-
женіями и необходимо устранялся жизненными интересами
всемирной христіанской миссіи, между тѣмъ этихъ затруд-
неній въ отношеніи книги Дѣяній не существовало, и не
было необходимости въ совершенномъ вытѣсненіи первич-
наго, пространнаго изложенія.

Мы исчерпали все важнѣйшее въ текстуальномъ пре-
даніи Дѣписательскаго разсказа и можемъ теперь конста-
тировать, что послѣдній и съ этой стороны не возбуждаетъ
сомнѣній въ своемъ содержаніи. Вмѣстѣ съ этимъ открыва-
ется путь къ признанію

фактической достоверности книги Дѣяній Апостольскихъ

по самому источнику сообщаемыхъ въ ней свѣдѣній.

По этому предмету имѣются безусловно убѣдительныя основанія въ самыхъ особенностяхъ повѣствовательной рѣчи. Она ведется въ формѣ объективнаго реферата, который не разъ прерывается субъективно-индивидуальными вторженіями со стороны автора. Въ разсказѣ о событіяхъ въ Троадѣ во время второго апостольскаго путешествія св. Павла употребляется фраза (XVI, 10): „мы положили отправиться въ Македонію“, и ее нельзя понять иначе, какъ въ томъ смыслѣ, что въ благовѣстнической свитѣ былъ и самъ писатель. Онъ же является въ такой формѣ въ извѣстіяхъ по прекращенію Ефесскаго мятежа, когда читается, что вышедшіе впередъ „ожидали насъ въ Троадѣ“ (XX, 5). Это мы опять встрѣчаемся въ рѣчи объ отплытіи изъ Кесаріи въ Римъ (XXVII, 1: „когда рѣшено было плыть намъ въ Италію“) и отчетливо выступаетъ въ замѣткѣ о прибытіи въ вѣчный городъ (XXVIII, 16: „когда же пришли мы въ Римъ“).

Всѣ подобныя указанія случайны и не даютъ твердой опоры для выясненія ближайшихъ подробностей сопровожденія исторіографомъ великаго миссіонера. Естественно, что на этотъ счетъ возможны большія колебанія и немалые споры. Несомнѣнно однако, что если даже разсказъ въ третьемъ лицѣ не исключаетъ непремѣнно таинственнаго спутника изъ числа бывшихъ при тѣхъ или иныхъ эпизодахъ, то „мы“ прямо требуемъ его присутствія. А такіе пассажи составляютъ около $\frac{1}{10}$ части книги Дѣяній (97 на 1007 стиховъ)¹⁾. Посему чрезвычайно важно для насъ, что очень большое количество знаменательныхъ событій исторіи Павловой и происходило на глазахъ писателя, наблюдалось имъ непосредственно. Пусть это не былъ Лука, но вѣдь и критика соглашается, что тутъ замѣтки очевидца, хотя бы и внесенныя въ цѣлостный трудъ позднѣе изъ безыменнаго дневника, а для оцѣнки достоверности сообщеній ничего больше и не требуется. Здѣсь констатируется тѣсная близость къ св. Павлу самого Дѣеписателя, или его невѣдомаго поручителя. Этимъ мы необходимо вынуждаемся думать, что Апостолъ языковъ самъ передавалъ своему довѣренному спутнику о выдающихся фактахъ и вѣктахъ своихъ миссіонерскихъ подвиговъ. По примѣру Тимофея мы хорошо знаемъ, съ какою осмотрительностію выбиралъ онъ своихъ сотрудниковъ, а по обостренію

¹⁾ См. Prof. A. d. Harnack, Lukas der Arzt, S. 48, 1,

принципіального вопроса объ эллинскомъ благовѣстничествѣ изъ-за Тита въ Галатіи (Гал. II, 3) видно его ближайшее, чисто апостольское взаимное соотношеніе съ помощниками. Понятно, что при подобныхъ интимно-внутреннихъ связяхъ и натуральна, и обязательна точная освѣдомленность въ апостольской работѣ всѣхъ ея призванныхъ участниковъ, поскольку они совершали ее съ личною апостольскою отвѣтственностію.

Отсюда получаемъ, что значительная часть книги Дѣяній является почти рефератомъ очевидца — прямо или косвенно. Но тутъ вызываетъ сильное удивленіе столь неожиданное и ничѣмъ не мотивированное примѣненіе формы „мы“, при чемъ это лицо появляется въ родѣ *Deus ex machina*, ничуть не будучи необходимымъ для развязки запутанной коллизіи, поскольку таковой не было ни въ одномъ изъ разумѣемыхъ случаевъ. Фактически этого не было, ибо не могло быть такихъ внезапныхъ и отрывочныхъ сближеній. Тимофеей — не образецъ и не оправданіе для болѣе рѣшительнаго повторенія, потому что тамъ и рекомендаціею братьевъ и потребностями миссіи удовлетворительно раскрывается, почему и зачѣмъ онъ *ex abrupto* былъ взятъ на великое служеніе. Здѣсь нигдѣ не отмѣчается и не предполагается ничего подобнаго, а потому для разумнаго пониманія мы должны допустить раннѣйшія соприкосновенія между благовѣстникомъ и ученикомъ. И D свидѣтельствуется, что пророкъ Агавъ въ Антиохіи предрекъ предстоящій голодъ, *συνεστραμμένον δὲ ἦμῶν* (XI, 27 — 28), между коими будетъ и пишущій, какъ членъ даннаго собранія. Тогда Антиохійскія событія оказываются происходившими предъ его взоромъ, а чрезъ другихъ Антиохійцевъ онъ получаетъ надежный доступъ къ основательному освѣдомленію съ разными движеніями въ этой важнѣйшей первохристіанской церкви.

Едва ли нужно аргументировать специально, что такое двойственное посредство — Антиохійской общины и Апостола Павла — открывало широкую и вѣрную возможность собрать хорошій и обильный матеріалъ касательно историческихъ судебъ возрастающаго христіанства. Такъ, насчетъ обращенія Савла заимствовано, конечно, изъ устъ его самого, а это величайшее событіе было тѣсно связано съ дѣятельностію Стефана, рѣчь котораго должна была глубоко запечатлѣться въ душѣ молодого фарисея и иногда тенденціозно считается первоосновою бгословія Павлова, но, несомнѣнно, слышится извѣстными созвучіями въ апостольскихъ посланіяхъ. Слѣдовательно, и по этому предмету источникъ ясенъ и безупреченъ. Въ остальномъ прослѣдить его труднѣе, хотя и тамъ достаточно опорныхъ пунктовъ. Отмѣчается, что вмѣстѣ съ Павломъ референтъ былъ

въ Кесаріи у Филиппа (XXI, 8), и этотъ послѣдній, активно участвовавшій въ первохристіанскихъ движеніяхъ (VI, 5. VIII, 5 сл.), — разумѣется, — не замедлилъ посвятить во всѣ тайники славнаго прошлаго касательно провозглашенія имени Распятяго ¹⁾. Не маловажно, что въ это время приходилъ сюда и Іерусалимскій пророкъ Агавъ (XXI, 10), имѣвшій прочную и обширную информацію о первенствующемъ христіанствѣ. За симъ достойно вниманія, что огорчившій нѣкогда св. Павла Іоаннъ Маркъ снова снискалъ его отеческое благоволеніе и былъ съ нимъ въ Римѣ (Кол. IV, 10; Филим. 24 и ср. 2 Тим. IV, 11), гдѣ находился и Дѣписатель. Такая встрѣча и содружество гарантировали многое. Племянникъ Варнавы (Кол. IV, 10) былъ сыномъ Маріи, владѣвшей въ Іерусалимѣ собственнымъ домомъ, который, видимо, былъ давнимъ и обычнымъ, общепринятымъ прибіжищемъ для вѣрующихъ (Дѣян. XII, 12). Само собою понятно, что въ этой благочестивой семьѣ тщательно собирались и заботливо сохранялись дорогія христіанскія преданія и свѣтлыя воспоминанія. Ихъ извѣстность Марку безспорна, но не менѣе несомнѣнно, что онъ въ точности сообщилъ о нихъ своему сотоварищу, если мы видимъ, что послѣдній съ наглядною пунктуальностію и яркою живостію говоритъ объ избавленіи св. Петра, не забывая даже „отроковицы“ Роды, съ ея опасеніями, радостями и пр. Наконецъ, имя Марка встрѣчается въ первомъ Петровомъ посланіи (V, 13), и всѣ древнія авторитетныя данныя удостовѣряютъ его тѣснѣйшую связь съ этимъ Апостоломъ, почему онъ былъ носителемъ и „истолкователемъ“ традицій Петровыхъ, т. е. древнихъ, полныхъ и безспорныхъ. Возможно еще участіе Аристарха, Гаія ²⁾ и Силы ³⁾.

Если мы сообразимъ все изложенное, то получится, что почти все содержаніе разсматриваемаго творенія сводится къ свидѣтельствамъ участниковъ и очевидцевъ и не требуетъ иныхъ, темныхъ источниковъ и пособій, какіе столь напрасно отыскиваетъ критика другими рискованными способами. Для первой части безспорны и письменные ⁴⁾ и устные матеріалы ⁵⁾, для второй — это самъ Лука ⁶⁾. Затрудненія и вопросы разрѣшаются простымъ фактомъ, обезпеченнымъ самою книгой, что

¹⁾ Prof. Ad. Harnack: Lukas der Arzt, S. 111—112: Die Apostelgeschichte, S. 151—152, 185.

²⁾ Prof. Ad. Harnack: Lukas der Arzt, S. 97; Die Apostelgeschichte, S. 122—123.

³⁾ Prof. Ad. Harnack, Die Apostelgeschichte, S. 152, 157.

⁴⁾ Prof. Ad. Harnack, Die Apostelgeschichte, S. 119, 122.

⁵⁾ Prof. Ad. Harnack, Lukas der Arzt, S. 84—85.

⁶⁾ Prof. Ad. Harnack, Die Apostelgeschichte, S. 131.

Дѣписатель былъ спутникъ св. Павла

и чрезъ него и съ нимъ находился въ близкомъ общеніи съ кругомъ апостольскимъ и съ тѣми, кто изначально подвизался на поприщѣ созиданія христіанской церкви. Истинность этого тезиса стоитъ весьма твердо и не поддается критическимъ атткамъ, такъ какъ непосредственность описаній отчетливо сказывается даже въ постороннихъ, техническихъ подробностяхъ¹⁾. Не будемъ говорить о суетности тенденціозныхъ гаданій, будто „мы“ есть только искусственный литературный пріемъ и, будучи чистѣйшею фикціей, не предполагаетъ никакой конкретной личности, кромѣ фальсификатора. Это рѣшительно опровергается самимъ характеромъ соотвѣствующихъ разсказовъ съ ихъ пластическою наглядностію и пунктуальною отчетливостію. Равнымъ образомъ подобное самозванство было бы чудесною необычайностію во всей новозавѣтной литературѣ, гдѣ нельзя указать ничего аналогичнаго для такого темнаго употребленія формы „мы“, — тѣмъ болѣе, что этотъ подлогъ былъ бы совершенно безцѣльнымъ, ибо данный оборотъ примѣняется довольно рѣдко и не связывается съ какими-либо особыми интересами, а самая личность остается въ безвѣстной тѣни. Древніе литературные фальсификаторы умѣли дѣйствовать смѣлѣе и прямѣе.

Гораздо серьезнѣе возраженіе, яко бы книга Дѣяній противорѣчитъ посланіямъ св. Павла, а въ его спутникъ это совсѣмъ немыслимо. Мы навсегда были бы разбиты на голову, еслибы столь убійственное утвержденіе оказалось справедливымъ хотя въ самой малой степени. Но должно напередъ замѣтить, что критика исходитъ здѣсь изъ субъективно-тенденціознаго пониманія личности эллинскаго благовѣстника и искажаетъ подлинный апостольскій образъ, какъ онъ представленъ въ собственныхъ писаніяхъ Павловыхъ и въ Дѣяніяхъ. Рисуютъ Апостола свирѣпымъ антиномистомъ и фанатичнымъ врагомъ еврейства. Понятно, что такой монструозный типъ не мирится съ историческою реальностію и отрицаетъ ее, доказывая тѣмъ, что въ ней онъ просто невозможенъ и — значитъ — никогда не существо-

⁴⁾ Таковы, напр., описанія морского путешествія въ Римъ, о чемъ см. James Smith, *The Voyage and Shipwreck of St. Paul with Disserfations on the Life and Writings of St. Luke, and the Ships and Navigation of the Ancients* (fourth Edition, revised and corrected by Walter E. Smith, with a Preface by the Lord Bishop of Carlisle and a Memoir of the Autor), London 1880; Dr A. Breusing, *Director der Seefahrtsschule im Bremen, Die Nautik der Alten*, Bremen 1886.

валъ фактически. Въ своихъ посланіяхъ св. Павелъ выступаетъ въ качествѣ осаждаемаго полемиста, сосредоточеннаго исключительно на догматическо отвлеченной защитѣ штурмуемыхъ основныхъ позицій, и — слѣдовательно — открывається односторонне. Поэтому и въ каѳолической церкви онъ сохранялся больше въ Дѣписательскомъ изображеніи, чѣмъ въ эпистолярномъ ¹⁾, ибо второе было узко-теоретическимъ и лишь первое явилось жизненно-цѣлостнымъ, хотя бы и не столь выдержаннымъ, какъ реально-многосложное. Правда, „протестантское сознаніе“ не желаетъ знать ничего о такомъ Павлѣ ²⁾, но тутъ лишь застарѣлое предубѣжденіе, лишенное научной солидности. Безпристрастный въ этомъ вопросѣ проф. Ад. Гарнакъ даже о ритуализмѣ апостольскомъ свидѣтельствуется, что Павелъ будучи природнымъ евреемъ, могъ исполнять съ чистою совѣстію обрядовые и подобные акты по вліянію момента, но дѣлалъ это добровольно и съ искреннимъ благочестіемъ вездѣ, гдѣ не мѣшали сему миссіонерскіе интересы въ отношеніи іудеевъ. Павелъ не просто „становился“ евреемъ для евреевъ, а фактически былъ и оставался также и іудеемъ. Ничто въ его посланіяхъ не говоритъ противъ того, что, бывая во святомъ городѣ, онъ участвовалъ въ храмовомъ культѣ наряду со своими Іерусалимскими братьями. По посланіямъ къ Римлянамъ и Галатамъ, это какъ будто невозможно, однако данное толкованіе вовсе не обязательно. Не менѣе допустимо расширенное пониманіе благовѣстнической личности Павловой, и сопоставленіе съ другимъ убѣждаетъ въ его прочности ³⁾. Тутъ самый критическій базисъ оказывается зыбкимъ, и естественно, что согласно сему принимаются лишь соотвѣтственные по содержанію аргументы, которые почитаются сильными именно своею слабостію.

Объ этомъ говорятъ и всѣ приводимые примѣры. По словамъ Дѣписателя (IX, 8 сл.), повидимому, выходитъ, что — послѣ своего обращенія — Савль все время пребывалъ въ Дамаскѣ и оттуда — по кознямъ іудеевъ — удалился въ Іерусалимъ, гдѣ былъ рекомендованъ Варнавою „ученикомъ“, а въ посланіи къ Галатамъ эти моменты раздѣляются тремя годами — съ путешествіемъ въ Аравію, послѣ чего новопросвѣщенный отправился во святой городъ прямо для „согляданія“ Петра и — кромѣ его — видѣлъ тамъ только Іакова, брата Господня (Гал. I, 15 — 19). Раз-

¹⁾ Prof. Ad. Harnack, Lukas der Arzt, S. 121.

²⁾ Prof. Ad. Harnack, Neue Untersuchungen zur Apostelgeschichte, S. 55.

³⁾ Prof. Ad. Harnack, Die Apostelgeschichte, S. 180—181.

ница въ этихъ рефератахъ несомнѣнна, но они ничуть не исключаются взаимно. Ихъ варіаціи и особенности понятны и неизбежны, поскольку цѣли тутъ не тождественныя: одинъ слѣдитъ за внѣшнимъ ходомъ событій и отмѣчаетъ внѣшнюю смѣну главнѣйшихъ стадій, — другой проникаетъ во внутренней міръ корифеевъ и обнаруживаетъ сокровенныя движущія причины явленій. Натурально, что совпаденія въ деталяхъ нѣтъ, — и тамъ говорится о покушеніи іудеевъ, здѣсь опредѣляется, по какимъ побужденіямъ и для чего Савлъ направился именно въ Іерусалимъ. Сообразно своимъ намѣреніямъ св. Павелъ передаетъ лишь о преднамѣченномъ свиданіи, а Дѣписатель упоминаетъ о внѣшнихъ условіяхъ Іерусалимскаго пребыванія, при чемъ его неопредѣленное „Апостолы“ (Дѣян. IX, 27) нимало не противорѣчитъ двойству таковыхъ въ лицѣ Петра и Іакова. Что до Аравійскаго эпизода, то хронологическіе термины Дѣяній (IX, 19, 23) — „дни нѣкія“ и „дни доволни“ — по свойству библейскаго языка совершенно допускаютъ примѣненіе къ цѣлому трехлѣтію, хотя сами по себѣ и не предполагали бы его. На промежуточное удаленіе не имѣется прямого намека, и все таки мѣста для него достаточно. Мы думаемъ такъ. Сначала христіанская проповѣдь Савла была почти совсѣмъ безплодна и вызывала неблагожелательное удивленіе, но затѣмъ онъ болѣе и болѣе укрѣпляется и приводитъ іудеевъ въ замѣшательство самою христіанскою аргументаціей (Дѣян. IX, 21—22). Едва ли тутъ допустима тѣснѣйшая хронологическая преемственность, которая мало вѣроятна и психологически и фактически. По нашему мнѣнію, въ этомъ случаѣ обязательенъ связывающій оба момента перерывъ, каковымъ исторически и было Аравійское уединеніе Павлово. Значить, соглашеніе по этому пункту далеко не невозможно, и безупречность Дѣписателя защитима удовлетворительно¹⁾. Это справедливо и для другого примѣра. По сообщенію Павла (въ 1 Тесс. III, 1, 2, 6), онъ восхотѣлъ остаться въ Аѳинахъ одинъ и — для утѣшенія Тессалоникійцевъ — послалъ къ нимъ Тимоѳея, съ которымъ встрѣтился потомъ уже въ Коринѣѣ. По отчету Дѣяній (XII, 14 — 15. XVIII, 5), — Сила и Тимоѳей остались въ Веріи, когда Апостолъ отправился въ Аѳины, распорядившись о скорѣйшемъ прибытіи ихъ, хотя фактически они пришли къ нему даже не въ началѣ его Коринѣской жизни. Изъ самыхъ этихъ сопоставленій ясно, что заповѣданная поспѣшность была относительная и фактически могла ограничиваться непредвидѣнными условіями, а потому

¹⁾ См. и Rev. P. Mordaunt Barnard въ „The Expositor“ 1899, IV, p. 317—320. Note on Acts IX. 19 ff.

совмѣстима и съ путешествіемъ Тимоѳея въ Фессалонику. Намъ не сказано, гдѣ и откуда именно было повелѣно и устроено данное отправленіе, и здѣсь допустимы разныя вѣроятныя комбинаціи. Вполнѣ мыслимо, что — разсчитывавшій прежде на Аѳинское сотрудничество названныхъ лицъ — св. Павелъ на мѣстѣ, сообразуясь со всею обстановкой, нашелъ его не столь необходимымъ и предпочелъ отправить ихъ въ Фессалонику въ виду рьяной и ожесточенной агитаціи членовъ Фессалоникійской синагоги (Дѣян. XVII, 13), о чемъ и далъ наказъ бывшимъ въ Веріи помощникамъ чрезъ сопровождавшихъ его до Аѳинъ Верійцевъ. Эта гипотеза удовлетворяетъ всѣмъ запросамъ объективной научной пытливости и кажется самою правдоподобной, ибо Дѣписатель упоминаетъ объ ожиданіи Апостоломъ въ Аѳинахъ Силы и Тимоѳея (XVII, 16) и ихъ краткій приходъ, конечно, отмѣтилъ бы съ пунктуальною точностью. Вся неясность создается лишь сжатостью Павловой фразы, но иногда тоже вызывается и Лукой, который отличается строгою экономностію языка¹⁾. Сюда относится третій случай сдержанности Дѣписателя (XVI, 6. XVIII, 23) въ извѣстіяхъ о Галатійской церкви, гдѣ, судя по посланію къ ней, благовѣстникъ трудился не кратко и немало. Но вѣдь всегда объ одномъ событіи можно передавать и сжато и пространно, ничуть не искажая истины и даже служа ей съ равнымъ усердіемъ. Требуется только, чтобы для сего были оправдательные мотивы, резонно объясняющіе подобныя уклоненія. Для Апостола они понятны и заключаются въ томъ, что онъ адресуется къ самимъ Галатійцамъ и, естественно, воспроизводитъ съ полнотою сцены своего пребыванія у нихъ — не въ качествѣ объективной справки, а по непосредственной реминисценціи. При изображеніи малоазійскаго періода второго апостольскаго благовѣстія Павлова исторіографъ слѣдитъ преимущественно за осуществленіемъ вѣлѣній Духа и потому не останавливается долго на Галатіи которая не входила въ предначертанный благовѣстнический планъ, какъ и дѣйствительно св. Павелъ сначала задержался тамъ чуть ли не прямо по болѣзни (Гал. IV, 13). Но что и по Дѣяніямъ первое посѣщеніе данной области было не мимолетнымъ, — объ этомъ мы должны догадываться по рѣшительной замѣткѣ (Дѣян. XVIII, 23), что при вторичномъ визитѣ Галатіи Апостолъ „утверждалъ тамъ въ сѣхъ учениковъ“ (ἐπι—στημίζων πάντας τοὺς μαθητάς), а это предполагаетъ далеко не мгновенную раннѣйшую его дѣятельность миссіонерски-просвѣтительнаго характера.

¹⁾ С. D. Chambers, сравнивая Дѣянія съ другими греческими писаніями — „священными“ и свѣтскими, — приходитъ къ убѣжденію что „Luke imposed upon himself a strict economy in language“: см. „The Journal of Theological Studies“ за мартъ 1924 г.

Не будемъ входить въ излишнія подробности по данному, симфонистическому вопросу. Для конкретного сужденія довольно и приведенныхъ иллюстрацій. Охотно и открыто констатируемъ, что соглашеніе Дѣяній съ Павловыми посланіями не совсѣмъ легко и часто покоится на гипотетическихъ предпосылкахъ. Однако все это возможно безъ всякаго пожертвованія научными приѣмами¹⁾ и съ несомнѣнными приобрѣтеніями для научнаго познанія. Тогда намъ нѣтъ надобности ни смущаться, ни утруждаться тенденціозными возраженіями, будто Дѣписательскій типъ Апостола Павла не совпадаетъ съ его самоизображеніемъ. Мы спокойно можемъ ограничиться встрѣчнымъ требованіемъ, чтобы критика сначала исчерпала всѣ научныя средства къ воссозданію цѣлостной біографіи на основаніи данныхъ этихъ двухъ классовъ и съ неотразимостію раскрыла абсолютную неосуществимость подобной задачи по коренному взаимному противорѣчію между ними. Такова обязательная критическая норма въ отношеніи всѣхъ аналогичныхъ литературныхъ памятниковъ. Разъ въ нашемъ случаѣ она не выполнена, — мы получаемъ неоспоримое научное право принимать наиболѣе вѣроятное, что Дѣписатель былъ близкимъ спутникомъ Павловымъ²⁾. Отсюда въ дальнѣйшемъ вытекаетъ съ необходимостію, что „второе слово“ къ Теофилу произошло отъ того же лица, что и первое, а это послѣднее — по твердому преданію — составлено св. Лукою. Поэтому должно думать, что

Дѣписатель — это Евангелистъ Лука.

Кто со скептицизмомъ упорнаго отрицанія отвергаетъ эту формулу, — тотъ прежде всего обязанъ убѣдить, что св. Лука не включается въ „мы“ и не былъ разумѣемымъ тутъ спутникомъ Павловымъ. Въ этомъ смыслѣ высказано было нѣсколько предположеній, и разборъ ихъ долженъ служить къ косвенному освѣщенію подлиннаго предмета.

Со временъ Шлейермахера многіе (De Wette, Ulrich, Davidson, Bleek, Meyerhoff, Sorof) пробовали убѣдить, что это былъ Тимоѳей. Съ теоретической точки зрѣнія въ этой

¹⁾ См. для сего и Geo. W. Clark, *Harmony of the Acts of the Apostles* Philadelphia 1897.

²⁾ Какъ извѣстно, нѣкоторые заходятъ въ этомъ отношеніи столь далско, что готовы усвоить самому Апостолу Павлу и книгу Дѣяній и третье Евангеліе. См., напр., Howard Heber Evans, *Saint Paul the Autor of the Acts of the Apostles and the Third Gospels*, London 1884.

догадкѣ нѣтъ ничего несообразнаго, но фактически она устраняется прямыми словами книги (Дѣян. XX, 4—5), что при возвращеніи Апостола изъ Еллады въ Македонію его сопровождали до Асіи Сосипатръ Пирровъ, Веріяннинъ, и изъ Оссалоникійцевъ Аристархъ и Секундъ, и Гай Дервянинъ и Тимоѳеѣй, и Асійцы Тихикъ и Трофимъ, при чемъ „они, пошедши впередъ, ожидали насъ въ Троадѣ“. Здѣсь Тимоѳеѣй со всею ясностію отличается отъ „мы“, и критика вынуждается считать двинувшимися заранѣе лишь Тихика и Трофима, но δέ (Ἀσιανοὶ δέ, Τυχικός καὶ Τρόφιμος) отмѣчаетъ распредѣленіе упоминаемыхъ лицъ по мѣстнымъ группамъ и заставляетъ относить οὗτοι ко всей ихъ совокупности со включеніемъ Тимоѳеѣя, который и при другомъ толкованіи ничуть не предполагается въ числѣ „насъ“. Догадка (Swanbeck'a) насчетъ Силы (Силуана) устраняется не менѣе легко и безповоротнo, поелику форма „мы“ исчезаетъ именно тамъ, гдѣ онъ оказывался одинъ съ Павломъ, отличаясь отъ „насъ“, бывшихъ специально при Апостолѣ (XVI, 17: αὕτη κατακολουθοῦ(ίσα)σα τῷ Παύλῳ καὶ ἡμῖν. 19; ἐπυλαζόμενοι τὸν Παύλον καὶ τὸν Σίλαν), и во всякомъ случаѣ не покрывающихъ особо названнымъ лицомъ Силы. Мысль о Титѣ зародилась въ критическихъ кружкахъ (Horst, Kneucker, Krenkel, Jacobsen) вслѣдствіе неудовлетворительности всѣхъ другихъ и — по существу своему — поддерживается только этою искусственною комбинаціей. Опровергать ее столь же трудно, какъ доказывать, потому что совсѣмъ не имѣется реальныхъ данныхъ для этой гипотезы. Тѣмъ не менѣе безпочвенность ея несомнѣнна, что понятно хотя бы по единичному соображенію. Изъ посланія къ Галатамъ (II, 1 сл.) ясно, что во время „вторичнаго“ посѣщенія Іерусалима св. Павломъ при немъ былъ Титъ, какъ его довѣренный личный представитель, присутствіе котораго вызвало напряженныя осложненія и грозило крайне опасными, почти роковыми затрудненіями. Для насъ здѣсь абсолютно безразлично, какой собственно визитъ разумѣется у Апостола: былъ ли онъ по причинѣ голода (Дѣян. XI, 30. XII, 25), на Апостольскій соборъ (XV, 2 сл.), или по завершеніи второго миссіонерскаго путешествія, — это все равно и нашего вопроса не касается. Важно и существо лишь то, что нигдѣ тутъ не встрѣчается характерное „мы“, а это невѣроятно, еслибы Дѣписателемъ былъ Титъ, потому что авторъ въ своемъ историчекомъ рефератѣ опустилъ бы самый выдающійся моментъ своего участія въ благовѣстнической работѣ учителя и подчеркивалъ бы свое имя при тѣхъ эпизодахъ, гдѣ не игралъ особенной роли. Вотъ это дѣйствительно недопустимое *contradictio in adjecto*, освобождающее насъ отъ всякихъ дальнѣйшихъ споровъ!...

Теперь достаточно сопоставить два ряда, чтобы полу-

чился прочный итогъ. Намъ предлагаютъ разныхъ лицъ, которыя не называются преданіемъ, а одно определенное прямо указывается первымъ и вполне согласно со вторымъ: — можно ли здѣсь колебаться въ убѣжденномъ выборѣ? Значитъ, не имѣется ни малѣйшихъ побужденій и достаточныхъ извиненій къ тому, чтобы считать Дѣписателемъ, спутникомъ Апостола Павла, не Луку, а какого либо невѣдомаго и невѣроятнаго литературнаго икса. Въ равной мѣрѣ нельзя различать его и отъ третьяго Евангелиста, о чемъ столь много хлопочуть безнадежные и неисправимые критики.

Мы не будемъ говорить о „филологическомъ“ сходствѣ обѣихъ книгъ, ибо близкое совпаденіе ихъ по языку достаточно раскрыто и почти общепринято. Мы остановимся на томъ существенномъ свойствѣ всякаго историческаго труда, что для него обязательна хронологическая пунктуальность. Ею не блещетъ въ изобиліи и третій синоптикъ, однако для начала проповѣди Іоанновой, тѣсно связанной съ открытіемъ общественнаго служенія Христова, даются многочисленныя и точныя хронологическія указанія синхронистическаго свойства (Лк. III, 1—2; ср. ст. 23). Ничего подобнаго не усматривается въ книгѣ Дѣяній, и отсюда рождаются сомнѣнія и возраженія. На первый взглядъ отмѣченное явленіе, дѣйствительно, кажется неожиданнымъ и непостижимымъ въ спеціально историческомъ трудѣ, но прежде всякихъ изумленій и отрицаній нужно вдуматься въ самый предметъ и тщательно взвѣсить всѣ данныя. Тогда мы поймемъ, что въ первоапостольской исторіи не встрѣчается и отдаленно равнаго событія, напоминающаго фактическое наступленіе спасительнаго избавленія Христова. Въ немъ былъ поворотный моментъ всего мірового теченія и источникъ христіанской жизни, изъ него возникающей и съ нимъ безусловно обезпеченной въ своемъ существованіи. Посему въ послѣднемъ допустимо лишь непрерывное развитіе при внутренней преемственности всѣхъ стадій, изъ коихъ всѣ — принципиально — одинаковы, поелику равно держатся на общей для нихъ божественной первоосновѣ. Съ этой точки зрѣнія было бы субъективнымъ произволомъ намѣренно выдвигать тѣ или иные отдѣльные пункты, которые въ этомъ случаѣ потребовали бы въ большинствѣ своемъ хронологической датировки, а эта погодная лѣтописность совсѣмъ не соотвѣтствовала задачамъ священной исторіографіи съ доминирующими въ ней сотеріологически практическими интересами. Этимъ вполне удовлетворительно объясняется отсутствіе въ Дѣяніяхъ синхронистическихъ сближеній, хотя нельзя не напомнить, что Іерусалимскій голодъ называется бывшимъ ἐπὶ Κλαυδίου (IX, 28).

Затѣмъ несомнѣнно, что во „второмъ словѣ“ къ Теофилу хронологическихъ терминовъ все-таки больше. Не всѣ

они отчетливы для насъ, но первѣйшая причина сему въ томъ, что наши свѣдѣнія въ этой области недостаточны, и мы не знаемъ всѣхъ фактическихъ отношеній и дѣйствительнаго положенія вещей, гдѣ все должно разрѣшаться съ безспорностію въ ту или другую сторону. За этими ограниченіями и изъятіями, у насъ остается достаточно опорныхъ пунктовъ для вѣроятныхъ хронологическихъ вычисленій. Важнѣйшамъ для общей хронологіи надо признать прямое свидѣтельство Дѣписателя (XXV, 12. XXVI, 32), что св. Павелъ былъ отпраздненъ въ Римъ при игемонѣ Порціѣ Фестѣ. О его предшественникѣ Феликсѣ говорится, что — по своемъ отозваніи — онъ былъ обвиненъ іудеями предъ Нерономъ (13 октябри 54 г. — 9 іюня 63 г.) весьма серьезно и стася отъ жестокой кары только по заступничеству своего брата Палланта (Jos. Flavii Antiqu. XX, 89), который былъ отравленъ этимъ императоромъ въ 62 году (Tacit. Annal. XIV, 65), почему смѣна „правителей“ Іудеи должна быть раньше этой даты. Солидарно и другое указаніе, что Іосифъ Флавій, родившійся въ первый годъ Кая (Калигулы: 16 марта 37 г. — 24 января 41 г.), или въ 37—38 году по р. Хр., рассказываетъ, что въ двадцатилѣтнемъ возрастѣ онъ ѣздилъ въ Римъ хлопотать за осужденныхъ Феликсомъ родственниковъ-священниковъ (Vita 3, 1), а это приводитъ къ 60-мъ годамъ. Трудно допустить, чтобы іудейскій историкъ слишкомъ замедлилъ со своею защитительною миссіею, открывшійся лишь съ увольненіемъ Феликса, а въ такомъ случаѣ имѣется достаточно времени до 62 года. Посему не безъ основанія принимается для назначенія Феста 61-й годъ ¹⁾. Вычитая отсюда двухлѣтнее Кесарійское заключеніе (Дѣян. XXIV, 27), — для ареста Павлова будемъ имѣть 59-й годъ. Это точно согласуется съ историческими свѣдѣніями о Феликсѣ. По словамъ Тацита (Annal. XII, 54), онъ — въ качествѣ правителя Самарійскаго — и Куманъ Галилейскій были вызваны къ Сирійскому намѣстнику Квадрату въ 52 году, но первый оправдался и, повидимому, вскорѣ получилъ власть надъ Іудеей ²⁾. Неудивительно те-

¹⁾ Въ опредѣленіи времени для отозванія Феликса существуютъ немалыя колебанія (о чемъ см. Prof. E. Schürer, Geschichte des jüdischen Volkes ¹², S. 483 ff.; ¹³, S. 577 ff. и ср. Prof. Ad Harnack, Geschichte der altchristlichen Litteratur bis Eusebius. Zweiter Theil (Chronologie), erster Band: Die Chronologie der Litteratur bis Irenaeus nebst einleitenden Untersuchungen. Leipzig 1897. S. 233). Большинство принимаютъ 60-й годъ, но нѣкоторые предполагаютъ ранѣйшія даты: Kellner — ноябрь 54 г., Val. Weber и O. Holtzmann — 55-й, Fr. Blass и Ad. Harnack — 56-й.

²⁾ Ср. Prof. Theodor Mommsen, Römische Geschichte V, S. 525.

перъ, если въ 60 году Апостолъ говоритъ Феликсу (Дѣян. XXIV, 10): ἐκ πολλῶν ἐτῶν ὄντα σε κρίτην ἵψ' εἶθ' αὖ τοῦτ' ἐπιστάμενος. Всѣ эти сопоставленія и совпаденія позволяютъ думать, что св. Павелъ былъ арестованъ въ 59 году, пробылъ въ заключеніи до 62 года и находился въ Римѣ подъ надзоромъ до 64 года.

Эта хронологія, конечно, лишь приблизительная и не гармонируетъ съ древними опредѣленіями (Евсевія въ Chron. по ed. A. Schone II, 148 sqq.; блаж. Иеронима De viris illustr. VII; ср. Евзелия у Zacagnius, Monum. vet., p. 523, и Cramer'a въ Caten. ad Act. Apost.), которые назначаютъ иные термины: Феликсъ посланъ въ Іудею въ 10—11 й годъ Клавдія (въ январѣ 50/1 или 51/2 г. по р. Хр.), Фестъ — во второй годъ Нерона (въ октябрѣ 55/6 г.), Альбинъ — въ 7-й (61 й) г. Эту схему раздѣляютъ и нѣкоторые современные авторитеты¹⁾, и — сама по себѣ — она не колеблетъ компетентности Дѣписателя, а только сомнительна безотносительно и совсѣмъ напрасно создаетъ коллизіи между историческими показаніями документовъ, для чего нѣтъ ни поводовъ, ни оправданій. Евсевій почерпаетъ свои свѣдѣнія изъ Юлія Африканскаго²⁾, который примыкаетъ здѣсь къ

¹⁾ Даты Евсевія, съ которыми точно совпадаютъ хронологическія вычисленія проф. Oscar Holzmann'a, всецѣло защищалъ и Ad. Harnack (Geschichte der altchristlichen Litteratur bis Eusebius II, 1, S. 334 ff.), соотвѣтственно чему располагались у него и факты жизни Апостола Павла (S. 237 ff.): обращеніе въ 30 году (по смерти Христовой или чрезъ годъ послѣ нея), первое посѣщеніе Іерусалима — въ 33 мѣ Апостольскій соборъ — въ 47-мѣ, арестъ — въ 54 (53)-мѣ, заключеніе въ Кесаріи — въ 54(53)-мѣ — 56(55)-мѣ. Этотъ ученый базировался на томъ фактѣ (S. 235), что Паллантъ (Pallas) лишился своего значенія при дворѣ въ февралѣ 56 г. (Tacit. Annal. XIII, 14—15). Но 1) эта датировка совсѣмъ не безспорна, ибо получается путемъ произвольной поправки (см. Prof. Th. Zahn, Einleitung in das N. T. II³, S. 618—649) XIV-й годовщины рожденія Британника на XV-ю (S. 238), и 2) самъ Гарнакъ соглашается (S. 233), что Паллантъ не сразу потерялъ все вліяніе, которое (хотя бы и косвенно, чрезъ разныя посредства) могло продолжаться и послѣ, а тогда мы не имѣемъ права утверждать, что онъ могъ помогать Феликсу только и единственно около 56 года. Напротивъ, мы знаемъ, что Паллантъ былъ отравленъ по приказу Нерона въ 62 году и, слѣдовательно, считался вліятельно-опаснымъ лицомъ даже въ это позднѣйшее время, почему его раннѣйшее заступничество могло сохранять свою силу въ дружественныхъ придворныхъ кругахъ и послѣ смерти, хотя въ этомъ пунктѣ у Юсифа Флавія, кажется, запутано. См. еще замѣчанія у Prof. W. M. Ramsay въ „The Expositor“ 1897, III.

²⁾ Ср. Prof. Ad. Harnack, Geschichte der altchristlichen Litteratur II, 1, S. 235, 241.

Іосифу Флавію, но именно за обсуждаемый періодъ послѣдній недостаточно информированъ и пунктуаленъ ¹⁾ и далеко не всегда подтверждаетъ церковнаго историка, какъ это ясно по ближайшему къ нашей рѣчи примѣру: по Іосифу Фл. выходитъ, что Египтянинъ-возмутитель, предъ днями ареста Павлова увлекшій въ пустыню четыре тысячи разбойниковъ (Дѣян. XXI, 33), дѣйствовалъ при Феликсѣ (Antiqu. XX, 8:6) въ царствованіе Нерона — и это согласно съ Дѣписательскими данными и съ проэктированной выше хронологіей, между тѣмъ по Евсевіевой системѣ св. Павелъ пришелъ въ Іерусалимъ при Клавдіѣ (24 января 41 г. — 13 октября 54 г.). Значитъ, всѣ эти разногласія вовсе не подрываютъ хронологической освѣдомленности Дѣписателя, а если его упоминанія, сдѣланныя случайно и неопредѣленно, вызываютъ разныя толкованія, то это не противорѣчитъ авторской личности третьяго Евангелиста, потому что въѣд и болѣе специальная замѣтка послѣдняго о Квириніевой переписи продолжаетъ плодить много споровъ и гипотезъ. Въ этомъ пунктѣ скорѣе подтверждается ихъ литературная солидарность, вполне понятная при персональномъ тождествѣ.

Это заключеніе оправдывается и другимъ свидѣтельствомъ Дѣписателя (XII, 19—23) о смерти царя Ирода Агриппы I (37, 40, 41—44 г. г. по р. Хр.), который — по Іосифу Флавію (Antiqu. XIX, 8:2) — скончался въ Кесаріи въ четвертый годъ Клавдія, или въ 44 году ²⁾, а по книгѣ Дѣяній (XII, 25) это было около времени пребыванія Варнавы и Савла въ Іерусалимѣ въ качествѣ Антиохійскихъ посланниковъ туда для помощи по случаю голода (XI, 27—30). Вотъ тутъ и высказываются ³⁾, что послѣднее событіе рисуется невѣроятными чертами, какъ бывшее „по всей вселенной“ (XI, 23), почему и весь рефератъ о благотворительной миссіи изъ Антиохіи является фальшизмомъ. Но Дѣписатель не говоритъ, что все это происходило со строжайшею одновременностію ⁴⁾, а лишь „въ то время“ (XII, 1), обнимавшее нѣсколько эпизодовъ и ничуть не покрывавшееся только фактомъ голодовки. Тогда нельзя никоимъ образомъ утверждать, что послѣдняя мыслится ставшею „вселенскимъ“ не-

¹⁾ Ср. въ нашей брошюрѣ, О Квириніевой переписи по связи съ Рождествомъ Христовымъ (Кіевъ 1913), стр. 29—30.

²⁾ Ср. къ сему свящ. Г. И. Добронравовъ, Іоненіе Ирода Агриппы I-го на христіанъ: историческій комментарий къ XII главѣ книги Дѣяній, Сергіевъ Посадъ 1911.

³⁾ См. Prof. E. Schürer, Geschichte des jüdischen Volkes I², S. 474; I³, S. 567—568.

⁴⁾ Prof. W. M. Ramsay, St. Paul the Traveller and the Roman Citizen, p. 48 sqq.

счастьемъ въ одинъ годъ позорной смерти Иродовой. Это есть совершенно произвольное перетолкованіе, яко бы бѣдствіе разомъ и въ краткій срокъ охватило orbem Romanam, ибо разсказъ допускаетъ пониманіе въ смыслѣ разновремениности пораженія по различнымъ мѣстамъ имперіи. А въ этомъ смыслѣ имѣется достаточно историческихъ оправданій. Светоній (Claud. 18) констатируетъ assiduae sterilitates въ правленіе Клавдія, другіе свидѣтели упоминаютъ о голодѣ въ Римѣ въ началѣ его (Dio Cass. LX, 11. Aurel. Victor. Caes. 4), въ 9—10 мѣ или 11 мѣ году (Euseb. Chron. ed. Schoenell, 152—153, по армянскому тексту и по блаж. Іерониму; Oros. VII, 6, 17; Tacit. Annal. XII, 43), а въ 8—9 мѣ и въ Греціи (Euseb. Chron. I. cit.), затрудненія же столицы рѣшительно уобѣждаютъ въ хлѣбномъ оскудѣніи богатыхъ поставщицъ зерна по Средиземному морю. Таковъ прежде всего Египетъ, но нѣтъ препятствій относить сюда и Іудею. Именно при Клавдіѣ (около 45 г.) іудейская прозелитка Елена, мать Адіабенскаго царя Изата, помогала жизненными продуктами страждущимъ Іерусалимлянамъ, закупая въ Египтѣ хлѣбъ и на Кипрѣ фиги (Jos. Flav. Antiqu. XX, 5 : 2). Развѣ это не соответствуетъ Дѣписательской фразѣ по ея разумному значенію, что голоданіе захватывало разныя мѣстности Римской имперіи? И могъ ли кто нибудь говорить и понимать ее иначе, если всякому была очевидна явная абсурдность подобной интерпретаціи, обрекавшей на вымираніе цѣлое богатое государство? Но о многократныхъ голодовкахъ въ отдѣльныхъ его провинціяхъ по собственной древнимъ преувеличенности вполне позволительно было говорить, какъ о „вселенскомъ“ голодѣ. Въ отношеніи Іудеи (и Іерусалима) мыслится, конечно, бывший при Еленѣ Адіабенской голодъ около 45 г. Если мы даже допустимъ, что Варнава и Савлъ во все продолженіе его оставались во святочѣ городѣ, — и тогда возвращеніе ихъ въ Антіохію упадетъ на 45 г., поелику двухгодичная длительность голоданія едва ли возможна.

Въ результатѣ находимъ, что Дѣписательская дата вполне приемлема фактически и представляетъ достаточную опору для приблизительныхъ вычисленій, а развѣ это дисгармонируетъ съ исторіографическою манерой третьяго Евангелиста? Не правильнѣе ли будетъ совсѣмъ противное? Съ обратнымъ приходомъ Антіохійскихъ посланцевъ связывается наиважнѣйшее рѣшеніе Антіохійской церкви о спеціальному развитіи и расширеніи христіанской евангелизаціи (Дѣян, XII, 1 сл.). Этотъ моментъ былъ раздѣляющею гранью для новой, всемірной миссіи и хронологически квалифицируется вполне резонно, какъ поворотный пунктъ въ движеніи апостольской исторіи, т. е. въ духѣ св. Луки. Равнымъ образомъ и послѣ хронологическія отмѣтки приво-

дятся весьма удачно, потому что арестъ Апостола сопровождался распространениемъ до центра всей Римской державы самого благовѣстія Христова согласно эссенціальному его требованію и божественному предназначенію (Дѣян. XIX, 21. XXIII, 11. XXVII, 24). Частныя хронологическія расчисленія — соотвѣтственно постепенному ходу Дѣписательскаго разсказа — сопряжены съ большими трудностями и подлежатъ особому изученію, но для нашей ближайшей цѣли этого здѣсь не требуется. Заслуживаетъ вниманія только общее заключеніе, что — не щедрый чрезмѣрно на хронологическія справки, — исторіографъ пользуется ими умѣло и примѣняетъ кстати, въ самыхъ удобныхъ случаяхъ. Это характерный методъ третьяго синоптика, и — по несомнѣнному сходству съ нимъ въ данномъ отношеніи — Дѣписатель естественно отождествляется съ Евангелистомъ.

Такое научное наблюденіе снова удостовѣряетъ истинность изначальнаго преданія, что апостольскій вѣкъ обрисованъ опытною рукою св. Луки. Древнее общепринятое мнѣніе ¹⁾ — помимо его исконности и повсюдности — обладаетъ всѣми свойствами фактической авторитетности. Оно называетъ его Антіохійцемъ, и кодексъ D прямо причисляетъ Луку къ членамъ Антіохійскаго братства. Свящ. лѣтописецъ былъ спутникомъ эллинскаго благовѣстника, не рѣдко соучаствуя въ извѣстныхъ историческихъ событіяхъ и образуя съ нимъ объединенное „мы“, — и по посланіямъ апостольскимъ безспорно, что Лука находился при Павлѣ въ Римѣ и въ первыя (Кол. IV, 14. Филип. 23) и во вторыя (2 Тим. IV, 10) узы. Ясно по этому, что онъ дѣйствительно сопровождалъ Апостола языковъ и находился въ тѣсныхъ и длительныхъ связяхъ, былъ для него „возлюбленнымъ“ „споспѣшникомъ“, сохранившимъ сомоотверженную вѣрность своему учителю въ тяжкія времена измѣны другихъ. Этотъ Лука былъ по образованію и по профессіи врачъ и, конечно, обладалъ сравнительно высокою научною просвѣщенностію а это опять же совпадаетъ съ несомнѣнными литературными достоинствами третьяго Евангелія и книги Дѣяній. Не менѣе

¹⁾ Только у св. I. Златоуста (in *Ascens. Domini et in principum Act. hom.* II, 8: M. gr. LII, 780) и у патр. Фотія (ad *Amphil. quaest.* 123, al. 145: M. gr. CI, 716) отмѣчается колебаніе, что книгу Дѣяній одни усвоили Клименту Римскому, другіе Варнавѣ, третьи Лукѣ, но здѣсь несомнѣнно смѣшеніе съ посланіемъ къ Евреямъ, — смѣшеніе случайное и, можетъ быть, даже не первоначальное, а обязанное позднѣйшей необдуманной корректурѣ или глоссѣ (у Златоуста, почему подлинность разумѣемой гонимости иногда оспаривается), ибо никто и никогда ничего подобнаго о „второмъ словѣ“ къ Теофилу не высказывалъ.

понятно, что мужъ челоѣколюбивѣйшей спеціальности былъ привлеченъ къ спасительному врачеванію изболѣваго языческаго міра и присоединился къ великому миссіонеру именно въ тотъ моментъ, когда онъ рѣшилъ перешагнуть на почву Греціи.

Со всѣхъ сторонъ и при всякихъ точкахъ зрѣнія блестяще оправдывается древнехристіанское и непрерывное убѣжденіе, какъ будто имѣющее слабые отголоски и въ текстуальныхъ варіаціяхъ¹⁾, что Дѣписателемъ былъ св. Евангелистъ Лука. Въ такомъ случаѣ не видится ни основаній, ни побужденій отвергать

ПОДЛИННОСТЬ КНИГИ ДѢЯНІЙ,

засвидѣтельствованной весьма прочно и отчетливо. Уже въ Климентовомъ посланіи цитируются (1 Сог. 2) слова Господа „пріятнѣе давать, чѣмъ принимать“, а они встрѣчаются лишь у Дѣписателя (XX, 35), трудъ коего явно предполагается у Варнавы (epist. 19) и въ Διδαχῇ (4), въ посланіяхъ (Smugn. 3 и Дѣян. X, 41; Magnes. 5 и Дѣян. I, 26) и въ мученическихъ актахъ св. Игнатія Богоносца (5 и Дѣян. XXVIII, 13—14), у Поликарпа Смирнскаго (Phil. I, 2 и Дѣян. II, 24. X, 42), въ письмѣ (усвояемомъ J. Quarr въ „Hermathena“ XXII, p. 318—357 Ипполиту Римскому) къ Діогнету (3 и Дѣян. XVII, 24 сл.) и у Иустина Мученика (Apol. I, 50 и Cohort. ad Graec. 10 ср. Дѣян. VII, 22; Dial. с. Tryph. 36 и Дѣян. XXVI, 22). У Тертулліана (adv. Marc. V, 2) прямо упоминается книга Дѣяній, которая была въ обращеніи у эвѣонитовъ (Epiphan. haer. XXX, 16), северіанъ (Euseb. h. e. IV, 29), манихеевъ (August. de utilit. credent. 7; contra Adamant. XVII, 5; contra Faust. XIX, 31) и у Θεодота (Epiphan. haer. LIV, 5), извѣстна компилятору апокрифа „Завѣты XII ти патріарховъ“ (Test. Beniam. 9, 11) равно язычнику Лукіану и — въ качествѣ писанія священнаго — изъясняется у I. Златоуста. Свидѣтелями западной традиціи служатъ Мураторіевъ фрагментъ, посланіе Ліонскихъ и Вьенскихъ христіанъ и Ириней, изъ Африканцевъ имѣемъ Тертулліана и отъ Александ-

Дѣян. XX, 13, которое гласитъ, что „мы пошли впередъ на корабль и поплыли въ Ассъ, чтобы взять оттуда Павла“, у одного армянскаго комментатора читается такъ: „но Лука и тѣ, кто со мною, пошли на бортъ“, а поелюку фраза тутъ получается неясная и нскомымъ лицомъ не могъ быть Павелъ, котораго надо было принять лишь потомъ, то Dr. J. Rendel Harris вопіиѣ правдоподобно проектируетъ слѣдующій текстъ: „но Я. Лука, и тѣ, кто со мною“. См. „The Expository Times“ XXIV, 12 (September 1913) p. 530a—531b, и ср. ibid. XXV, 1 (October 1913), p. 44b.

рійцевъ — Климента и Оригена. Не удивительно, что у Евсевія (h. e. III, 25) Дѣянія причисляются къ τὰ ἀμολογούμενα, и его утверждение гласитъ, что это благопріятное сужденіе покоилось на всеобщемъ согласномъ признаніи всѣхъ по причинѣ непрерывности христіанскаго преданія, или по его исконности.

Съ этой точки зрѣнія не особенно важны и критическія сомнѣнія насчетъ подлинности и древности соотвѣствующихъ патристическихъ памятниковъ, потому что они — принципиально — ничуть не ослабляютъ ихъ истинной свѣдѣтельской силы. Дѣло въ томъ, что тамъ не просто констатируется голый фактъ наличности той или другой новозавѣтной книги, но каждая принимается въ достоинствѣ апостольской и рекомендуется по обязательной для всѣхъ священности, а это указываетъ на ея раннѣйшее существованіе и церковное санкціонированіе. Фальсификатъ недавній, конечно, не могъ сразу пріобрѣсти подобнаго исключительнаго авторитета, и одна повсюдность послѣдняго несомнѣстима съ мыслию о подлогѣ. Разумѣется само собою, что для появленія литературныхъ контрафакцій долженъ быть основательный мотивъ въ настойчивыхъ запросахъ жизни, чтобы онѣ не возникали ex abrupto и казались не чудесными, а натуральными продуктами для удовлетворенія фактическихъ потребностей. Обыкновенно думаютъ и рекламируютъ, что въ данномъ случаѣ этимъ возбудителемъ было примирительное стремленіе, желавшее сгладить крайности петринизма и павлинизма и сблизить оба эти направленія, почему образъ эллинскаго миссіонера приспособляется къ Апостолу обрѣзанія, который въ свою очередь подгоняется къ стилизированной личности Павловой, чтобы получилось нѣчто среднее, усвоенное и увѣковѣченное „каѳолическою“ церковію. Едва ли такія тенденціи соотвѣтствовали настроеніямъ той эпохи, когда, напр., изъ Климентинъ намъ слишкомъ извѣстно, что теперь приходилось не Павла уравнивать съ Петромъ, а — напротивъ — Петра надѣлять рѣчами и актами Павловыми. Всякое иное пониманіе и построеніе будетъ не историческимъ и, слѣдовательно, не реальнымъ, или фальшивымъ.

Наконецъ, должно отмѣтить и то, что книга Дѣяній усвоится не какому-нибудь христіанскому свѣтилу апостольскихъ временъ, а скромному спутнику Павловому съ именемъ созсымъ не громкимъ. Эта черта является наилучшимъ удостовѣреніемъ фактической истинности традиции, которая иначе — подобно всѣмъ апокрифически-апокалиптическимъ современнымъ произведеніямъ — сумѣла бы украсить себя болѣе блистательнымъ ореоломъ. Критика же должна съ научною солидностію раскрыть, почему Дѣянія притисаны невидному апостольскому мужу Лукѣ, и не можетъ объяснить этого съ при-

близительною убѣдительностію, почему наиболѣе трезвые представители ея не усматриваютъ иного исхода, какъ согласиться, что онъ фактически сопровождалъ эллинскаго миссіонера и ему принадлежатъ отдѣлы съ „мы“ и всѣ связанные съ ними части въ видѣ цѣлой историографической книги, которая и будетъ его авторскою литературною собственностію.

Но если предъ нами подлинное творение спутника Павлова Луки, то и

время изданія книги Дѣяній

нельзя отодвигать за границы апостольскаго вѣка¹⁾, хотя точнѣйшую дату отыскать не легко. Дѣписательскій разсказъ прерывается на упоминаніи о двухлѣтнемъ пребываніи Апостола Павла въ Римѣ, и отсюда многіе — еще со временъ Еввалія — утверждали, что тогда именно и было составлено это Павлинистическое твореніе, въ наибольшей части посвященное жизнеописанію эллинскаго миссіонера. Но это мнѣніе опирается на шаткомъ предположеніи объ одновременности событій съ ихъ письменнымъ изображеніемъ что всячески и всегда несправедливо принципиально и фактически. У новѣйшихъ ученыхъ присоединяется еще вспомогательный аргументъ, будто — иначе — Лука не умолчалъ бы о дальнѣйшей судьбѣ своего учителя. Такое гаданіе создается на фальшивомъ пониманіи книги Дѣяній въ качествѣ чисто историческаго труда, между тѣмъ она преслѣдуетъ совершенно идейные интересы и выдвигаетъ отдѣльныя личности лишь въ мѣру соотвѣтствія имъ, почему индивидуальныя подробности были для нея не нужны во всѣхъ реалистическихъ чертахъ. Дѣянія — вовсе не біографія двухъ первохристіанскихъ корифеевъ²⁾ и ничуть не возвышаетъ ни того, ни другого³⁾, а рисуется историческое осуществленіе спасительнаго божественнаго плана, — и когда послѣдній оказывается исполненнымъ, — писатель немедленно кончаетъ по благочестивому убѣжденію, проникавшему всю работу: *solī Deo gloria!*⁴⁾. Болѣе точную дату находить, у Иринія (*Contra haer.* III. 1:1 у М. gr. VII, 244, и *Eusab. h. e.* V 8:3) въ словахъ о Петрѣ и Павлѣ, что μετὰ δὲ τὴν τοῦ

¹⁾ И прежде Prof. Ad. Harnack утверждалъ, что Дѣянія нужно относить къ 80—93 г. г. (*Ceschichte der altchristlichen Litteratur* II, 1, S. 250) или даже лишь чрезъ нѣсколько времени по разрушеніи Иерусалима (*Lukas der Arzt*, S. 18).

²⁾ Prof. Ad. Harnack, *Die Apostelgeschichte*, S. 5.

³⁾ Prof. Ad. Harnack, *Die Apostelgeschichte*, S. 6.

⁴⁾ Prof. Ad. Harnack, *Die Apostelgeschichte*, S. 49.

τῶν ἐξόδων опубликовали свои Евангелія Маркъ и Лука, а ἐξοδος ообычно означает exitum vel excessum e vita (ср. Лк IX, 31. 2 Петр. I, 15)¹⁾. Однако подобное толкованіе этого конкретнаго выраженія встрѣчаетъ нѣкоторыя затрудненія и не является безусловно несомнѣннымъ и повсюдно обязательнымъ (см. Евр. XI, 22: περὶ τῆς ἐξόδου τῶν υἱῶν Ἰσραὴλ изъ Египта). Напротивъ, въ латинскомъ фрагментѣ этого ересеолога читается, что послѣ извѣстнаго промежутка А остолы exierunt in fines terrae (M. gr VII, 844) для благовѣстнической проповѣди согласно Маркову свидѣтельству о нихъ (XVI, 20), что ἐκεῖνοι δὲ ἐλθόντες ἐκέρουσαν πανταχοῦ. Поэтимъ соображеніямъ терминъ ἐξοδος въ нашемъ случаѣ можетъ отмѣчать „уходъ“ учениковъ Господнихъ изъ Палестины въ разныя страны для миссіонерскаго служенія. Но если даже понимать его въ общепринятомъ смыслѣ, — это не рѣшаетъ безповоротно нашего вопроса, поскольку не безъ права догадываются (Prof. Fr. Blass), что разсматриваемое свидѣтельство явилось ex conjectura въ виду фразы 2 Петр. I, 15, гдѣ благовѣстникъ говоритъ: σπουδάσω δὲ καὶ ἐκαστοτε εἶναι ὑμᾶς μετὰ τὴν ἐμὴν ἐξοδόν, τὴν τοῦτων μνήν ἣν ποιήσῃμι, и не имѣетъ независимой фактически-исторической цѣнности.

Гораздо важнѣе другое обстоятельство ближайшее къ предмету нашей рѣчи и достаточно несомнѣнное научно. Не безъ основанія полагаютъ, что книга Дѣяній была задумана вмѣстѣ съ третьимъ Евангеліемъ²⁾. Допускается хоть то, что при заключеніи Евангельской историографіи у евангелиста былъ готовъ планъ и апостольской³⁾. Поэтому разстояние между ними по времени происхожденія могло быть лишь небольшое. А о первой формулировано что она издана до разрушенія Іерусалима⁴⁾. На сторонѣ сего вся научная вѣроятность. Дѣлитель изображаетъ всемірное распространеніе христіанства и его царственное утвержденіе въ языческой Римской имперіи. При этомъ онъ не скрываетъ, что такое расширение благовѣстнической миссіи было связано фактически съ немалыми осложненіями и затрудненіями для самой безупречной совѣсти исповѣдниковъ Распятаго

¹⁾ Проф. о. Д. И. Богдасhevскій (архіеп. Василій), Опыты по изученію Свящ. Писанія Н. З., вып. II: Книга Дѣяній Апостольскихъ стр. 78.

²⁾ См. выше на стр. 31, 32, 1, 77 4.

³⁾ См. Prof. Joh. Evang. Beiser, Einleitung in das N. T., Freiburg im Breisgau 1901, S. 123, zw. Aufl. ibid. 1905, S. 125.

⁴⁾ См. Prof. Ad. Harnack: Die Apostelgeschichte, S. 220; Neue Untersuchungen zur Apostelgeschichte, S. 81 ff.

придерживавшихся формъ и нормъ іудейскаго богопочтенія. Крушеніе іерусалимскихъ святынь развязывало этотъ запутанный историко-догматическій узелъ и прямо освобождало всѣхъ отъ іудейско-религіозныхъ привязанностей и соподчиненій. Едва ли мыслимо, чтобы св. Лука не отмѣтилъ этотъ кардинальный моментъ, столь существенный для его принципиальныхъ цѣлей, если онъ продолжаетъ ограждать права и практику эллинскаго благовѣстія систематическими ссылками на косность и противленіе Израиля. Посему законно утверждать, что писанія Луки вышли раньше паденія Іерусалима ¹⁾).

За долго ли до этой роковой катастрофы? — мы не можемъ опредѣлить даже по конкретнымъ указаніямъ третьяго Евангелиста, въ которыхъ какъ будто слышатся военные громы со всѣми ихъ ужасами. Но вся атмосфера тогда была насыщена ясными предвѣстіями и всеобщими предчувствіями неминуемой бѣды, отчетливой во всѣхъ своихъ главнѣйшихъ очертаніяхъ, а христіане знали о ней со всею точностію по прямымъ предреченіямъ Христа, отмѣтившаго многое съ конкретною детальностію (Мѡ. XXIII, 32 сл. XXIV, 1 сл. и паралл.). При подобныхъ условіяхъ наглядность Луки ничуть не удивительна и вовсе не требуетъ непосредственнаго наблюденія, если мы знаемъ по надежнымъ примѣрамъ, что по особому прозрѣнію иногда ясно предусматривались впередъ даже мелкіе историческіе факты²⁾).

Мы скорѣе приблизимся къ искомой грани по соображенію съ тѣмъ, постулируютъ ли писанія Луки къ смерти Павловой? И въ этомъ пунктѣ возможны и имѣются разногласія, но мы лично вполне отрицаемъ эту предпосылку. Для насъ абсолютно непостижимо и недопустимо, чтобы благовѣстнически преданный ученикъ ограничился констатированіемъ, что Апостоль проповѣдывалъ въ Римѣ царство Божіе и училъ о Господѣ Іисусѣ Христѣ со всякимъ дерзновеніемъ невозбранно (Дѣян. XXVIII, 31), когда ему было извѣстно, что уста Павловы были скованы смертными узами въ Римской столицѣ именно за миссіонерскую дерзновенность, и всякая проповѣдническая учительность смолкла навсѣгда ³⁾. Это психологически немыслимо и невѣроят-

¹⁾ Prof. A d. H a r n a c k, Neue Untersuchungen zur Apostelgeschichte, R. 81.

²⁾ Соотвѣтствующіе примѣры см. у Prof. F r. B l a s s ' a, Evangelium secundum Lucam (Lipsiae 1897), p. VII—VIII.

³⁾ Нужно еще имѣть въ виду, что древніе „жизнеописатели“ любили сосредоточиваться на послѣднихъ годахъ своихъ героевъ и часто въ особенностн останавливались на ихъ смерти: см. у Prof. J a m e s M o f f a t t, An introduction, p. 629.

но въ виду бодрого тона Дѣписательской рѣчи, которая явно внушаетъ, что двухлѣтіе закончилось благополучно, открывая болѣе отрадные перспективы полного освобожденія.

По этимъ резонамъ мы принимаемъ, что книга Дѣяній издана до смерти Павлова ¹⁾ въ началѣ 60-хъ годовъ ²⁾ — около 65 года.

Такая датировка оправдывается и нѣкоторыми общими соображеніями касательно новозавѣтной письменности, которая въ своемъ достоинствѣ обезпечивалась лишь апостольскимъ происхожденіемъ, потому что только апостольство уполномочивало на благовѣстничество ³⁾. Христіанское преданіе прекрасно понимало то принципиальное неудобство, что нѣкоторыя произведенія составлены не „самовидцами“, и посему старалось оградить ихъ санкціонирующимъ одобреніемъ послѣднихъ, когда второе Евангеліе утверждало согласіемъ Петра, третье — соизволеніемъ Павла, а труды всѣхъ трехъ синоптиковъ — благословеніемъ Іоанна Бгслова. Эта аппробирующая надобность, безъ сомнѣнія, еще яснѣе сознавалась и живѣе чувствовалась во время изданія новозавѣтныхъ писаній — среди ожесточенныхъ волненій еще не сформировавшихся христіанскихъ общинъ. Не даромъ же св. Павелъ, не смотря на неисчислимыя миссіонерскія тяготы, тщательно устранялъ своихъ помощниковъ отъ активнаго участія въ его литературныхъ сношеніяхъ и всегда дѣйствовалъ здѣсь отъ своего личнаго имени. Поэтому умѣстно и законно допустить, что и „второе слово“ къ Теофилу было обработано подъ надзоромъ великаго Апостола языковъ. Онъ безошибочно предвидѣлъ свое отшествіе ко Господу и, конечно, передалъ эту грустную вѣсть не одному Тимоѳею (2 Тим. IV, 6 сл.), и единственный его „соузникъ“ Лука (IV, 10) зналъ объ этомъ въ точности. Приближеніе этой тяжелой катастрофы естественно вызываетъ неотложную потребность оглянуться назадъ и воспроизвести всѣ „подвиги добраго теченія“ апостольскаго, сохранить ихъ для потомства въ назиданіе и побужденіе къ соотвѣтствующему подражанію. Съ этой точки зрѣнія книга Дѣяній, удовлетворявшая даннымъ запросамъ, въ совершенствѣ совпадаетъ съ извѣстною намъ благовѣстически-пастырскою поличительностію св. Павла о христіанскихъ братьяхъ и приобрѣтаетъ авторитетъ послѣдняго апостольскаго завѣта.

¹⁾ Prof. A. d. Harnack, Neue Untersuchungen zur Apostelgeschichte, S. 81, 86.

²⁾ Prof. A. d. Harnack: Die Apostelgeschichte, S. 219—221; Neue Untersuchungen zur Apostelgeschichte, S. 63 ff.

³⁾ Ср. Prof. A. d. Harnack, Die Apostelgeschichte S. 15
См. и выше на стр. 113.

При такой хронологии и

вопросъ о мѣстѣ изданія книги Дѣяній

рѣшается въ пользу Рима, на который указывалъ блаж. Іеронимъ (*De viris illustr.* VII). Другія дрезнія извѣстія приурочиваютъ апостольскую дѣятельность Луки — больше всего — къ Ахаіи, но они относятся къ позднѣйшему періоду его самостоятельнаго благовѣстничества и не колеблютъ нашей догадки, неизбѣжной по фактическому сцѣпленію историческихъ событій. А то обстоятельство, что Дѣписатель не опредѣляетъ самыхъ незначительныхъ Италійскихъ мѣстечекъ, въ родѣ „Аппіевой площади“ и „трехъ гостинницъ“, можетъ косвенно говорить, что работа совершалась при непосредственномъ ихъ наблюденіи и въ отдаленіи отъ сценъ Палестинскихъ, какъ и первоначальные читатели были детально знакомы съ Италійскою топографіей, т. е. были Римскими христіанами. Тверже преданіе текстуальное, и оно служитъ хорошимъ свидѣтелемъ по разсматриваемому вопросу. Его серьезныя колебанія раскрываются гипотезою двухъ рецензій, изъ коихъ частная возводится къ первоначальной копіи, написанной въ Римѣ, здѣсь оставшейся и отсюда распространявшейся, почему — при β — она называется еще „Римскою“ въ отличіе отъ исправленной, которая именуется „Антіохійскою“. И всѣ достовѣрные факты точно согласуются съ данною мыслию, поскольку поручители пространнаго текстуальнаго типа — почти исключительно — западнаго происхожденія, примѣненія и употребленія. Ясно, что первоисточникъ ихъ находится въ центрѣ Запада, каковымъ былъ Римъ, гдѣ, очевидно, онъ получилъ свое реальное бытіе въ первичной редакціи Дѣписательскаго труда. Наконецъ, формулированное мнѣніе освѣщаетъ и условія образованія литературной двойственности книги Дѣяній, если мы примемъ, что первыя записи своего ученика просмотрѣлъ Апостолъ Павелъ и сдѣлалъ свои замѣчанія насчетъ измѣненій и исправленій, которыя и совершены Лукою послѣ (въ Антіохіи) въ связи со всѣми данными. Естественно, что ревизованный текстъ получилъ особенный авторитетъ, а первичный сохранилъ за собою частный интересъ детальныхъ показаній соучастника.

Совокупность всѣхъ изложенныхъ основаній и соображеній невольнo наклоняетъ въ пользу Рима, какъ мѣста написанія, и самую книгу Дѣяній приводитъ подъ контроль и благословеніе великаго блгoзвѣстника.

Этимъ принципиально гарантируется

достоверность сообщаемых въ ней рѣчей.

1) Рѣчи Апостола Павла ¹⁾.

Вопросъ этотъ отличается литературно критическою сложностію и не можетъ быть рѣшенъ теоретически. Причины сему слѣдующія.

Всѣ согласны что Лука имѣетъ большія исторіографическія достоинства, какъ историческій повѣствователь, какъ мастеръ слова, тонкій стилистъ ²⁾ съ литературнымъ искусствомъ эллина ³⁾ почти несравнимымъ ⁴⁾, съ великимъ даромъ стилистической подражательности самымъ разнообразнымъ лицамъ и компликиціямъ ⁵⁾. Но именно отсюда и возникаютъ законныя сомнѣнія и подозрѣнія. Языковое мастерство отличается чисто эллинскими особенностямъ и связывается съ писательскою небрежностію въ отношеніи историко-фактической, реальной точности ⁶⁾. Мы знаемъ, что св. Лука умѣетъ глубоко и интимно входить въ существо дѣйствующихъ лицъ и чрезвычайно удачно по содержанію и формѣ усвояетъ имъ тѣ или иныя рѣчи. Естественно спрашивается теперь, не были ли эти послѣднія ловкимъ изобрѣтеніемъ самого писателя и не ретушированы ли имъ по своему, даже вопреки разумѣмому оратору, хотя бы и на основаніи нѣкоторыхъ документальныхъ матеріаловъ? Въ

¹⁾ Этотъ отдѣлъ составленъ по трактату Prof. Percy Gardner, *The Speeches of St. Paul in Acts* въ *Essays on Some Biblical Questions of the Day* by Members of the University of Cambridge ed. by Prof. H. B. Swete, London 1909, p. 378—419. См. также соответствующіе отдѣлы въ диссертацияхъ Ив. А. Артоболовскаго, Первое путешествіе св. Апостола Павла съ проповѣдью Евангелія (Дѣян. XIII—XIV), Сергіевъ Посадъ 1900; о. Д. С. Глаголева, Второе великое путешествіе св. Ап. Павла, Тула 1893; іеромонаха Григорія (Борисоглѣбскаго), Третье великое благовѣстническое путешествіе св. Ап. Павла, Сергіевъ Посадъ 1892, Н. Д. Протаслова, Св. Ап. Павелъ на судѣ у Феста и Агриппы (Дѣян. XXV — XXVI), Москва 1913. Проф. о. Д. И. Богдасhevскій, Опыты по изученію Свящ. Писанія Н. З., вып. II, стр. 10 слл.

²⁾ Prof. Ad. Harnack, *Lukas der Arzt*, S. 80.

³⁾ Prof. Ad. Harnack: *Lukas der Arzt*, S. 146; *Die Apostelgeschichte*, S. 74.

⁴⁾ Prof. Ad. Harnack, *Die Apostelgeschichte*, S. 68.

⁵⁾ Prof. Ad. Harnack, *Lukas der Arzt*, S. 152: „Lukas ein Meister in der Nachbildung von Stilarten gewesen ist“.

⁶⁾ Prof. Ad. Harnack, *Lukas der Arzt*, S. 80 ff.

случаѣ утвердительнога отвѣта весь дидактическій матеріалъ третьяго Евангелія и Дьяній утрачиваетъ всякую объективно-историческую цѣнность, а объ изображаемыхъ персонажахъ мы должны будемъ думать, что они рисуются по субъективному авторскому шаблону — съ извѣстною тенденціозностію и индивидуальнымъ пристрастіемъ.

Подобныя предположенія тѣмъ допустимѣе, что все такое было свойственно древней исторіографіи, которая во все не культивировала реализма, любила творить типы и надѣлать ихъ желательными рѣчами и манерами. Это мы видимъ уже у раннѣйшаго изъ специальныхъ историковъ, Геродота, когда онъ, говоря о междоусобицѣ въ Персіи (III, 80—82), выводитъ сановниковъ съ разсужденіями о преимуществахъ демократіи, олигархіи — въ духѣ греческихъ софистовъ и съ явнымъ разсчетомъ оправдать защитника послѣдней Дарія. Тутъ не столько историческое повѣствованіе, сколько прозаическая драма, гдѣ вмѣсто живыхъ фигуръ — характеры, вмѣсто историческаго дѣйствія — сценическія представленія. Намъ даются какъ бы „небылицы въ лицахъ“. У Фукидида прямо преобладаетъ риторика — въ длинныхъ и обработанныхъ рѣчахъ, которыя отражаютъ болѣе специально-политическіе взгляды писателя, чѣмъ подлинную исторію. Саллюстій въ разсказѣ о заговорѣ Катилины самъ присочинилъ фразистыя ораціи римскихъ сенаторовъ, хотя былъ при данныхъ событіяхъ и могъ непосредственно слышать и пунктуально воспроизвести все, что тамъ говорилось въ то время. Одинаковыя особенности наблюдаются у другихъ классическихъ историковъ (напр., Діона Кассія и Тацита) и этимъ самымъ удостовѣряются въ своей общепринятой нормативности.

Необходимо ожидаются аналогичныя приемы и у Луки, который по своимъ дидактическимъ частямъ стоитъ въ срединѣ между Геродотомъ и Тацитомъ, съ ихъ этически — драматическими тенденціями, и между сторонниками риторическихъ интересовъ, Фукидидомъ и Саллюстіемъ. Всюду у него господствуетъ идея надъ фактами, къ которымъ онъ довольно невнимателенъ и, не соблюдая точности, часто впадаетъ въ дисгармонію. Медицинская тренировка, признаваемая за Лукой, не спасла его отъ указанныхъ дефектовъ, ибо не имѣла современной пунктуальности, за отсутстіемъ физиологически анатомическаго фундамента, и не полагала строгаго различія собственно медицины и всякихъ вѣроисцѣленій. И нельзя отрицать, что Лукъ не чуждъ былъ этотъ взглядъ на христіанство, какъ чудотворную врачебную силу ¹⁾, для которой лица служили только объектами примѣненія.

¹⁾ Ср. Prof. A. d. Harnack, Lukas der Arzt, S. 100—102.

Все убѣждаетъ, что у Луки царитъ духъ греческой исторіографіи, небрежной въ отношеніи фактической детальности, но пристрастной къ типологическому методу, при чемъ люди и событія просто олицетворяютъ извѣстныя истины своими словами и поступками. А Лука находится подъ обаяніемъ своихъ великихъ идей, которыя были для него реальнѣе самыхъ фактовъ. Эта духовная склонность должна была особенно обнаруживаться въ сообщаемыхъ рѣчахъ, — и въ книгѣ Дѣяній онѣ, яко бы, носятъ такія черты, что ими явно лишь иллюстрируются разныя стороны и направленія первенствующаго христіанства въ его развитіи ко всемірному распространенію и всецѣлому возобладанію. Фактическіе случаи всегда слишкомъ тонко подходятъ къ дидактическому содержанію, а оно вполне оправдывается ими, но это сплошное и гармоническое соотвѣтствіе выглядитъ крайне искусственнымъ.

Въ итогѣ констатируется, что у Луки художественный литературный мастеръ, какъ будто, поглощаетъ и топить реалистически — точнаго историка, много отнимая у его трудовъ объективной значимости. Такъ достоинства разрѣшаются недостатками, а мы существенно ограничиваемся въ драгоцѣнныхъ матеріалахъ для первохристіанской эпохи. Съ такими печальными результатами нельзя примириться безъ самой тщательной провѣрки, которую и произведемъ сначала по отношенію къ рѣчамъ Павловымъ въ книгѣ Дѣяній.

1) Рѣчь въ Антиохіи Писидійской (Дѣян. XIII, 16—41) является первымъ сохранившимся опытомъ спеціальнаго миссіонерскаго опыта св. Павла, и по ней тѣмъ резоннѣе судить объ исторической точности Луки, что тамъ онъ не присутствовалъ. Значитъ, если эта рѣчь исторически приемлема, — это еще болѣе безспорно для другихъ, гдѣ Дѣписатель былъ самъ; если она сомнительна, — тогда дозволителенъ скептицизмъ и касательно всѣхъ остальныхъ, разъ онъ не постѣснялся допустить измышленія въ самомъ невыгодномъ для него случаѣ.

И намъ энергически подчеркиваютъ сходство съ рѣчами Петра и Стефана, которыя своею общностию могутъ внушать, что тутъ мы имѣемъ авторскіе *loci topici*, а вовсе не слова живыхъ лицъ. Но теоріи о принципиальныхъ догматическихъ различіяхъ между Павломъ и „предними“ и о радикальномъ переворотѣ, произведенномъ проповѣдію Стефана въ сторону подготовленнаго имъ павлинизма, суть лишь критическія фикціи, и мы не менѣе законно можемъ выводиться изъ отмѣченной общности, что у Апостоловъ была независимая, объективная основа въ одномъ и обязательномъ для всѣхъ преданіи.

Для подрыва Антиохійской рѣчи требуются точныя конкретныя данныя, а такихъ нѣтъ. Рѣчь эта носитъ ветхоза-

вѣтно-библейскій колоритъ и, изложивъ кратко судьбу богоизбраннаго Израиля, кочстативируетъ совершившееся смертію Христовой спасеніе, къ которсму и призываетъ „дѣтей рода Авраамова“ и боящихся Бога. Библейскій колоритъ вполне понятенъ для „слова наставленія“ въ синагогѣ послѣ чтенія закона и пророковъ при обращеніи къ іудеямъ и прозелитамъ. Библейскія мѣста цитируются и комментируются Павлинистическимъ способомъ. Не совсѣмъ неожиданное упоминаніе Іоанна Крестителя объясняется тѣмъ, что его ученики встрѣчались и, очевидно, имѣли вліяніе въ Малой Азіи и по эллинистическому міру (Дѣян. XVIII, 25. XIX, 3). Содержаніе и характеръ рѣчи — достаточно Павлинистическія и соотвѣтствуютъ ея цѣли. Желая привлечь довѣрчивое вниманіе слушателей, св. Павелъ, какъ іудей къ іудеямъ, говоритъ о дорогой для всѣхъ ихъ національной исторіи, затѣмъ отъ разсмотрѣнія Ветхаго Завѣта переходитъ къ обѣтованному въ немъ Избавителю, свидѣтельствуеетъ о Его смерти и небесномъ превознесеніи и оканчиваетъ увѣщательными предостереженіями: — развѣ все это не было самымъ натуральнымъ въ разумѣмыхъ историческихъ условіяхъ? Конечно, тутъ не находится специально Павлинистическихъ доктринъ, но послѣднія въ своей острой исключительности изобрѣтены критикой, а съ другой стороны, мы не видимъ ихъ, напр., въ посланіяхъ къ Фессалоникійцамъ, ибо св. Павелъ зналъ и умѣлъ сообщать и умалчивать важнѣйшіе догматическіе пункты своевременно и умѣстно по своимъ миссіонерскимъ интересамъ.

Слѣдовательно, для Антиохійской рѣчи вполне понятно Павлинистическое ея происхожденіе по матеріалу и по способу обработки.

2) Труднѣе для подобной оцѣнки рѣчь Апостола Павла въ Аѳинахъ (Дѣян. XVII, 22—31), потому что она специально приспособлена не къ язычникамъ вообще, а лишь къ опредѣленной Аѳинской публикѣ, для которой могла быть вполне удачною замѣтка о „невѣдомомъ Богѣ“. Правда, для насъ она связана съ нѣкоторыми неясностями, но въ ораторско-миссіонерскомъ отношеніи конструированіе рѣчи на тезисъ о невѣдомомъ Богѣ, Который не долженъ быть превращаемъ въ невѣдомыхъ божествъ, есть мастерской пріемъ, и проф. Ад. Гарнакъ справедливо не видитъ основаній, почему бы его надо непременно усвоить Лукѣ, а не самому Павлу¹⁾. Вѣдь по существу задачи проповѣдникъ для своего успѣха долженъ былъ въ самой скептической аудиторіи найти убѣдительную для слушателей точку опоры. Для іудейства служила такою ветхозавѣтная почва, а

¹⁾ Prof. Ad. Haarnack, Die Apostelgeschichte, S. 95.

въ язычествѣ еѣ представляло лишь чувство неудовлетворенности при исканіи „невѣдомаго“ и — слѣдовательно — съ готовностію принять открываемаго и познаваемаго. Ясно, что пунктъ отправленія взятъ правильно, но тогда прямо предначертывался и дальнѣйшій путь — рѣшительнаго обличенія идолства и неизбѣжной отвѣтственности за приверженность къ нему предъ судомъ Предопредѣленнаго Мужа, по воскресеніи Его. Все развитіе мыслей и натурально и логично, какъ и фактическія матеріи безусловно вѣроятны, ибо образованные греки, — даже при теоретическомъ отрицаніи народнаго культа, — готовы были оправдывать послѣдній посредствомъ аллегоризации и слишкомъ мало цѣнили эсхатологию, въ крайнемъ случаѣ допуская развѣ поглощеніе человѣческаго бытія на лонѣ природы. Посему была существенная необходимость напомнить объ этой важнѣйшей религіозной истинѣ, а она показала слухателямъ больше курьезною, чѣмъ серьезной. Все это должно было внушить, что въ этой средѣ пока нельзя было рассчитывать на сколько-нибудь солидный успѣхъ, почему единственная плодотворная задача могла теперь заключаться лишь въ томъ, чтобы разбудить дремлющія души отъ духовной спячки, зародить въ нихъ сомнѣніе насчетъ своего квіетизма, расшевелить и оживить высшія влеченія. Это вызвало нѣкоторую ообщность содержанія, сходную по характеру съ аналогичнымъ обращеніемъ Павла къ язычникамъ въ Листрахъ (Дѣян. XIV. 15—18). Въ силу этого понятно, что въ Аѳинской рѣчи нѣтъ Павлинистической доктринальной отчетливости, и проповѣдникъ не касается человѣческихъ обособленій, уничтожаемыхъ только во Христѣ, но выразительно говоритъ о его натуральномъ единствѣ, чтобы обезпечить вліяніе для благодатнаго примиренія, а послѣднее утвердить на природныхъ взаимныхъ связяхъ всѣхъ людей и на врожденныхъ стремленіяхъ ихъ къ Богу.

Эти концепціи, не воплощая всецѣло павлинизма, вполне согласны съ нимъ. Общность матеріи не давала удобства для детального построения, и отсюда не удивительно, что Аѳинская рѣчь не отличается картинной экспрессіей, но этимъ удостовѣряется и ея фактическая историчность и совершенная пунктуальность Луки. Дѣписатель, конечно, былъ способенъ „сочинить“ болѣе блестящій образецъ, однако предпочелъ умѣренность по вниманію къ документальнымъ извѣстіямъ о томъ, гдѣ онъ, повидимому, не былъ. На то же указываетъ и объективная замѣтка о маломъ успѣхѣ Аѳинскаго проповѣдничества¹⁾, ибо зачѣмъ было изобрѣтать цѣлые эпизоды и украшать ихъ оратор-

¹⁾ Prof. Ad. Harnack, Die Apostelgeschichte, S. 95.

скими цвѣтами вопреки основнымъ тенденціямъ о побѣдоносномъ распространѣніи христіанства, когда оно здѣсь рисуется потерпѣвшимъ чуть не фіаско? Между тѣмъ тутъ приложено немалое стилистическое усердіе, такъ какъ по своей эллинской формѣ Аѳинская рѣчь является классическою и одна она способна создать самую высокую литературную репутацію¹⁾. Въ ея подлинности убѣждаетъ и вся дикція — очень своеобразная, но не специфически Лукина, поскольку имѣется лишь одно слово, свойственное Лукѣ (κλῆσις), при 19 нелуканистическихъ. По формальной обработкѣ ее нельзя назвать и прямо Павлинистическою въ виду наличности 14 ти непавлинистическихъ терминовъ, но все-же безспорно, что въ ней одно слово — специально Павлово (σέβας α) и два характерныхъ для Павлова вокабуляра (εὐχαριτεῖν и ἀνδρώπιος) нелуканистическихъ слова. Во введеніи къ рѣчи (Дѣян. XVII, 16 — 21) — совсѣмъ иная пропорція: 9 нелуканистическихъ реченій при трехъ явно луканистическихъ: διαλέγεσθαι, εἰς τὰς ἀγοάς, στήλεις. Всѣ эти особенности требуютъ согласиться, что у Луки былъ документальный отчетъ, въ которомъ онъ немного редактировалъ вступленіе, а рефератъ рѣчи оставилъ въ возможной неприкосновенности. И если еще дозволительны какія-либо сомнѣнія, то, простираясь исключительно на качества источника, они тѣмъ сильнѣе отгѣняютъ историческую объективность Луки. Отсюда и общій выводъ формулируется у проф. Ад. Гарнака такъ: „что касается рѣчи въ Аѳинахъ съ ея прелюдіей въ XIV, 15 слл., то, — если критика когда-нибудь снова найдетъ глазомѣръ и вкусъ, — никто больше не станетъ отвергать, что здѣсь геніальность въ подборѣ мыслей столь же велика, сколько и историческая вѣрность, хотя бы она въ немногихъ словахъ обобщала то, что Павелъ, вѣроятно, предлагалъ язычникамъ въ основоположительныхъ миссіонерскихъ проповѣдяхъ“²⁾.

3) Рѣчь св. Апостола Павла въ Милетѣ къ Ефесскимъ пресвитерамъ (Дѣян. XX, 18—35), будучи весьма знаменательною по обстановкѣ и по случаю произнесенія, должна была твердо запечатлѣться въ душѣ присутствовавшего тамъ Луки и имѣеть всѣ данныя въ пользу своей исторической подлинности³⁾, будучи обобщеніемъ подлинныхъ

1) Ср. Prof. Ad. Harnack, Lukas der Arzt, S. 102.

2) Prof. Ad. Harnack, Die Apostelgeschichte, S. 110.

3) Prof. Ad. Harnack, Die Apostelgeschichte, S. 409: „Die Rede zu Milet ist somit höchst wahrscheinlich eine authentische Rede, soweit von der Authentie kurzer Referate die Rede sein kann“.

словъ Павловыхъ¹⁾. Къ этому заключенію принудительно наклоняетъ сильное созвучіе ея съ Павловыми посланіями, почему она иногда (Schulze въ „Studien und Kritiken“ 1900. S. 123) считается прямо сконструированною изъ 1-го 1-го 1-го, какъ другіе (напр., W. Soltau въ „Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft“ 1903, S. 123 — 154) примѣняютъ это наблюденіе въ подрывъ достовѣрности всѣхъ Павловыхъ рѣчей въ книгѣ Дѣяній. Но это есть уже одностороннее и тенденціозное толкованіе, а безспоренъ собственно фактъ частыхъ и характерныхъ совпаденій.

а) Дѣян. XX, 19: „... работая Господу (δουλῶν τῷ Κυρίῳ) со всякимъ смиренномудріемъ и многими слезами“.

Ср.

Рим. I, 1: „Павелъ — рабъ (δούλος) Иисуса Христа“.

1 Кор. II, 3: „и былъ я у васъ въ немощи и въ страхѣ и въ великомъ трепетѣ“.

2 Кор. X, 1: „я же лично между вами скромнѣе“.

б) Дѣян. XX, 20: „я не пропустилъ ничего полезнаго, о чемъ вамъ не проповѣдывалъ бы“.

Ср.

1 Кор. X, 33: „и я угождаю всѣмъ во всемъ, ища не своей пользы, но пользы многихъ“.

с) Дѣян. XX, 24: „... развѣ еже скончати теченіе мое (τὸν δρόμον μου) съ радостію“.

Ср.

Гал. II, 2: „да не како вотще теку, или текохъ“ (τ. ἐχω ἢ ἔδραμον).

д) Дѣян. XX, 32: „и нынѣ предаю васъ Богу, могущему дать вамъ наслѣдіе со всѣми освященными“.

Ср.

Кол. I, 12: „благодаря Бога и Отца, призвавшаго насъ къ участию въ наслѣдіи сзятыхъ во свѣтъ“.

е) Дѣян. XX, 33 — 34: „Ни серебра, ни золота, ни одежды я ни отъ кого не пожелалъ. Сами знаете, что нуждамъ моимъ и нуждамъ бывшихъ при мнѣ послушили руки мои сіи“.

Ср.

1 1-е 1-е, II, 9: „вы помните, братія, трудъ нашъ и изнуреніе: ночью и днемъ работая, чтобы не отяготить кого изъ васъ, мы проповѣдывали“.

¹⁾ Prof. James Moffatt, An Introduction. p. 305: „of the later speeches, that at Miletus is probably nearest to a summary of the original words of Paul“.

1 Кор. IV, 12: „и трудимся, работая своими руками“.

2 Кор. XI, 9: „... да и во всемъ я старался и постараюсь не быть вамъ въ тягость“.

г) Дѣян. XX, 35: „такъ трудясь, надобно поддерживать слабыхъ“.

Ср.

Рим. XV, 1: „мы, сильные, должны сносить немощи безсильныхъ“.

Этими сопоставленіями вполне подтверждается давно извѣстная истина, что „никакой другой отрывокъ въ книгѣ Дѣяній не соприкасается съ Павловыми посланіями ближе, чѣмъ именно эта (Милетская) рѣчь“, при чемъ важно, что „и самыя темы ея не встрѣаются бо́льше во всей книгѣ“¹⁾ и, слѣдовательно, являются дѣйствительно вызванными описанными историческими условіями, къ которымъ точно подходятъ.

Приведенныя параллели, склоняющія въ пользу Милетской рѣчи, находятъ подкрѣпленіе и въ нѣкоторыхъ ея особенностяхъ. Къ нимъ относится, напр., не вполне выдержанная обработка ея, неестественная въ литературной компиляціи, и совершенно понятная въ устномъ изложеніи: такъ, на стихѣ 32-мъ все развитіе, достигнувъ логическаго завершенія, должно бы прерваться, между тѣмъ дѣльше слѣдуютъ еще мелкія указанія. Возражаютъ, что стихъ 28 й постулируетъ къ епископальному устройству въ формѣ неизвѣстной св. Павлу, но этого предметъ — крайне темный и не можетъ служить рѣшительнымъ аргументомъ въ какую либо сторону уже потому, что въ данномъ пунктѣ никакого противорѣчія съ апостольскими воззрѣніями не усматривается и не отыскивается. А затруднительность въ стихѣ 28-мъ сочетанія, по которому искупительная кровь провозглашается Божіей, хотя разумѣется Христова, скорѣе говоритъ о пунктуальности воспроизведенія, ибо фальсификаторъ не допустилъ бы подобной неловкости. Едва ли серьезна ссылка и на стихъ 29 й, поскольку Апостоль Павелъ по опытамъ своей жизни долженъ былъ предвидѣть опасности для своихъ общинъ отъ проникавшихъ туда лютыхъ волковъ, о чемъ слишкомъ мучительно свидѣтельствовали, напр., Коринѣи и Галатіи. Самый языкъ носитъ чисто Павлинистическую типичность, ибо мы имѣемъ специально Павловы реченія *πλὴν οὗτοι, καὶ νῦν ἰδοὺ, δεσμεῖ καὶ θλίψεις, δουδετεῖν*, или характерно Павлинистическія, но чуждыя Лукѣ: *μὴ φοβεσθαι, ταπεινοφροσύνη, υποστέλλεσθαι, νυκτὰ καὶ ἡμέραν, -ὁ σμάρτερον* Глаголь *περιποιεῖσθαι* свойственъ Павлу

¹⁾ Prof. A. d. Harnack, Die Apostelgeschichte, S. 109 и. Апп. 1.

(1 Тим. III, 13) и Лукъ (Еванг. XVII, 33), однако употребляется у нихъ въ разныхъ смыслахъ, а въ Милетской рѣчи (Дѣян. XX, 28) имѣетъ строго Павлинистическое примѣненіе.

4) Рѣчь предъ прокураторомъ Феликсомъ (Дѣян. XXIV, 10 — 21) служитъ образцомъ судебно-юридической апології и съ этой стороны является единственною въ своемъ родѣ, драгоценнѣйшею для насъ и потому, что даетъ намъ нѣкоторое понятіе о защитѣ Апостола въ Римѣ предъ судомъ Кесаря, а въ посланіяхъ св. Павлу не приходилось стѣноваться на такую юридическую точку зрѣнія. Посему ее можно оцѣнивать лишь по внутреннимъ признакамъ. Здѣсь прежде всего примѣчательно строгое соотвѣтствіе содержанія съ цѣлю и положеніемъ вещей. Предъ языческимъ правителемъ, формально смотрѣвшимъ на все „дѣло Павлово“, было совсѣмъ бесполезно дебатировать догматическіе вопросы, но требовалось только доказать отсутствіе „состава преступленія“ въ гражданско-юридическомъ государственномъ смыслѣ. Къ этому именно и направляется вся аргументація, которою Апостолъ старается убѣдить, что онъ совершенно неповиненъ въ происшедшихъ безпорядкахъ, къ чему не имѣлось повода у фарисеевъ и догматически, ибо ораторъ былъ и остается солидаренъ съ ними касательно воскресенія мертвыхъ. Во всемъ этомъ получается впечатлѣніе непосредственного воспроизведенія, которое обезпечивается и (вѣроятно) наличностію Луки при данной рѣчи. Достаточное искусство юридическаго построенія согласно съ извѣстнымъ намъ образомъ Павла — миссіонера, умѣвшаго прекрасно приспособляться ко всякой обстановкѣ (ср. напр., 1 Кор. IX, 18 слл.) и здѣсь — въ качествѣ римскаго гражданина предъ римскимъ сановникомъ-судією — удачно и умѣстно пользующагося приѣмомъ *captatio benevolentiae*, но послѣднее не было простою лицемѣрною ловкостію льстиваго говоруна, а миссіонерски мудрымъ и фактически обоснованнымъ склоненіемъ слушателей въ пользу великихъ и спасительныхъ истинъ: это вѣрно для рѣчей настоящей, Аѳинской (Дѣян. XVII, 22), предъ синедріономъ (XXIII, 6) и предъ Феликсомъ (XXIV, 10)¹⁾. И едва ли приемимо для чистой науки и убѣдительно для кого-либо голое предположеніе, что анализируемую рѣчь скорѣе могъ составить Лука, когда мы видимъ, что она вполне натуральна и въ устахъ св. Павла. И если эксплуатируютъ (Prof. H. H. Wendt), что недостойно Апостола выдвигать единственный пунктъ сходства своего съ фарисеями, умалчивая о множествѣ различій, то какъ же иначе онъ и могъ дѣйствовать въ инте-

¹⁾ См. и Prof. A. d. Harnack: Die Apostelgeschichte, S. 181; Neue Untersuchungen zur Apostelgeschichte, S. 58, 60—62.

ресахъ созданія благопріятной атмосферы для обсужденія? А о принципиальныхъ разногласіяхъ фарисеи хорошо были освѣдомлены и св. Павелъ нимало не скрывалъ этого предъ ними, теперь же (Дѣян. XXIV, 21) просто примѣняетъ бывшій случай при разсмотрѣніи въ синадронѣ данного дѣла (XXIII, 6 сл.), въ которомъ доктрина воскресенія мертвыхъ вообще привлекала большое вниманіе (XXIV, 15). Заявленіе о приходѣ Павломъ въ Іерусалимъ для доставленія милостины народу своему оспариваютъ тенденціозно, поскольку это вѣроятно и фактически и по исторической важности. Идея всеобщаго воскресенія — праведныхъ и неправедныхъ — напрасно считается непавлинистическою, и потому на нее нельзя съ неотразимостію опираться въ полемикѣ противъ подлинн сти обзорѣваемой рѣчи. Если въ литературной шлифовкѣ и усматриваютъ слѣды Лукиной ретуширующей руки, то нельзя все же забывать несвойственныхъ для нея, но характеристичныхъ для Павла реченій *ἀπρόσχητος, συνεδησας, δι' τὸν* при вѣроятности для него *ἡπὶς λέγει ἐνών* въ родѣ *ἐνθύμως* и *ἀσχεῖν*.

5.6). Рѣчи въ Іерусалимѣ при арестѣ (Дѣян. XXII, 1—21) и въ Кесаріи предъ Агриппой (Дѣян. XXVI, 2—23) имѣютъ много общаго, и это оправдывается общностію положенія Павла, который въ обоихъ случаяхъ говорилъ предъ іудейскою аудиторіей и долженъ былъ апеллировать къ іудейскому религіозному сознанію. Не менѣе естественно и законно, что въ этихъ рѣчахъ преобладаютъ автобіографическія детали. Апостолъ стоялъ предъ лицомъ непосредственной опасности, когда требовалось только устранить роковой взрывъ и было бы совсѣмъ не кстати входить въ отвлеченныя догматическія словопренія. Нужно было просто успокоить взволнованныя страсти и воспаленныя предубѣжденія оскорбленнаго религіознаго чувства, а для сего важно было лишь доказать, что онъ — не измѣнникъ, не предатель и не богохульникъ. Разумѣется, тутъ ссылки на очевидные для всѣхъ факты жизни были самыми умѣстными и убѣдительными. Правда, предъ Агриппою II-мъ св. Павелъ касается мессіанскихъ чаяній и доктрины воскресенія мертвыхъ, но столь коренныя истины вѣры, конечно, не чужды были уму этого развращеннаго царя и національное о нихъ могло служить къ пробужденію его національно-религіозной совѣсти въ пользу обвиняемаго носителя національныхъ еврейскихъ идеаловъ. Съ этихъ сторонъ все въ обѣихъ рѣчахъ натурально.

Вѣрное въ общемъ, — это сужденіе однако подвергается большимъ подозрѣніемъ въ частности, ибо въ фактическихъ сообщеніяхъ встрѣчается немало дисгармоній въ самой книгѣ Дѣяній и въ посланіяхъ Павловыхъ. Это имѣемъ по отношенію къ важнѣйшимъ моментамъ исторіи Павла — о его обращеніи (Дѣян. XXII, 6. XXVI, 12 и ср. 18,

3; 1 Кор. XV, 8) и о порученіи ему благовѣствованія въ языческомъ мірѣ (Дѣян. XXII, 14. XXVI, 15 и ср. IX, 13; Гал. I, 11, 15). Безспорно, что по этимъ пунктамъ есть нѣкоторые диссонансы, но неужели ихъ совсѣмъ не замѣчалъ Дѣписатель? А если, „да“, то зачѣмъ ему было „сочинять“ три, даже четыре (включая Римскую въ главѣ XXVIII-й) рѣчи и самому вносить въ нихъ завѣдомыя несогласованности? Не вѣрнѣе ли научно принять, что онъ имѣлъ надежные, авторитетные и обязательные для него источники, которые и воспроизводитъ съ полною объективностію¹⁾? Засимъ несомнѣнно и то, что разумѣмыя несоотвѣтствія вовсе не столь существенны въ разсматриваемомъ вопросѣ. Характерно уже то, что дисгармонія съ самосвидѣтельствами Павловыми весьма слабая и потому ничуть не исключаетъ подлинности анализируемыхъ рѣчей. Наоборотъ, гораздо больше расхожденій съ другими указаніями самой книги Дѣяній, но это скорѣе говоритъ о добросовѣстности Луки, неприкосновенно цитирующаго свои источники безъ искусственного взаимнаго приспособленія ихъ. При извѣстномъ литературномъ мастерствѣ, ему, конечно, легко было избѣжать всякихъ контрастовъ между собственными композиціями. И нельзя здѣсь ссылаться на его эллинистическую невнимательность къ реалистическимъ деталямъ, ибо вопросъ шелъ о наиважнѣйшихъ фактахъ, съ которыми Лука связываетъ всѣ свои построенія до того, что послѣднія на нихъ держаться и съ ними падаютъ. Тутъ авторская небрежность прямо немыслима, а точность тѣмъ болѣе допустима, что несогласованность усматривается нами лишь потому, что сачья собѣтія недоступны намъ въ подробностяхъ, которыя могли вполне примиряться *realiter*. Вообще, содержаніе не представляется невѣроятнымъ въ устахъ Павла, а древне-греческая пословица „жестоко ти есть противу рожна прати“ (Дѣян. XXVI, 14), употребляемая у Эсхила (*Agam.* 1624) и Пиндара (*Pyth.* II, 173) съ небольшими измѣненіями, для него не менѣе правдоподобна, чѣмъ присловіе „нѣсть во углѣ сотворено сіе“ (XXVI, 23), поскольку они были распространенными и могли ходить въ Палестинѣ позрамейски.

Въ языкѣ обѣихъ рѣчей находятся особенности, которая объясняются ихъ свойствами. Апологія предъ іудеями есть переводъ съ „еврейскаго“ и потому удерживаегъ арамаизмы въ XXII, 19—20 и, вѣроятно, въ XXII, 16. Естественно, что этотъ переводъ принадлежитъ Лукѣ и отражаетъ его языковыя качества (а не Павлинистическія) — *σύνεσις, ἐλάξις, ἐξελίφνης* (еще у Мрк. XIII, 35), *ὅτι τῇ ᾠρᾷ ἐπιστάς*. Вопреки сему въ рѣчи предъ Агриппой при 8 явно

¹⁾ Prof. A. d. Harnack, *Die Apostelgeschichten*, S. 110.

Луканистических реченіяхъ встрѣчается не менѣе 12-ти, которыя свойственны лишь Павлу, а не Лукѣ. Въ двухъ терминахъ, общихъ обоимъ, сохраняется исключительно Павлинистическій смыслъ: *ἡμεῖς αὐτοὺς* = почитать себя (XXVI, 3) — 11 разъ (кромѣ Евр.) въ такомъ значеніи у Апостола языковъ (2 Кор. IX, 5. Филипп. II, 3, 6, 23. III, 7, 8². I Тим. V, 13. 2 Тим. III, 15. I Тим. I, 12. VI, 1) и ни однажды у Луки; *καὶ ταῦτα* метафорически (XXVI, 7) лишь у перваго (I Кор. X, 11. XIV, 35. Евр. IV, 13. Филипп. III, 11), между тѣмъ у второго всегда буквально (Дѣян. XVI 11. XVIII, 19, 24. XX, 15. XXI, 7. XXV, 13. XXVII, 12. XXVIII, 13). Употребляется (XXVI, 4) аттическая форма *ἵσταίν* (—вмѣсто *οἰσθίσιν*—), но она примѣняется именно у эллинскаго благовѣстника въ Ефес. V, 5.

Обзоръ Павловыхъ рѣчей въ книгѣ Дѣяній даетъ благоприятный результатъ въ пользу возможной исторической точности Луки. Это заключеніе подтверждаютъ и

II) рѣчи Апостола Петра.

Относительно ихъ ¹⁾ высказывается то общее убѣжденіе, что онѣ слишкомъ сглаживаютъ и смягчаютъ характерную типичность образа Петра и приближаютъ его къ столь же стилизованному портрету эллинскаго благовѣстника, а это свидѣлствуетъ объ активномъ творческомъ участіи примирительныхъ тенденцій, которыя принадлежатъ позднѣйшему періоду созданія „каеолической церкви“. Понятно, что вмѣстѣ съ послѣдними и соотвѣтственныя рѣчи Петровы переносятся изъ апостольской эпохи и оказываются совсѣмъ измышленными, или совершенно извращенными при литературной обработкѣ ихъ въ компиляціи книги Дѣяній.

Это принципиальное сужденіе далеко не столь категорически подтверждается частными замѣчаніями и постоянно требуетъ экзегетическихъ натяжекъ и текстуальныхъ насильій. Значить, въ самой основѣ тутъ есть нѣчто искусственное, которое легко разоблачается самыми простыми сообра-

¹⁾ См. у проф. О. И. Мищенко, Рѣчи св. Ап. Петра въ книгѣ Дѣяній Апостольскихъ, Кіевъ 1907, и ср. объ этой диссертации въ „Богословскомъ Вѣстникѣ“ 1911 г., №№ 1, 2, 4, 5, 7—8, стр. 364—379, 754—771, 221—239, 467—492 „критическія замѣчанія“ проф. М. Д. Муретова, а равно его же Древне-еврейскія молитвы подъ именемъ Апостола Петра съ приложеніями о литературныхъ особенностяхъ твореній Ап. Петра и о значеніи термина „καὶ ταῦτα“ Св. Тр. Сергіева Лавра 1905.

женіями. Для устойчивости формулированнаго заключенія необходимо, чтобы оно оправдывало себя во всѣхъ своихъ предпосылкахъ и успѣшно достигало своей научной цѣли. Но мы видѣли, что рѣчи св. Павла чужды всякой нереальности и — напротивъ — отличаются достаточною историческою подлинностію. Въ такомъ случаѣ по параллелизму съ ними должны быть признаны не менѣе автентичными и рѣчи Петровы, ибо тѣ и другія будутъ одинаково соотвѣтствующими запросамъ и настроеніямъ вѣка Павлова, т. е. апостольскаго, когда жили и дѣйствовали оба эти великіе благовѣстники. Въ этомъ убѣждаютъ и безспорныя фактическія аналогіи. Въ древне-христіанскихъ литературныхъ памятникахъ мы имѣемъ немало фальсификацій предполагаемаго критиками свойства, и всѣ они проникнуты духомъ рѣшительной прямолинейности, не допускающей иринической постепенности и идейныхъ компромиссовъ. Ограничимся ссылкой на близкія къ нашей темѣ „Климентины“, гдѣ Апостоль Петръ рисуется съ нѣкоторыми Павлинистическими налетами, но за то отъ св. Павла, какъ такового, не остается ничего индивидуальнаго кромѣ еретическаго злочестія. Тамъ одинъ вытѣсняетъ и поглощаетъ другого, а въ Дѣянїяхъ находимъ совсѣмъ иное, что „Лука не предпочитаетъ ни котораго изъ нихъ“ ¹⁾ и, слѣдовательно, чуждъ самонамѣренныхъ интересовъ и приспособленій между ними, какъ и сама критика постоянно трубитъ о рѣзкомъ различїи Петринистическихъ и Павлинистическихъ стихій у Дѣеписателя. Очевидно, во взаимномъ прилагиванїи не было надобности, поскольку именно таковы были подлинные историческіе факты, вполне объяснявшіе себя и поддерживавшіе. Въ этомъ пунктѣ критическая реконструкція терпитъ самое жестокое внутреннее поражение. По своимъ задачамъ она стремится къ просвѣтленію исторической примрачности, которая создается скудостію документальныхъ свидѣтельствъ. Отъ нея обязательно требовалось по самой цѣли, чтобы критика устранила наличную туманность и по возможности восполнила существующую недостаточность, а въ замѣнъ этого предлагается безжалостно пожертвовать драгоценными матеріалами въ видѣ Петровыхъ посланій, которыя отвергаются въ качествѣ неподлинныхъ. Получается ли что-либо особо полезное для вѣры и знанія послѣ такого героическаго самоотреченія? Вѣдь тогда мы остаемся безъ всякихъ почти источниковъ, а всѣмъ извѣстно, что въ безвоздушной пустотѣ свѣтъ не свѣтитъ и ничего не освѣщаетъ... Тоже неизбежно и въ историческомъ познанїи, для обезпеченія котораго мы должны взять всю

¹⁾ Prof. Ad. Harnack, Die Apostelgeschichte, S. 6.

совокупность дошедшихъ матеріаловъ въ книгѣ Дѣяній и въ Петровыхъ посланіяхъ, не насилуя ихъ заранѣе теоретическими предубѣжденіями.

Взглянемъ теперь на сохранившіяся „рѣчи“ Апостола Петра (Дѣян. I, 15 — 26. II, 14 — 36, 38 — 40. III, 4 — 6, 12 — 26. IV, 8 — 12, 19, 23; 24 — 30. V, 3 — 9. V, 29 — 32. VIII, 20 — 23. IX, 34; 40; X, 26 — XI, 18. XV, 7 — 11) при этихъ предположеніяхъ, которыя ограждаются имѣющимися документальными данными и должны быть провѣрены вытекающими примѣненіями. А они въ существѣ своемъ таковы.

Детальный анализъ наглядно показываетъ, что по своему специальному содержанію Дѣписательскія рѣчи Апостола Петра строго совпадаютъ съ его посланіями¹⁾ и могутъ служить къ огражденію или провалу послѣднихъ. Во всякомъ случаѣ взаимоотношеніе таково, что подозрѣнія противъ посланій нельзя прямо переносить на рѣчи, а признаніе ихъ вполне законно и справедливо распространять на первыя, потому что апостольскія рѣчи сообщаются во всей ихъ доскональной исторической обстановкѣ и — слѣдовательно — допускаютъ конкретную провѣрку своей подлинности.

Тщательное сличеніе съ изображаемыми Дѣписателемъ условіями наглядно убѣждаетъ, что рѣчи Петровы точно отвѣчаютъ имъ по содержанію и тону, а — значитъ — и не должны возбуждать объективныхъ сомнѣній въ своей историчности. Иначе мы вынуждены будемъ отбросить и историческую часть Дѣяній и тѣмъ самымъ совершить научное самоистребленіе ради школьныхъ теоретичеткихъ фантазмагорій.

Можно ли понять и оправдать подобный сокрушительный разгромъ въ полученномъ по законному наслѣдству богатомъ достояніи? Пожалуй, это было бы нѣсколько извинительно, еслибы послѣднее оказалось фальшивымъ и фиктивнымъ, ложно присвоеннымъ неподобающую цѣнность. Въ этомъ смыслѣ и говорятъ, что Дѣписатель даетъ искусственно поддѣланный образъ Петра, какъ іудаиста, но

¹⁾ См. *Θ. И. Мищенко*, стр. 349: „Мы видимъ между рѣчами Ап. Петра въ Дѣяніяхъ и посланіями его удивительное совпаденіе въ основныхъ пунктахъ и духѣ ученія. Какъ въ рѣчахъ Дѣяній, такъ и въ посланіяхъ вѣдетъ одинъ духъ, господствуетъ одно направленіе. Читая рѣчи, мы находимъ въ сущности тѣ же воззрѣнія, что и въ посланіяхъ. Одно только можно дать естественное объясненіе такого поразительнаго сходства въ ученіи — это то, что авторъ посланій долженъ былъ произнести и тѣ рѣчи, которыя изложены въ Дѣяніяхъ. На нашъ взглядъ внутреннее содержаніе рѣчей даетъ убѣдительное доказательство принадлежности ихъ по содержанію Ап. Петру“.

стилизованного по типу Павла, которому онъ былъ идейно противоположенъ и практически враждебенъ. Но что мы должны съ необходимостію ожидать отъ Петра исторически? Онъ былъ еврей по роду и іудей по воззрѣніямъ, а принятіе имъ христіанства совершилось безъ тяжелыхъ катастрофъ, предварявшихъ обращеніе Савла. Справедливо заключать отсюда, что Петръ усмотрѣлъ во Христѣ совершенную реализацію ветхозавѣтныхъ іудейскихъ чаяній и потому Господа Спасителя почиталъ окончательнымъ ихъ истолкователемъ, обязательнымъ для всего Израиля по искупительному достоинству и по догматическому авторитету. Для него вполне натуральна апостольская миссія благовѣстника у обрѣзанія, а въ этой миссії не было ли самымъ естественнымъ, что проповѣдникъ будетъ отправляться отъ священныхъ іудейскихъ традицій и разъяснять ихъ въ духѣ христіанства, какъ божественнаго завершенія всего спасительнаго промысла? Съ этими нормами безусловно гармонируютъ всѣ Дѣписательскія рѣчи Петра, являясь исторически совершенно умѣстными въ его устахъ. Нѣтъ ни малѣйшихъ уклоненій въ принципиальномъ отношеніи ради крайняго павлинизма, изобѣтеннаго и защищаемаго критическою тенденціозностію. Въ подобныхъ случаяхъ освѣщаютъ невѣрно и пристрастно. Если самъ Христосъ и Евангеліе — эссенціально божественны, то Его лицо и дѣло тоже божественны и не могутъ быть скованы временными приспособительными рамками. Искупленіе и благовѣстіе — универсальны и безусловно требуютъ соотдѣненія прежнихъ аккомодативныхъ методовъ, санкціонированныхъ, но преходящихъ и практически приспособленныхъ къ определенной національной средѣ. И развѣ рѣчи Петровы не подтверждаютъ этого или даютъ нѣчто большее и непріемлемое идейно? Не скорѣе ли нужно сказать совсѣмъ обратное по документальнымъ свидѣтельствамъ? Въ нихъ весьма замѣчательно, что Петръ мотивируетъ допущеніе язычниковъ въ Церковь Христову фактическими знаменіями благодушнаго призванія и по причинѣ ихъ считаетъ традиціонныя ограниченія такими, которыя теперь не могутъ препятствовать велѣніямъ божественнаго Духа (Дѣян. X, 47. XI, 17). Эту позицію фактическаго оправданія для универсальнаго примѣненія благовѣстія Христова св. Петръ рѣшительно держалъ и на Апостольскомъ соборѣ (Дѣян. XV, 7 сл.), выражая свое исконное и принципиальное воззрѣніе, что Евангеліе въ силу божественности своей необязано по предназначенію, но реально расширяется по прямымъ указаніямъ свыше. Есть ли это специфическій „павлинизмъ“, или обязательный „евангелизмъ“, нестрасимый для всякаго при сознательномъ воспріятіи вѣры Христовой? И противорѣчатъ ли сему хоть сколько-нибудь данныя Павловыхъ посланій? Въ отчетѣ о

наиболѣе яркомъ эпизодѣ Антиохійскаго столкновенія св. Павелъ раскрываетъ всецѣлое единство съ Петромъ въ принципиальномъ исповѣданіи абсолютнаго господства спасительной вѣры, но рѣшительно отмѣчаетъ, что его великій собратъ не сдѣлалъ сразу и фактически не дѣлалъ всѣхъ практическихъ выводовъ, сообразуя ихъ съ повелительнымъ голосомъ мисіонерскаго опыта (Гал. II, 14 сл.). Не таковы ли по своей идейной сторонѣ и всѣ рѣчи Петровы въ книгѣ Дѣяній и не ограждается ли ихъ историческая реальность живымъ голосомъ Апостола Павла?

Дальше возможенъ разговоръ лишь о литературной обработкѣ. А въ этомъ отношеніи безспорна Петринистическая оригинальность при несомнѣнной Луканистической типичности¹⁾, но это сочетаніе наиболѣе вѣроятно исторически, ибо св. Петръ говорилъ, конечно, псарамейски, а Лука хорошо зналъ этотъ языкъ и умѣлъ переводить на греческій удачно²⁾, т. е. своимъ стилемъ, но съ сохраненіемъ отличительныхъ особенностей оригинала.

Внимательное разсмотрѣніе убѣждаетъ въ исторической подлинности рѣчей Петровыхъ и въ точности воспроизведенія ихъ Дѣеписателемъ³⁾. Тоже заключеніе оправдываетъ и

III) рѣчь архидіакона Стефана⁴⁾.

О ней говорится, что она была предвосхищеніемъ и первоисточникомъ павлинизма и потому фактически невозможна въ столь раннюю первохристіанскую пору, или исторически нереальна и литературно измыслена. При такой формулировкѣ все рѣшеніе вопроса сводится къ выясненію дѣйствительнаго соотношенія проповѣди Стефановой съ начертанною Дѣеписателемъ перспективой. Существуетъ ли между ними взаимно гарантирующая симфонія, или односторонне уничтожающій диссонансъ?

1) См. *Θ. И. Мищенко*, стр. 350. „Въ изложеніи рѣчей, съ одной стороны, выступаютъ особенности, чуждыя оригинальному стилю Дѣеписателя, и болѣею частію отвѣчающія характеру Ап. Петра и иногда прямо повторяющіяся въ его писаніяхъ. Съ другой — чрезъ всѣ рѣчи въ рѣшительной мѣрѣ проходятъ обороты и выраженія, несомнѣнно принадлежащія перу св. Луки“.

2) См. *Prof. Ad. Haug*, *Lukas der Arzt*, S. 84, 1.

3) См. *Θ. И. Мищенко*, стр. 353—354.

4) Специально о ней см. трактатъ *К. В. Орлова*, Рѣчь св. Первоученика Стефана: ея общій характеръ, задача и содержаніе въ „Богословскомъ Вѣстникѣ“ 1900 г., № № 9 и 10, стр. 1—27, 167—188. Ср. еще у проф. *о. Д. И. Богдасhevскаго* (архіеп. Василія), *Опыты по изученію Свящ. Писанія* Н. З., вып. II, стр. 15—16.

Содержаніе Стефановой рѣчи (Дѣян. VII, 2 — 53) излагается въ слѣдующемъ резюме ¹⁾: „Богъ изначала сообщилъ исторіи Израиля развитіе, которое вело къ осуществленію данныхъ Аврааму обѣтованій такимъ, именно, образомъ, какъ это осуществилось чрезъ Іисуса Назарянина, и которое закончится упраздненіемъ храмоваго культа и измѣненіемъ закона Моисеева, но Израиль... свое постоянное и упорное противленіе Духу Святому выразилъ отверженіемъ Христа. Однако, какъ раньше Богъ, не смотря на противленіе Израиля, всегда осуществлялъ въ его исторіи свою волю, такъ и теперь Іисусъ Христосъ исполнитъ все, что пришелъ совершить для спасенія человѣка, и невѣрующей Израиль, подобно своимъ отцамъ, за непослушаніе Богу и Христу подлежитъ отверженію, но уже — полному такъ какъ во Христѣ — исполненіе всѣхъ обѣтованій Божіихъ Израилю“ ¹⁾.

Значитъ, основными пунктами проповѣди Стефана служили тѣ положенія, что 1) христіанство было увѣнчаніемъ закона, заканчивающимъ и поглощающимъ его, а потому 2) принятіе христіанства легалистически обязательно и месіански спасительно, отверженіе же номистически грѣховно и индивидуалистически гибельно.

При какихъ условіяхъ и по какому поводу развивались эти мысли?

Стефанъ былъ въ тогдашнемъ Іерусалимѣ наиболѣе вдохновенный и энергичный благовѣстникъ словомъ и дѣломъ пламеннаго активнаго темперамента съ большимъ наступательнымъ характеромъ въ отношеніи своихъ прежнихъ единовѣрцевъ. Естественно, что эта наступательная стремительность приводитъ къ неизбѣжнымъ столкновеніямъ и жаркимъ спорамъ, а ея сокрушительность побудила противниковъ ликвидировать грозу въ самомъ корнѣ и навсегда. Стефанъ былъ арестованъ и преданъ суду по обвиненію въ богохульствѣ.

Въ этомъ ему и предстояло теперь защищаться, но былъ ли реально этотъ юридически вмѣняемый фактъ? Св. Стефанъ нигдѣ не отрицаетъ его категорически, почему необходимо предполагается неправильное перетолкованіе рѣчей Стефановыхъ противъ закона и культа, поскольку тутъ усматривалось хула на Бога (Дѣян. VI, 11). Отсюда ясно, что Стефанъ отвергалъ номизмъ въ его исторіи и богочтеніи не безусловно, но лишь въ качествѣ божественнаго и потому вѣчнаго учрежденія въ спасительномъ промыслѣнн Божіемъ. Однако подобныя мысли, будучи для іудеевъ равно отвратительными въ устахъ язычниковъ, не были со стороны ихъ богохульными и становились таковы-

¹⁾ См. К. В. Орловъ, стр. 188.

ми лишь у номистовъ, дѣлавшихся чрезъ это ренегатами и измѣнниками. Для совершеннаго оправданія въ своей совѣсти предъ судьями Стефану нужно было доказать, что онъ не отступникъ и не предатель закона, а это возможно было лишь при томъ единственномъ условіи, что онъ строго подчиняется послѣднему и въ своей противоіудейской христіанской полемикѣ. Потребности личной апологіи необходимо обращали оратора къ объективному освѣщенію номизма въ историческомъ озареніи.

Значить, историко фактическая постановка защиты вызывалась конкретнымъ положеніемъ дѣла и вполне вѣроятна. Въ самой рѣчи требовалось обосновать, что переходъ въ христіанство и христіанское комментированіе законничества ничуть не были богохульными по существу. Для сего обязательно было раскрыть, что номизмъ всецѣло находится на сторонѣ обвиняемаго, а потому осуждаетъ самихъ обвинителей. Поскольку же онъ — христіанинъ, этимъ утверждается съ неизбѣжностію, что законъ по своей природѣ, цѣли и дѣйствию въ исторіи былъ мессіанскимъ и завершается христіанскимъ исполненіемъ, въ которомъ и растворяется совершенно со всѣми своими спеціальными институтами. Тутъ христіанское обращеніе необходимо въ силу самаго законничества и доставляетъ всѣ его спасительныя блага, благотно почерпаемая лишь въ христіанствѣ. По прямой пропорціональности, противленіе послѣднему будетъ не случайнымъ актомъ, создавшимъ недоразумѣніямъ насчетъ дѣла Христова и проповѣдію апостольскою, а является неизбѣжнымъ итогомъ непониманія самой души номизма съ соотвѣтственнымъ нарушеніемъ его во всей исторіи, которая разрѣшается безбожнымъ и непоправимымъ убійствомъ предвозвѣщеннаго Праведника, Христа-Спасителя. Категорическій выводъ теперь тотъ, что Стефанъ легалистически правъ своимъ христіанствомъ, а его враги номистически преступны и легально неизвинительны въ своемъ буйномъ антихристіанскомъ упорствѣ.

Задача рѣчи оказывается достигнутой: — Стефанъ принципиально и фактически доказалъ свою номистическую правоту, обязательную и для всѣхъ слушателей. Можно сказать, что для интересовъ индивидуальной апологетики вся трактація представляется слишкомъ длинной, между тѣмъ легко было закончить все короче, энергичнѣе и безъ напраснаго раздраженія аудиторіи рѣзко обличительными пассажами. Но не надо забывать, что Стефанъ выступалъ въ качествѣ христіанскаго благовѣстника, защищающаго не столько свое лицо, сколько пропагандируемое имъ дѣло, а послѣднее — по его пререкаемости для іудеевъ (Дѣян. VI, 9) — требовало убѣждающаго номистическаго оправданія, которое — въ силу самой противоположности сталкиваю-

щихся взглядовъ — необходимо получало укоризненную формулировку.

Посему мы должны согласиться, что рѣчь Стефана, являясь вполне оригинальною ¹⁾, предполагаетъ спеціальнѣйшій источникъ ²⁾ и персонально и принципиально вполне обеспечивается въ своей исторической реальности всею фактической обстановкой. Тутъ, отверженіе первой неминуемо повлечетъ и отрицаніе второй. Но . . . „чесо ради гибель сія“? Для спасенія разумной постепенности и прагматической связности христіанскаго развитія въ апостольскую эпоху? А нарушается эта законмѣрность яко бы тѣмъ, что рѣчь Стефана проникнута позднѣйшимъ павлинизмомъ, невозможнымъ въ указываемое для нея время. Однако все въ этомъ смыслѣ ограничивается проповѣдію, что Евангеліе завершаетъ собою законъ и христіанство нормально смѣняется номизмъ, будучи божественно неограниченнымъ его исполненіемъ. Но развѣ это было послѣдующимъ приобрѣтеніемъ теоретической мысли Павловой и не служить эссенціальнымъ выраженіемъ самого христіанскаго факта? И развѣ всякій сознательный обращенецъ изъ іудейства не понималъ этого въ силу самаго христіанскаго исповѣданія, какъ божественно легализованнаго и универсальнаго? Въ такомъ случаѣ устраненіе фактическихъ выводовъ не требуетъ ли кассированія историческихъ христіанскихъ явленій? Нѣчто подобное и принимаютъ нѣкоторые со всею тенденціозною дерзостію, отрицая быліе и Христа и Апостоловъ — со включеніемъ Павла, но что же это за наука, которая — вопреки своему смыслу — ничего не созидаетъ, а все разрушаетъ и опустошаетъ, оставляя послѣ себя лишь теоретическіе миражи и субъективные фантомы?

И рѣчь архидіакона Стефана, имѣющая всю историческую вѣроятность, и всѣ другія дідактически — репродуктивныя части книги Дѣяній ничуть не ведутъ къ столь печальнымъ и страшнымъ результатамъ. Безпристрастный анализъ Павлинистическихъ отрывковъ рѣшительно убѣждаетъ проф. Ад. Гарнака, что „изъ свободы, какую усвоили себѣ древніе историки вставляя въ подходящихъ мѣстахъ цѣлыя рѣчи (— будутъ ли это рефераты о дѣйствительно сказанномъ, или собственныя проеціи —), Лука сдѣлалъ широкое, но счастливое употребленіе. Какъ въ Евангеліи смѣняются дѣла и слова Христовы (Дѣян. I, 1), такъ точно оба эти элемента должны располагаться и во второй книгѣ. Рѣчи преобладаютъ въ первой и послѣдней четвертяхъ ея, во второй же и третьей пространственно отступаютъ, но

¹⁾ Prof. Ad. Harnack, Die Apostelgeschichte, S. 109.

²⁾ Prof. James Moffatt, An Introduction, p. 606, 631.

тѣмъ онѣ значительнѣе здѣсь. По нашему воспріятію и, можетъ быть, равно и первыхъ читателей, высшими пунктами являются рѣчи въ 15-й, 17-й и 20-й главахъ; однако начальныя, какъ и рѣчи Христовы, сѣтъ истинно основоположительныя, а заклочительныя увѣряють читателей, что ихъ великій миссіонеръ Павелъ былъ призваннымъ отъ Бога посредникомъ миссіи и великимъ свидѣтелемъ за Христа предъ правителямъ и царями“¹⁾. А изученіе рѣчей Петровыхъ „утверждаетъ, что Дѣписатель пишетъ не какъ поэтъ и художникъ, а какъ точный историкъ, и въ формѣ чужихъ словъ даже въ отрывочныхъ фразахъ передаетъ не собственные мысли, а только то, что дѣйствительно когда-нибудь было сказано упоминаемыми у него лицами“²⁾.

Въ концѣ концовъ дидактическая стихія въ Дѣписательскихъ повѣствованіяхъ оказывается вполне гарантированной въ своей исторической правдивости и литературной подлинности. Но тогда тѣмъ несомнѣннѣе

фактическая достовѣрность книги Дѣяній.

Писатель ея былъ апостольскій мужъ живыхъ традицій и изображаетъ многое, гдѣ былъ прямымъ участникомъ, двигавшимъ событія и пережившимъ во всѣхъ перепетіяхъ, почему для своей исторіографіи онъ въ значительной степени является и *actor* и *auctor*. Въ тоже время св. Лука былъ въ тѣсныхъ связяхъ съ самыми выдающимися личностями апостольской эпохи и чрезъ нихъ имѣлъ надежный доступъ къ обстоятельному и точному освѣдомленію. Значить, его матеріалъ — фактически реальный и исторически безспорный³⁾. И это впечатлѣніе возможной достовѣрности столь неостраимо, что категорически рекомендуется „въ отношеніи такого историческаго труда, какъ книга Дѣяній, критическая сдержанность даже для тѣхъ частей, которыя представляютъ нѣчто поразительное“, ибо „лучшее познаніе извѣстныхъ источниковъ и открытіе новыхъ изобличило несправедливость постѣшныхъ сужденій о первохристіанскомъ

¹⁾ Prof. A. d. Harnack, Die Apostelgeschichte, S. 16.

²⁾ Проф. Е. И. Мищенко, Рѣчи св. Апостола Петра въ книгѣ Дѣяній, стр. 305.

³⁾ По вопросу объ исторической достовѣрности книги Дѣяній см. и „The Church Quarterly Review“ LIII, 105 (October 1901), p. 8 sqq. (противъ Schmiedel’я); LV, 110 (January 1903), p. 388—405 (обзоръ тогдашней новой литературы).

преданіи“¹⁾. А если подойти къ Дѣянiямъ съ новѣйшими хронологическими требованіями, то они удовлетворяютъ даже высшимъ притязаніямъ насчетъ хронологическихъ датъ и въ рѣшающихъ пунктахъ, — насколько мы можемъ контролировать ихъ, — оказываются прочными, хотя и прискорбно отсутствіе непрерывности въ хронологической нити²⁾. Можно утверждать, что и касательно хронологическихъ неопредѣленностей эта работа является почтеннымъ историческимъ трудомъ, а въ цѣломъ — признаніе достовѣрности данной книги возвышается и детальнымъ изученіемъ хронографическаго метода автора во всемъ, гдѣ онъ говоритъ и гдѣ умалчиваетъ; въ общемъ, это есть подлинно историческое литературное произведеніе³⁾, способное выдержать конкуренцію съ аналогичными современниками и, напр., по хронологическимъ указаніямъ Лука иногда болѣе надеженъ, чѣмъ Филонъ⁴⁾. Не нужно забывать и то, что историографическая точность древнихъ писателей была весьма условная, и тутъ сопоставленіе съ ними новозавѣтныхъ авторовъ прекрасно иллюстрируетъ ихъ достоинства. „Если мы, — говоритъ проф. W. M. Ramsay — сравнимъ новозавѣтныя писанія съ наилучшими образцами классической литературы, то будемъ поражены гораздо болѣе многочисленнымъ затрудненіями въ послѣднихъ, чѣмъ въ первыхъ“ (ср. 144) Для конкретной наглядности достаточно одинъ красочный примѣръ. Въ 51 году до р. Хр. Цицеронъ путешествовалъ по Малой Азiи, о чемъ имѣется много его писемъ за данное время и за 2—3 дальнѣйшихъ мѣсяца. Не смотря на обиліе и детальность сообщеній и статистическихъ отмѣтокъ, — тамъ масса неясностей, вызывающихъ разногласія и споры при истолкованіи. По О. Е. Schmidt'у, 126 миль (не менѣе 155 километровъ) отъ Филомеміа до Иконіи Цицеронъ совершилъ въ три дня т. е. по 42 мили (около 52 километровъ) ежедневно, но для человѣка сидячей городской жизни въ 55 лѣтъ это невѣроятно, почему и самъ Schmidt считаетъ обычный дневной переходъ Цицерона въ 30 миль, а W. M. Ramsay понижаетъ до 25 ти. Однажды Цицеронъ говоритъ, что на своемъ пути онъ останавливался 2 дня въ Лаодикиіи, 5 — въ Атіамі, 3 — въ Синнадѣ, 3 — въ Филомеліѣ (epist. ad Atticum V, 20), въ другомъ мѣстѣ называетъ цифры 2, 4, 3, 3 (ep. ad Fam. XV, 4), въ третьемъ — 3, 3, 3 (ep. ad Att. V, 16): — и такіа разнорѣчія встрѣчаются въ письмахъ на раз-

¹⁾ Prof. Ad Harnack, Die Apostelgeschichte, S. 205.

²⁾ Prof. Ad Harnack, Die Apostelgeschichte, S. 45.

³⁾ Prof. Ad Harnack, Die Apostelgeschichte, S. 41.

⁴⁾ Prof. Ad Harnack, Neue Untersuchungen zur Apostelgeschichte, S. 80, 1.

стояніи лишь нѣсколькихъ дней! Также неустойчивость у Цицерона и въ датахъ насчетъ плановъ будущаго. За недолгое пребываніе въ Лаодикіи онъ дважды писалъ своему другу Аттику, что отправится въ Килилію около или послѣ 15 мая (ep. ad Att. V, 21. VI, 1), другому пріятелю тогда же назначалъ для сего время около 1 мая (ep. ad Fam. XIII. 57), еще въ двухъ письмахъ указывалъ 7-е мая (ep. ad Att. VI, 2; ad Fam. II, 13) ¹⁾.

Этотъ параллелизмъ, характеризующій основныя свойства сравниваемыхъ величинъ, позволяетъ намъ резюмировать окончательный итогъ въ томъ смыслѣ, что Дѣянія содержатъ матеріалъ богатый и возможно достоверный какъ въ дидактическихъ, такъ и въ повѣствовательныхъ частяхъ.

Пусть все это безспорно, но вѣдь обработка даже документальныхъ данныхъ бываетъ весьма различная по качеству и формачъ, а — слѣдовательно — и по достоинству. Значить, теперь необходимо разсмотрѣніе дѣла именно съ этой стороны, чтобы опредѣлить, сколь велика

историко литературная цѣнность книги Дѣяній.

Тутъ прежде всего важно, что св. Лука не перегружаетъ своего труда излишнимъ матеріаломъ и не нагромождаетъ его механически и безпорядочно, а — напротивъ — принимаетъ со строгимъ разборомъ, примѣняетъ съ разумною экономіей и располагаетъ по идейно выдержанному плану. Онъ проникаетъ своимъ духовнымъ взоромъ во внутренніе тайники разрозненныхъ фактовъ и — въ цѣломъ — созерцаетъ въ нихъ предначертанную издревле величественную картину неудѣжимаго возрастанія христіанскаго благовѣстія отъ славы іерусалимской въ силу Палестинскую ко свѣту во откровеніе всѣхъ языкозъ. У него настоящее покоится на прошломъ и предвѣщаетъ будущее, какъ это свойственно истиннымъ геніямъ, всегда витающимъ во всѣхъ трехъ направленіяхъ и сферахъ ²⁾. Здѣсь исторія естественно бываетъ стройнымъ пульсирующимъ организмомъ. Посему и у Дѣетисателя всѣ детали оживотворяются и живутъ, какъ била животворнымъ ключемъ самая апостольская жизнь. И если нѣтъ наибольшаго поруганія и тягчайшаго посрамленія для историка, что онъ мертвитъ въ

¹⁾ Sir W. M. Ramsay, The First Christian Century: Notes on Dr Moffatt, Introduction to the Literature of the New Testament (London 1911), p. 143—149.

²⁾ Prof. A. d. Harnack, Die Apostelgeschichte, S. 94.

школьных схемах и схоластически убивает своею механическою корректностію наличную дѣйствительность, то и для св. Луки наилучшею литературною рекомендаціей служить простое объективное констатированіе, что у него оживотворяются всѣ фактическія явленія животворящимъ ихъ зиждительнымъ духомъ.

Это свойство одинаково примѣнимо и къ широкой группировкѣ историческихъ данныхъ, которыя концентрируются вокругъ личностей Петра и Павла. Таковъ была господствующая манера наивысшей и образцовой древней историографіи, а у Дѣписателя она разворачивается во всемъ своемъ блескѣ, потому что особенно способствуетъ рельефному оттѣненію и точнѣйшему уразумѣнію историческаго движенія, которое вполне выражаетъ и раскрываетъ. Понять это не трудно и доказать легко. Св. Петръ наиболѣе выступаетъ на первыхъ страницахъ книги Дѣяній, и тутъ каждая строка проникнута его вліяніемъ, прямо и косвенно сводится къ нему. Но развѣ это не естественно, а искусственно? Вѣдь именно здѣсь рисуется намъ созиданіе христіанства на іудейской почвѣ и въ соприкосновенности со священными завѣтами Израиля, а св. Петръ былъ Апостоломъ обрѣзанія (Гал. II, 7, 9) и типическимъ выразителемъ принципа Израильскаго благовѣстія. Посему историкъ съ нимъ связываетъ всѣ нити не произвольно, ибо онѣ фактически сходились въ Петрѣ. Онъ былъ заправляющимъ, регулирующимъ и объединяющимъ центромъ, — и Дѣписатель вполне законно смотритъ отсюда по всѣмъ периферіямъ даннаго круга на апостольскомъ небосводѣ. Однако этотъ центръ неизбѣжно долженъ былъ перемѣститься въ согласіи съ предначертаннымъ ходомъ Евангелія, вышедшаго за границы іудейства и чрезъ эллинизмъ простершагося на весь міръ. Натурально, что при столь необъятномъ горизонтѣ измѣняется вся перспектива, и на ней выдѣляются новыя доминирующія фигуры. Предъ нами теперь обширный просторъ языческой вселенной, покрытой вѣковымъ мракомъ со слабыми проблесками „свѣтлаго во тьмѣ свѣта“. Ихъ нужно было раздуть въ живой пламень неугасимаго огня, не мерцающаго въ своемъ блескѣ, всюду органически проникающаго и все согревающаго энергіею возрожденія. Само собою понятно, что совершившій этотъ историческій подвигъ и долженъ былъ всего отчетливѣе сіять на озаренномъ фонѣ orbis Romani, а таковымъ былъ св. Павелъ. Неудивительно, что отселѣ почти базисъ выдвигается его великая миссіонерская личность, поелику въ ней былъ и источникъ и фокусъ всемірной евангелизації, какъ и de facto онъ былъ Апостоломъ необрѣзанія и служителемъ благовѣстія у язычниковъ.

Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ частнѣйшая, персонали-

стическая группировка совпадаетъ съ подлиннымъ христіанскимъ прогрессомъ, раскрывая его со стороны внутреннихъ мотивовъ и во внѣшнемъ конкретномъ обнаруженіи. И подобная гармонія идейнаго съ дѣйствительнымъ, общаго съ индивидуальнымъ есть прекраснѣйшее качество объективно-историческаго изображенія, если оно не хочетъ забывать, что жизни не бываетъ безъ принципиальныхъ основъ и что она успѣшно создается ея лучшими носителями, которые покоряютъ косныя массы и возбуждаютъ ихъ къ активности. При такой композиціи всего произведенія — и частные эпизоды входятъ въ цѣлое, усиливая художественное впечатлѣніе, какъ тоны и полутоны на картинѣ истиннаго мастера.

Все сказанное достаточно опредѣляетъ научно-литературныя достоинства исторіографіи Дѣяній и вызываетъ справедливыя похвалы компетентныхъ авторитетовъ. Здѣсь наиболѣе отчетливъ и внушительнъ голосъ проф. Ад. Гарнака, вѣсторонне и критически изучившаго разсматриваемую книгу. Общая тема ея заключалась въ томъ, чтобы исторически представить силу духа Христова въ Апостолахъ ¹⁾, поскольку Лука справедливо считаетъ только ихъ полномощными для христіанской миссіи ²⁾. Но для сего требовалось проникновенное постиженіе самой сущности Евангелія Христова во всѣхъ его неисчислимыхъ и многообразныхъ проявленіяхъ, почему самая мысль цѣлостнаго и точнаго воспроизведенія событій именно въ этомъ освѣщеніи была сколько простою, столько же и геніальной ³⁾. Но первохристіанство было слишкомъ густо окрашено іудаистическимъ колоритомъ, и нужно было непосредственное соприкосновение съ нимъ и близкое знакомство ⁴⁾, чтобы вѣрно угадать и раскрыть его истинную природу. Съ этой стороны самое предпріятіе описать дѣло въ такомъ тонѣ являлось необыкновеннымъ мужествомъ ⁵⁾, а плодомъ его было то, что Лука оказался первымъ историкомъ Церкви, который въ своемъ первоклассномъ по композиціи и по стилю трудѣ далъ нѣчто совершенно исключительное и непреходящее ⁶⁾. Тутъ мы имѣемъ правильно развивающійся историческій образъ, гдѣ апостольско-церковная исторія органически связывается съ евангеліею, и обѣ получаютъ прочную устойчивость взаимной и собственной преемственности; въ этомъ отношеніи

¹⁾ Prof. A d. H a r n a c k, Die Apostelgeschichte, S. 4, 6.

²⁾ *ibid.*, S. 15.

³⁾ *ibid.*, S. 5, 6.

⁴⁾ *ibid.*, S. 2, 10.

⁵⁾ Prof. A d. H a r n a c k, Lukas der Arzt, S. 103.

⁶⁾ *ibid.* S. 102.

Дѣписатель оказывается создателемъ апостольской традиціи наряду съ евангельскою ¹⁾, а его произведеніе есть не только дѣйствительный историческій трудъ въ своей совокупности, но и надежный во множествѣ своихъ деталей ²⁾, удачно дополняющій Павловы посланія ³⁾. Безспорный спеціалистъ въ области древне классической греческой литературы, покойный профессоръ Фридрихъ Бляссъ категорически свидѣтельствуегъ о Дѣянїяхъ, что „эта книга не просто выдѣляется по своему прекрасному строенію, но и обнаруживаетъ такое искусство, которое было бы ничуть не недостойно писателя греческаго или римскаго“ ⁴⁾. Другой авторитетный свѣтскій профессоръ (of Humanity) W. M. Ramsay въ своихъ многочисленныхъ статьяхъ и специальныхъ изслѣдованїяхъ выражаетъ искреннее удивленіе и глубокое почтеніе предъ исторіографическимъ трудомъ св. Луки и ставитъ его чуть ли не выше всѣхъ однородныхъ произведеній какъ по общей концепціи, такъ и по литературной обработкѣ деталей.

Присоединяясь вполне къ этимъ заслуженнымъ отзывамъ, мы со своей стороны должны прибавить, что высокое художество Дѣписателя состоитъ собственно въ строгой вѣрности и вдохновенной яркости воспроизведенія спасительныхъ дѣлъ божественнаго Художника, мастерски собирая въ литературной концентраціи живительно сіяющіе лучи солнца правды во Христѣ Исусѣ. Этимъ и мотивируется и гарантируется въ новозавѣтномъ канонѣ

священно-догматическое значеніе книги Дѣянїй,

что она точно и неотразимо показываетъ божественное строеніе Церкви Христовой на землѣ для искупительнаго обновленія человѣчества во вся роды вѣка. Будучи сверхъестественнымъ плодомъ безконечной любви Божіей, христїанство обязательно требуетъ божественнаго совершителя, независимаго отъ космически стихійныхъ ограниченій, но преобразующаго ихъ верховною силой. Только въ этомъ случаѣ оно будетъ прочнымъ по своему основанію и благодатнымъ въ своемъ вліяніи. Само собою понятно, что этотъ элементъ истинной божественности одинаково необходимъ и въ дальнѣйшемъ развитіи, поелику тутъ даже малѣй-

¹⁾ Prof. A d. H a r n a c k, Die Apostelgeschichte, S. 224.

²⁾ ibid., S. 222.

³⁾ Prof. A d. H a r n a c k, Lukas der Arzt, S. 117.

⁴⁾ Prof. F r i d e r i c u s B l a s s, Acta Apostolorum I, p.13.

шее уклоненіе отъ этой нормы грозитъ превращеніемъ царствъ нно властвующаго начала въ рабски приспособительное. Посему обязательно, что божественное на Голгоѣ должно быть таковымъ и въ исторіи по всей вселенной.

Книга Дѣяній объективнымъ повѣствовательнымъ путемъ убѣждаетъ до осязательности, что это существенное требованіе соблюдалось въ историческомъ процессѣ всегда и съ неизмѣнностію. Земная миссія Господа кончилась, и Онъ возносится къ Отцу Своему. Тѣмъ не менѣе ученики не остаются сырыми и получаютъ обѣтованіе объ Утѣшителѣ, Который пребудетъ съ ними во вѣкъ. Это — Духъ Святой, равночестный и равносущный, имѣющій и могущій продолжать дѣло Христово съ адекватною божественностію. Отнынѣ Онъ является главнѣйшимъ движущимъ факторомъ христіанства, его возаращающею и сохраняющею силой. Въ этомъ отношеніи христіанское процвѣтаніе принципиально было вполне обезпечено и не могло колебаться фактически. И мы знаемъ, что Апостолы оставались въ уединенномъ безмолвіи до тѣхъ поръ, пока не были озарены свыше, — и лишь теперь открывается ихъ проповѣдническое благовѣстничество. Послѣднее чрезъ Духа было Христовымъ и свою божественную внѣмѣтность ярко обнаруживало сопутствующими знаменіями и чудесами (ср. Мр. XVI, 20) во всѣ важнѣйшіе моменты исторической первохристіанской жизни. Изъ этого уже прямо вытекало, что божественная энергія располагала орудіями и способными и достойными для воплощенія ея плановъ. Это несомнѣнно до непоколебимости, разъ всюду являються на страницахъ Дѣяній Апостолы Христовы, носители обѣтованій Господа и истинные преемники Его земного служенія. Поэтому и подвигъ ихъ не менѣе незыблемъ и содержитъ въ себѣ всѣ ручательства божественной спасительности. Вся важность здѣсь сосредоточивается именно въ принципѣ апостольскаго строительства Церкви Христовой, — и онъ совершенно безспоренъ для нея по верховенству св. Петра въ первый періодъ и по доминирующей активности богоизбраннаго Павла во второй. О всѣхъ частностяхъ говорить не было надобности, потому что ихъ солидарность предполагается самою стройностію движенія. При такихъ условіяхъ было невозможно, чтобы цѣль оказалась невыполненною или пострадала въ своей чистотѣ при фактической реализаціи. И тутъ всячески непреложно, что заповѣдь Христова — объ апостольскомъ свидѣтельствѣ, силою Духа, въ Іерусалимѣ и во всей Іудеѣ и Самаріи и даже до края земли (Дѣян. I, 8) — была опредѣляющею нормой христіанскаго благовѣствованія, всецѣло проникала и неуклонно руководила имъ на всѣхъ стадіяхъ поступательнаго шествованія Евангелія Христова. Вотъ почему христіанскій ростъ идетъ съ послѣдовательною постепенностію, чуж-

дою и вынужденнаго коснѣнія и человѣческой торопливости, ибо онъ нерасторжимъ отъ внутренняго самообладанія и увѣренъ въ своемъ торжествѣ. Неудивительно, что христіанство достигаетъ полнаго успѣха и въ гражданскомъ центрѣ государственнаго господства пріобрѣтаетъ владычество надъ вселенной (Кол. II, 23). Это совпаденіе божественнаго осуществленія божественными средствами соотвѣтственно божественному предначертанію было величайшею гарантіей будущаго, его вѣчной несокрушимости и неисчерпаемой жизненности. Церковь — Христова въ своемъ основаніи и Основатель — была Христовою чрезъ своихъ провозвѣстниковъ и въ самомъ распространеніи, почему останется Христовой и во все теченіе земного міробытія: — вотъ неизблемый итогъ Дѣписательской исторіографіи въ увѣнчаніи евангельскаго обоснованія апостольскимъ строительствомъ и въ божественномъ обезпеченіи его будущаго абсолютнаго торжества, когда будетъ Богъ всяческая во всѣхъ (1 Кор. XV, 23).

Стр. 92, 20, 19 св. вызывали . . . долженъ .

Софія (Болгарія). 1930, V, 12 (IV, 29) - понедѣльникъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРН.

Внутренняя историографическая связь третьяго Евангелія и книги Дѣяній	5 — 6.
Писатель третьяго Евангелія и книги Дѣяній по указанію ихъ	6 — 15.
Св. Лука - писатель третьяго Евангелія и книги Дѣяній	15 — 28.

ГРЕТЬЕ ЕВАНГЕЛІЕ.

Источники и условія происхожденія третьяго Евангелія	29 — 34.
Задача и характеръ третьяго Евангелія	34 — 38.
Объемъ источниковъ и способъ пользованія ими у третьяго Евангелиста	38 — 48.
Литературныя юстинства историографическихъ трудовъ св. Луки	48 — 65.
Цѣль третьяго Евангелія	66 — 74.
Ближайшее предназначеніе третьяго Евангелія	74 — 78.
Время изданія третьяго Евангелія	78 — 81.
Мѣсто написанія третьяго Евангелія	81 — 82.
Подлинность третьяго Евангелія	82 — 83.
Текстъ третьяго Евангелія въ теперешней редакціи	83 — 92.
Анализъ содержанія третьяго Евангелія	92 — 107.
Планъ третьяго Евангелія	107 — 108.
Общій характеръ повѣствовательной изобразительности въ гетьемъ Евангеліи	108 — 111.

КНИГА ДѢЯНІЙ СВ. АПОСТОЛОВАЪ

Положеніе и значеніе книги Дѣяній въ новозавѣтномъ канонѣ	112 — 113.
Наименованіе книги „Дѣянія Апостоловъ“ по сравненію съ ея содержаніемъ	113 — 116.
Цѣль и характеръ апостольской историографіи	116 — 118.
Содержаніе книги Дѣяній	118 — 123.
Фактически-художественный объективизмъ изображенія и законченность книги Дѣяній	123 — 131.
Единство автора книги Дѣяній съ устраненіемъ гипотезъ о механической компилятивности изъ разныхъ источниковъ	131 — 136.

Языкъ книги Дѣяній	137 — 139.
Историческая достовѣрность книги Дѣяній	139 — 151.
Фактическая достовѣрность книги Дѣяній по источнику свѣдѣній	152 — 154.
Дѣписатель — спутникъ св. Павла	155 — 159.
Дѣписатель — Евангелистъ Лука	159 — 167.
Подлинность книги Дѣяній	167 — 169.
Время изданія книги Дѣяній	169 — 172.
Мѣсто изданія книги Дѣяній	173.
Достовѣрность сообщаемыхъ въ книгѣ Дѣяній рѣчей:	
I) св. Апостола Павла	174 — 185.
II) св. Апостола Петра	185 — 189.
III) Архидіакона Стефана	189 — 193.
Фактическая достовѣрность книги Дѣяній	193 — 195.
Историко-литературная цѣнность книги Дѣяній	195 — 198.
Священно-догматическое значеніе книги Дѣяній	198 — 200.

